

**ВАЖНЕЙШИЕ
КОНЦЕПЦИИ
ТЕОРИИ
АРГУМЕНТАЦИИ**

**CRUCIAL
CONCEPTS
IN
ARGUMENTATION
THEORY**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Санкт-Петербург 2006

Crucial Concepts in Argumentation Theory

**Amsterdam
Amsterdam University Press
2001**

Важнейшие концепции теории аргументации

Санкт-Петербург
Филологический факультет СПбГУ
2006

Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ.
В12 В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 296 с.

ISBN 5-8465-0396-9

Предлагаемая книга продолжает серию изданий, опубликованных представителями амстердамской школы исследователей аргументации и переведенных на русский язык преподавателями кафедры английской филологии и перевода филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Переводчиками сделана попытка сформировать русскоязычный терминологический аппарат и сопоставить его с оригинальными англоязычными терминами. Поскольку теория аргументации в России — сравнительно молодая наука, выход в свет этого издания откроет широкие перспективы для развития исследований в отечественной гуманитарной науке.

Для всех интересующихся проблемами построения убедительной речи, ведения дискуссий и дебатов в разных сферах делового и повседневного общения.

ББК 81.2

Ответственный редактор *О. С. Капполь*
Редактор *М. М. Козлова*
Корректоры *И. М. Анисимова, Л. А. Макеева*
Верстка *С. В. Кузнецова*
Художник *С. В. Лебединский*

© В. Ю. Голубев, С. А. Чахоян, К. В. Гудкова,
пер. с англ., 2006

© Филологический факультет СПбГУ, 2006

© Amsterdam University Press, 2001

© С. В. Лебединский, оформление, 2006

ISBN 5-8465-0396-9

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 10.04.2006.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 500 экз. Заказ № 70.

Филологический факультет СПбГУ.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «ИПК «Бионт»»

199026, С.-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86, тел. (812) 320-52-85.

Оглавление

Предисловие переводчиков	9
Предисловие редактора	11
1. <i>Франс Х. ван Еемерен. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ</i>	14
1.1. Исследование процесса аргументации	14
1.2. Некоторые важнейшие понятия	22
1.3. Обзор книги	30
Библиография	32
2. <i>Питер Хоутлоссер. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ</i>	34
2.1. Введение	34
2.2. Различные концепции точек зрения	35
2.2.1. Античная и формальная диалектика	35
2.2.2. Прагма-диалектика	39
2.2.3. Социо-психологические исследования убеждения	42
2.2.4. Рассуждение в свете когнитивной теории	44
2.2.5. Анализ аргументативного дискурса	45
2.2.6. Структуралистская неформальная логика	47
2.2.7. Процедурная неформальная логика	48
2.2.8. Защита точки зрения и дебаты	50
2.2.9. Теория речевых действий	51
2.3. Перспективы исследований	54
Библиография	61
3. <i>Сюзанн Герритсен. НЕВЫРАЖЕННЫЕ ПОСЫЛКИ</i>	64
3.1. Введение	64
3.2. Две традиционные концепции	65
3.3. Различия между дедуктивными и индуктивными концепциями	68
3.3.1. Плюрализм	69

3.3.2. Современный дедуктивизм	71
3.3.3. Ни плюрализм, ни дедуктивизм	74
3.4. Природа невыраженных посылок	77
3.4.1. Расхождения в определениях	77
3.4.2. Невыраженная посылка как заполнитель пробела	82
3.4.3. Используемая или необходимая посылка	84
3.5. Роль контекста	86
3.5.1. Определение понятия «контекст»	87
3.5.2. Позиция аналитика	89
3.6. Схемы аргументации	91
3.7. Выводы	93
Библиография	95
4. Барт Гаррсен. СХЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ	99
4.1. Введение	99
4.2. Схемы аргументации и проблема выявления аргументов	100
4.2.1. Античная топическая традиция	100
4.2.2. Риторика Р. Уэйтли	102
4.2.3. «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки	103
4.3. Аргументативные схемы и оценка аргументации	106
4.3.1. Американские учебные пособия по ведению студенческих дебатов	106
4.3.2. Классификация типов оснований Хастингса	108
4.3.3. Классификация форм разумной аргументации П. Шелленса	111
4.3.4. Прагма-диалектическая типология схем аргументации	113
4.4. Схемы аргументации и описание аргументативного дискурса	115
4.5. Выводы	117
Библиография	121
5. Франсиска Снук Хенкеманс. СТРУКТУРЫ АРГУМЕНТАЦИИ	123
5.1. Введение	123
5.2. Исторический обзор	125
5.2.1. Античная риторика	125
5.2.2. Риторика эпохи Просвещения	128
5.2.3. Первые учебные пособия	131
5.3. Современные концепции	134
5.3.1. Различия между учебными пособиями	135
5.3.2. Теоретические концепции	144
5.4. Методы анализа в спорных случаях	150
5.5. Выводы	153
Библиография	159

6. Франс Х. ван Еемерен. ОШИБКИ В АРГУМЕНТАЦИИ	162
6.1. Введение	162
6.2. Краткий обзор исследований в области аргументативных ошибок	163
6.2.1. Концепция аргументативных ошибок Аристотеля	163
6.2.2. Идолы и софизмы	169
6.2.3. Ошибки апеллирования	170
6.2.4. Силлогистические и индуктивные ошибки	173
6.2.5. Трактовка ошибок в учебниках по логике	174
6.3. Современные концепции аргументативных ошибок	179
6.3.1. Критика Хемблином «стандартной трактовки» аргументативных ошибок	179
6.3.2. Концепции аргументативных ошибок после труда Хемблина	183
6.3.3. Концепция Вудса — Уолтона	185
6.3.4. Формально-диалектическая концепция	188
6.3.5. Прагма-диалектическая концепция	189
6.3.6. Прагматическая концепция Д. Уолтона	192
Библиография	195
7. М. Аньес ван Реес. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ АРГУМЕНТАЦИИ	198
7.1. Введение	198
7.2. Интерпретация аргументации	200
7.2.1. Общие характеристики организации рассуждения	200
7.2.2. Характеристики аргументативного дискурса	205
7.2.3. Когнитивные процессы	211
7.3. Реконструкция аргументации	214
7.3.1. Логика	215
7.3.2. Неформальная логика	217
7.3.3. Риторика	222
7.3.4. Прагма-диалектика	224
7.4. Выводы	230
Библиография	234
8. Эвелин Т. Фетерис. АРГУМЕНТАЦИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВА	239
8.1. Введение	239
8.2. Различные концепции юридической аргументации	242
8.2.1. Логическая концепция	242
8.2.2. Риторическая концепция	244
8.2.3. Диалогическая концепция	249
8.3. Различные компоненты исследования юридической аргументации	251
8.3.1. Философский компонент	251
8.3.2. Теоретический компонент	252

8.3.3. Аналитический компонент	253
8.3.4. Эмпирический компонент	255
8.3.5. Практический компонент	256
8.4. Выводы	258
Библиография	261
Указатель имен	269
Указатель терминов	275
Авторы глав	292

Предисловие переводчиков

Данная книга является четвертым трудом представителей амстердамской школы исследователей аргументации, переведенным на русский язык преподавателями кафедры английской филологии и перевода филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В 1992 г. вышла в свет книга «Аргументация, коммуникация и ошибки» Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, заложившая фундамент прагма-диалектической теории аргументации. В 1994 г. была опубликована книга Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста «Речевые акты в аргументативных дискуссиях». И, наконец, в 2002 г. было издано учебное пособие Ф. Х. ван Еемерена, Р. Гроотендорста и Ф. С. Хенкеманс «Аргументация: анализ, проверка, представление».

Преподаватели кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета и кафедры английской филологии и перевода СПбГУ сотрудничают также и в научной сфере. Между кафедрами более 10 лет осуществляется научный обмен, члены кафедр регулярно участвуют в научных конференциях в Амстердаме и Санкт-Петербурге. В сотрудничестве с кафедрой логики философского факультета СПбГУ издается интернет-журнал «Аргументация. Интерпретация. Риторика».

Данная книга является обзором мировых исследований в области теории аргументации — теории, которая является сравнительно новой для российской науки. В связи с этим перед переводчиками стояла задача не только перевести на русский язык информацию о развитии теории аргументации за рубежом, но и заложить основу русскоязычного терминологического аппарата, а также обеспечить возможность его сравнения с оригинальными английскими терминами и терминами на других языках. Поэтому все основные термины теории аргументации даны в книге как в переводе, так и в оригинале. Это позво-

лит всем заинтересованным в проблемах аргументации, знающим соответствующие иностранные языки, продолжить изучение изложенных в книге концепций в оригинале.

Второе важное решение, касающееся стратегии перевода, заключалось в том, чтобы указывать оригинальные термины не только один раз, когда они впервые встречаются в тексте, но и вводить их заново в каждой главе. Мы пошли на утяжеление текста по следующей причине. Книга «Важнейшие концепции теории аргументации» является скорее тематическим сборником обзоров научных изысканий, чем цельным повествованием о теории аргументации. Авторы одних глав никак не ссылаются на материал других глав книги, концентрируясь на исследованиях в рамках лишь своей темы. Каждая глава представляет собой рассуждение отдельного автора, основанное на понятиях теории коммуникации и организованное вокруг интересующей его темы. Вся же книга является суммой всех этих рассуждений. Поэтому для того, чтобы читатель имел возможность ознакомиться с оригинальными терминами, обращаясь только к интересующей его теме, нами было принято решение повторно приводить ранее встречавшиеся оригинальные термины в каждой главе.

Хотелось бы обратить внимание читателей на многозначность английского термина *argument*. Данный термин является ключевым в книге и поэтому требует особого описания. Английский термин *argument* может означать как (а) полное умозаключение, включающее посылку (-и) и вывод, так и (b) часть умозаключения, а именно посылку вывода; (с) термин *argument* также может употребляться в значении «расширенного» умозаключения и обозначать аргументацию всего дискурса, в котором участвует целый ряд умозаключений; наконец, (d) термин *argument* применяется для обозначения понятия «спор». В связи с этим в случаях (а) и (с) мы используем следующие русские эквиваленты: умозаключение, рассуждение и аргументация, а в случае (b) — довод, аргумент, суждение.

Переводчики выражают благодарность выпускнику юридического факультета СПбГУ, магистру права Эдинбургского университета С. Матюнину за неоценимую помощь при переводе главы «Аргументация в области права».

Перевод и опубликование книги осуществлено при финансовой поддержке международного центра изучения аргументации SICSAT (г. Амстердам).

Предисловие редактора

Все исследования аргументации, независимо от того, в рамках какого направления работают их авторы и какой подход к аргументации они отстаивают, направлены на дальнейшее развитие теории аргументации. Многие из этих работ содержат оригинальное исследование проблем теории аргументации и отличаются творческим подходом к предмету исследования. Все они являются важным вкладом в развитие теории аргументации. Другие исследования содержат своего рода перевод теоретических трактатов с содержащимися в них открытиями и проблемами с языка научных публикаций на язык, доступный широкому читателю. Учебники для студентов и обзоры научной литературы по теме также очень важны для укрепления позиций аргументативной теории. В них для будущих исследователей систематически излагаются основные положения той теории, которую они будут развивать, книга «Важнейшие концепции теории аргументации» («Crucial Concepts in Argumentation Theory») принадлежит к работам именно этого типа.

Целью работы исследовательской группы кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета является разработка прагма-диалектического метода анализа аргументативного дискурса как компонента общей теории аргументации. Результаты проводимой ею работы опубликованы в следующих монографиях: «Речевые акты в аргументных дискуссиях» («Speech Acts in Argumentative Discussions»)¹ и «Аргументация, коммуникация и ошибки» («Argumentation, Communication, and Fallacies») (van Eemeren and Grootendorst, 1984, 1992 соответственно)², «Анализ сложной аргументации» («Analyzing Complex Argumentation») (Snoeck Henkemans, 1992), «Прагма-диалектические исследования» («Studies in Pragma-Dialectics») (под ред. van Eemeren and Grootendorst, 1994) и «Реконструкция аргументативного дискурса»

(«Reconstructing Argumentative Discourse») (van Eemeren, Grootendorst, Sally Jackson and Scott Jacobs, 1994). В 2001 г. ван Еемеереном, Гроотендорстом и Снук Хенкеманс был издан учебник по основам прагма-диалектической теории аргументации под названием «Аргументация» («Argumentation»)³.

Общий обзор различных взглядов на аргументацию с древних времен до настоящего времени изложен в книге «Основы теории аргументации» («Fundamentals of Argumentation Theory»), которая представляет собой результат международного сотрудничества. Авторами книги являются ван Еемеерен, Гроотендорст, Снук Хенкеманс; свой вклад внесли также Энтони Блэр (J. Anthony Blair), Ральф Джонсон (Ralph Johnson), Кристиан Плантин (Christian Plantin), Дуглас Н. Уолтон (Douglas N. Walton), Чарльз А. Виллард (Charles A. Willard), Джон Вудс (John Woods) и Дэвид Заревски (David Zarefsky). Книга вышла в 1996 г. За этой книгой последовала аналогичная по структуре книга Эвелин Т. Фетерис (Evelin T. Feteris) «Основы юридической аргументации» («Fundamentals of Legal Argumentation», 1999).

Книга «Важнейшие концепции теории аргументации» наиболее близка по содержанию к тем пособиям, которые создаются для студентов, т. е. к книгам «Аргументация» и «Основы теории аргументации». Она состоит из ряда критических обзоров наиболее известных направлений исследования принципов аргументации. Авторы книги — Франс Х. ван Еемеерен (Frans H. van Eemeren), Питер Хоутлоссер (Peter Houtlosser), Сюзанн Герритсен (Susann Gerritsen), Барт Гарссен (Bart Garssen), А. Франциска Снук Хенкеманс (A. Francisca Snoeck Henkemans), М. Аньес ван Реес (M. Agnes van Rees) и Эвелин Т. Фетерис (Eveline T. Feteris) — стремятся дать читателям четкое представление об основных взглядах и подходах, представленных в теории аргументации. Многие из вошедших в книгу статей были опубликованы раньше в первых номерах журнала «Аргументация» («Argumentation»). Для этой книги, однако, они были значительно переработаны. Авторы выражают благодарность всем коллегам — членам Международного общества исследователей аргументации (International Society for the Study of Argumentation (ISSA)) за помощь в формулировке идей книги и в ее написании. Особую благодарность за помощь в осуществлении данного проекта авторы приносят Дж. Энтони Блэру (J. Anthony Blair), Труды Говье (Trudy Govier), Хансу Хансену (Hans Hansen), Скотту Джейкобсу (Scott Jacobs), Эрику С. У. Краббе (Erik C. W. Krabbe), Майклу Леффу (Michael Leff), Ли Полкар (Leah Polcar), Дугласу Н. Уолтону (Douglas N. Walton) и Джону Вудсу (John

Woods), а также Полу Нартегеалу (Paul Nagtegaal) за его неоценимую помощь в подготовке рукописи к публикации. Авторы надеются, что книга «Важнейшие концепции теории аргументации» будет полезным пособием для всех, кто занимается изучением аргументации.

*Франс Х. ван Еемерен,
19 января 2001 г., Амстердам*

Примечания

¹ См. перевод книги на русский язык: *Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях. СПб.: Нотабене, 1994.

² См. перевод книги на русский язык: *Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: Васильевский остров, 1992.

³ См. перевод книги на русский язык: *Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф. С.* Аргументация: анализ, проверка, представление: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

обсуждения» (field independent). Это означает, что приемы, применяемые в ходе аргументации в соответствии с данной моделью, всегда одни и те же, независимо от области, к которой относится предмет обсуждения. Тип поддержки основания, напротив, зависит от того, о чем идет речь. Например, оправдание поступка в этическом плане требует совсем других доказательств, чем оправдание того же действия с юридической точки зрения. С. Тулмин, таким образом, делает вывод о том, что критерии оценки состоятельности аргументации «зависят от области, к которой относится предмет обсуждения» (field dependent).

«Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки

Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека (Perelman and Olbrechts-Tytca) в книге «Новая риторика» («La nouvelle rhétorique», 1958; английский перевод 1969 г.) дают обзор наиболее часто применяющихся «приемов аргументации» (argumentation techniques). Они считают аргументацию состоятельной, если большинство слушателей, которых хотят убедить, выражают согласие с защищаемой точкой зрения. Таким образом, в рамках новой риторики состоятельность аргументации оценивается по степени ее воздействия на аудиторию. Эта аудитория может быть «конкретной» (particular audience) или «универсальной» (universal audience): в любом случае это люди, которые для говорящего (или пишущего) являются воплощением разумности.

Вклад Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки в теорию аргументации заключается прежде всего в том, что они выделили обширный список элементов, которые могут служить отправной точкой или аргументативной схемой при создании аргументации, направленной на убеждение аудитории. Так, с помощью «квазилогической» аргументативной схемы, похожей в какой-то степени на логически корректную форму аргументации (logically valid argument form), можно иногда создать у аудитории впечатление, что выдвинутая точка зрения была обоснована корректно. Еще один способ обоснования точки зрения заключается в использовании такой схемы аргументации, как, например, рассуждение по аналогии. С ее помощью «реальная действительность структурируется» таким образом, что у аудитории создается убеждение, что защищаемая точка зрения приемлема, потому что она аналогична той, с которой они уже ранее согласились.

Неформальная логика

В 70-е гг. XX в. в Канаде и США получил распространение новый подход в изучении аргументации, известный под названием «неформальной логики» (informal logic). Причиной его возникновения была неудовлетворенность исследователей тем, как аргументация трактовалась в учебниках по логике. Начиная с 1978 г. журнал «Неформальная логика», издаваемый Д. Э. Блэром и Р. Джонсоном, стал рупором нового направления. Неформальная логика не является новым типом логики, а представляет собой особое направление в нормативном изучении аргументации, встречающейся в обычном речевом общении, в котором анализ больше приближен к практике аргументирования, чем к постулатам формальной логики (Blair and Johnson, 1987).

Неформальная логика ставила перед собой цель создать нормы и процедуры интерпретации, оценки и построения аргументации. Ее отправной точкой являлось положение о том, что аргументация должна быть состоятельной с логической точки зрения, т. е. аргументация должна характеризоваться чем-то большим, чем просто формально-логическая правильность, однако, чем именно, еще оставалось не ясным. С другой стороны, для сторонников неформальной логики были важны в первую очередь отношения между посылками и заключениями аргументации и что их интерес не сводился только к изучению рассуждений, направленных на убеждение.

В своей книге Р. Джонсон и Д. Э. Блэр (Johnson and Blair, 1993) объясняют, что они имеют в виду под неформально-логической альтернативой формальному критерию дедуктивной правильности аргументации (deductive validity). По их мнению, посылки в аргументации должны удовлетворять трем критериям: (а) релевантности (relevance), (b) достаточности (sufficiency) и (с) приемлемости (acceptability). Эти критерии были введены в книге «Логическая самозащита» («Logical Self-Defense»). Сейчас они используются, хотя иногда и под другими названиями, другими представителями неформальной логики (см., например: Govier, 1987). Под критерием релевантности понимается наличие или отсутствие адекватной содержательной связи между исходными посылками и выводом аргументации. Критерий достаточности служит для определения того, содержится ли в посылках достаточно оснований для выдвижения заключения. Наконец, критерий приемлемости служит для определения того, являются ли посылки истинными, вероятными или в каком-либо ином смысле заслуживающими доверия.

Радикальный аргументативизм

О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбр в начале 70-х гг. предложили в ряде своих публикаций (из которых почти все написаны на французском языке) лингвистический подход к проблеме использования языковых средств в аргументации. Поскольку Ж.-К. Анскомбр и О. Дюкро (Anscombre and Ducrot, 1983) считают, что все высказывания, которые подводят слушателя или читателя к какому-либо выводу (часто имплицитно), имеют аргументативную природу, они называют свою концепцию *радикальным аргументативизмом* (radical argumentativism).

О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбр отмечают, что такие слова, как «только», «не менее чем», «но», «даже», «все же», «так как» и «поэтому» могут выступать как «аргументативные операторы» (operators) или «аргументативные связки» (connectors), придавая высказываниям ту или иную *аргументативную силу* (argumentative force) и *аргументативную направленность* (argumentative direction). В определенном контексте предложение «Кольцо стоит всего сто евро» может подразумевать вывод «Купите это кольцо», а предложение «Кольцо стоит не меньше ста евро», напротив, подразумевает вывод «Не покупайте это кольцо».

Другое наблюдение, сделанное О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбром, заключается в том, что союз «но» только определяет направленность вывода, но не указывает на его содержание. Содержание же вывода зависит от контекста и ситуации, в которой данное высказывание произносится. Какой бы вывод ни был сделан в том или ином контексте, присутствие союза «но» всегда указывает на то, что вывод будет противоположен тому, о чем говорится в той части высказывания, которая предшествует союзу «но», а также будет «сильнее» утверждения, содержащегося в предшествующей союзу «но» части. По мнению О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра, противоположный смысл, выражаемый союзом «но», в предложениях типа «Пол богат, но он женат» подразумевает два разных «аргументативных принципа» (argumentative principles), что соответствует понятию *топосов* (topoi) в античной риторике (van Eemeren et al., 1996). Х. Нольке (Nolke, 1992), рассматривая этот пример, указывает, что этими принципами являются следующие: «Чем богаче мужчина, тем больше желания возникает у женщин узнать его поближе» и «Чем сильнее мужчина связан с какой-то другой женщиной, тем меньше желания возникает у женщин узнать его поближе». В подобном случае последний *топос* (topos) представляет собой более сильный аргумент, чем пер-

вый, что ведет к тому, что последний топос как бы *отменяет* первый. Таким образом, именно последний топос определяет направление аргументативного развития исходного предложения, указывая на имплицитный вывод вида «Нет смысла пытаться узнать Пола поближе».

Современные диалектические концепции

Для современных сторонников диалектического направления аргументация — это часть процедуры, использующейся с целью разрешения разногласий путем регулируемой дискуссии. Сторонники диалектического подхода стремятся создать надежные правила, нацеленные на устранение разногласий. Эти правила должны быть также «конвенционально корректными» (*conventionally valid*), т. е. удовлетворять конвенциям или общественным договорам. Это подразумевает, что они должны характеризоваться приемлемостью для большинства людей (Barth and Krabbe, 1982. S. 21–22). При разработке правил аргументирования для тех пользователей языка, которые хотят прийти к согласию через критическую дискуссию, «новые диалектики» (*new dialecticians*) опираются на идеи, выдвинутые Р. Крошей-Уильямсом и А. Нассом (Crawshay-Williams and Naess), и на идеи П. Лоренцена (Lorenzen), К. Лоренца (Lorenz) и других участников Эрлангенской программы (Erlangen School).

Первые шаги в направлении создания новой диалектической концепции были представлены в работах Э. Барта и Э. Краббе (Barth and Krabbe). В своей книге «От аксиомы к диалогу» («From Axiom to Dialogue») они описали «формально-диалектическую» процедуру («*formal-dialectical*» procedure), направленную на определение приемлемости той или иной точки зрения в свете некоторых общих точек отсчета (*starting points*) или «допущений» (*concessions*). Термин *формальная диалектика* (*formal dialectics*) был введен еще Ч. Хемблином (Hamblin, 1970). При этом под понятием «формальный» подразумевается строго регламентированная форма игры-диалога и диалогической игры (*dialogue game*). В диалогической логике (*dialogue logic*) аргументация — это диалогическая игра между проponentом (*proponent*) и оппонентом (*opponent*) какого-либо тезиса. Совместными усилиями противоборствующие стороны стараются определить, можно ли успешно защитить выдвигаемую точку зрения (тезис) от критики. В процессе защиты проponent может исполь-

зывать те доводы, с которыми оппонент готов согласиться. При этом пропонент стремится заставить оппонента себе противоречить, умело используя уступки и допущения последнего. Если пропоненту это удастся, то его тезис считается успешно защищенным при известных допущениях (*ex concessis*).

В книге Ф. Х. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста «Речевые акты в аргументативной дискуссии» («Speech Acts in Argumentative Discussions», 1984) предлагается теория аргументации, называемая прагматодialeктикой (*pragma-dialectics*), которая, хотя и непосредственно связана с формальной диалектикой, все же отличается от нее. Общее заключается в использовании термина «диалектика», а различие — в замене термина «формальная» термином «прагма(тическая)». Прагматические компоненты, связанные с теорией речевых актов и дискурсного анализа, были введены в прагма-диалектическую теорию аргументации под влиянием взглядов представителей «философии обыденного языка» (*ordinary language philosophers*), а диалектические компоненты — под влиянием работ представителей «критического рационализма» (*critical rationalists*), таких как Карл Поппер (Karl Popper).

В выведенной в рамках прагма-диалектики идеальной модели критической дискуссии выделяются четыре стадии. На *стадии конфронтации* (*confrontation stage*) один из участников дискуссии выдвигает какую-либо точку зрения, а другой либо выражает сомнение в отношении ее правильности, либо высказывает противоположное мнение. На *стадии открытия дискуссии* (*opening stage*), которая обычно представлена в имплицитной форме, ее участники принимают на себя роли протагониста (*protagonist*) и антагониста (*antagonist*) и определяют, что будет являться отправной точкой будущей дискуссии. Здесь возникает вопрос: какие положения признаются обеими сторонами в качестве отправных (*common starting points*) и какие правила должны соблюдаться в ходе дискуссии? На *стадии аргументации* (*argumentation stage*) протагонист выдвигает довод в поддержку своей точки зрения, а затем, если это необходимо, добавляет к нему новые аргументы, реагируя на критику антагониста. Если на *заключительной стадии* (*concluding stage*) выдвинутые аргументы вынуждают антагониста согласиться с исходной точкой зрения, то это означает, что различие во мнениях устранено; этот же результат достигается и в том случае, если протагонист отказывается от исходной точки зрения под влиянием критики антагониста.

Кроме идеальной модели использования речевых актов протагонистом и антагонистом на различных стадиях рациональной крити-

ческой дискуссии, прагма-диалектическая процедура ведения спора основана на целом ряде правил, которые и составляют кодекс рационального поведения участников дискуссии (van Eemeren and Grootendorst, 1992). Нарушение любого из этих правил ведет к неправильному ходу дискуссии, препятствуя рациональному разрешению разногласий. Это может происходить на любой стадии дискуссии. Неверные аргументативные действия, которые встречаются в спорах, обычно напоминают ту или иную широко известную аргументативную ошибку или представляют собой иное нарушение принципа рациональности.

Современные риторические концепции

В последнее время произошло значительное изменение в оценке риторики. Представление о ней как об иррациональной и даже антирациональной деятельности, которое бытовало в предшествующие столетия, было пересмотрено. С другой стороны, резкое разграничение между риторикой и диалектикой, которое проводилось в прошлом, также требует некоторой коррекции. Ряд теоретиков аргументации осознали, что риторика как учение о приемах убедительной речи не является сама по себе несовместимой с идеалами разумного критического рассуждения.

Примечательно, что реабилитация риторики в исследованиях по аргументации началась в разных странах приблизительно в одно и то же время. После появления новаторской работы Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки ряд ученых в Соединенных Штатах начали отмечать в своих работах рациональные свойства риторики. Так, например, Д. Венцель (Wenzel, 1980) предпочитает опираться на риторику, но только в сочетании с логикой, особенно с диалектикой. Во Франции О. Ребуль (Reboul, 1990) считает, что риторика уступает по значимости лишь диалектике. По его мнению, риторика и диалектика являются самостоятельными дисциплинами, имеющими, однако, точки пересечения. Риторика использует диалектику в публичных дискуссиях. В дополнение к этому диалектика является частью риторики, поскольку обеспечивает ее интеллектуальным аппаратом. Немецкий ученый Дж. Коппершмидт (Kopperschmidt, 1989) идет еще дальше. Рассматривая проблему в исторической перспективе, он утверждает, что риторика является одним из главных элементов теории аргументации. Голландские исследователи Ф. Х. ван Ееме́рен и П. Хоултлоссер (van Eemeren, Houtlosser, 1999) вводят элементы ри-

торики в «прагма-диалектический» метод анализа аргументативного дискурса. С их точки зрения, на каждом этапе диалектического процесса разрешения различия во мнениях всегда есть определенная риторическая цель. Они считают, что аргументативный текст или дискуссия могут быть реконструированы более точно и более полно, если обратить внимание на приемы «стратегического маневрирования» (strategic maneuvering), которые используются на каждой диалектической стадии. Стратегическое маневрирование — это выбор того или иного дискуссионного действия из ряда возможных (что составляет «топический потенциал говорящего»), учет желаний аудитории и использование в дискурсе наиболее эффективных средств аргументации.

1.2. Некоторые важнейшие понятия

Проблемы, связанные с созданием, анализом и оценкой аргументации, рассматриваются различными теоретиками по-разному. Прояснить, над какими конкретными проблемами работают исследователи, можно, объяснив некоторые основные понятия теории аргументации, а именно: «точка зрения» (point of view), «невыраженная посылка» (unexpressed premise), «схема аргументации» (argument scheme), «структура аргументации» (argumentation structure) и «аргументативная ошибка» (fallacy). Авторы книги ставят перед собой цель показать, что каждый из этих концептов является неотъемлемой частью изучения теории аргументации. Кроме этого в книге будут затронуты две другие важные для теории аргументации области: «методы интерпретации и реконструкции аргументации» (methods of argument interpretation and reconstruction) и «аргументация в области права» (argumentation in the field of law).

Точки зрения

Важно подчеркнуть, что ни одно высказывание не является «по своей природе» выражением точки зрения, аргументов или других речевых единиц, изучаемых в теории аргументации. Высказывание приобретает подобное свойство только в контексте, в котором оно выполняет определенную функцию в коммуникативном процессе.

Это означает, что эти высказывания должны выполнять определенную роль в достижении определенной цели. Например, устное или письменное высказывание является *точкой зрения*, если оно выражает положительную или отрицательную позицию автора в отношении содержания высказывания, позволяя, таким образом, точно определить, что говорящий или пишущий собирается отстаивать.

Людям редко удастся добиться ясности выражения доводов при рассуждении. Иногда коммуникативная функция высказывания становится ясной только после того, как высказывание было идентифицировано как тот или иной элемент аргументации каким-либо участником ситуации («Так вот какова твоя точка зрения, а?», «Теперь ты услышал мои основные доводы»). Чаще всего, однако, высказывание может быть вообще никак не определено, и, более того, может оставаться неясным даже само содержание суждения или, иначе, пропозициональное содержание высказывания (propositional content).

К счастью, существуют некоторые речевые показатели, которые относятся только к выражению точки зрения или аргумента, такие как «поэтому», «отсюда следует», «таким образом», «следовательно», «так как», «ибо» и «потому что». Некоторые из них, например союз «так как», чаще используются регрессивно, т. е. следуют за точкой зрения. Другие, как, например, «следовательно», чаще или всегда используются прогрессивно, т. е. предшествуют точке зрения. Наконец, третьи, такие как «поскольку», могут быть использованы двояко («Я не могу этого сделать, поскольку я болен» и «Поскольку я болен, я не могу этого сделать»). Чем меньше речевых показателей в тексте, тем более становится необходимым использование вербальных и невербальных контекстных показателей (contextual clues). Чтобы выделить эти показатели и эффективно их применить, обычно необходимо иметь некоторые фоновые знания о контексте и типе речевого события (speech event), а иногда необходимы более широкие знания о мире в целом.

Как ни странно, выражение точки зрения и доводов может быть представлено речевыми актами, которые на первый взгляд не являются ассертивами, как, например, в следующем примере: «Давай возьмем с собой зонтик, или ты хочешь промокнуть?» Если рассматривать это высказывание буквально, то говорящий выражает здесь предложение, сопровождаемое вопросом. Риторический вопрос, однако, должен интерпретироваться в данном случае как довод в пользу принятия имплицитной точки зрения, что друзьям следует взять зонтик. Чтобы правильно понять позицию говорящего,

надо проанализировать это высказывание как имплицитную (и косвенную) точку зрения, поддерживаемую имплицитным (и косвенным) доводом: «Мы должны взять зонтик, ибо мы не хотим промокнуть». В анализе подобных утвердительных (и косвенных) высказываний и при доказательстве правомерности этого типа анализа важную роль играют общие принципы ведения дискуссии, а также контекст (в широком смысле этого слова) самого анализируемого рассуждения.

Невыраженные посылки

Невыраженные элементы смысла, которые присутствуют в диалоге лишь имплицитно, на практике часто являются основными компонентами аргументации. Это относится не только к *невыраженным посылкам*, но и к *невыраженным точкам зрения*. Как правило, в действительности только одна из посылок остается невыраженной. В некоторых случаях идентификация невыраженных элементов производится весьма просто. Например, совершенно ясно, что в высказывании «Амос дурак, так как он учитель» опущена посылка «все учителя дураки». Из высказывания «Я уверен, что Амос дурак, так как все учителя дураки» совершенно ясно, что невыраженной посылкой является «Амос — учитель». Есть, однако, и такие случаи, когда идентификация невыраженных посылок может быть затруднена, главным образом потому, что возможны несколько вариантов. Для того, чтобы определить, какова позиция аргументатора, исследователь не только должен провести логический анализ, основанный на критерии формальной логической корректности, но также и прагматический анализ, основанный на принципах разумного ведения дискуссии. При логическом анализе делается попытка реконструировать аргумент как значимую часть логической формы; при прагматическом анализе невыраженная посылка весьма точно восстанавливается на основании контекстуальной информации и фоновых знаний. При этом логический анализ способствует проведению правильного прагматического анализа. При отсутствии контекстуальной информации или фоновых знаний прагматическая идентификация невыраженных посылок бывает затруднена. В этом случае достаточно логического анализа. В противном случае существует опасность, что добавленная посылка припишет говорящему не то, что он имел в виду. С невыраженными точками зрения дело обстоит несколько проще. Начав логический

анализ подразумеваемого аргумента с анализа эксплицитных посылок, обычно без труда удастся однозначно определить точку зрения, которую говорящий защищает.

Схемы аргументации

Не следует считать, что любой человек, выдвигая какой-нибудь довод, автоматически стремится вывести логически правильное заключение из соответствующих посылок. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что он стремится так или иначе добиться «переноса приемлемости» с эксплицитной посылки на свою точку зрения. В данном случае формальная логика мало чем может помочь. Все современные логики, даже если они занимаются развитием альтернативных систем, таких как немонотонная логика (*non-monotonic logic*) и логика рассуждений по умолчанию (*default logic*), заинтересованы в формальной состоятельности вывода, а не в наличии реально существующей связи между посылками и выводами. Сосредоточивая внимание на проблемах подразумеваемого и истинности, они игнорируют проблемы вероятности вывода и передачи его приемлемости.

Говорящий или пишущий, выдвигая довод, стремится обеспечить перенос приемлемости с посылок на точку зрения, чтобы слушатель или читатель принял эту точку зрения. Поэтому говорящий стремится спланировать свою аргументацию так, чтобы она убедила слушающего. Рассмотрим следующий пример: «Даниель, точно, будет смотреть на цены, потому что он американец». Стремясь найти аргумент для защиты той точки зрения, что Даниель будет интересоваться ценами, аргументатор может, например, подумать с осуждением о чем-нибудь в следующем духе: «Это характерно для американцев, потому что они меркантильны». Если он так подумал, то его точка зрения может быть подкреплена аргументом, возникшим на основании невыраженной посылки «Американцы склонны придавать слишком большое значение деньгам». Рассуждая таким образом, говорящий или пишущий опирается на более или менее готовую модель — *аргументативную схему* (*argument scheme*).

Аргументативные схемы представляют собой конвенциональные способы выражения связи между тем, что утверждается в посылке, и тем, что утверждается в тезисе. Внутренняя организация любой одиночной аргументации может быть описана с помощью аргументативной схемы, которая в ней используется. Поскольку аргумента-

тивная схема характеризует способ обоснования (justification) или опровержения (refutation) точки зрения в одиночной аргументации с помощью эксплицитной посылки, анализируя аргументативные схемы, используемые в аргументативном дискурсе, или, проще, рассуждении, мы можем определить, какие принципы, стандарты, критерии или общепризнанные факты были применены в той или иной попытке обосновать или опровергнуть тезис. Часто очень сложно идентифицировать схему аргументации или, иначе, тот *топос* (topos), на котором держится вся аргументация. При этом опять-таки требуется принять во внимание прагматическую информацию. Схемы аргументации интенсивно изучаются теоретиками аргументации, стремящимися создать дополнительную альтернативу формальным логическим моделям и нормам их правильности. Отправным пунктом исследований такого рода обычно является положение, что тип аргументации зависит от того, какая аргументативная схема используется, а также что каждый тип аргументации требует ответа на соответствующие контрольные или проверочные вопросы (critical questions).

Структуры аргументации

Центральной проблемой при анализе рассуждения является проблема определения структуры аргументации. Структура аргументации в письменном тексте, устной речи или дискуссии определяется тем, как соединяются между собой различные доводы и каким образом они позволяют отстоять исходное мнение. Точная оценка рассуждения без определения всей структуры аргументации невозможна. Итак, какие структурные связи между доводами существуют?

Аргументация в защиту или опровержение исходного тезиса может быть *одиночной* или *единичной* (single argumentation), т. е. состоять из одного довода в пользу или опровержение защищаемой точки зрения. Но аргументация может иметь и более сложную структуру, которая определяется тем, как рассуждающий организует защиту своей точки зрения, пытаясь предугадать, какие из его доводов вызовут сомнение или несогласие. В аргументации сложного структурного типа участвуют сразу несколько аргументов, выдвигаемых «за» или «против» какой-либо точки зрения. Эти аргументы могут быть как независимыми друг от друга (например: «Не может быть, чтобы ты встретил мою маму в магазине „Маркс и Спенсер“ в Шерингеме на прошлой неделе, потому что мама умерла два

года назад, да и в Шерингеме нет магазина “Маркс и Спенсер”)), так и взаимозависимыми. В последнем случае доводы могут образовывать «цепь параллельных доводов», которые либо подкрепляют, либо дополняют друг друга (например: «Давай поужинаем в кафе, потому что дома нет еды, а все магазины уже закрыты»), или могут быть объединены в «иерархическую структуру» (например: «Я не смогу помочь тебе с рисованием на следующей неделе, так как у меня не будет времени, поскольку я буду готовиться к экзамену»).

Иногда аргументатор дает четкие указания на структуру своей аргументации с помощью особых связующих элементов, как-то: «за исключением X , Y », « Y и более того X », «поскольку Y , то X ». Нередко само содержание доводов также помогает определить структуру аргументации. Проблемы возникают, однако, при анализе сложной аргументации, поскольку внешняя структура не всегда способствует четкому установлению внутренних связей между аргументами. Чтобы разрешить эти проблемы, необходимо принимать во внимание контекст и другие прагматические факторы.

Аргументативные ошибки

Другая проблема, которая привлекает особенно пристальное внимание ученых, это проблема аргументативных ошибок (fallacies). Практически каждая нормативная теория аргументации включает раздел, посвященный анализу ошибок. В известном смысле можно даже сказать, что по тому, насколько четко нормативная теория позволяет анализировать аргументативные ошибки, можно судить о ее качестве. Другими словами, можно сказать, что описание известных ошибок напрямую способствует созданию норм состоятельности умозаключений.

В соответствии с общепринятым определением под ошибкой в данном случае понимается такая аргументация, которая выглядит логически правильной, но таковой на самом деле не является (Hamblin, 1970. Р. 12). Критикуя это определение, обычно указывают на то, что целый ряд общепризнанных аргументативных ошибок либо вообще не представляет собой аргументацию как таковую, как, например, ошибка «сведения многих вопросов к одному» (many questions), либо в соответствии с современными взглядами являются вполне правильной аргументацией (например, *petitio principii*), либо, наконец, их ошибочность вообще не связана с неправильностью умозаключения,

(например, *argumentum ad verecundiam*, *argumentum ad populum*, *argumentum ad hominem*). Поэтому все эти типы аргументативных ошибок не подходят под приведенное выше определение.

Одно из объяснений, почему исследователи аргументативных ошибок все же придерживаются этого определения, несмотря на то что за его пределами остаются многие ошибки, заключается в том, что до недавнего времени все подходы к анализу ошибок предпринимались исключительно с позиций логики. Отказавшись от этого определения, как это сделали большинство современных специалистов по аргументации, и начав рассматривать ошибки с позиции теории дискуссионных ходов (*discussion moves*), в той или иной мере снижающих качество аргументативного рассуждения, мы облегчим себе задачу выявления ошибочности рассматриваемого умозаключения. Для достижения этой цели необходимо принять за основу прагматический подход, который учитывает коммуникативный и интерактивный контекст, на фоне которого проявляются эти ошибки. Без использования прагматического подхода многие аргументативные ошибки не могут быть удовлетворительно объяснены.

Для успешного осуществления подобного исследования необходимо выработать нормативное обоснование приемлемости или неприемлемости действий, совершаемых в рассуждении. Следует также выработать критерии, по которым можно было бы решить, нарушены ли установленные нормы или нет. Для того чтобы определить, удовлетворяет ли рассуждение этим критериям, необходимо выработать процедурные инструменты, основанные на учете контекстной информации. Для этого нужно прежде всего установить, подпадает ли ситуация, в которой возникает та или иная ошибка, под действие норм. Любые исследования в этой области, без сомнения, будут способствовать развитию теории аргументации в целом.

Интерпретация и реконструкция аргументации

Если попытаться сформулировать, к каким результатам на сегодняшний день пришла теория аргументации в деле *толкования (интерпретации) и реконструкции аргументации* (*argument interpretation and reconstruction*), то следует признать, что перед нами больше вопросов, чем ответов. Разные исследователи по-разному пытаются ответить на эти вопросы. Однако их всех интересуют проблемы, связанные с общими свойствами построения рассуждения и с выявлением специфических черт аргументативных структур, которые по-

могут носителю языка лучше понять ход рассуждения, а также с определением когнитивных процессов, применяемых при толковании умозаключений. Что касается реконструкции рассуждения, то здесь применяются различные методы, заимствованные из таких областей, как формальная логика, неформальная логика, риторика и прагма-диалектика.

Интерпретация рассуждения является основой его реконструкции. Рассуждение может быть последовательно реконструировано только на основе нормативных правил, выработанных для оценки доводов, а также после правильного истолкования составляющих рассуждение аргументов. Именно поэтому теоретики аргументации должны заниматься не только разработкой методов реконструкции рассуждения, но и раскрытием тех когнитивных процессов, с помощью которых простые носители языка распознают смысл аргументов. Они должны обнаружить те многообразные вербальные и невербальные инструменты, которые обычно используются говорящим в процессе обоснования его точки зрения. Это исследование будет способствовать развитию методов реконструкции аргументов, выходящих за рамки интуитивного истолкования умозаключений обычными людьми.

Аргументация в области права

В юридической практике аргументация занимает одно из центральных мест. В современном обществе судебная система включает широкий диапазон различных споров, которые могут быть разрешены только путем применения особых процедур и при участии незаинтересованных лиц. Именно поэтому теоретики аргументации должны обращать особое внимание на аргументативную практику в юридической сфере и следить за достижениями в изучении *аргументации в области права*. Как показывают существующие исследования, основатели современной теории аргументации Стивен Тулмин и Хайм Перельман осознавали это в полной мере.

Изучение юридической аргументации вскрывает большое разнообразие тем и подходов к их рассмотрению. Различие в подходах обычно приводит к тому, что возникает значительный разброс в выборе объекта исследования, а также ведет к концептуальным различиям между критериями состоятельности аргументации, применяемыми в юридической практике, и критериями аргументативной состоятельности, применяемыми в теории аргументации. Как же соотносятся между собой эти два типа критериев? Как можно объяснить

различия между ними? Какие концепции разумности (reasonableness) лежат в основе различных подходов к анализу юридической аргументации? Именно на эти вопросы пытаются ответить специалисты в области юридической аргументации. Их выводы могут внести полезный вклад в развитие теории аргументации в целом.

1.3. Обзор книги

В книге «Важнейшие концепции теории аргументации» заинтересованный читатель сможет найти краткое изложение современных исследований, посвященных анализу ряда важных положений теории аргументации. С этой целью в пяти главах детально рассматриваются различные взгляды на пять основных понятий теории аргументации и дается описание двух важных проблем, которые мы кратко затронули в предыдущих разделах. Анализ различных проблем, предлагаемый авторами глав, основан на результатах исследований, отраженных в ранее опубликованных ими работах.

В главе 2 ее автор, Питер Хоутлоссер, рассматривает понятие *точки зрения*. Он разграничивает взгляды на определение этого понятия, которые можно встретить в прагма-диалектической теории аргументации (pragma-dialectical argumentation theory), в социопсихологических исследованиях убеждения (socio-psychological research of persuasion), в когнитивных исследованиях (cognitive research), анализе аргументативного дискурса (argumentative discourse analysis), в структуралистской неформальной логике (structuralist informal logic), процедурной неформальной логике (procedural informal logic), а также в исследованиях в области методик отстаивания точки зрения и ведения дебатов (advocacy and debate) и теории коммуникативных действий (communicative action theory). В главе также указываются возможные направления дальнейших исследований данной проблемы. В конце этой главы, как и во всех остальных главах, приводится обширная библиография по конкретным вопросам, связанным с обсуждаемой темой.

В главе 3 ее автор, Сюзанн Герритсен, описывает понятие *невывраженных посылок*. В первую очередь она рассматривает два традиционных подхода к определению этого понятия. Затем автор обращается к анализу разграничения индуктивного и дедуктивного подходов (inductive-deductive distinction) и переходит к обсуждению плюрализма (pluralism), современного дедуктивизма (modern deductivism) и тех

случаев, которые не укладываются в рамки «ни дедуктивного, ни плюралистического подходов». Большое внимание в главе уделяется также природе невыраженных посылок. При этом целью автора является привлечь внимание читателей к разграничению невыраженных посылок, которые заполняют пробелы (*gap filler*), а также использованных посылок (*utilized premises*) и необходимых посылок (*necessary premises*). Исследуя роль контекста, С. Герритсен уделяет особое внимание понятию «контекст» и анализу отношения интерпретатора к контексту. В главе также обсуждается проблема отношения между невыраженными посылками и различными схемами аргументации.

Глава 4, написанная Бартом Гарссеном, посвящена описанию *аргументативных схем*. После определения самого понятия «аргументативные схемы» Б. Гарссен переходит к анализу их роли в выявлении аргументов. Свой обзор направлений в исследовании аргументативных схем он начинает с античного топического подхода, переходя далее к риторике Уэйтли (Whately) и «Новой риторике» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1993). После этого он обращается к проблеме соотношения между аргументативными схемами и оценкой логической правильности (*validity*) самой аргументации. В этой части своей работы автор особое внимание уделяет анализу американских учебников по ведению публичных дебатов, классификации типов оснований Хастингса (Hastings), типологии разумных форм аргументации, предложенной Шелленсом (Schellens). Б. Гарссен заканчивает свой обзор описанием типологии аргументативных схем в рамках прагма-диалектического подхода. Глава завершается рассмотрением использования аргументативных схем в описании характеристик аргументативного дискурса.

Франциска Снук Хенкеманс, автор главы 5, дает описание различных взглядов на понятие *структур аргументации* и прослеживает развитие исследований в этой области. В своем историческом обзоре она рассматривает основные положения античной риторики, риторики эпохи Просвещения, а также описывает первые учебные пособия по данной тематике. При исследовании современных подходов А. Снук Хенкеманс акцентирует внимание на двух проблемах: на разграничении связанных и конвергентных посылок (*linked and convergent premises*) и на разграничении сочинительной и множественной аргументации (*coordinative and multiple argumentation*). Из теоретических подходов к анализу аргументации она уделяет особое внимание прагма-диалектической теории (в рамках которой работает она сама), подходу Фримена (Freeman), в основе которого лежат положения книги С. Тулмина, а также прагматическому подходу

Д. Уолтона (Walton). В данной главе также предлагаются методы анализа аргументации в спорных случаях.

Главу 6 я начинаю с истории изучения *аргументативных ошибок*. Сначала я рассматриваю подход Аристотеля к проблеме ошибок, затем описываю «идолы» и софизмы (idols and sophisms), ошибки апеллирования (ad fallacies), ошибки, связанные с неправильным использованием силлогизмов (syllogistic fallacies), и индуктивные аргументативные ошибки (inductive fallacies) и заканчиваю обзор описанием концепций аргументативных ошибок, изложенных в учебниках по логике. После исторического обзора я перехожу к анализу современных теоретических подходов к описанию ошибок, таких как критика Ч. Хемблином «стандартной трактовки» аргументативных ошибок (standard treatment of fallacies); постхемблиновские концепции аргументативных ошибок, подход Вудса–Уолтона, формально-диалектический и прагма-диалектический подходы, а также прагматический подход Уолтона.

В центре внимания Аньес ван Реес в главе 7 находится проблема *интерпретации и реконструкции аргументации*. В процессе описания способов интерпретации она подчеркивает некоторые универсальные характеристики организации рассуждения, описывает моделирование спора (patterning) и языковые средства, используемые в них. Часть главы, где описывается толкование умозаключений, завершается рассмотрением познавательных процессов. В части, посвященной реконструкции аргументации, ван Реес касается проблем логики и неформальной логики, уделяя особое внимание невыраженным посылкам и структурам аргументации, а также риторике и прагма-диалектике.

Глава 8, написанная Эвелин Фетерис, посвящена *анализу аргументации в области права*. Э. Фетерис рассматривает различные подходы к описанию аргументации в правовой сфере, такие как логический, риторический и диалогический. Обзор вышеперечисленных подходов предваряется принятым в прагма-диалектике делением исследований в области юридической аргументации на философский, теоретический, аналитический, эмпирический и практический компоненты. Глава Фетерис заканчивается обширным списком тщательно отобранных источников по затрагиваемым проблемам.

Библиография

1. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Brussels: Mardaga, 1983.
2. Barth E. M., Krabbe E. C. W. From Axiom to Dialogue. Berlin: Walter de Gruyter, 1982.

1. Франс Х. ван Еемерен. Современное состояние теории аргументации
3. Blair J. A., Johnson R. H. Argumentation as Dialectical // *Argumentation*. 1987. N 1. 1. P. 41–56.
4. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions. Berlin: Walter de Gruyter; Dordrecht: Foris, 1984.
5. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
6. Eemeren F. H. van, Houtlosser R. Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse // *Discourse Studies*. 1999. N 1. 4. P. 479–497.
7. Eemeren, F. H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F., Blair J. A., Johnson R. H., Krabbe E. C. W., Plantin C., Walton D. N., Willard C. A., Woods J., Zarefsky D. Fundamentals of Argumentation Theory. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.
8. Govier T. Problems in Argument Analysis and Evaluation. Dordrecht: Foris, 1987.
9. Hamblin C. L. Fallacies. London: Methuen. Photographic reprint Newport News, VA: Vale Press, 1970.
10. Johnson R. H., Blair J. A. Logical Self-Defense. 3rd ed. Toronto: McGraw Hill Ryerson, 1993.
11. Kopperschmidt J. Methodik der Argumentationsanalyse. Stuttgart: Frommann-Holzboog, 1989.
12. Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.
13. Nølke H. Semantic constraints on argumentation: From polyphonic microstructure to argumentative macro-structure // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: SICSAT/ISSA, 1992. P. 189–200.
14. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique: traité de l'argumentation. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 1958. (Engl. transl.: The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame etc.: University of Notre Dame Press, 1969.)
15. Reboul O. Rhétorique et dialectique chez Aristote // *Argumentation*. 1990. N 4. 1. P. 35–52.
16. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
17. Wenzel J. W. Perspectives on Argument // *Proceedings of the 1979. Summer Conference on Argument* / Ed. J. Rhodes, S. Newell. Falls Church: SCA, 1980. P. 112–133.

2. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

2.1. Введение

В исследованиях по аргументации обычно считается, что аргументация состоит из ряда утверждений, выдвигаемых для того, чтобы подтвердить или опровергнуть другое утверждение. Это другое утверждение может быть условно названо *точкой зрения* (point of view). При оценке качества аргументации сила доводов может быть установлена в полной мере лишь в том случае, когда ясно, на подтверждение или опровержение какой точки зрения направлены эти доводы. Если невозможно определить, какая точка зрения обсуждается, также невозможно решить, имеют ли доводы отношение к точке зрения, не говоря уже о том, содержат ли они ее убедительную поддержку. Общеизвестно, что не всегда легко определить, какая точка зрения обсуждается в каждом конкретном случае. Одной из ключевых проблем в изучении аргументации является то, каким образом следует подходить к анализу аргументированного текста или беседы, чтобы правильно выделить в них выдвигаемую точку зрения. Для того чтобы разрешить эту проблему, необходимо прежде всего четко определиться, какой концепции в отношении точки зрения следует придерживаться в том или ином конкретном случае.

Как же точно определить цель аргументации? Ответ на этот вопрос зависит в значительной степени от того, с какого теоретического угла зрения мы подходим к рассмотрению аргументации. Каждый подход характеризуется своими задачами и объектом исследования. Эти задачи и объекты исследования оказывают непосредственное влияние на то, как воспринимается аргументация. Социальных психологов, например, интересует, в какой степени убедительные высказывания влияют на отношение людей к какой-нибудь проблеме. Специалистов по неформальной логике интересуют условия, при которых из тех или иных посылок люди делают те или иные выводы. Специалистов по дискурсному анализу интересует то, как люди выражают свое мнение в процессе беседы. Наконец, диалектиков интересует, насколько те или иные тезисы или точки зрения способны

выдержать проверку на прочность в процессе аргументированного обсуждения.

Данная глава содержит описание того, как трактуется цель аргументации в различных подходах. В ней также представлен обзор методов, которые используются для определения этой цели. Описание начнется с разъяснения понятия «точка зрения», которое используется в прагма-диалектическом подходе к аргументации (Амстердамская школа). Перед этим разъяснением в 2.2.1 кратко обсуждается диалектическое понятие «тезис» (*thesis*), которое используется в античной и формальной диалектике. Это понятие можно считать предшественником прагма-диалектического понятия «точка зрения». Для того чтобы определить, чем прагма-диалектическое понятие точки зрения отличается от «аналогичных» понятий, используемых в современных исследованиях по аргументации, точки зрения будут затем сравниваться с понятиями, используемыми в социопсихологических исследованиях убеждения (2.2.3), в когнитивных исследованиях рассуждения (2.2.4), в анализе аргументативного дискурса (2.2.5), в структуралистской неформальной логике (2.2.6) и процедурной неформальной логике (2.2.7), в рамках исследований приемов отстаивания точки зрения и ведения дебатов (2.2.8), а также в теории коммуникативных действий в применении к аргументации (2.2.9). В заключении описывается взаимосвязь между различными понятиями, обсуждаются различные процедуры их выделения, а также намечаются области дальнейших исследований (2.3).

2.2. Различные концепции точек зрения

2.2.1. Античная и формальная диалектика

В книге «Топпика» Аристотель уделяет особое внимание диалектическому понятию тезиса. *Тезис*, как Аристотель видит его, — это «предположение сведущего в философии человека, не согласующееся с общепринятыми» (Аристотель, 1978, 104b: 15–20; античные авторы цитируются по русскому изданию. — *Ред.*). Аристотель подчеркивает мысль, что тезис должен противоречить тому, что люди думают об определенном предмете, в следующем предложении: «Или тезисы суть предположения, для доказательства кото-

рых у нас есть довод, противный общепринятым мнениям» (там же: 20–25). Хотя в этом определении Аристотель, видимо, предполагает, что люди, не занимающиеся философией, также могут предложить тезис, однако он все-таки считает, что тезис заслуживает внимания лишь в том случае, если он предлагается известным философом. Это подчеркивается в дополнительном комментарии Аристотеля, который гласит: «...ведь глупо обращать внимание на мнения, противные общепринятым мнениям, если их высказывает первый встречный» (там же: 20–30). Среди примеров тезисов, которые предлагает Аристотель, есть такие: «противоречить невозможно» и «все движется» (там же: 20–25). Из этих примеров ясно, что содержание тезиса должно касаться философской проблемы. Аристотель называет такую проблему *диалектической проблемой*. Диалектическая проблема — это тезис, относительно которого «или большинство расходится во мнении с мудрыми, или внутри каждой стороны мнения расходятся, потому что тезис есть предположение, не согласующееся с общепринятым» (там же: 30–35). Говоря современным языком, диалектические проблемы — это спорные философские вопросы.

Как следует из этих определений, между тезисами и диалектическими проблемами существует тесная связь. Для удобства их можно даже считать синонимами: «Почти все диалектические проблемы называются теперь тезисами» (там же, 105a: 1–5). Тем не менее имеется существенное различие: «...не каждая проблема есть тезис, потому что некоторые проблемы таковы, что у нас нет относительно них определенного мнения — ни за, ни против» (там же, 104b: 25–35). Из этого высказывания следует, что тезис не только касается чего-нибудь спорного, но и предполагает возможность выбора или наличие мнения, которое может отсутствовать в отношении проблемы как таковой.

Согласно Аристотелю, «диалектическая проблема есть задача, поставленная или ради выбора и избегания, или ради [достижения] истины и ради познания; и притом или как нечто самостоятельное, или как нечто вспомогательное для какой-то другой такого рода проблемы» (там же: 1–5). Иначе говоря, по этическим или эпистемологическим причинам диалектические проблемы подвергаются критическому анализу в процессе обсуждения. Но, как отмечает Аристотель, лишь некоторые проблемы и тезисы заслуживают критического обсуждения: «Не следует, однако, рассматривать всякую проблему и всякий тезис, а только такие, относительно которых возникает сомнение у того, кто нуждается в доводе...» (там же, 105a: 1–5). Сле-

довательно, для того чтобы подвергнуться критическому обсуждению, тезис или проблема должны, по крайней мере потенциально, быть спорными для того, с кем стоит спорить.

Как только тезис или проблема подвергаются процессу обсуждения, начинают выдвигаться аргументы «за» или «против» с помощью так называемых диалектических положений (*dialectical propositions*). Аристотель определяет *диалектическое положение* как «вопрос, правдоподобный или для всех, или для большинства людей, или для мудрых — всех, либо большинства, либо самых известных из них, т. е. согласующийся с общепринятым» (там же, 104a: 5–15). Используя современную терминологию, можно перефразировать высказывание Аристотеля следующим образом: диалектические положения не опровержимы для тех, кто знает предмет речи, и в силу этого они являются исходными положениями, которые могут быть использованы для защиты тезиса.

Подводя итог, можно сказать, что, по определению Аристотеля, тезис — это мнение уважаемого философа в отношении спорной философской проблемы, которое противоречит мнению других людей, с которыми имеет смысл спорить; тезис выдвигается для критического обсуждения и должен защищаться с помощью неоспоримых утверждений.

В формальной диалектике, являющейся продолжением античной диалектики, предлагать тезис могут не только философы, а сам тезис не ограничивается лишь философскими проблемами, как это было в диалектике Аристотеля¹. Николас Решер (Nicholas Rescher) является философом, позиция которого близка позиции Аристотеля. Он занимается разработкой диалектических систем, которые содержат рациональный метод для научного исследования. В «Диалектике» («*Dialectics*», 1977) Решер предлагает модель формального диспута (*formal disputation*). Формальный диспут — это дискуссия, в которой участвуют три человека: пропонент (*proponent*), оппонент (*opponent*) и арбитр (*determiner*). Пропонент формулирует тезис и обосновывает его, строя таким образом *систему достаточно серьезных доказательств* (*prima facie case*); оппонент атакует тезис и приведенное обоснование, высказывая свои возражения, и приводит ряд контраргументов, на которые пропонент должен ответить своими аргументами; арбитр присутствует как судья и следит за проведением диспута (Rescher, 1977. Р. 3–4). Помимо такого рода «ассиметричного диспута» (*assymetrical contradictory debate*), Н. Решер также выделяет «симметричный спор», во время которого оппонент должен отстаивать свой собственный тезис, противоречащий тезису

пропонента. Согласно анализу Н. Решера, предложение тезиса состоит из формулировки категоричного утверждения (categorical assertion). Высказывание такого утверждения предполагает взятие на себя обязательства отстаивать и само утверждение, и все логические следствия, вытекающие из него. Кроме того, пропонент берет на себя подобное обязательство в отношении всех последующих шагов, которые он может предпринять, поскольку все они должны являться категорическими утверждениями.

Основываясь на семантическом подходе к аргументации, принадлежащем Арне Нассу (Arne Naess, 1966), и диалогической логике (dialogical logic), разработанной представителями Эрлангенской программы (Erlangen School) В. Камлой и П. Лоренцем (Kamlah and Lorenzen, 1967), П. Лоренцем и К. Лоренцом (Lorenzen and Lorenz, 1978), Э. Барт и Э. Краббе в книге «От аксиомы к диалогу» (Barth and Krabbe, 1982) предложили ряд наборов правил проведения критических диалогов, направленных на разрешение конфликтов или споров между пропонентом и оппонентом в отношении одного или нескольких внешних или «выраженных» мнений. *Выраженным мнением* (avowed opinion), в соответствии с их концепцией, является утверждение *T*, выдвинутое пропонентом и атакованное оппонентом. *T* — это исходный тезис обсуждения. Все последующие утверждения в дискуссии являются «допущениями» (concessions) — они создают базис, с помощью которого тезис *T* можно защитить или атаковать. В случае простого, или «чистого», конфликта (simple or pure conflict) лишь пропонент должен отстаивать тезис; ему нечего атаковать (за исключением контраргументов оппонента); у оппонента нет никакого тезиса, который нужно защищать, и ему лишь остается атаковать тезис пропонента. В смешанном конфликте (mixed conflict) оппоненту тоже есть что защищать — тезис, который противоречит тезису пропонента, или допущение, которое подвергается сомнению пропонентом. В обоих случаях пропонент также оспаривает утверждения оппонента (см.: van Eemeren et al., 1996. P. 265).

Для Э. Барта и Э. Краббе обсуждение определенного тезиса имеет смысл лишь в том случае, когда пропонент готов выступать в роли утверждающей стороны, т. е. берет на себя обязательство защищать свой тезис от критики оппонента (positively committed), а оппонент готов выступать в роли опровергающей стороны, т. е. использует свое безусловное право систематически критиковать тезис пропонента (negatively committed). Те же самые действия должны предприниматься и в отношении допущений, т. е. других высказываний, приводимых

во время дискуссии, — оппонент должен занимать положительную позицию, а проponent — отрицательную (Barth and Krabbe, 1982. P. 57–58).

2.2.2. Прагма-диалектика

В прагма-диалектической теории аргументации аргументативный дискурс изучается с точки зрения критической оценки. Исходя из предположения, что аргументация является частью критической дискуссии (critical discussion), нацеленной на разрешение различия во мнениях (conflict of opinion), была создана модель различных этапов процесса разрешения разногласий и различных типов речевых актов, которые используются на каждом из этих этапов. Модель критической дискуссии служит эвристическим инструментом в процессе аналитической реконструкции и оценочным инструментом в процессе критической оценки.

В прагма-диалектической теории объектом аргументации является *точка зрения* (standpoint). Прагма-диалектическая концепция точки зрения согласуется с метатеоретическими принципами экстернализации (externalization), функционализации (functionalization), социализации (socialization) и диалектификации (dialectification). В соответствии с принципом экстернализации позиция рассматривается не как психологическое отношение или психическое состояние, а как вербально выраженная позиция с присущими ей соответствующими утверждениями (commitments) и ответственностью за них (responsibilities). В соответствии с принципом функционализации анализу должно подвергаться не только само утверждение, выражающее точку зрения, но также коммуникативный речевой акт выдвижения точки зрения. В соответствии с принципом социализации позиция рассматривается не только как выражение чьего-либо субъективного мнения, но и как публичное высказывание, нацеленное на то, чтобы с ним согласился слушатель или читатель, которые, как предполагается, не разделяют точку зрения говорящего или пишущего. В соответствии с принципом диалектификации принятие точки зрения считается оправданным лишь в том случае, если эта точка зрения успешно выдержала критику со стороны антагониста, высказанную им в процессе регламентированного обмена доводами «за» и «против».

В «Речевых актах в аргументативных дискуссиях» Франс ван Еемерен и Роб Гроотендорст определяют точку зрения как открыто выра-

женную точку зрения говорящего или пишущего в отношении сформулированного мнения (van Eemeren and Grootendorst, 1984. P. 5). Эта точка зрения может быть эксплицитно выражена с помощью следующей стандартной формулы:

Моя точка зрения в отношении [мнения] *O* состоит в том, что *O* истинно/ложно (ibid. P. 114).

И наоборот, говорящий или пишущий, который — в этой или в схожей манере — высказывает точку зрения, дает понять, что он считает содержание точки зрения своим мнением (ibid. P. 96).

Точка зрения может быть положительной (positive) или отрицательной (negative). В первом случае говорящий или пишущий занимает положительную позицию по отношению к высказанному мнению («Я полагаю, что женщины водят машину лучше, чем мужчины»). Во втором — он занимает отрицательную позицию («Я не думаю, что женщины водят машину лучше, чем мужчины»). Мнение, к которому имеет отношение положительная или отрицательная точка зрения, также само по себе может быть либо положительным, либо отрицательным («[Я (не) думаю, что] женщины водят машину лучше, чем мужчины»; «[Я (не) думаю, что] женщины водят машину не лучше, чем мужчины», соответственно). Выдвигая точку зрения в отношении какого-либо мнения, говорящий или пишущий берет на себя обязательство отстаивать эту позицию в случае необходимости. В зависимости от того, является ли позиция положительной или отрицательной, он должен обосновать или опровергнуть эту точку зрения в своем сообщении².

Речевой процесс выдвижения точки зрения характеризуется двумя понятиями: понятием речевого акта (speech act) и понятием условия успешности (felicity condition). В этом отношении важно ответить на следующие два вопроса. (1) Какой именно речевой акт используется для выдвижения точки зрения: ассертив, или утверждающий речевой акт (assertive), комиссив, или акт принятия говорящим на себя обязательств сделать что-либо (commissive), директив, или акт, указывающий слушающему сделать что-либо (directive), экспрессив, или акт, выражающий отношение говорящего к чему-либо (expressive), или декларатив — акт, декларирующий новое положение дел (declarative)? (2) При каких условиях этот речевой акт выполняется успешно?

Согласно Ф. ван Еемерену и Р. Гроотендорсту (ibid.), выдвижение точки зрения эквивалентно совершению *ассертивного речевого акта* — лишь речевые акты, относящиеся к классу ассертивов,

подразумевают то, что говорящий ручается за истинность или правильность пропозиционального содержания совершенного речевого акта. На практике, конечно, не каждая точка зрения выдвигается как прямое утверждение. Более того, выдвижение точки зрения — это больше, чем высказывание простого утверждения. В отличие от большинства других ассертивов (например, объявлений) точки зрения обычно выдвигаются тогда, когда предполагается, что слушатель или читатель сомневается в отношении приемлемости утверждения.

Как и в случае с другими речевыми актами, условия успешности речевого акта могут быть поделены на две группы: (1) *условия идентификации* (*identity conditions*), показывающие, что определенное высказывание является совершением определенного речевого акта; (2) *условие правильности* (*correctness condition*), показывающее, каким должно быть абсолютно правильное выполнение данного речевого акта (ibid. P. 42). Совместно условие идентификации и условие правильности составляют определение речевого акта, в данном случае — речевого акта выдвижения точки зрения. При выдвижении положительной точки зрения условия успешности должны быть следующими (Houtlosser, 1995. P. 75–83)³.

Условие идентификации

Условие пропозиционального содержания речевого акта (Propositional Content Condition)

1. Пропозициональное содержание точки зрения состоит из выраженного мнения *O*.

2. *O* состоит из одного или более высказываний.

Существенное условие (Essential Condition)

Выдвигая точку зрения, говорящий берет на себя ответственность относиться к мнению *O* положительно, т. е. берет на себя ответственность отстаивать свое позитивное отношение к *O*, если потребуется.

Условие правильности

Предварительное условие (Preparatory Condition)

1. Говорящий *S* полагает, что слушатель *L* (с самого начала, определенно) не согласен с *O*.

2. *S* полагает, что сможет доказать *O* для *L* с помощью аргументов.

Условие искренности (Sincerity Condition)

1. *S* полагает, что *O* верно⁴.

2. *S* намерен доказать *O* для *L* с помощью аргументов, если потребуется.

В прагма-диалектическом подходе к анализу аргументативного рассуждения высказывание также может выполнять функцию точ-

ки зрения, даже если оно не представляет собой точку зрения как таковую. Ассертив «информирование», например, может начать выполнять функцию точки зрения, если слушатель подвергает сомнению заключенную в нем информацию. В этом случае говорящий ретроспективно нарушил принцип взаимодействия, который предписывает, что говорящий не должен выполнять речевые акты, которые неприемлемы для слушателя (van Eemeren, Grootendorst, 1991). Если говорящий на самом деле выполнил речевой акт, который не может быть принят слушателем, то он должен постараться сделать его приемлемым или отказаться от него. Это означает, что любое утверждение, которое не принимается слушателем ни как явное, ни как подразумевающееся и от которого говорящий не отказывается, должно быть обосновано говорящим перед слушателем. Если он выполняет это обязательство, то таким образом подтверждает мнение, что его утверждение приемлемо, и, следовательно, выдвигает положительную точку зрения в отношении этого мнения.

Неассертивные речевые акты могут также потребовать от говорящего отстаивать свою точку зрения. Например, если говорящий просит, чтобы слушатель совершил какое-либо действие («Пожалуйста, придержите дверь»), а слушатель дает понять, что он не собирается этого делать («Зачем?»), говорящий должен либо обосновать свою просьбу («У меня в руках тяжелые коробки»), либо отказаться от нее («Ладно, не нужно») — иначе он препятствует обычному процессу речевого взаимодействия. Если говорящий обосновывает свою просьбу, он фактически подкрепляет мнение, что его требование приемлемо. Так же, как и в случае с ассертивом, предполагается, что он выдвигает положительную точку зрения в отношении данного мнения⁵.

2.2.3. Социопсихологические исследования убеждения

В центре социопсихологических исследований убеждения находится понятие «отношения» (attitude). Как показывает Даниэль Окиф (Daniel O’Keefe) в своей книге «Убеждение» («Persuasion»), под термином *отношение* социальные психологи понимают внутреннюю позитивную или негативную оценку человеком какого-либо объекта (другого человека, учреждения, события, продукта, политики и т. д.), опирающуюся на те или иные представления человека о предполагаемых свойствах этого объекта. Отношение не является врожден-

ным, оно «приобретается на основе опыта» (O'Keefe, 1990. Р. 18). Оно носит продолжительный характер и побуждает действовать определенным образом. Например, негативное отношение к Европейскому сообществу, сложившееся у людей в результате многолетних отрицательных комментариев в прессе, вряд ли изменится после того, как они прочитают несколько положительных статей об этом союзе. Скорее всего, они будут продолжать высказываться в отношении Европейского сообщества негативно, а не позитивно (см. также: Krech and Crutchfield, 1969. Р. 679).

Если сравнить концепцию отношения с прагма-диалектическим определением позиции, то можно увидеть некоторые явные различия. Во-первых, отношение — это внутреннее состояние человека, а позиция — это высказанное вслух мнение. Высказанное вслух мнение может — и в эмпирической реальности чаще всего так и происходит — основываться на внутреннем состоянии. Человек, высказывающий во время дискуссии точку зрения, что Европейское сообщество — это ненужная организация, вероятнее всего, уже испытывает скорее негативное отношение к этому сообществу, чем позитивное. Тем не менее нет никакой гарантии, что это действительно так. Второе различие заключается в том, что только наличие точки зрения накладывает обязательство вести спор. Отношение этого не требует, несмотря на тот факт, что точка зрения зачастую связана с отношением и иногда даже основывается на нем. Выдвижение точки зрения накладывает определенные обязательства, а наличие отношения — нет. Третье различие между отношением и точкой зрения заключается в том, что отношение подразумевает желание действовать определенным образом, а точка зрения — нет. Точка зрения говорящего не обязательно должна согласовываться с его действиями; диалектически она должна лишь согласовываться с другими высказываниями того же самого оратора, произнесенными в течение той же самой дискуссии. Во всех остальных случаях совершается ошибка «довод к человеку» в варианте «ты тоже» (*tu quoque fallacy*), когда говорящему указывают на несоответствие между его точкой зрения и его действиями. Четвертое и последнее различие между отношением и точкой зрения заключается в том, что отношение имеет длительный характер, а точка зрения — нет. В диалектике она существует лишь до окончания критической дискуссии, во время которой она обсуждается. После этого она либо принимается и в этом случае больше не подвергается сомнению и теряет статус позиции, либо отвергается и в этом случае перестает существовать.

2.2.4. Рассуждение в свете когнитивной теории

В области когнитивных исследований убеждения важную роль имеет понятие веры, включающее верования, представления или убеждения людсй (belief). Согласно Джилберту Харману (Gilbert Harman), работы которого «Мысль» («Thought», 1973) и «Перемена угла зрения» («Change in View», 1986) занимают видное место в данной области, вера — это внутреннее психологическое отношение. В отличие от отношений, занимающих центральное место в социопсихологическом исследовании убеждения, вера — это внутреннее психологическое отношение, которое не связано с определенным объектом, а скорее касается связи между объектом и каким-либо свойством либо связано с (предполагаемым) состоянием дел. Например, фраза «Поль в саду» передает веру в то, что свойство «находиться в саду» связано с объектом «Поль», а фраза «Идет дождь» передает веру в то, что текущее состояние дел в мире таково, что идет дождь⁶. Согласно Д. Харману, человек, который имеет определенную веру, обязан полностью принимать то, во что он верит⁷. Такой человек не считает необходимым выяснять, является ли то, во что он верит, истинным. Он также полагает, что у него есть (или были) хорошие основания считать, что то, во что он верит, истинно. Тем не менее он не обязательно должен быть в состоянии обосновать свою веру (Harman, 1986. Р. 13–14, 46–53).

В какой же мере вера отличается от точки зрения? Во-первых, вера — это внутреннее психологическое состояние, а точка зрения — это мнение, высказанное вслух. Во-вторых, обязательства, связанные с принятием веры, и обязательства, связанные с выдвижением точки зрения, различаются в двух отношениях. В первом отношении человек, который верит во что-то, принимает определенные обязательства по отношению к самому себе, в то время как человек, выдвигающий точку зрения, принимает на себя обязательства прежде всего по отношению к другим⁸. Лишь в последнем случае эти обязательства настолько сильны, что говорящий обязан выполнить их в процессе последующей дискуссии. Например, если кто-либо верит, что правительство лейбористов откроет новую эру в развитии страны, то в этом убеждении он несет обязательства лишь перед самим собой. Даже если бы он проголосовал за партию тори на следующих выборах, в отношении его поступка нельзя сделать каких-либо критических выводов (за исключением того, что ему стоит обратиться к психоаналитику). Но если он всерьез отстаивал точку зрения, что лейбористы приведут страну к процветанию, если

победят, то он уже не может утверждать во время той же дискуссии, что необходимо голосовать за партию тори. Высказывая точку зрения в отношении своих предпочтений, он тем самым берет на себя обязательство отстаивать эту позицию. Это подразумевает, что он больше не может делать утверждений, противоречащих этой точке зрения.

Другое различие между верой и точкой зрения заключается предположении, что человек, поверивший во что-то, должен иметь для этого серьезные основания. Лишь в момент обретения веры человеку могут потребоваться доводы в защиту своего решения, в дальнейшем же ему не нужно обосновывать свои убеждения. Другое дело с точкой зрения: человека, высказавшего точку зрения, могут в любой момент попросить обосновать ее.

Среди других различий между верой и точкой зрения можно отметить тот факт, что вера относится к области исследования (context of inquiry), а точка зрения — к области обоснования (context of justification). Область исследования предполагает, что рассуждение строится на основе определенных посылок; делаются выводы, в которых некоторое убеждение как бы вытекает из других. Убеждения принимаются на основе других убеждений. Если убеждение оказывается ложным и от него отказываются, то обычно это ведет к отказу и от других убеждений, из которых было выведено оказавшееся ложным убеждение. Область обоснования предполагает защиту оспариваемой позиции, хотя на практике аргументы могут быть высказаны до оглашения самой точки зрения. Тем не менее с позиции диалектики точка зрения всегда предшествует аргументам, иначе нечего защищать.

2.2.5. Анализ аргументативного дискурса

При анализе аргументативного дискурса одним из ключевых понятий является понятие «мнение» (opinion). Дебора Шиффрин (Deborah Schiffrin, 1985, 1987, 1990) дает характеристику мнений, основанную на анализе обычного речевого общения. Она описывает мнения как спорные по своей сути утверждения, в которых выдвигается частная субъективная оценочная позиция (individual, subjective and evaluative position), касающаяся возможного, существующего или желательного положения дел⁹. Отличительной чертой мнений является то, что их невозможно «проверить извне» (externally verifiable). Согласно Д. Шиффрин, термин *мнение* озна-

чает психическое состояние, которое доступно лишь самому говорящему (Schiffrin, 1987. Р. 236; 1990. Р. 244). Человек, выражающий свое мнение, в первую очередь верит в искренность своих слов, а не в истинность того, о чем он говорит. Даже когда говорящий отказывается подтвердить свое мнение, нельзя лишить его права придерживаться этого мнения. Согласно Д. Шиффрин, высказанные мнения не требуют никаких доказательств, т. е. высказавший мнение человек не несет бремени доказательства (*burden of proof*). Эта черта до определенной степени дает мнениям иммунитет от критики (Schiffrin, 1985. Р. 40; 1990. Р. 248).

На первый взгляд мнения и точки зрения имеют много общего. Как мнение, так и точка зрения являются утверждением, оба эти утверждения выражают позицию, которая, как правило, оспаривается. Кроме того, и мнение и позиция могут быть личными и субъективными. Но между ними есть некоторые серьезные различия.

Согласно Д. Шиффрин, мнения не требуют доказательств, а точки зрения — требуют; точку зрения необходимо защищать от критики. Если в результате дискуссии окажется, что точка зрения несостоятельна, было бы неразумно придерживаться ее в дальнейшем. Хотя, конечно, ее можно снова выдвинуть во время другой дискуссии, и в этом случае ее можно будет отстаивать снова. Согласно Д. Шиффрин, мнения можно продолжать придерживаться, даже если в результате дискуссии не удалось развеять сомнения оппонента в приемлемости выдвинутой точки зрения. Автор считает, что к мнениям нужно применять другой критерий рациональности, нежели к точкам зрения. И, тем не менее, в реальной жизни не каждый согласится, что мнение не нужно отстаивать. Хотя определение мнения, предложенное Д. Шиффрин, основано на анализе обычного речевого взаимодействия, оно несколько напоминает закливание, понятное лишь посвященным.

Другим важным различием между мнением и точкой зрения является то, что тот, кто высказывает мнение, несет ответственность прежде всего за свою искренность, а не за свою правоту. При выдвигании точки зрения основной характеристикой является уверенность именно в правоте. Искренность говорящего в последнем случае подразумевается, но вовсе не обязательна. И снова концепция мнения, предложенная Д. Шиффрин расходится с общепринятой концепцией. Как правило, человек, высказывающий мнение, хочет заявить не только о своей искренности, но также и о своей правоте¹⁰.

2.2.6. Структуралистская неформальная логика

Понятие «заключения» (conclusion) используется сторонниками структуралистской концепции аргументации, в частности такими известными специалистами в области неформальной логики, как Стивен Томас (Stephen Thomas) в работе «Практическое рассуждение в естественном языке» («Practical Reasoning in Natural Language», 1986), Труди Говье (Trudy Govier) в «Практическом исследовании аргументации» («A Practical Study of Argument», 1992), Ральф Джонсон (Ralph Johnson) и Энтони Блэр (Anthony Blair) в «Логической самозащите» («Logical Self-Defense», 1994). И Т. Говье, и Р. Джонсон, и Э. Блэр считают *заключение* утверждением, которое делается на основе одного или более других утверждений или посылок: «Заключение вытекает из посылки» (Govier, 1992. Р. 27). Они также рассматривают заключение как высказывание, которое дискутируется и в поддержку которого выдвигаются доводы: «Любое предложение, выражающее мнение [которое кто-либо высказал и отстаивает], выражает то, что называется *заключением* аргументации» (Johnson and Blair, 1994. Р. 10, 29–30); «Заключение — это оспариваемое утверждение или заявление, которое мы пытаемся доказать с помощью доводов» (Govier, 1992. Р. 5)¹¹. Следовательно, предложенное ими определение заключения не может быть применено к логическим моделям, которые структурно параллельны аргументативным схемам, но функционально отличаются от них. В качестве примера можно привести рассуждение-объяснение: «Кого-то другого назначили заниматься этим делом, потому что человек, которому первоначально предполагалось его поручить, был в отпуске». Это объяснение соответствует логической структуре следующей аргументации: «Он обязательно вернется сюда, потому что здесь остались фотографии его мамы». Тем не менее высказывание «Кого-то другого назначили заниматься этим делом» в вышеприведенном объяснении нельзя рассматривать как заключение с точки зрения неформальной логики, поскольку оно не оспаривается и не делается никаких попыток его обосновать. В этом отношении то, как трактуют термин *заключение* Т. Говье, Р. Джонсон и Э. Блэр, немного отличается от того смысла, который обычно вкладывается в слово «заключение». С разговорной точки зрения заключение вполне может быть сделано на основании какого-нибудь объяснительного высказывания.

Для С. Томаса, который не делает различий между собственно аргументацией и объяснительным рассуждением, заключение также

может быть результатом объяснительного рассуждения¹². Он определяет заключение как «любое утверждение, которое автор представляет как обоснованное или объясненное с помощью какого-нибудь довода в рассуждении (Thomas, 1986. Р. 34). Сравнивая заключение и точку зрения, предпочтительнее начать с определения заключения, данного С. Томасом, потому что из этого определения разница между заключением и точкой зрения становится яснее, чем из определений Т. Говье, Р. Джонсона и Э. Блэра.

Итак, первое различие заключается в том, что заключение может быть утверждением, которое становится (более) приемлемым благодаря другим утверждениям или (более) понятным благодаря другим высказываниям. В отношении точки зрения только приемлемость имеет значение. Такие формулы, как «я сейчас разъясню свою точку зрения», встречаются весьма часто, но чаще всего они служат для того, чтобы придать точке зрения статус неприкосновенности от критики. Заявляя, будто его точка зрения нуждается лишь в разъяснении, говорящий предполагает, что она уже была принята антагонистом, хотя на самом деле вопрос может по-прежнему оставаться открытым.

Второе различие между заключением и точкой зрения — в том, что заключение подводит итог рассуждению, в то время как точка зрения лежит в основе обсуждения и аргументации. В реальности позиция может следовать за выдвинутыми аргументами, а заключение может предшествовать доводам, выдвинутым в его поддержку, но согласно логике заключение вытекает из уже заявленных посылок, а в диалектике точка зрения предшествует аргументам. Между прочим, эти различия никак не связаны с природой формальных свойств утверждений, с помощью которых они выдвигаются; в зависимости от направления развития рассуждения одно и то же утверждение может быть определено и как заключение, и как точка зрения.

2.2.7. Процедурная неформальная логика

Если посмотреть на аргументацию с точки зрения процедурной неформальной логики, предложенной Стивеном Тулмином (Stephen Toulmin) в работе «Использование аргументов» («The Uses of Argument», 1958/1988), то в ней ключевым является понятие «утверждения-претензии» (claim)¹³. С. Тулмин исходит из того, что человек, высказывающий утверждение, по определению выдвигает *претен-*

зию: «Человек, делающий утверждение, выдвигает претензию — он претендует на наше внимание и на нашу веру. [...] Претензия [...] в утверждении подобна претензии на какое-либо право или на титул» (Toulmin, 1988. Р. 11). «Достоинства» такой претензии, согласно С. Тулмину, зависят от аргументов, которые предлагаются в ее поддержку¹⁴. Если говорящий в своем утверждении высказывает претензию, у слушателя есть безусловное право попросить говорящего ее доказать. В модели аргументации, предложенной С. Тулмином, реакцией на такое требование является выдвижение *данных* (data). Если возникает сомнение, действительно ли данные имеют отношение к выдвигаемому утверждению-претензии, то выдвигается *основание* (warrant), для которого, в свою очередь, может потребоваться *поддержка* (backing). Кроме того, к утверждению-претензии могут быть добавлены условия, выраженные в форме *опровержения* (rebuttal), что может заставить говорящего привести *уточнение* (qualifier) (ibid. Р. 97–105).

Согласно С. Тулмину, правильная процедура аргументации начинается не с выдвижения утверждения-претензии, а с постановки проблемного вопроса. Лишь после этого выдвигается претензия. Претензия представляется как наиболее оптимальный ответ на проблемный вопрос — как решение проблемы. С точки зрения процедуры, таким образом, претензии связаны с проблемными вопросами и с их решением (Toulmin, 1988. Р. 17–22).

Какова же связь между утверждением-претензией и точкой зрения? Так же как и при выдвижении точки зрения, выдвигая утверждение-претензию, говорящий подразумевает, что его утверждение является приемлемым. В этом отношении нет никакой разницы между точкой зрения и утверждением-претензией. Между ними также нет различия и в отношении необходимости предоставлять доказательства, когда утверждение-претензия и точка зрения подвергаются сомнению. Согласно модели С. Тулмина, утверждения-претензии необходимо подтверждать, если под сомнение ставятся основания, на которых они базируются. Что же касается точки зрения, то при возникновении у слушателя сомнений в ее правильности или истинности ее необходимо либо обосновать, либо от нее отказаться. Важное различие между претензией и точкой зрения заключается в том, что, согласно С. Тулмину, претензия подразумевает в каждом утверждении, в то время как не каждое утверждение автоматически подразумевает точку зрения¹⁵. Для того чтобы утверждение стало точкой зрения, должны быть выполнены дополнительные условия (см. 2.2.1).

2.2.8. Защита точки зрения и дебаты

Дебаты в их северо-американском понимании строятся вокруг понятия «пропозиции» (proposition). Как описывает Остин Фрили (Austin Freeley) в знаменитой книге «Аргументация и дебаты» («Argumentation and Debate», 1993), в дебатах две стороны пытаются с помощью аргументов подтвердить или опровергнуть для арбитра суждение, в отношении которого существуют разногласия. Утверждающая сторона (affirmative side) защищает суждение, опровергающая сторона (negative side) оспаривает его. Суждение, которое защищается и оспаривается, называется *дебатируемой пропозицией* (debat proposition) или просто *пропозицией* (Freeley, 1993. Р. 38). Утверждающая сторона обязана обосновать пропозицию. Это означает, что она должна предоставить судье убедительные доказательства правильности суждения. Опровергающая сторона не обязана высказывать свою альтернативную пропозицию и предоставлять доказательства в ее поддержку, ее единственная задача — оспаривать дебатированное суждение (ibid. Р. 43).

В американской модели дебатов выделяют три типа суждений, или пропозиций: фактические суждения (proposition of fact), ценностные суждения (propositions of value) и политические суждения (propositions of policy) (ibid. Р. 47–48)¹⁶. Бремя ответственности защищать эти суждения до некоторой степени строго определено. Для каждого суждения существует определенная схема защиты, которая определяет круг *ключевых вопросов* (stock issues), которые надо разрешить во время его защиты. Ключевые вопросы — это вопросы, касающиеся суждения определенного типа. Ответы на эти вопросы составляют либо его прямое обоснование, либо его прямое опровержение (ibid. Р. 60)¹⁷. Для того чтобы в споре сделать дебатированное суждение приемлемым для судьи, утверждающая сторона должна обосновать положительные ответы на все ключевые вопросы. Для этого данная сторона должна предоставить аргументы в защиту положительного ответа на каждый ключевой вопрос. Оппонирующей стороне достаточно опровергнуть положительный ответ лишь на один из ключевых вопросов. Если ей удастся это сделать, то в соответствии с правилами ведения дебатов судья признает суждение неприемлемым (ibid. Р. 61).

Между дебатированными пропозициями и точками зрения существует ряд сходных черт. И те и другие являются высказанными вслух или написанными суждениями и предполагают наличие расхождения во мнении. Как дебатированная пропозиция, так и точка зрения

влекут за собой бремя доказательств, от которого проponent освобождается, выдвигая аргументы.

Существуют также и различия. Первое различие относится к контексту их функционирования. Пропозиции по определению являются частью формального, регламентированного спора-дебатов. Точки зрения, с другой стороны, присутствуют как в формальной, регламентированной, так и в неформальной, нерегламентированной, дискуссии. Второе различие заключается в том, что в споре, протекающем по правилам, каждая сторона имеет одну и только одну задачу в отношении утверждения; в зависимости от занимаемой позиции одна сторона должна защищать утверждение, другая — оспаривать его. Во время обычной дискуссии участники имеют больше возможностей. Тот, кто оспаривает точку зрения, может также выдвинуть и отстаивать противоположную точку зрения, а тот, кто отстаивает исходную точку зрения, может начать оспаривать противоположную точку зрения. Эти различия отражаются на обязанности представлять доказательства. В дебатах опровергающая сторона не обязана доказывать правильность противоположной пропозиции. Во время дискуссии сторона, оспаривающая точку зрения, не обязана выдвигать противоположную точку зрения, но если эта сторона выдвигает такую точку зрения, то она берет на себя труд приводить доказательства по ее защите.

2.2.9. Теория речевых действий

Различные специалисты в области аргументации высоко оценили теорию речевых действий Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas' theory of communicative action). Наиболее известным среди них является Джозеф Коппершмидт (Josef Kopperschmidt). Согласно Дж. Коппершмидту, основной задачей аргументации является доказать *тезис* (thesis). У Дж. Коппершмидта понятие «тезис» отличается от понятия тезиса, принятого в античной и формальной диалектике¹⁸. Для того чтобы разъяснить, что понимает Дж. Коппершмидт под понятием «тезис», необходимо рассмотреть его трактовку теории Ю. Хабермаса. Эта трактовка наиболее полно представлена в работе «Методика анализа аргументации» («Methodik der Argumentationsanalyse», 1989; английское введение см.: Kopperschmidt, 1987).

Так же как и Ю. Хабермас, Дж. Коппершмидт придерживается мнения, что основание состоятельности (Geltungsgrund) нормаль-

ной коммуникации устанавливается тремя претензиями на состоятельность (validity claims), лежащими в основе каждого коммуникативного акта: претензиями на то, что коммуникативный акт отвечает критериям понятности (comprehensibility), искренности (sincerity), истинности (truth) или правильности (rightness). Обычно говорящий и слушающий исходят из того, что их высказывания интерсубъективно (intersubjectively) удовлетворяют всем трем критериям. При этом говорящие открыто не утверждают, что их высказывание отвечает этим критериям. Если же соответствие высказывания этим критериям ставится собеседником под сомнение, в этом случае та или иная сторона открыто озвучивает свои претензии. Это происходит, когда один из собеседников дает понять, что высказывание интерсубъективно не удовлетворяет или, возможно, не удовлетворяет этим критериям (Kopperschmidt, 1989. P. 16, 40–43).

Согласно Дж. Коппершмидту, только притязания на соответствие высказывания критерию истинности или справедливости нуждаются в аргументированном подтверждении, если оно ставится под сомнение. Претензии на соответствие высказывания критерию истинности внутренне присущи утверждающему речевому акту. Эти претензии касаются реального или предполагаемого состояния дел. Выдвигая свою претензию, говорящий дает гарантию, что информация, заключенная в его утверждении, является достоверной. Претензии на соответствие высказывания критерию справедливости внутренне присущи директивному речевому акту. Эти претензии касаются действий. Выдвигая эту претензию, говорящий дает гарантию, что совершение действия, упомянутого в предписании, оправдано наличием взаимного желания сторон совершить это действие (ibid. P. 16, 333–334).

Если соответствие высказывания критерию истинности или справедливости ставится под сомнение во время дискуссии, то в терминах Коппершмидта, претензия говорящего на соответствие его высказывания этим критериям оказывается *виртуализированной* (virtualized) (ibid. P. 97). Виртуализирование претензии на истинность или правильность означает постановку этой претензии в зависимость от аргументированной поддержки. Эта претензия становится предметом дискуссии, в которой она теперь выполняет функцию *тезиса*. Когда претензия говорящего на соответствие его высказывания соответствующему критерию подтверждается с помощью аргументов, она перестает выполнять функцию тезиса (ibid. P. 98).

Говорящий может акцентировать внимание на претензии на истинность, либо прямо заявив, что то, что он говорит, истинно, либо предложив аргументы в пользу этого. Слушатель может сделать претензию говорящего виртуальной, задав прямой вопрос, является ли претензия обоснованной, или потребовав от говорящего аргументированного подтверждения его претензии (ibid. P. 19, 23).

С точки зрения Дж. Коппершмидта, совершение утверждающего или директивного речевого акта подразумевает гарантию того, что лежащая в его основе претензия может быть подтверждена. Если говорящий совершает такой речевой акт, он берет на себя обязательство отстаивать тезис, который может возникнуть в результате этого речевого действия, и, если потребуется, должен доказать его состоятельность с помощью аргументов. Если тезис возникает в результате утверждающего речевого акта, аргументы должны показать, что прозвучавшее утверждение истинно; если тезис возникает в результате директивного речевого акта, аргументы должны показать, что нет ничего необычного в выполнении действия, обозначенного в директиве (ibid. P. 18, 36).

Как же все это соотносится с точкой зрения? Термины *тезис* и *точка зрения* обозначают одно и то же понятие, хотя используются в разных теориях. И тезис, и точка зрения являются частью дискуссии, и оба эти понятия подразумевают обязательство отстаивать их с помощью аргументов. Одно из различий между этими понятиями, по мнению Дж. Коппершмидта, заключается в том, что тезис — это не утверждение, а виртуальная претензия на соответствие высказывания тому или иному критерию коммуникации. Тезис не высказывается как таковой. Даже если говорящий, казалось бы, явно выдвигает тезис («Тем самым я выдвигаю тезис, что женщины лучше водят машину, чем мужчины»), с точки зрения Дж. Коппершмидта, такого рода утверждение не может рассматриваться как тезис. С точки зрения его анализа в этом примере тезисом являлась бы виртуализация претензии на истинность утверждения, что женщины лучше водят машину, чем мужчины. В противоположность этому в прагматической диалектике точка зрения высказывается как таковая. Конечно, это не означает, что позиция всегда должна высказываться явно. Поскольку приемлемость любого речевого акта может стать предметом обсуждения, аргументативная защита может потребоваться и для тех речевых актов, которые не используются при выдвижении точки зрения. Такие речевые акты должны быть реконструированы как заключающие в себе точку зрения.

2.3. Перспективы исследований

Таким образом, можно утверждать, что существует явное различие между такими понятиями, как «заключение», «утверждение-претензия», «дебатируемая пропозиция» и «тезис», которые в разных теориях полностью совпадают с прагма-диалектическим понятием «точка зрения» или обнаруживают с ним сходство, с одной стороны, и такими понятиями, как «отношение», «вера» и «мнение», которые означают нечто иное, с другой. «Отношение», «вера» и «мнение» относятся к категориям внутреннего состояния или выражают это внутреннее состояние, что позволяет отнести их к другой категории, чем точка зрения. Тем не менее это не означает, что внутреннее состояние, к которому они относятся, не играет роли при выдвижении «точки зрения». Их «точкозренческая» роль в общих чертах заключается в том, что при выдвижении точки зрения говорящий дает понять другим, что он занимает определенную позицию по отношению к утверждению, которое, на его взгляд, оспаривается, т. е. к мнению. Именно это мнение выражено в его точке зрения. Выражение мнения подразумевает, что говорящий имеет определенную веру или определенное убеждение (положительное в случае положительной точки зрения и отрицательную в случае отрицательной точки зрения). Выдвижение точки зрения налагает на говорящего обязанность иметь эту веру. Аспекты мнения и веры включены в определение речевого акта выдвижения точки зрения; аспект мнения включен в условие пропозиционального содержания, а аспект веры — в условие искренности. Позиция, выдвигаемая в рассуждении, иногда также базируется на отношении, которое согласуется с той точкой зрения, которой говорящий придерживается. Но поскольку с точки зрения прагматики это требование не обязательно, отношения не являются составной частью прагма-диалектического определения точки зрения.

В заключительной части этой главы мы постараемся ответить на два оставшихся вопроса: какие методы содержат обсуждавшиеся выше подходы для определения той области, которая входит в сферу их интересов, и до какой степени эти методы могут быть использованы при определении точки зрения в рамках прагма-диалектики?

За исключением когнитивных исследований рассуждения, все подходы, обсуждавшиеся выше, делают акцент на вопросах определения. В исследовании убеждения используется несколько методик для

того, чтобы определить отношение человека. Наиболее известной среди них является методика непосредственного измерения (*direct measurement technique*), когда респондентов спрашивают, в какой мере позитивно или негативно они оценивают тот или иной объект, или просят оценить некоторые свойства объекта, который характеризуется определенным к нему отношением (O'Keefe, 1990. P. 19–21). Среди косвенных методик можно отметить методику квазинепрямого измерения (*quasi-direct measurement technique*) и методику косвенного измерения (*indirect measurement technique*), при которых измеряются вербальные и невербальные реакции на оценочные высказывания, выражающие определенное отношение (*ibid.* P. 20–26; Krech, Crutchfield, 1964. P. 681–683). Ни одна из этих методик не может быть применена для определения точек зрения в аргументативном рассуждении.

С точки зрения Дж. Шиффрин, структурным показателем (*structural clue*) мнения является положение мнения в аргументативном дискурсе: мнения часто располагаются в начале или в конце аргументации. Этот показатель может быть также применен к точкам зрения, которые выдвигаются в дискуссии, приближающейся к идеальной критической дискуссии; в таких дискуссиях точки зрения выдвигаются на стадии конфронтации и сохраняются или отбрасываются на заключительной стадии дискуссии. Согласно Дж. Шиффрин, на мнение также могут указывать внешние показатели (*external markers*), такие как «по моему мнению», и внутренние показатели (*internal markers*), такие как глаголы, передающие отношение («думать», «полагать»), и модальные высказывания («следовало бы», «мог бы»). Индикативная функция этих глаголов и выражений проистекает из того факта, что они могут показывать неуверенность говорящего при выражении мнения (Schiffrin, 1990. P. 244). Хотя точки зрения не предполагают обязательного наличия неуверенности, а свидетельствуют о расхождении во мнениях, показатели мнений могут также быть полезными при определении точек зрения. Расхождение во мнениях ведь вполне может подразумевать некоторую степень неуверенности.

По мнению неформальных логиков-структуралистов, выводы можно определить как с помощью определенных подсказок в их собственных формулировках, так и с помощью подсказок, содержащихся в контексте. К первой категории относятся фразы и языковые формулы, с помощью которых говорящий явным образом показывает свое намерение сделать вывод, такие как «я делаю вывод, что», «итак», «следовательно», «должен», «не может» и «невозможно»,

чтобы». Контекстуальные подсказки можно вывести, исходя из типа дискурса, например, если текст является письмом к редактору (Thomas, 1986. Р. 23; Govier, 1992. Р. 6, 40; Johnson and Blair, 1994. Р. 13–15, 29–30). В принципе эти показатели также могут быть полезны при определении точек зрения, но опора на индикативные выражения предполагает систематический прагма-лингвистический анализ этих выражений, а опора на контекстуальные подсказки предполагает систематический анализ дискурса в определенном контексте. Другая подсказка проистекает из того факта, что каждый аргумент должен иметь вывод. Таким образом, если довод был определен как таковой, то также обязательно должен присутствовать и вывод. Для того чтобы правильно определять аргументы, специалисты в области неформальной логики составили список характерных черт тех логических структур, которые они считают аргументами; эти характерные черты могут также быть полезными при определении аргументации в функциональном смысле (например, Johnson and Blair, 1994. Р. 15–16).

Согласно модели С. Тулмина, высказывание является утверждением-претензией, если оно подкрепляется данными (и имеет под собой основание) (Toulmin, 1958/1988. Р. 97–105). Наличие данных и/или основания может, таким образом, указывать на присутствие утверждения-претензии. Тем не менее высказывание может иметь статус утверждения-претензии еще до того, как были выдвинуты данные (с основанием или без), поэтому этот критерий применим не всегда. Другим критерием может служить точка зрения С. Тулмина, что каждое утверждение-ассертив (*assertion*) содержит в себе утверждение-претензию (*ibid.* Р. 11). К сожалению, Тулмин не дает четких разъяснений того, что он понимает под утверждением-ассертивом. Если утверждения-претензии рассматривать как индикативные высказывания с особыми функциональными характеристиками, которые отличают их от других индикативных высказываний, то данные и основание не могут рассматриваться в качестве утверждений-ассертивов¹⁹. Тем не менее, если бы данные и основания рассматривались так же, как утверждения-ассертивы, это бы противоречило функциональному разграничению элементов в модели С. Тулмина. В целом можно сделать вывод, что С. Тулмин не приводит каких-либо показателей утверждений-претензий, не говоря уже о показателях, которые также подходили бы для определения точек зрения.

Дебатируемые пропозиции формулируются в начале дебатов. Поэтому их определение никогда не представляет какой-либо трудности. Тем не менее О. Фрили упоминает показатель для определения

«подстрекательских пропозиций» (inciting propositions). Эти суждения чаще всего содержат слово «следует» (Freeley, 1993. Р. 59). Однако без дальнейшего анализа это наблюдение не представляет большого интереса.

С точки зрения Дж. Коппершмидта, говорящий может перевести претензию на соответствие его высказывания какому-либо критерию успешности коммуникации в разряд тезиса, выразив эту претензию в речи. Он может сделать это, используя так называемые металингвистические средства, такие как «я утверждаю, что» и «верно, что». Слушающий также может перевести претензию говорящего в разряд тезиса, используя такие выражения, как «неверно, что» и «я не согласен», а также задавая вопросы для проверки соответствия утверждения своему критерию (validity questions), например «почему?» (Kopperschmidt, 1989. Р. 65). Другим показателем является присутствие аргументации: в анализе Дж. Коппершмидта аргументация используется для того, чтобы обосновать претензию на соответствие, которая подвергается сомнению (виртуализируется), и, таким образом, обосновать тезис (ibid. Р. 70–73). Хотя в последнем случае проблема опять переносится на идентификацию аргументации в рассуждении, показатели, предложенные Дж. Коппершмидтом, в принципе могут также быть применены для определения точек зрения.

Как утверждается в работе П. Хоутлоссера (Houtlosser, 1995), прагма-диалектическое определение выдвижения точки зрения как речевого акта дает ценный критерий для идентификации точек зрения. В частности, первое подготовительное условие представляет собой очень важный критерий: говорящий, выдвигающий точку зрения, должен полагать, что слушатель не примет без доказательств высказанное мнение, на котором основывается точка зрения. Если это предположение верно, то точку зрения в принципе необходимо отстаивать. Это объясняется тем, что обычное общение управляется принципом взаимодействия, который предписывает говорящему не выполнять какие-либо речевые действия, неприемлемые для слушателя. Если речевой акт оказывается неприемлемым для человека, которому он адресован, необходимо либо сделать речевой акт приемлемым, либо отозвать его. Следовательно, говорящий, который утверждает нечто, что, по его мнению, не будет принято слушателем, должен либо обосновать свое утверждение, либо отказаться от него; если он продолжает настаивать на своем утверждении, то обязан защищать его. Таким образом, утверждение в принципе имеет статус точки зрения.

Для того чтобы правильно использовать этот критерий, необходимо установить, выполнено ли первое подготовительное условие выдвижения точки зрения. Имеется три типа потенциальных показателей для выявления того, было ли оно выполнено (*ibid.* Р. 93–98). Во-первых, существуют показатели, указывающие на то, что говорящим был совершен утверждающий речевой акт. Сигнализировать, что первое подготовительное условие выполнено, могут различные выражения, которые могут использоваться говорящим в дополнение к собственно утверждению — пропозициональному содержанию ассертива. Это такие выражения, как «я полагаю, что» и «я считаю, что». Строго говоря, использование таких выражений говорящим является излишним. То, что он так полагает или считает, уже подразумевается самим утверждением; приверженность говорящего истинности утверждения заложена в условии искренности. В то же время если говорящий выполняет грайсовский максим, запрещающий излишества выражения, то мы можем на вполне законных основаниях предположить, что эти добавления заложены говорящим в его утверждении, т. е., не высказывая это открыто, говорящий исходит из предположения, что слушатель не примет его тезис без доказательств.

Во-вторых, реакция слушателя на утверждение говорящего также может являться показателем того, что была высказана точка зрения. Если слушатель подвергает сомнению прозвучавшее утверждение и говорящий понял это, то в этом случае снова выполняется первое подготовительное условие для выдвижения точки зрения. Для того чтобы идентифицировать в рассуждении выраженные слушателем сомнения, необходимо понять различия между двумя основными типами реакции слушателя на аргументативное сообщение. Первый тип реакции касается приемлемости утверждения, второй — понимания утверждения слушателем. Только те реакции, которые принадлежат к первой категории, показывают, что утверждение говорящего было подвергнуто сомнению.

В-третьих, показатели точки зрения можно найти и в последующих высказываниях говорящего. Здесь также можно выделить две основные категории: последующие высказывания, относящиеся к приемлемости предшествующего утверждения, и последующие высказывания, относящиеся к пониманию предшествующего утверждения. Первая категория состоит из высказываний, которые предназначены для того, чтобы лучше проинформировать слушателя, например детализация (*specification*), определение (*definition*) и объ-

яснение (explanation). Вторая категория состоит из высказываний, которые предназначены для того, чтобы убедить слушателя. Это такие типы высказываний, как мотивация (motivation), обоснование (justification) и доводы (reasons). Только последняя категория высказываний показывает, что слушатель не принял предшествующее утверждение без доказательств, а это, в свою очередь, может указывать на наличие точки зрения²⁰

В работе П. Хоутлоссера (ibid.) обсуждается большое количество показателей выполнения первого подготовительного условия выдвижения точки зрения: в самом речевом акте выдвижения точки зрения, в последующих высказываниях говорящего и реакции слушателя. Дальнейшие исследования должны прояснить, какие показатели точки зрения можно извлечь из других условий успешности речевого акта. В таком исследовании, например, можно изучить приемы, с помощью которых говорящий дает понять, что он берет на себя обязательство отстаивать точку зрения и выполняет это обязательство, а также способы, с помощью которых слушатель дает понять говорящему, что тот несет бремя ответственности по отстаиванию своей точки зрения.

Примечания

¹ Термин *формальная диалектика* (formal dialectics) был введен П. Хемблином (Hamblin, 1970).

² Между прагма-диалектическим термином «точка зрения» и точкой зрения в обычном понимании этого слова существует не только значительное сходство, но и определенные различия. В обычном общении свою точку зрения не обязательно сообщать другим людям. Например, весьма часто люди утверждают, что придерживаются определенной точки зрения по определенному вопросу, и при этом никогда не выносят свою точку зрения на суд публики или даже вообще не выражают ее языковыми средствами. Также в повседневной жизни точку зрения не обязательно доказывать. Люди полагают, что могут придерживаться определенной точки зрения, даже если они не в состоянии дать ей адекватное обоснование. Вам, конечно, знакомо следующее заявление: «Это моя точка зрения, и я никогда от нее не откажусь».

³ На основе тех же самых принципов можно вывести условия успешности при выдвижении отрицательной точки зрения. Ссылки на оратора и слушателя применимы в такой же мере и к пишущему и к читателю.

⁴ В соответствии с критикой ван Емерена и Гроотендорста (van Eemeren and Grootendorst, 1984. P. 21, 42) к серлевской формулировке условия искренности для обещаний следует добавить, что тот, кто выдвигает точку зрения, не обязан верить, что мнение, к которому относится данная точка зрения, истинно; главное, чтобы он публично утверждал, что верит в истинность данного мнения.

⁵ Подробнее узнать о проблемах, возникающих при реконструкции точек зрения, которые прямо не выражены, можно в работе ван Еемерена, Гроотендорста, Джексона и Джейкобса (van Eemeren, Grootendorst, Jackson and Jacobs, 1993. Ch. 5).

⁶ Для того чтобы ознакомиться с обзором различных точек зрения по онтологическому статусу содержания веры или убеждений, см.: Schiffer, 1987. P. XVI–XVII.

⁷ Харман не объясняет, как лучше всего подходить к понятию принятия на себя обязательств, следующих из того, во что ты веришь. С совершенно противоположным взглядом на связь между верой и согласием можно познакомиться в работе Коэна (Cohen, 1989).

⁸ Обязательство по отношению к другим также подразумевает веру в то, что мнение, к которому относится точка зрения, верно. Как было сказано в разделе 2.2.1, говорящий не обязан иметь эту веру, но если она у него есть, то он несет за нее ответственность — он не может отрицать, того, во что он верит, не противореча самому себе (как, например, в высказывании «С моей точки зрения, они должны оставить все как есть, но я не думаю, что им следует это делать»).

⁹ Мнение всегда выражает веру во что-то, однако, по определению Д. Шиффрин, обратное не обязательно: не каждая вера по сути своей спорна.

¹⁰ С концепцией мнения, которая ближе к общепринятому представлению о мнении, можно познакомиться в работе Ведла (Weddle, 1988); о разработке данной концепции в рамках теории речевых актов дает представление работа Ателсека (Atelsek, 1981).

¹¹ Интересно отметить, что Уэйтли (Whately, 1826/1975) под термином *заключение* понимает утверждение, которое уже было доказано в споре; до того, как оно доказано, оно считается *вопросом* (question).

¹² Хотя Фишер (Fisher, 1988) разделяет мнение Томаса, он все же проводит это различие.

¹³ Поскольку английский термин *claim* обычно переводится на русский язык как «утверждение», для целей разграничения тулминовского термина *claim* и других английских терминов, также переводимых на русский язык как «утверждение» (например, *statement*), для термина *claim* в данной главе нами был введен термин «утверждение-претензия». В дальнейшем в книге мы не всегда придерживаемся данного эквивалента при переводе английского термина *claim* (прим. пер.).

¹⁴ В работе Тулмина, Рики и Яника (Toulmin, Rieke and Janik, 1979) утверждения-претензии определяются как «утверждения-ассертивы (assertions), которые говорящий высказывает с целью добиться того, чтобы окружающие с ним согласились. При этом подразумевается, что существуют “доводы”, на которых они базируются и которые могут подтвердить их “обоснованность” в глазах публики» (ibid. P. 29).

¹⁵ В своем полифоническом подходе Анскомбр и Дюкро (Anscombe and Ducrot, 1989) предполагают, что каждое утверждение-ассертив содержит различные (подразумеваемые) *точки зрения* (viewpoints), одну из которых, как правило, говорящий готов отстаивать (см. также: van Eemeren, Grootendorst et al., 1966. P. 318–322). В данной концепции понятие точки зрения отличается от обычного понятия точки зрения как оно описано в теории аргументации.

¹⁶ В прагма-диалектической теории аргументации схожее различие проводится между типами мнения, на котором могут основываться позиции (van Eemeren, Grootendorst, 1992. P. 159). Крошей-Уильямс делает различие между типами утверждений на основании соответствующих критериев оценки: логические (logical), общепринятые (conventional) и эмпирические (empirical) (Crawshay-Williams, 1957. P. 8–13; см. также: van Eemeren, Grootendorst et al., 1996. P. 74–82).

¹⁷ Разногласие в отношении дебатлируемой пропозиции подразумевает разногласие в отношении ответа, по крайней мере, на один из ключевых вопросов. Это означает, что опровергающая сторона должна дать отрицательный ответ хотя бы на один из этих вопросов, иначе никаких разногласий существовать не будет.

¹⁸ В некоторых теориях в области риторики — особенно в тех, которые частично возникли под влиянием диалектики — термин *тезис* также используется для обозначения утверждения, сделанного для убеждения публики (см., например: Perelman and Olbrechts-Tyteca, 1969).

¹⁹ Определение *утверждения-претензии* в работе Тулмина (Toulmin et al., 1979) не дает ответа на это возражение. Согласно этому определению характеристики утверждения-претензии также применимы к утверждениям, содержащим данные и основания.

²⁰ Объяснения часто играют очень важную роль в убеждении аудитории в правильности точки зрения. Если, к примеру, слушатель не может точно определить, в чем заключается точка зрения говорящего (или что из нее следует), он, естественно, вряд ли захочет согласиться с ней. В этом случае объяснение может помочь сделать точку зрения более понятной. После того как точка зрения разъяснена, ее все равно необходимо отстаивать. Иначе согласно постулатам диалектики она не может считаться точкой зрения. Поэтому сами по себе объяснения не указывают на точку зрения.

Библиография

1. *Anscombe J.-C., Ducrot O.* Argumentativity and Informativity // From Metaphysics to Rhetoric / Ed. M. Meyer. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 71–87.
2. *Aristotle.* Posterior Analytics. Topica / Transl. by H. Tredennick and E. S. Forster. London: William Heineman, 1966.
3. *Аристотель.* Топика // Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
4. *Atelsek J.* An Anatomy of Opinions // Language in Society. 1981. N 10, 2. P. 217–225.
5. *Barth E. M., Krabbe E. C. W.* From Axiom to Dialogue: A Philosophical Study of Logics and Argumentation. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982.
6. *Cohen L. J.* Belief and Acceptance // Mind. 1989. N 48. P. 391, 367–389.
7. *Crawshaw-Williams R.* Methods and Criteria of Reasoning. An Inquiry into the Structure of Controversy. London: Routledge and Kegan Paul, 1957.
8. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentative Discussions. A Theoretical Model for the Analysis of Discussions directed towards Solving Conflicts of Opinion. Dordrecht: Foris; Cinnaminson: PDA 1, 1984.
9. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* The Study of Argumentation from a Speech Act Perspective // Pragmatics at Issue: Selected Papers of the International Pragmatics Conference. Antwerp. August 17–22, 1987, 1 / Ed. J. Verschueren. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 151–170.
10. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Argumentation, Communication, and Fallacies. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
11. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S.* Reconstructing Argumentative Discourse. London; Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1993.

12. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F., Blair J. A., Johnson R. H., Krabbe E. C. W., Plantin C., Walton D. N., Willard C. A., Woods J., Zarefsky D.* Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.
13. *Fisher A.* The Logic of Real Arguments. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
14. *Freeley A. J.* Argumentation and Debate: Critical Thinking for Reasoned Decision Making. 8th ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1993.
15. *Govier T.* A Practical Study of Argument. 3rd rev. ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1992.
16. *Grice H. P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3: Speech Acts / Ed. P. Cole, J. L. Morgan. London: Academic Press, 1975. P. 41–58.
17. *Hamblin C. L.* Fallacies. London: Methuen, 1970.
18. *Harman G.* Change in View. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
19. *Harman G.* Thought. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973.
20. *Houtlosser P.* Standpunten in een kritische discussie. Een pragma-dialectisch perspectief op de identificatie en reconstructie van standpunten [Standpoints in a Critical Discussion. A Pragma-Dialectical Perspective on the Identification and Reconstruction of Standpoints] / With a summary in English. Amsterdam: IFOTT, 1995.
21. *Johnson R. H., Blair J. A.* Logical Self-Defense. United States Edition. New York: McGraw Hill Ryerson, 1994.
22. *Kamlah W., Lorenzen P.* Logische Propädeutik; Vorschule des vernünftigen Redens. Mannheim: Hochschultaschenbücher-Verlag, 1967.
23. *Kopperschmidt J.* The Function of Argumentation: A Pragmatic Approach // Argumentation: Across the Lines of Discipline: Proceedings of the Conference on Argumentation 1986 / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Dordrecht; Providence: Foris Publications, 1987. 3A. P. 179–188.
24. *Kopperschmidt J.* Methodik der Argumentationsanalyse. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1989.
25. *Krech D., Crutchfield R. S.* Elements of Psychology. New York: Knopf, 1969.
26. *Lorenzen P., Lorenz K.* Dialogische Logik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.
27. *Naess A.* Communication and Argument: Elements of Applied Semantics. London: Allen and Unwin, 1966. (Translation of: En del elementaere logiske emner. Oslo: Universitets-forlaget, 1947.)
28. *O'Keefe D.* Persuasion: Theory and Research. Newbury Park, CA: Sage, 1990.
29. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969. (Translation of: La nouvelle rhétorique: traité de l'argumentation. Paris: Presses Universitaires de France, 1958.)
30. *Rescher N.* Dialectics. A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge. Albany: SUNY, 1977.
31. *Schiffer S.* Remnants of Meaning. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
32. *Schiffrin D.* Everyday Argument: The Organization of Diversity in Talk // Handbook of Discourse Analysis 3 / Ed. T. van Dijk. London: Academic Press, 1985. P. 35–46.
33. *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
34. *Schiffrin D.* The Management of a Co-operative Self during Argument: The Role of Opinions and Stories // Conflict Talk / Ed. A. D. Grimshaw. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. P. 241–259.

35. *Thomas S. N.* Practical Reasoning in Natural Language. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
36. *Toulmin S. E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958/1988.
37. *Toulmin S. E., Rieke R., Janik A.* An Introduction to Reasoning. New York: Mcmillan, 1979.
38. *Weddle P.* Distinguishing Fact from Opinion // Selected Issues in Logic and Communication / Ed. T. Govier. Belmont, CA: Wadsworth, 1988. P. 55–64.
39. *Whately R.* Elements of Logic. London: Longman, 1975.

НЕВЫРАЖЕННЫЕ ПОСЫЛКИ

3.1. Введение

Существует несколько причин, почему современные специалисты в области теории аргументации, риторики, логики и речевого общения интересуются невыраженными посылками (*unexpressed premises*), которые также часто называются *пропущенными посылками* (*missing premises*) или *имплицитными посылками* (*implicit premises*). Первая причина заключается в необходимости иметь надежный метод определения невыраженных посылок, основанный на удовлетворительной теоретической базе. Невыраженные посылки являются важной частью процесса аргументации, и для того, чтобы иметь возможность проанализировать и оценить эту аргументацию, невыраженные посылки должны быть правильно определены. Однако сделать это непросто. Поскольку человек, выполняющий анализ, имеет дело с чем-то подразумеваемым, он должен воссоздать то, что изначально отсутствует.

Вторая причина, почему невыраженные посылки интересуют различных теоретиков, заключается в необходимости объяснить невыраженные посылки как языковое явление. Носители языка в процессе повседневного общения выражают некоторые понятия явно, в то время как другие понятия остаются подразумеваемыми. Они делают это произвольно, и это обычно не является серьезной проблемой в общении. Недавние эмпирические исследования показали, что обычные носители языка не встречаются никаких трудностей в понимании невыраженных посылок¹.

«Результаты исследований в различных группах показали, что респонденты правильно выделяют связь между посылкой и точкой зрения. Большинство из них были в состоянии предложить информативно и прагматически верную реконструкцию невыраженной посылки...» (Garssen, 1999. P. 226).

Однако с точки зрения теории не так легко объяснить, как работает соответствующий мыслительный процесс и на каком основании носители языка приходят к той или иной интерпретации. В теории

аргументации невыраженные посылки рассматриваются как один из наиболее сложных объектов для исследования. В своем отчете о летней конференции по аргументации 1991 г. Д. Уолтон отмечал:

«Третьей сложной проблемой являлось определение отсутствующих (невыраженных) посылок и выводов. Все откровенно признали, что это главная нерешенная проблема, хотя традиционный метод анализа энтимем (enthymemes) преподается на протяжении всей истории логики» (Walton, 1996. Р. XII).

В настоящей главе будет дано разъяснение того, в чем состоит проблема невыраженных посылок и какие успехи в области теории были достигнуты для решения проблем, которые существуют со времени выхода в 1987 г. важнейшей статьи Т. Говье, посвященной невыраженным посылкам. Центральное положение в обсуждении невыраженных посылок занимали следующие темы: различия между дедуктивными и индуктивными подходами к этому понятию и значение этих различий для анализа невыраженных посылок; природа утверждения, которое составляет невыраженную посылку; роль контекста при анализе невыраженных посылок; отношения между невыраженными посылками и исследованием схем аргументации. Обсуждение этих проблем происходит на фоне двух традиционных подходов к анализу невыраженных посылок.

3.2. Две традиционные концепции

Во многих учебниках по логике и аргументации утверждается, что существует только одна традиционная концепция понятия энтимемы. Хотя многочисленные описания этой концепции не всегда полностью совпадают, в большинстве из них в целом содержится следующее.

Энтимема — это умозаключение, в котором посылка (или вывод) остается невыраженной. По этой причине заявленное суждение является логически (дедуктивно) ошибочным. Поэтому невыраженная посылка (или вывод) должна быть воссоздана и сделана явным образом с помощью правил логического (дедуктивного) построения с тем, чтобы умозаключение приобрело верный вид.

Я буду называть это определение энтимем и невыраженных посылок *традиционной логической концепцией* (traditional logical approach). Его корни находятся в античных трудах Цицерона и Боэция. Дальней-

шее развитие этот подход получил в средние века в работах многих авторов, среди которых был и Петр Испанский (Walton, 1996. Р. 222; Gerritsen, 1999a. Р. 27; 1999b. Р. 229)². Прототипом традиционного логического подхода является работа И. Копи (Copi, 1953; переиздана в 1986 г. в соавторстве с К. Коэном). Ниже следует один из примеров Копи:

«Душа, находящаяся во всех живых существах, бессмертна, потому что то, что находится в постоянном движении, бессмертно» (Copi, 1986. Р. 223).

В этом аргументе следующая посылка оставлена подразумеваемой.

Душа находится в постоянном движении³.

Согласно И. Копи, такой подход к невыраженным посылкам ограничивается только дедуктивными умозаключениями. В случае с другими типами умозакключений, например аргументацией, построенной на основании индуктивной аналогии, невыраженные посылки не играют никакой роли. В этом случае вывод оценивается с помощью специальных оценочных критериев. Эта позиция противоположна, например, позиции Н. Решера (Rescher, 1964), который полагает, что невыраженные посылки необходимо реконструировать в любом типе умозакключений, где присутствует хотя бы одна посылка и одно заключение. Тем не менее точка зрения Н. Решера отличается от общепринятого традиционного логического подхода к невыраженным посылкам.

Фактически существует второй традиционный подход к проблеме энтимем, который значительно отличается от логического подхода. Этот второй подход намного менее известен, но частично присутствует в традиционном логическом подходе, а также в современных подходах к проблеме энтимемы. Он базируется на трактовке энтимемы, которую Аристотель дал в работе «Риторика». Нет единого мнения в отношении точного значения и правильной интерпретации представлений Аристотеля об определении, форме и содержании энтимемы, но толкование его взглядов в современном риторическом подходе в целом сводится к следующему⁴.

Энтимема — это форма риторической аргументации, которая направлена на определенную аудиторию, в определенной ситуации и с определенной целью. Применяя энтимемы, говорящий использует тот факт, что знания или информацию можно передать аудитории, не облекая их в явно выраженную словесную форму.

Я буду называть такой подход *традиционным риторическим подходом* (traditional rhetorical approach). Интересно отметить, что этот подход применим только к риторическим умозакключениям, а, согласно

Аристотелю, риторические умозаклучения в корне отличаются от аподиктических (apodictic) и диалектических умозаклучений. Правила формальной логики неприменимы к риторическим умозаклучениям. Изучение риторических умозаклучений фокусируется на взаимодействии между говорящим и аудиторией и на вопросе, как говорящий может передать определенное сообщение этой аудитории. Поэтому можно сказать, что риторический и логический подходы к проблеме энтимем практически полностью противоположны. Первый преимущественно фокусируется на вопросах речевого взаимодействия, а не на логике, а второй концентрируется в основном на логике, а не на вопросах речевого взаимодействия.

Риторическая концепция энтимем с исторической точки зрения является первым подходом к проблеме энтимем, который можно выделить. Несмотря на то что основные идеи, лежащие в основе традиционного логического подхода, появились позже, этот подход преобладал в изучении невыраженных посылок в течение длительного времени — приблизительно с раннего средневековья до середины XX в. (Gerritsen, 1999b). Это объясняется тем фактом, что в тот период во всех отраслях науки доминировала традиционная логика. Пока она применялась к искусственным аргументам в упражнениях, используемых при обучении логике, можно сказать, что традиционный логический подход был достаточным. Это было также справедливо и в тех случаях, когда правильный и систематический анализ повседневной аргументации не являлся основной задачей. Приведенный выше пример Копи может служить иллюстрацией этому. В 50-х и 60-х гг. XX в. наблюдалось возрастание теоретического и практического интереса к аргументации. Именно в то время стало ясно, что традиционный логический подход не справляется со своими задачами, если его применить к обычным рассуждениям. Первая проблема заключается в том, что традиционный логический подход применим только к дедуктивной аргументации, в то время как совершенно очевидно, что в повседневной жизни большинство аргументов не соответствует этому требованию. Большая часть обычных умозаклучений содержит выводы, которые не всегда приемлемы и поэтому производят впечатление недедуктивных. На практике, однако, не так легко отличить дедуктивные аргументы от недедуктивных. Также не совсем ясно, как нужно интерпретировать и оценивать недедуктивные умозаклучения, не используя какую-нибудь концепцию невыраженных посылок.

Если традиционный логический подход применять ко всем типам умозаклучений, то могут возникнуть проблемы. Одна из таких проблем заключается в том, что появляется слишком много кандида-

тов на невыраженную посылку; весьма часто совершенно различные утверждения могут служить для приведения умозаключения к логически полной форме. В таких случаях логика не дает надежного инструмента для выбора. Кроме того, традиционный логический подход не принимает во внимание огромное количество подразумеваемых элементов и их различные функции. Поэтому такой подход не может помочь разобраться в том, какая явно выраженная и подразумеваемая информация играет важную роль в каждой конкретной аргументации.

Именно из-за этих недостатков традиционного логического подхода современные теоретики аргументации пытаются сформулировать новое отношение к невыраженным посылкам и разработать новые концепции. Эти попытки также вызвали новый интерес к риторическому подходу к проблеме энтимем из-за его более прагматического угла зрения. В первые годы развития теории аргументации невыраженные посылки обсуждались весьма широко. В 1980 г. в рамках программы исследования «неформальной логики» Д. Блэр и Р. Джонсон сформулировали следующие вопросы относительно невыраженных посылок.

«Проблема посылок и пропущенных посылок.

Как же точно идентифицировать пропущенную посылку? Какие различные типы посылок можно выделить в аргументации? Какие из них важны для оценки аргументации? Как определить и сформулировать пропущенные посылки? Являются ли эти вопросы только практическими и педагогическими, или их также можно назвать теоретическими?» (Blair and Johnson, 1980. P. 25).

На эти вопросы оказалось нелегко ответить, и, хотя уже на раннем этапе Д. Хичкок (Hitchcock, 1980, 1981), Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1982; 1983) предприняли совместные усилия в этом направлении, эти проблемы по-прежнему обсуждаются в современных исследованиях, посвященных невыраженным посылкам.

3.3. Различия между дедуктивными и индуктивными концепциями

В основе современных исследований невыраженных посылок лежит перемещение фокуса с дедуктивных умозаключений, в которых вывод с необходимостью вытекает из посылки, на индуктивные умо-

заключения, в которых вывод следует из посылок лишь с вероятностью. Тот факт, что логический подход не лишен недостатков, естественно, вызывает вопрос, какую роль формальная логика должна и может играть в современной теории аргументации. Этот вопрос особенно актуален при рассмотрении невыраженных посылок, поскольку, строго говоря, единственные существующие систематические концепции и методы анализа и идентификации аргументов опираются на формальную логику. Невыраженные посылки и формальная дедуктивная логика тесно связаны, поскольку формальная дедуктивная логика предоставляет нам четко определенную структуру умозаключения. Именно с помощью этой модели невыраженные посылки обычно и реконструируются.

Многие теоретики полагают, что традиционная дедуктивная модель умозаключения не может быть применена при анализе обычных индуктивных умозаключений. Поэтому мы должны попытаться найти какую-нибудь надежную альтернативу дедуктивной модели. Однако, если отбросить связь между формальной логикой и невыраженными посылками, концепция невыраженной посылки становится туманной, а идентификация невыраженной посылки — проблематичной. В научной литературе уже давно идет оживленная дискуссия по вопросу, можно или нет применять дедуктивную логику при анализе недедуктивных умозаключений и какие существуют другие возможности их изучения⁵. Позиция, которую занимает в этой дискуссии теоретик, в значительной степени определяет его отношение к невыраженным посылкам. Можно выделить три основные концепции в отношении невыраженных посылок. Я назову их *плюрализмом* (pluralism), *современным дедуктивизмом* (modern deductivism) и *ни плюрализм, ни дедуктивизм* (neither pluralist nor deductivist).

3.3.1. Плюрализм

Первая концепция в отношении дедуктивно-индуктивных различий умозаключений заключается в том, что, когда речь идет о невыраженных посылках, к дедуктивным и индуктивным умозаключениям необходимо применять разные критерии. Согласно этой концепции нельзя использовать дедуктивную модель аргументации для анализа индуктивных и других недедуктивных умозаключений. Среди наиболее известных теоретиков аргументации этого взгляда придерживаются Т. Говье (Govier, 1987), Д. Вудс (Woods, 1990) и Д. Уолтон

(Walton, 1996). По их мнению, ученые, анализирующие индуктивные умозаключения с помощью дедуктивной модели, являются «дедуктивистами», поскольку они относятся к умозаключениям так, как будто все они направлены на выражение определенности, тогда как на самом деле это не так. Оппоненты дедуктивизма выступают за так называемый *плюралистический взгляд* на проблему⁶. Различные типы умозаключений, как, например, дедуктивные, индуктивные, кондуктивные (conductive) и абдуктивные (abductive), диктуют свои собственные модели интерпретации и оценки⁷. Плюралисты полагают, что стандартная дедуктивная трактовка невыраженных посылок в корне неверна, потому что она не учитывает важные различия между разными типами умозаключений и недедуктивные умозаключения, состоящие из одной посылки и одного вывода, в ней ошибочно считаются неполными⁸. В результате недедуктивные умозаключения оцениваются с помощью неподходящих дедуктивных критериев, которые являются слишком жесткими. Согласно Д. Уолтону, стандартный дедуктивный анализ часто предполагает «додумывание» посылок, которые аргументатор вовсе не имел в виду, поскольку это необходимо для выполнения требований дедукции. Это часто приводит к совершению ошибки «фиктивный противник» (fallacy of the straw man) (Walton, 1996. P. 241). Один из способов избежать этой ошибки состоит в том, чтобы сделать каждое умозаключение дедуктивно верным путем лишь минимального вмешательства, а именно — включив в умозаключение лишь логический минимум (logical minimum), т. е. утверждение формы «если (посылка), то (вывод)». Однако при использовании такого метода аналитический потенциал критерия логической правильности (logical validity) сводится к нулю. На это обращает внимание Дж. Вудс (Woods, 1990. P. 107), отмечая, что таким весьма тривиальным способом можно дедуктивно обосновать все выводы, но в результате этого разница между логически верными и логически неверными умозаключениями исчезает — во всяком случае, так утверждают плюралисты.

Согласно плюралистическому взгляду невыраженная посылка, в ее традиционном понимании, должна реконструироваться только в редких случаях, когда в реальной жизни было выдвинуто действительно дедуктивное умозаключение. Движение от посылки к выводу в индуктивных и других типах умозаключений должно оцениваться каким-нибудь иным способом. В любом случае этого никогда нельзя делать с помощью реконструкции невыраженной посылки, которая сделает умозаключение правильным с точки зрения дедукции, поскольку это привело бы к дедуктивизму.

В последние годы основные исследования ученых, выступающих против дедуктивизма, развиваются в трех направлениях. Во-первых, эти исследователи ставят перед собой цель убедить сторонников дедуктивного подхода, что их метод ошибочен (Hitchcock, 1985, Govier, 1987). Во-вторых, они ставят своей целью описать и определить различия между дедуктивными, индуктивными и другими типами умозаключений, с тем чтобы можно было применять выработанные критерии при исследовании примеров аргументации из реальной жизни (Govier, 1992). На практике, однако, эти различия трудно определить. В-третьих, плюралисты пытаются решить проблему, как оценить переход от посылки к заключению в недедуктивных типах умозаключений (Hitchcock, 1980; 1981; 1985).

До настоящего момента все попытки разработать плюралистический подход к проблеме невыраженных посылок не привели ни к каким конкретным результатам. До сих пор нет никакой общепринятой классификации возможных типов умозаключений и подходящих критериев их оценки. К тому же вывод необходимо оценивать в любом умозаключении, вне зависимости от его типа. С этим также согласны сторонники плюралистического взгляда. Но в рамках плюралистического подхода традиционное понятие невыраженной посылки используется весьма ограниченно, и до сих пор не было предложено никакой ясной альтернативы. Вследствие этого остается открытым вопрос, должны ли мы формулировать утверждение, которое передает логическое вытекание вывода из посылки (*inference*), и если должны, то какой статус должен быть у этого утверждения, а если не должны, то на какой другой основе должна базироваться оценка логического вывода⁹.

3.3.2. Современный дедуктивизм

Вторая концепция, существующая в дискуссии по поводу дедуктивных и индуктивных подходов к невыраженным послылкам, гласит, что обычное применение дедуктивных правил правильности умозаключений в реконструкции невыраженной посылки вовсе не предполагает необходимости становиться на позиции дедуктивизма, во всяком случае в строгом значении этого слова. Поэтому совсем не обязательно отказываться от стандартного дедуктивного анализа невыраженных посылок. Эннис, признавая различие между дедукцией и индукцией (Ennis, 1982. Р. 70), тем не менее отдает предпочтение дедуктивному методу, поскольку он заставляет аналитика

тщательно исследовать каждый шаг в развитии аргументации и гарантирует, что ни один шаг не будет пропущен. Д. Хичкок (Hitchcock, 1980) также отдает предпочтение «эвристическому» дедуктивизму, как его называет Т. Говье (Govier, 1987. Р. 89). Другие доводы в защиту дедуктивизма были приведены специалистами в области прагма-диалектики, такими как Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1992), С. Герритсен (Gerritsen, 1995) и Л. Гроарк (Groarke, 1992). Я буду называть этих двух последних авторов *современными дедуктивистами* (modern deductivists).

Когда речь идет о невыраженных посылках, разграничение концепций на индуктивные и дедуктивные не является серьезной проблемой для современных дедуктивистов. Как утверждает Л. Гроарк (Groarke, 1992), различие между дедуктивными и индуктивными умозаклучениями в основном заключается в том, с какой степенью вероятности вывод следует из посылки. Определить эту вероятность вполне можно, не выходя за рамки дедуктивного метода. Этого можно добиться путем добавления особых семантических индикаторов силы логического следования (strength of inference) («Вполне вероятно, что...», «Я полностью уверен, что...») либо к посылке, либо к заключению, если такие индикаторы отсутствуют в оригинале. Выбор конкретного индикатора в каждом отдельном случае происходит на основании результатов анализа контекста. Сторонники дедуктивного подхода утверждают, что если таким образом принимать во внимание силу следования, то нет никаких препятствий для применения дедуктивного анализа повсеместно к любым умозаклучениям.

Приверженцы дедуктивного взгляда на проблему невыраженных посылок в последние годы концентрируют свое внимание в основном на двух элементах. Во-первых, они пытаются объяснить, почему дедуктивный подход является оправданным. Это зачастую означает, что они принимают участие в различных дискуссиях по поводу места и функции формальной логики в современной теории аргументации. Их основная позиция заключается в том, что критерий логической правильности, рассматриваемой эмпирически, должен также применяться в анализе обычной аргументации¹⁰. Логическая правильность является необходимым результатом анализа любого умозаклучения на логическом уровне, что подразумевает формально-логическую реконструкцию невыраженных посылок. Поэтому дедуктивный метод используется не только по эвристическим причинам.

Большинство современных дедуктивистов признают, что нет возможности точно определить, какие концепции аргументативной пра-

вильности применяют обычные носители языка. Они также признают, что логические системы, отличные от традиционной пропозициональной и силлогистической логики, могут быть более полезными при анализе конкретных умозаключений.

«Хотя необходимо придерживаться четкого критерия логической правильности, это вовсе не означает, что надо быть догматичным приверженцем дедуктивизма. В этой ситуации нам бы не хотелось занимать какую-нибудь крайнюю позицию по вопросу, каким типом логического критерия следует руководствоваться» (van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 113).

На практике, однако, большинство современных дедуктивистов все же ограничивают использование формальной логики рамками лишь традиционных логических концепций. Эта часть их подхода, вероятно, объясняется в основном эвристическими причинами.

«Для того чтобы упростить ситуацию, мы ограничимся... использованием хорошо известных, готовых инструментов пропозициональной логики и логики предикатов первого порядка» (ibid.).

Современные дедуктивисты полагают, что разработкой новых логических систем, подходящих для анализа повседневной аргументации, должны заниматься специалисты в области логики. В современной логике разрабатываются новые, более продвинутые и сложные логические системы и делаются попытки применения этих систем в теории аргументации¹¹.

Современных дедуктивистов критикуют за использование логики. Р. Джонсон (Johnson, 1999), например, считает, что невозможно точно сказать, до какой степени прагма-диалектика опирается на традиционное требование логической правильности, присущее дедуктивной логике. Иначе говоря: являются они дедуктивистами или нет?

«Они (ван Еемерен и Гроотендорст), судя по всему, отвергают идею Решера, что индуктивный вывод — это неуспешный дедуктивный вывод, и они соглашаются с тем, как Говье критикует дедуктивизм. И все же в своей трактовке невыраженных посылок они пользуются пропозициональной логикой и логикой предикатов первого порядка как средствами реконструкции невыраженных посылок. [...] Они готовы использовать традиционную концепцию логической правильности в своем методе оценки, и складывается впечатление, что у них нет другого выбора, кроме как использовать в той или иной форме требование логической правильности» (ibid. P. 413).

Вудс утверждает, что идеальная прагма-диалектическая модель дискуссии теряет свою ценность из-за ее дедуктивистской природы.

«Поскольку идеальная модель не дает возможности определить различия между верными и неверными умозаключениями, данная модель не представ-

ляет для нас какого-либо интереса, разве что она может обладать для нас отрицательной ценностью» (Woods, 1990. P. 158).

В ответ на критику Д. Вудса можно сказать, что, хотя большинство естественных умозаключений соответствуют требованию логической правильности, если не применять к ним дедуктивный анализ, это справедливо отнюдь не для всех аргументов. Хотя плюралисты не согласны с этим, дедуктивный анализ может выявить ошибочность той или иной аргументации (Gerritsen, 1995). Поэтому дедуктивный метод не является тривиальным. Тем не менее необходимым условием для проведения дедуктивного анализа служит наличие достаточного контекстуального подтверждения, на базе которого можно реконструировать умозаключение как ошибочное. Решение признать его таковым принимается на прагматическом уровне анализа. Если такое подтверждение отсутствует (что происходит довольно часто), современные дедуктивисты предпочтут реконструировать аргумент как логически правильный, потому что они исходят из прагматически обоснованного предположения, что люди обычно рассуждают логически правильно.

Есть одно важное отличие современных дедуктивистов от традиционных дедуктивистов: они считают логический анализ аргумента совершенно недостаточным. Этот анализ необходимо дополнить и завершить прагматическим анализом. Это вторая причина, почему (современный) дедуктивный анализ не является тривиальным. Прагматический анализ включает анализ непосредственных высказываний и анализ контекста, связанного с говорящим, аудиторией, ситуацией и любой другой дополнительной информацией, которая может быть полезной при проведении детального и правильного толкования аргументации. Этот контекстуальный анализ выявляет содержащиеся в контексте показатели аргументации и свидетельства ее присутствия, что позволяет аналитику приходить к результатам, которых нельзя достичь на логическом уровне. Прагматический анализ является важной частью современных дедуктивных концепций. В них уделяется огромное внимание вопросам, из чего должен состоять подобный анализ и каково должно быть его теоретическое обоснование¹².

3.3.3. Ни плюрализм, ни дедуктивизм

Третья концепция, которую можно выделить в дискуссии по поводу различий между дедуктивными и индуктивными подходами, гласит, что такой проблемы, как дедуктивно-индуктивные различия,

не существует вовсе. Общей характеристикой всех подходов, которые я включила в эту категорию, является то, что формальная логика в них в той или иной мере просто отсутствует. В частности, то, что традиционно называется *посылкой* (premise), в рамках этих подходов обозначается как *довод* или *причина* (reason). Этот подход оперирует понятиями логической правильности, логических форм, дедуктивных или индуктивных умозаключений. Термин *невыраженная посылка* обычно также отсутствует. Поскольку ученые, работающие в рамках такого подхода, вообще не используют дедуктивную модель аргументации, их нельзя назвать дедуктивистами. А поскольку они также не используют типологию различных видов умозаключений, их нельзя назвать и плюралистами.

Среди трактовок невыраженных посылок, в которых формальная логика не играет явной роли, можно назвать подходы, основанные на модели С. Тулмина (Toulmin, 1958). В этих подходах невыраженная посылка называется *основанием*, которое не совпадает напрямую ни с каким логическим понятием. Второе понятие в модели С. Тулмина обозначает элемент, обычно остающийся подразумеваемым, это *поддержка*, или утверждение, которое подтверждает основание¹³. Тем не менее одним из главных недостатков модели С. Тулмина является то, что по сути она мало чем отличается от традиционной дедуктивной модели. Другая проблема заключается в том, что у понятий «основание» и «поддержка» отсутствует концептуальная и функциональная четкость, поэтому не так много теоретиков продолжают пользоваться этой моделью¹⁴.

Вторая группа подходов в рамках данной категории связана с критическим мышлением (critical thinking) или критическим рассуждением (critical reasoning)¹⁵. В рамках этих концепций объектом анализа и оценки является обычная аргументация. В них больше внимания уделяется определению имплицитных элементов, причем делается это без использования каких-либо логических концепций. Последним практическим примером такого подхода является работа Томсон (Thomson, 1996).

Третью группу подходов к решению проблемы энтимем и невыраженных посылок составляют концепции, используемые исследователями дискурса и представителями диалогового анализа. В этих подходах не играет никакой роли ни логика, ни разграничение умозаключений на дедуктивные и индуктивные. Широко известной работой в рамках этого подхода является книга С. Джексона и С. Джейкобса (Jackson and Jacobs, 1980. P. 262). Они определяют энтимему как умозаключение, в котором обоснование напрямую

зависит от вопросов и возражений слушателя. Это определение подчеркивает интерактивный характер невыраженных посылок. Важным в этой концепции также является понимание структуры, последовательности и функциональных связей в повседневной речи, поскольку оно обогащает теоретическую базу анализа невыраженных посылок на прагматическом уровне. Тем не менее для того, чтобы использовать это понимание, необходимо более точно определить фразу «Обоснование соответствует вопросам и возражениям слушателя». Подходы, используемые представителями диалогового анализа, изначально нацелены не на то, как нужно исследовать энтимему, а на то, как правильно описать энтимему с точки зрения ее места в диалоге.

В последнюю группу специалистов входят исследователи риторики, которые практически полностью отказываются от формальной логики, когда речь заходит об исследовании энтимем и невыраженных посылок. Взгляд на энтимемы с позиций риторики значительно отличается от взгляда специалистов в области формальной логики. Исследователи риторики занимаются изучением взаимосвязи между текстом, контекстом и воздействием текста на аудиторию. При изучении данной взаимосвязи эти ученые исходят из того, что некоторая важная информация осталась невыраженной. Исследования энтимем специалистами в области риторики направлены на то, чтобы выяснить, как информация имплицитно передается аудитории и в каких формах и через какие каналы эта информация передается.

Интересный метод, предложенный Ф. Пиаццей (Piazza, 1995), показывает, что понимание энтимемы как состоящего из одной посылки дедуктивного умозаключения является неполным, поскольку оно игнорирует риторическую ситуацию, в которой встречаются энтимемы. Ф. Пиацца утверждает, что анализ не должен ограничиваться посылками и связью между посылками и заключением. При анализе необходимо принимать во внимание роль собеседника, то, как передается сообщение, и то, что называется «степенью сложности рассуждения» (the complexity of the reasoning). Она предлагает объединить логический и риторический подходы.

В концепциях, касающихся невыраженных посылок, в которых отсутствует формальная логика, обычно уделяется особое внимание элементам, присутствие которых в рассуждении рассматривается говорящим в каждом конкретном случае как само собой разумеющееся, а также тому, как говорящий доносит эти элементы до аудитории. Этот взгляд на невыраженные посылки безусловно имеет прагматический характер, хотя он применяется не всегда в одина-

ковой мере и с одинаковым эффектом. Недостаточно внимания уделяется определению имплицитных элементов, выявлению их отличительных черт, а также разработке систематических процедур для их идентификации.

3.4. Природа невыраженных послылок

Другая проблема, занимающая важное место в новейших исследованиях в области невыраженных послылок, касается определения точной природы высказывания, которое называется невыраженной послылкой. При изучении примеров рассуждения из реальной жизни вскоре становится ясно, что на практике многие имплицитные элементы играют ту или иную роль в аргументации и совсем не просто выделить тот, который можно считать невыраженной послылкой. В традиционных лингвистических теориях выделяются имплицитные элементы, встречающиеся в повседневной речи, которые могут считаться альтернативой понятию невыраженной послылки. Из них наиболее важным является *предпосылка* или *пресуппозиция* (presupposition). Однако не совсем ясно, в чем заключаются различия и сходство между пресуппозицией и невыраженной послылкой.

Т. Говье (Govier, 1987. Р. 92) сделала важный вклад в этот аспект исследования, показав все разнообразие различных имплицитных элементов, которые можно выделить, а также продемонстрировав, как сложно описать различия между ними и выделить невыраженную послылку. Ниже обсуждаются некоторые аспекты этой проблемы. Эти аспекты включают, в частности, существующую в учебниках путаницу относительно определения имплицитных, подразумеваемых элементов, распространенное представление, что невыраженная послылка является заполнителем пробела между послылкой и выводом (gap filler), а также различие между использованными и необходимыми послылками.

3.4.1. Расхождения в определениях

В существующей литературе можно найти значительные расхождения в определениях и терминах, используемых для обозначения имплицитных элементов. Одна из самых спорных проблем касает-

ся разграничения пресуппозиций и невыраженных посылок. Традиционно под пресуппозицией понимается лежащее в основе утверждения имплицитное умозаключение, истинность которого является условием истинности данного утверждения. Высказывание «В Будавии есть королева» является пресуппозицией утверждения «Королева Будавии старая». В большинстве учебных пособий пресуппозиции и невыраженные посылки трактуются как два различных имплицитных элемента. Согласно этим учебным пособиям основное различие заключается в том, что пресуппозиции играют свою роль лишь на фоне самого умозаключения, они принимаются как само собой разумеющееся и зачастую являются весьма тривиальными¹⁶. Поэтому обычно не возникает особой необходимости выражать их явным образом. В противоположность этому невыраженная посылка является основным элементом умозаключения. У нее есть специальная функция, которой не обладают пресуппозиции; невыраженная посылка «заполняет пробел» или «формирует мост» между эксплицитной посылкой и выводом (Ennis, 1982. Р. 62; Govier, 1987. Р. 96 соответственно). Поскольку невыраженные посылки являются частью основного умозаключения, их необходимо обозначать, в то время как пресуппозиции можно оставить без внимания.

Однако это чересчур упрощенная картина. С различием между невыраженными посылками и пресуппозициями в том виде, как оно описано выше, согласны не все специалисты по теории аргументации. Если сравнить различные учебные пособия, можно обнаружить много различий между терминами, используемыми для обозначения имплицитных элементов с точки зрения их значения. Такие термины, как *посылка-предположение* или *просто предположение* (assumption), *допущение* или *суппозиция* (supposition), *отсутствующая посылка*, *импликатура* (implicature), *умозаключение*, *вывод* или *следование* (inference) и *следствие* (implication), не всегда обозначают то же понятие, что и пресуппозиции и невыраженные посылки в их традиционном понимании. При выборе того или иного термина ученые руководствуются своими собственными концепциями. Иногда они используют различные определения для обозначения традиционных понятий, иногда вводят новые термины для обозначения традиционных понятий, и, наконец, иногда они вводят новые термины для обозначения понятий, которые ранее не выделялись вовсе.

Пример, наглядно показывающий возможную путаницу в отношении терминов, связанных с *невыраженной посылкой*, можно най-

ти в учебнике Э. Томсон (Thomson) «Критическое рассуждение» («Critical Reasoning», 1996). Э. Томсон использует общий термин *посылка-предположение* для обозначения любого имплицитного элемента, который может играть роль в аргументации. Она предпочитает этот термин термину *пресуппозиция*.

«Иногда в процессе оценки умозаключений вместо термина “предположение” используется термин “пресуппозиция”. Мы предпочитаем термин “предположение” из-за возможной путаницы между “пресуппозицией” и “суппозицией”. Обычно, когда в суждении говорится “предположим, что *X* истинно”, то в этом высказывании не утверждается и даже не допускается, что *X* на самом деле истинно; в этом высказывании просто анализируется, что могло бы произойти, если бы *X* действительно было бы истинным, и часто это суждение используется специально для того, чтобы показать, что *X* ложно. Таким образом, мы не должны воспринимать присутствие слова “предположим” в умозаключении как показатель того, что делается предположение. Поскольку мы используем термин “предположение” для обозначения чего-то, что осталось невыраженным, значит, в языке просто не может быть специальных слов для обозначения присутствия в умозаключении такого рода суждения» (Thomson, 1996. Р. 23).

Э. Томсон пытается объяснить, почему *посылка-предположение* является более понятным термином, чем *пресуппозиция*. Однако в этот термин она вкладывает не традиционное его значение, а значение, которое обычно принадлежит другому понятию — *гипотетическому утверждению* (hypothetical statement)¹⁷. Это утверждение функционально существенно отличается от традиционной пресуппозиции. Основное отличие заключается в том, что гипотетические утверждения по своей природе всегда функционируют в умозаключении как посылки. Поэтому они находятся на переднем плане, а не на заднем плане процесса аргументации. И, в отличие от пресуппозиций, они требуют идентификации. Другим важным отличием является то, что гипотетические утверждения обычно выражаются эксплицитно, поскольку было бы сложно сделать гипотетическое утверждение, приводимое Э. Томсон, оставив подразумеваемой ту гипотезу, из которой исходит автор умозаключения. Пресуппозиции по определению всегда являются подразумеваемыми.

В своем учебнике Э. Томсон не использует термин *невыраженная посылка* или близкие эквиваленты, такие как *отсутствующая посылка* и *имплицитный довод* (implicit reason). В своем объяснении значения понятия «предположение» она выделяет подкласс, элементы которого похожи на то, что традиционно считается невыраженными посылками. Элементы второго подкласса совпадают с тем, что принято считать пресуппозициями. Элементы других подклассов, выделяемых

Э. Томсон, менее похожи на традиционные категории имплицитных элементов. Вот как она вводит различные типы предположений.

«С точки зрения того, как термин “предположение” описывается выше, рассуждения включают в себя много предположений. Для каждого встретившегося нам умозаключения существует огромное количество общей фоновой информации, такой, например, как значения слов, с помощью которых выражается умозаключение, и общие знания, которые подтверждают представленные в аргументации доводы. Иногда эти предположения будут настолько неоспоримыми, что нам вовсе не нужно выражать их эксплицитно. Иногда, однако, у нас может возникнуть сомнение в надежности предположения. В этом случае важно точно сформулировать, в чем заключается это предположение, для того чтобы дать оценку аргументации. Позже мы поговорим более подробно о предположениях, касающихся значения слов, предположениях об аналогичных или сопоставимых ситуациях и предположениях, касающихся уместности приведенного объяснения. Но в рамках этой главы мы сфокусируем свое внимание на...» (ibid. P. 24).

В этом объяснении Э. Томсон выделяет предположения, касающиеся значения слов в качестве подтипа. В традиционной теории предположения подобного рода считаются пресуппозициями. Складывается такое впечатление, что Э. Томсон помещает предположения об аналогичных или сопоставимых ситуациях и предположения, касающиеся уместности приведенного объяснения, в тот же самый подкласс, что и предположения, касающиеся значения слов. Возможно, она считает их также пресуппозициями. Однако обычно такие предположения обособленно не выделяются. Возражая против данной части классификации Э. Томсон, можно сказать, что практически невозможно обозначить эти предположения *a priori* как пресуппозиции, потому что предположение об аналогичной ситуации вполне может являться в рассматриваемом случае невыраженной посылкой. В умозаключении, основанном на аналогии, именно предположение такого типа выделяется в качестве невыраженной посылки¹⁸. То же самое можно сказать о ее «предположениях, касающихся уместности приведенного объяснения», — их сложно выделить *a priori*. Имплицитные элементы невозможно выделить исходя из их содержания, как это пытается сделать Э. Томсон.

Она описывает еще два подкласса предположений. Интересно отметить, что определяющий критерий теперь является функциональным.

«...мы сконцентрируем наше внимание на следующих двух функциях предположения в умозаключении: во-первых, оно служит обоснованием основного довода, эксплицитно выраженного в умозаключении; во-вторых, оно является отсутствующим звеном внутри умозаключения — возможно, является дополнительным доводом, который необходимо добавить к уже высказанным дово-

дам для того, чтобы сделать правильный вывод, или иногда представляет собой промежуточный вывод, который подтверждается доводами и, в свою очередь, поддерживает основной вывод» (ibid. P. 24).

Не совсем ясно, как эти два типа предположений связаны с традиционными концепциями невыраженных посылок. Я полагаю, что первый тип предположения, отмеченный Э. Томсон, не имеет эквивалента в традиционной концепции. Он напоминает понятие, выделяемое Р. Эннис (Ennis, 1982) и М. Берк (Burke, 1985), так называемое *подкрепление* (back-up). Оно также является утверждением, которое служит аргументативной поддержкой эксплицитной посылке¹⁹. То описание подкрепления и примеры, которые предлагают Р. Эннис и М. Берк, однако, крайне неясны. Более того, проблема с идеей поддержки заключается в том, что аналитик всегда может придумать какой-нибудь дополнительный довод, поддерживающий уже прозвучавшие аргументы. Но едва ли имеется достаточно оснований говорить, чтобы подтвердить то, что добавление этих доводов в умозаключение является правомерным с точки зрения толкования умозаключения. К тому же для принятия подобного решения нет никакого теоретического фундамента²⁰.

Предположениями второго типа, которые выделяет Э. Томсон, являются *промежуточные выводы* (intermediate conclusions). Они либо пересекаются с традиционным понятием невыраженных посылок, либо полностью совпадают с ними, поскольку в классификации ученого они образуют «отсутствующее звено» (missing step), а это может означать то же самое, что и «заполнение пробела» (filling a gap) или «формирование моста» (forming a bridge). Это отсутствующее звено, по утверждению Э. Томсон, может быть предположением, которое нужно добавить к эксплицитным доводам для выведения заключения, или промежуточным выводом, который подтверждается доводами и, в свою очередь, подтверждает основной вывод. Первое определение действительно соответствует традиционной концепции невыраженных посылок как предположений, которые необходимо добавить, чтобы вывести заключение. Второе определение относится к аналитическому случаю, который хорошо известен всем, кто занимается анализом аргументации, но опять же для него не существует общепринятого термина. (В терминах прагма-диалектики: одиночная аргументация в подчинительной цепи одиночных аргументаций осталась имплицитной.)

Ниже приводится обзор терминов Э. Томсон в отношении имплицитных элементов в сравнении с традиционными терминами.

Термины Томсон	Традиционные термины
Подкласс 1	
— значения слов	пресуппозиция
— аналогичные или сравнимые ситуации	неясно
— уместность приведенного объяснения	неясно
Подкласс 2	
— в поддержку основных доводов	поддержка
— как отсутствующее звено: дополнительный довод промежуточное заключение	невыраженная посылка имплицитная часть подчинительной аргументации

Этот анализ показывает, что, когда речь идет о терминах, обозначающих имплицитные, подразумевающиеся элементы, разные ученые вкладывают в разные понятия свой смысл. Поэтому неудивительно, что в терминологической области из-за этого возникает значительная путаница.

3.4.2. Невыраженная посылка как заполнитель пробела

Помимо расхождений в терминах существуют и другие сложности в отношении разграничения пресуппозиций и невыраженных посылок. В соответствии с традиционным определением пресуппозиции находятся на заднем плане аргументации. В реальной аргументативной практике, однако, так бывает не всегда, потому что в некоторых случаях пресуппозиции являются решающими элементами при определении качества аргументации. В этих случаях они находятся на переднем плане аргументации или, по крайней мере, создается такое впечатление. Одним из традиционно признаваемых случаев этого является ошибка *сведения многих вопросов к одному* (many questions). Не существует четкого аналитического инструмента для выявления пресуппозиций. Также не существует какой-либо теории аргументации, где определение значимых пресуппозиций систематически вводилось бы в анализ. Это представляет проблему тогда, когда кажется, что место пресуппозиции на переднем плане аргументации. В этом случае определить различие между ней и невыраженной посылкой особенно трудно. Задача здесь заключается в том,

чтобы ответить на главный вопрос: какое значение имеет тот факт, что невыраженная посылка является заполнителем пробела, а presupпозиция — нет? Ведь считается, что именно это и отличает их друг от друга. Сама возможность сказать, что невыраженная посылка должна заполнить пробел или сформировать мост между прозвучавшими посылками и выводом, является преимуществом данного подхода, поскольку это требование подразумевает функциональную перспективу. Невозможно определить невыраженную посылку только по ее содержанию. Она может относиться к любой теме и иметь любой статус с точки зрения ее истинности или приемлемости, и собеседники могут соглашаться с ней в разной степени. Поэтому представляется, что описать это понятие можно только через определение той функции, которую посылка выполняет в умозаключении. Однако этого можно добиться, лишь четко определив, что означает «заполнение пробела», особенно в отношении невыраженных посылок.

Когда говорится, что невыраженная посылка заполняет пробел, часто имеется в виду, что невыраженная посылка представляет собой своего рода высказывание формы «если, то», как в следующем примере.

Заключение	Эта статья об аргументации
Посылка	Она написана специалистом по теории аргументации
Невыраженная посылка	Если эта статья написана специалистом по теории аргументации, то эта статья об аргументации

Здесь утверждение формы «если, то» является так называемым *логическим минимумом*. Конечно, добавление логического минимума полностью соответствует традиционному логическому подходу, и поэтому этот метод страдает от тех же самых недостатков. О том, что этот метод представляет собой пример дедуктивизма, уже было упомянуто. Другое возражение заключается в том, что заполнение логического минимума является бесполезным действием, поскольку это утверждение всего лишь повторяет сам аргумент; оно ничего не добавляет, и его нельзя проверить на истинность и приемлемость²¹. Некоторые специалисты полагают, что логический минимум не может быть подходящим кандидатом на роль невыраженной посылки.

Второй тип утверждения формы «если, то», который может претендовать на роль невыраженной посылки, — это та или иная обобщенная версия логического минимума, учитывающая соответствующий контекст. За использование невыраженных посылок данно-

го типа выступают, в частности, Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (Eemeren, Grootendorst, 1992. Р. 62–66) и Гроарк (Groarke, 1995). Преимущество этого метода по сравнению с предыдущим заключается в том, что в результате получается утверждение, которое не является неоспоримым. Поэтому оно дополняет умозаключение и его возможно проверить. Но оппоненты этого метода утверждают, что этот метод также лишь сводится к дедуктивизму, поскольку он делает аргументацию дедуктивно правильной и его можно применить к любому аргументу, состоящему из одной посылки и вывода²². Некоторые также видят недостаток данного метода в том, что аналитик должен решать, какие термины логического минимума необходимо обобщить и до какой степени. Другие утверждают, что в этом нет ничего сложного, поскольку это уже является неотъемлемой частью аргументативного анализа²³. В прагма-диалектике, например, частью анализа на прагматическом уровне как раз и является определение того, каким может быть содержание невыраженной посылки и до какой степени логический минимум должен быть обобщен или определен на базе текста и контекста²⁴.

Если невыраженная посылка всегда выступает обобщенной версией логического минимума, заполняющего пробел между посылкой и выводом, она отличается от пресуппозиции и никогда не является утверждением «если, то» (или его вариантом), которая связывает посылку и вывод. Совершенно очевидно, что это утверждение другого рода. Плюралисты, однако, не согласны с этим определением невыраженной посылки.

3.4.3. Использованная или необходимая посылка

Даже если бы все согласились с тем, что невыраженная посылка является обобщенной версией логического минимума, существует другая проблема, касающаяся природы невыраженной посылки. Некоторые специалисты (Ennis, 1982; Govier, 1987; Walton, 1996) утверждают, что существуют два вида невыраженных посылок в зависимости от цели проводимого анализа. Этими двумя типами являются использованная (used) и необходимая (necessary) посылки. *Использованные* посылки правильны с точки зрения толкования конкретного умозаключения. Проведя анализ умозаключения, мы вправе сделать вывод, что эти посылки (имплицитные и эксплицитные) находились в сознании говорящего во время аргументиро-

вания. Имплицитно использованные послылки реконструируются, когда целью анализа является толкование умозаключения. *Необходимые же послылки* не могут быть приписаны говорящему. Проанализировав умозаключения, мы не вправе говорить, что аргументатор исходит из того или иного положения. Необходимые послылки вытекают только логически из выдвинутого умозаключения: это те послылки, которые необходимы для того, чтобы сделать умозаключение правильным²⁵. Необходимые имплицитные послылки реконструируются, когда целью является «определение истинности», или «оценка», умозаключения означает, что цель аналитика — выяснить, в какой степени истинность вывода подтверждается посылкой²⁶. Различие между этими понятиями также означает, что, поскольку использованные послылки и необходимые послылки по определению различны по своей природе, в зависимости от этих двух целей анализа выводимые невыраженные послылки всегда будут отличаться друг от друга своим содержанием.

Разграничение между использованными и необходимыми послылками описывается в работе Энниса (Ennis, 1982. Р. 64). Он утверждает, что это различие необходимо соблюдать, чтобы избежать путаницы, а также чтобы разработать систематический метод для определения невыраженных посылок, с помощью которого аналитики могли бы заранее решать, что является целью их анализа и на какой тип невыраженных посылок этот анализ направлен. В то время, когда Эннис выражал эти взгляды, действительно существовала путаница в отношении целей анализа, особенно среди неформальных логиков. Сегодня, пожалуй, большинство специалистов придерживаются того мнения, что поиск истины не должен являться целью аргументативного анализа. Тем не менее различие между использованными и необходимыми послылками остается в центре внимания. Д. Уолтон (Walton, 1996. Р. 248) считает, что реконструкция необходимых посылок не составляет большой проблемы для аналитика, потому что их можно реконструировать, полагаясь на правила дедуктивной логики и используя такие аналитические инструменты, как аргументативные схемы (argumentation schemes). Реконструировать использованную посылку, с другой стороны, гораздо труднее. Д. Уолтон полагает, что для того, чтобы создать «классификацию различных типов энтимем и различных ситуаций, в которых они встречаются в аргументации, необходимо провести дополнительные исследования» (ibid. Р. 250).

Проблема различения использованных и необходимых посылок актуальна лишь для тех, кто согласен, что между ними вообще суще-

ствуют какие-либо различия. А с этим согласны отнюдь не все, поскольку это подразумевает, что использованные посылки не являются теми посылками, которые делают аргумент логически правильным. По крайней мере, такой вывод следует из того, как трактует этот вопрос Д. Уолтон. Однако более важно то, что получается, что обычные люди не умеют логично рассуждать. Если следовать подобной логике, то это неизбежно приведет к разрыву между логикой и теорией аргументации, с одной стороны, и изучением обычной аргументации, с другой. Для тех, кто согласен, что различие между использованными и необходимыми посылками существует, анализ на прагматическом уровне, направленный на использованные посылки (интерпретация), полностью отличается от анализа на логическом уровне, который направлен на необходимые посылки (оценка): это два различных вида деятельности, и специалист может выбирать любой из них. Однако сложно понять, какова была бы выгода от такого разделения. Такое понимание различия между интерпретацией и оценкой также представляет собой резкий контраст по сравнению с другими подходами, как, например, с прагма-диалектикой, где интерпретация всегда предшествует оценке и мотивируется необходимостью оценки.

3.5. Роль контекста

Третьей важной составляющей изучения невыраженных посылок является все возрастающий теоретический и практический интерес к роли контекста в анализе. В традиционном логическом подходе, как показал вышеприведенный пример Копи, контекст практически не играет никакой роли. Но при изучении аргументации, встречающейся в реальной жизни, важную роль приобретает специфическая для каждого случая и детальная контекстуальная информация, анализ которой необходим для достижения удовлетворительных результатов. Контекст важен при анализе всех аспектов анализа аргументации, но особенно он необходим при идентификации имплицитных элементов, таких как невыраженные посылки. Без анализа контекста определить невыраженные посылки практически невозможно. Тот факт, что контекстуальная информация часто имеет решающее значение при проведении аргументативного анализа и поэтому контекст должен стать неотъемлемой его частью, подчеркивают многие ученые. Чтобы сделать это, необходимо разрешить несколько проблем.

3.5.1. Определение понятия «контекст»

Концептуальная проблема заключается в том, что контекст — это достаточно широкое и туманное понятие. Он включает не только написанный или произнесенный текст, но и различную другую информацию, которая имеет то или иное отношение к этому тексту. Вследствие широкого определения сложно определить, каким же является правильный контекст в каждом конкретном случае, не говоря уже о том, что оно не позволяет определить, будут ли правильными невыраженные послылки в конкретном контексте. Даже осознавая важность использования в анализе контекстуальной информации, не совсем понятно, как это лучше всего сделать.

В современной теории аргументации, особенно сразу после ее создания, существовала тенденция рассматривать умозаклучения отдельно от контекста, в котором они исходно функционировали. Таким образом, единственными изучаемыми умозаклучениями были те, что состояли из вывода и одной или двух посылок. Сегодня практически все признают, что, используя этот метод, невозможно по-настоящему понять то или иное умозаклучение. Иначе говоря, это превращает анализ аргументации в достаточно бессмысленную деятельность. Для того чтобы добиться более детальных результатов, сегодня ученые изучают более обширные фрагменты текста, стремясь учесть контекст умозаклучения. Яркими примерами такого подхода являются исследования функционирования аргументации в особой ситуации и особом контексте, как, например, в контексте юридической практики (Feteris, 1999) или в общественно-политическом контексте (Berkenbosch and van der Geest, 1999).

Весьма полезным инструментом при поиске подходящей невыраженной послылки мог бы стать метод или какая-нибудь процедура для определения правильного контекста. Концепция невыраженной послылки подразумевает ее полную зависимость от контекста; без контекста эта концепция едва ли имеет какой-нибудь смысл с точки зрения прагматики. Если при анализе неправильно определен контекст, это может легко привести к разногласиям по поводу точного содержания конкретной невыраженной послылки. И даже в тех случаях, когда доступна обширная информация, практически всегда остается место для альтернативных толкований. Однако в повседневной жизни это сказывается не так сильно, иначе люди не смогли бы общаться и понимать друг друга.

Для того чтобы понять, о чем на самом деле идет речь в аргументации, по мнению С. Джейкобса (Jacobs, 1999), необходимо рас-

смаатривать аргументативный материал не в изоляции, а как часть дискурса.

«Слишком часто проблема реконструкции умозаключений рассматривалась как задача перефразирования высказываний, дополнения отсутствующих посылок, выявления подразумевающихся выводов, однако за рамками понимания оставался смысл сообщения в целом... Информация, которая передается в сообщении, не ограничивается лишь тем, что можно извлечь из предложений с помощью правил синтаксиса, семантики и логики... Истолковывая сообщение, люди создают контекст из предположений и выводов, пытаясь понять, что было сказано и чего не было сказано, но могло бы быть сказано и, исходя из этого, как и когда все это было сказано. Слова сами по себе не являются сообщением... Именно контекст, состоящий из толковательных предположений и выводов, и является сообщением» (ibid. P. 398).

Вслед за Ф. ван Еемереном (van Eemeren, 1990) С. Джейкобс предлагает «нормативную прагматику» (normative pragmatics) как корректирующее и дополняющее средство для традиционного подхода к анализу²⁷.

Вопрос о том, как подключить к анализу контекстуальную информацию, особенно важен для тех, кто работает в той или иной мере в рамках традиционного логического подхода, хотя бы только потому, что это заставляет их отходить от этого подхода и идти по пути, избранному представителями неформальной логики и прагматической диалектики. Для тех, кто работает в рамках традиционной или современной риторики, необходимость включения контекстуальной информации в анализ умозаключений не вызывает возражений. Для них концепции энтимемы и имплицитной информации всегда были связаны с контекстом. Риторический подход к проблеме энтимем не делает акцент на воссоздании правильной невыраженной посылки (на самом деле этот термин или его синоним даже редко употребляются); они концентрируют свое внимание на взаимоотношениях между энтимемами и более широким контекстом, который в риторике часто называют *культурой* (culture).

Д. Лукейтес, М. Кондит и С. Кодилл (Lucaites, Condit, Caudill, 1999) дают обзор исследований в современной риторической теории, в котором среди других вещей они также проясняют роль энтимем в рассуждении. С их точки зрения, для понимания текста важны три структурных отношения: отношение между текстом и его источником, текстом и культурой и текстом и его воздействием на своего получателя. Рассматривая второй тип отношения, они подчеркивают, что энтимема (по Аристотелю) представляет собой ключевое понятие, поскольку оно основано на понятии *doxa*, и, по их утверж-

дению, является античным эквивалентом понятия «культура»: *Doxa* преимущественно молчалива (ibid. P. 71). Последнее из исследований, посвященных риторическому анализу связи между энтимемой и культурой, принадлежит Л. Хорвиц (Horwitz, 1999). Она определяет энтимемы как совокупность посылок и выводов, которые делает слушатель, когда слышит чью-либо речь. Л. Хорвиц утверждает, что люди иногда истолковывают энтимемы просто в зависимости от внешнего вида говорящего (раса, пол и т. д.), что часто приводит к тому, что у аудитории складывается негативное умозаключение о говорящем. Другими словами, у слушателей формируются определенные энтимемы, что может помешать им правильно понять сообщение говорящего. Говорящий может предотвратить формирование подобных энтимем или «заблокировать» их, используя определенные риторические приемы (ibid. P. 385).

Риторический подход опирается на определенное понимание контекста или культуры. Поскольку этот подход не направлен на выявление точной невыраженной послышки, соответственно нет большой необходимости специально показывать, какая информация составляет контекст аргумента. Риторическая концепция контекста может быть полезной для определения понятия контекста, нужного для правильной интерпретации невыраженной послышки, но она не предлагает надежного метода для определения необходимого контекста при поиске невыраженной послышки.

3.5.2. Позиция аналитика

Вторая проблема, связанная с понятием контекста, вызвана позицией аналитика. По сравнению с говорящим и слушающим, которые реально вовлечены в процесс аргументации, аналитику почти всегда гораздо труднее понять значение прозвучавших высказываний. Собеседники физически присутствуют при озвучивании того или иного умозаключения, в их распоряжении всегда есть всевозможные показатели и индикаторы, как вербальные, так и невербальные, которые помогают им в интерпретации сообщения. Они также могут вступать в диалог и просить друг у друга дополнительных разъяснений. Аналитик же лишен всех этих возможностей.

Многие специалисты полагают, что следует анализировать аргументы так, как они были задуманы говорящим, а не ту или иную их интерпретацию. Иначе говоря, следует ставить своей целью корректную интерпретацию, как бы тяжело ни было ее добиться.

Даже те, кто намеревается провести «оценку аргументации» и выделение «необходимых посылок», обычно не отказываются полностью от стремления к правильному толкованию аргументации. Однако проблема заключается в том, как определить, каким должно быть корректное толкование конкретного умозаключения. Часто полагают, что эту проблему можно разрешить, если определить намерения (intentions) говорящего. Каким же образом их можно определить?

В прагма-диалектике объектом анализа являются не намерения говорящего, а взятые им на себя «обязательства» (commitments)²⁸. Концепция обязательств происходит из теории речевых актов. В последнее время Д. Уолтон также предложил, что при анализе аргументов мы тоже должны обращать внимание на обязательство говорящего (но лишь тогда, когда целью является определение использованных посылок) (Walton, 1996. Р. 251). Идея обязательств иногда вызывает путаницу, поскольку семантически слово «обязательство» имеет несколько значений и коннотаций. В теории речевых актов данная концепция означает, что, высказав определенное утверждение (в определенном контексте), говорящий берет на себя какое-либо обязательство в зависимости от того, какой речевой акт был им совершен. Тот, кто произносит высказывание, которое соответствует обещанию, тем самым берет на себя обязательство действительно сделать то, о чем он говорит, поскольку это является сутью речевого акта произнесения обещания. С говорящего всегда будут спрашивать согласно обещанию, даже если он никогда не намеревался его выполнить. Точно так же, когда кто-то делает утверждение, он берет на себя обязательство, что это утверждение истинно, поскольку это является сутью речевого акта произнесения утверждения, и это равным образом относится и к тому говорящему, который прекрасно осознает, что он лжет. «Обязательства», которые выделяются с помощью анализа, должны быть в согласии с эмпирической реальностью; реальные носители языка должны интерпретировать речевые акты других носителей, определяя и запоминая обязательства, которые говорящие берут на себя, а не их намерения.

В наши дни большинство ученых отдают предпочтение концепции обязательств говорящего по сравнению с концепцией намерений говорящего. Преимущество такого подхода заключается в том, что концепция обязательства находится в надежных теоретических рамках теории речевых актов. «Обязательство» лучше, чем концепция намерения, определяет то, к чему должен стремиться анали-

тик, когда он истолковывает аргументацию. Другим преимуществом является то, что концепция обязательства связана с концепцией контекста; обязательства, встречаются ли они в реальной жизни или при анализе аргумента, определяются на базе текста и контекста. Связь между намерениями говорящего и контекстом значительно менее четкая. Поэтому на практике легче определить, какие обязательства берет на себя человек, чем те намерения, которые он имеет. В большинстве случаев обязательства можно определить на основании того, что именно сказал человек в определенной ситуации. В этом отношении определить намерения гораздо сложнее. Тем не менее необходимо отметить, что концепция обязательства предлагает лишь частичное решение проблемы. Аналитик все же находится в менее выгодном положении по сравнению с говорящим и слушателем, потому что практически всегда им намного легче решить, какие обязательства вытекают из тех или иных речевых актов.

3.6. Схемы аргументации

Четвертое и последнее достижение в исследовании невыраженных посылок связано с возросшим интересом к понятию схем аргументации. При изучении схем аргументации объектом изучения является не формальная структура аргументации, а ее обобщенное содержание. Иначе говоря, некоторые аргументы касаются причинных отношений, в то время как другие опираются на сходства и т. п. Схемы аргументации обсуждаются отдельно в главе 4 этой книги, поэтому мы сосредоточим наше внимание на связи между изучением аргументативных схем и изучением невыраженных посылок. Концепция схем аргументации Б. Гарссена (Garssen, 1999), основанная на идеях Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста (van Eemeren, Grootendorst, 1992), трактует эту связь следующим образом.

«Среди специалистов в области аргументации существует общее согласие, что схемы аргументации являются принципами или правилами, лежащими в основе умозаключений, которые оправдывают следование точки зрения из посылок. Они характеризуют тот способ, с помощью которого приемлемость эксплицитной посылки переносится на точку зрения. Схема аргументации определяет ту связь, которая устанавливается между эксплицитной посылкой и защищаемой точкой зрения. Эта связь является не формальной, а прагматической» (Garssen, 1999. Р. 225).

Из этого вытекает, что именно эта формулировка связи, которую Б. Гарссен называет особым типом утверждения, и является невыраженной посылкой.

В последнее время многие авторы также отмечали в своих работах, что схемы аргументации могут быть использованы при решении проблемы невыраженных посылок. Д. Блэр (Blair, 1992. Р. 209) считает топосы (topoi) Аристотеля и схемы аргументации важной альтернативой ограниченному дедуктивному пониманию невыраженных посылок. Д. Уолтон (Walton, 1996. Р. 245) рассматривает аргументативные схемы как «важное новое средство для анализа энтимем...».

«Схемы аргументации... являются формами умозаключения (структуры или виды следования), которые позволяют определить и оценить распространенные в обычной речи типы умозаключений, основанные на посылках-предположениях» (ibid.).

Хотя очевидно, что исследование схем аргументации имеет непосредственное отношение к анализу невыраженных посылок, его результаты еще не полностью «переведены» на язык концепций невыраженных посылок. В этой связи важность приобретают две проблемы. Прежде всего при формулировании невыраженной посылки весьма полезным бывает знание аргументативной схемы, используемой аргументатором. Поняв природу следования — лежит ли в основе умозаключения причинно-следственная связь или отношение аналогии, либо иные отношения связи, — мы сможем подобрать соответствующую невыраженную посылку. Однако это понимание носит лишь весьма общий характер, определение невыраженных посылок часто требует дополнительных деталей или подробностей. Хотя знание того, что в умозаключении имеет место причинно-следственная связь, весьма полезно, необходимо все же определить, какая именно причинно-следственная связь используется аргументатором. Поэтому вопрос, в какой мере схемы аргументации могут помочь решить проблему невыраженных посылок, остается по-прежнему открытым.

Если, тем не менее, согласиться с тем, что аргументативные схемы являются полезным инструментом в реконструировании невыраженных посылок, то возникают вопросы: какова связь между аргументативными схемами и традиционными логическими схемами? Какой статус имеют схемы аргументации? Замещают ли они логические схемы или дополняют их? И как? В прагма-диалектике связь между посылкой и точкой зрения является не формальной, а прагматической. Хотя в этом вряд ли кто-нибудь сомневается, также

является фактом и то, что в прагма-диалектике невыраженные послылки имеют формальный аспект. Как же связаны между собой формальный и прагматический аспекты? И схемы аргументации в прагма-диалектике определяются как специфический вид дедуктивно правильных умозаключений, поэтому критика дедуктивизма, видимо, также может быть отнесена и к анализу невыраженных посылок, в котором они идентифицируются через аргументативные схемы. (Я подозреваю, что именно по этой причине Д. Уолтон ограничивает применение схем аргументации рамками лишь необходимых посылок.)

3.7. Выводы

В настоящей главе были рассмотрены последние достижения в исследовании невыраженных посылок, которые можно разделить на четыре области. Сначала уделялось внимание обсуждению различий между дедукцией и индукцией, а также того, к чему ведет подобное разграничение. Во-вторых, обсуждался вопрос о природе утверждения, которое является невыраженной послылкой. В-третьих, обсуждалась роль контекста и его значение для анализа аргументации. Наконец, в-четвертых, нами было уделено внимание отношению между схемами аргументации и невыраженными послылками.

В целом можно выделить три различных направления, по которым в наше время развиваются исследования невыраженных посылок. Первое представляет собой дальнейшее объединение логических и прагматических методов с целью выработки систематических и корректных способов реконструкции невыраженных посылок. Объединение логических и прагматических методов представляется плодотворным, потому что именно этому направлению отдает предпочтение все большее число специалистов по теории аргументации. Интересно отметить, что эти специалисты работают в различных областях²⁹. Второе направление включает в себя исследование риторического анализа и риторической концепции энтимемы, а также другие прагматические точки зрения на невыраженные послылки. Полученные результаты интегрируются в теорию аргументации с целью выделения компонентов прагматического анализа. Третье направление представляет собой изучение аргументативных схем и использование потенциала анализа в идентификации невыраженных посылок.

Примечания

¹ Более подробно результаты этих исследований представлены в работе Б. Гарссена (Garssen, 1997).

² См. для сравнения: Цицерон «Топика», Боэций «В “Топике” Цицерона», и Петр Испанский «Tractatus seu summulae logicales».

³ С помощью силлогистической модели аргументации данную невыраженную посылку определить достаточно легко.

⁴ Для сравнения: Solmsen, 1929; Kennedy, 1963 и Burnyeat, 1994, 1996.

⁵ Для сравнения, среди прочих: Govier, 1987; Woods, 1990; Berg, 1992; Groarke, 1992 и Walton, 1996.

⁶ Этот взгляд разделяет Т. Говье (Govier, 1987). См. также ее учебник (Govier, 1992).

⁷ См. о «кондукции»: Hitchcock, 1982 и Pierce, 1965; об «абдукции»: Bybee, 1991.

⁸ См.: Hitchcock, 1985.

⁹ Этот вопрос, в частности, затрагивался в работе Л. Гроарка (Groarke, 1992).

¹⁰ См.: van Eemeren, Grootendorst, 1992.

¹¹ Обзор подобных современных логических систем см.: Naack, 1978. Старманс (Starmans, 1999) обсуждает новейшие попытки определить критерий достоверности в моделях аргументации с помощью формального подхода. См. также: Starmans, 1996.

¹² См.: van Eemeren, Grootendorst, 1992, а также: Jacobs, 1999.

¹³ В работе С. Герритсен (Gerritsen, 1999a. Р. 36–55) модель С. Е. Тулмина обсуждается в контексте изучения невыраженных посылок.

¹⁴ Обсуждение недостатков модели С. Е. Тулмина можно найти в работах Д. Хемпла (Hample, 1977), Ф. ван Еемерена и других авторов (van Eemeren et al., 1996. Ch. 5) и Р. Джонсона (Johnson, 1981).

¹⁵ Подробнее познакомиться с понятием «критическое мышление» можно в работе Фишера и Скривена (Fisher, Scriven, 1997).

¹⁶ Классическими трудами по исследованию пресуппозиций являются работы П. Строусона (Strawson, 1950; 1952) и Д. Доннеллана (Donnellan, 1966; 1968). Гораздо менее известными являются попытки сформулировать «прагматическое» понятие пресуппозиции. См., например: Keenan, 1973; Stalnaker, 1974; 1975; 1978.

¹⁷ Первое утверждение в следующем умозаключении является примером гипотетического утверждения: «Предположим в порядке дискуссии, что курение не вредит вашему здоровью. Почему же тогда наблюдается такое большое количество заболеваний раком легких среди курильщиков?»

¹⁸ Так, например, происходит в прагма-диалектической аргументативной схеме сравнения (van Eemeren, Grootendorst, 1992; Garssen, 1997).

¹⁹ «Подкрепление» немного отличается от поддержки С. Е. Тулмина. Поддержка подтверждает основание, в то время как подкрепление этого не делает, по крайней мере, насколько об этом можно судить из примеров, приводимых Р. Эннисом и М. Берком (Gerritsen, 1999a. Р. 78).

²⁰ Обсуждение работы Р. Энниса (Ennis, 1982) и М. Берка (Burke, 1985) можно найти в работе С. Герритсен (Gerritsen 1999a. Р. 76).

²¹ Обсуждение недостатков добавления логического минимума, который называется «присоединенным условным предложением» (associated conditional), можно найти в работе Т. Говье (Govier, 1987. P. 26).

²² См.: Govier, 1987. P. 89.

²³ Например, об этом говорит Л. Гроарк (Groarke, 1992; 1995).

²⁴ См.: van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 62–66.

²⁵ В работе Герритсен (Gerritsen, 1999a. P. 73–75) проводится обзор исследований, в которых идет речь о различиях между использованными и необходимыми посылками.

²⁶ Говье (Govier, 1987. P. 100) называет первый тип «толковательным подходом» (interpretative view), а второй тип — «реконструирующим подходом» (reconstructive view).

²⁷ См.: van Eemeren, Grootendorst, Jackson, Jacobs, 1993.

²⁸ Информацию об обязательствах и невыраженных посылках см.: van Eemeren, Grootendorst, 1992. P. 66; Gerritsen, 1995. P. 108.

²⁹ Среди специалистов, которые следуют этому направлению, van Eemeren, Grootendorst, 1992; Piazza, 1995; Walton, 1996; Jacobs, 1999.

Библиография

1. *Berg J.* Validity and Rationality // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 104–112.
2. *Berkenbosch R., van der Geest I.* Practical Guidelines for Justifying Decisions about Major Projects // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 49–52.
3. *Blair J. A.* Premissary Relevance // *Argumentation*. 1992. N 6. 2. P. 203–218.
4. *Blair J. A., Johnson R. H.* Informal Logic: The First International Symposium. Inverness, CA: Edgepress, 1980.
5. *Burke M.* Unstated Premises // *Informal Logic*. 1995. N 7. 2–3. P. 107–118.
6. *Burnyeat M. F.* Enthymeme: Aristotle on the Logic of Persuasion // *Aristotle's Rhetoric: Philosophical Essays* / Ed. D. F. Furley, A. Nehamas. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3–55.
7. *Burnyeat M. F.* Enthymeme: Aristotle on the Rationality of Rhetoric // *Essays on Aristotle's Rhetoric* / Ed. A. Oksenberg Rorty. Berkeley: University of California, 1996. P. 88–115.
8. *Bybee M. D.* Abduction and Rhetorical Theory // *Philosophy and Rhetoric*. 1991. N 24. 4. P. 281–300.
9. *Copi I. M., Cohen C.* Introduction to Logic. 8th ed. New York: Macmillan 1986. (1st ed. 1953, without Cohen.)
10. *Donnellan K.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. N 75. P. 281–304.
11. *Donnellan K.* Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. N 77. P. 203–215.
12. *Eemeren F. H. van.* The Study of Argumentation as Normative Pragmatics // *Text*. 1990. N 10. 1–2. P. 37–44.

13. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Unexpressed Premises: Part I // *Journal of the American Forensic Association*. 1982. N 19. 2. P. 97-106.
14. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Unexpressed Premises: Part II // *Journal of the American Forensic Association*. 1983. N 19. 4. P. 215-225.
15. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Approach*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
16. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S.* *Reconstructing Argumentative Discourse*. London/Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1993.
17. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F., Blair J. A., Johnson R. H., Krabbe E. C. W., Plantin C., Walton D. N., Willard C. A., Woods J., Zarefsky D.* *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.
18. *Ennis R. H.* Identifying Implicit Assumptions // *Synthese*. 1982. N 51. P. 61-68.
19. *Feteris E. T.* What Went Wrong in the Ball-Point Case? An Analysis and Evaluation of the Discussion in the Ball-Point Case from the Perspective of a Rational Discussion // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 188-194.
20. *Fisher A., Scriven M.* *Critical Thinking: Its Definition and Assessment*. Point Reyes, CA; Norwich, UK: Edgepress, 1997.
21. *Garssen B.* Argumentatieschema's in pragma-dialectisch perspectief. Een theoretisch en empirisch onderzoek. Amsterdam: IFOTT, 1997.
22. *Garssen B.* The Nature of Symptomatic Argumentation // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 225-227.
23. *Gerritsen S.* Defense of Deductivism in the Pragma-Dialectic Approach to Unexpressed Premises // *Analysis and Evaluation. Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. P. 130-137.
24. *Gerritsen S.* Het verband ontgaat me. Begrijpelijkheidsproblemen met verzwegen argumenten. Amsterdam: Uitgeverij Nieuwezijds, 1999a.
25. *Gerritsen S.* The History of the Enthymeme // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999b. P. 228-230.
26. *Govier T.* *Problems in Argument Analysis and Evaluation*. Dordrecht: Foris, 1987.
27. *Govier T.* *A Practical Study of Argument*. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth 1992. [1st. ed. 1985].
28. *Groarke L.* In Defense of Deductivism: Replying to Govier // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 113-121.
29. *Groarke L.* What Pragma-Dialectics can Learn from Deductivism, and what Deductivism can Learn from Pragma-Dialectics // *Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. P. 138-145.
30. *Haack S.* *Philosophy of Logics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
31. *Hample D.* The Toulmin Model and the Syllogism // *Journal of the American Forensic Association*. 1977. N 14. P. 1-18.

32. *Hitchcock D.* Deductive, and Inductive: Types of Validity, not of Argument // *Informal Logic Newsletter*. 1980. N 2. 3. P. 9–10.
33. *Hitchcock D.* Deduction, Induction, and Conduction // *Informal Logic Newsletter*. 1981. N 3. 2. P. 7–15.
34. *Hitchcock D.* Enthymematic Arguments // *Informal Logic*. 1985. N 7. 2–3. P. 83–97.
35. *Horwitz L.* Blocking the Enthymeme: Does it Unblock Identity Problems in Argumentation? // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 382–385.
36. *Jackson S., Jacobs S.* Structure of Conversational Argument: Pragmatic Bases for the Enthymeme // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. N 66. P. 251–265.
37. *Jacobs S.* Argumentation as Normative Pragmatics // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 397–403.
38. *Johnson R. H.* Toulmin's Bold Experiment // *Informal Logic Newsletter*. 1999. N 3. 3. P. 4–9.
39. *Johnson R. H.* The Problem of Truth for Theories of Argument // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 411–415.
40. *Keenan E. L.* Presupposition in Natural Logic // *The Monist*. 1973. 57. 3. P. 344–370.
41. *Kennedy G.* The Art of Persuasion in Greece. Princeton: Princeton University Press, 1963.
42. *Lucaites J. L., Condit M. C., Caudill S.* Contemporary Rhetorical Theory: A Reader. New York; London: The Guilford Press, 1999.
43. *Peirce C. S.* Collected Papers of Charles Sanders Peirce / Ed. C. Hartsthorpe, P. Weiss. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
44. *Piazza F.* The Enthymeme as Rhetorical Argumentation: An Aristotelian Perspective // *Analysis and Evaluation: Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. P. 146–150.
45. *Rescher N.* Introduction to Logic. New York: St. Martin's Press, 1964.
46. *Solmsen F.* Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. Berlin: Weidemann, 1929.
47. *Stalnaker R. C.* Pragmatic Presuppositions // *Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implications* / Ed. A. Rogers, B. Wall, J. P. Murphy. Arlington, VI: Center for Applied Linguistics, 1974. P. 135–147.
48. *Stalnaker R. C.* Presuppositions // *Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics: Proceedings of a Conference held at the University of Western Ontario, London, Canada* / Ed. D. Hockney, W. Harper, B. Freed. Dordrecht: Reidel, 1975. P. 31–42.
49. *Stalnaker R. C.* Assertion // *Syntax and Semantics, 9: Pragmatics* / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 315–322.
50. *Starmans R.* Logic, Argument, and Commonsense. Tilburg: Tilburg University Press, 1996.
51. *Starmans R.* Validity of Distributed Inference: Towards a Formal Specification of Validity Criteria in Argumentative Models // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* /

Важнейшие концепции теории аргументации

Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 764--768.

52. *Strawson P. F.* On referring // *Mind*. 1950. N 59. P. 320--344.

53. *Strawson P. F.* Introduction to Logical Theory. London: Methuen, 1952.

54. *Thomson A.* Critical Reasoning: A Practical Introduction. London; New York: Routledge, 1996.

55. *Toulmin S. E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.

56. *Walton D.* Argument Structure: A Pragmatic Theory. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1996.

57. *Woods J.* Missing Premises in Pragma-Dialectics // *Logique et Analyse*. 1990. P. 129--130, 155--168.

СХЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ

4.1. Введение

Начиная создавать аргументацию, говорящий, как правило, предполагает, что выдвигаемая им посылка будет восприниматься как приемлемая и что будет ясна связь между этой посылкой и доказываемой точкой зрения. Связь между доводом и точкой зрения считается адекватной тогда, когда приемлемость посылки может быть «перенесена» на исходную точку зрения с помощью той аргументативной схемы, которая подходит для данного случая. Посылка и точка зрения могут быть соединены совершенно различными способами. Именно поэтому в теории аргументации большое внимание уделяется различным схемам аргументации (*argument schemes*).

Каждая схема аргументации представляет собой особый способ поддержки точки зрения¹. Схема аргументации является «внутренней структурой» (*internal structure*) одиночной аргументации, в то время как аргументативная структура в целом представляет собой «внешнюю структуру» (*external structure*) всего аргументативного дискурса (van Eemeren et al., 1996. P. 18–19). Термин *схема аргументации*, или *аргументативная схема* (соответствующий во французском языке термину *scheme argumentatif*) был, по всей видимости, впервые предложен Перельманом. Другие авторы обозначают соответствующее понятие с помощью иных терминов. Схемы аргументации определяются и классифицируются по-разному. Различия между классификациями, предлагаемыми в литературе по аргументации, зависят от тех целей, которые ставит перед собой исследователь. В некоторых работах схемы аргументации рассматриваются как средство оценки всего процесса аргументации, в других они являются средством выявления аргументов, и, наконец, в третьих они служат основой для описания аргументативной компетенции, присущей носителю того или иного языка.

В данной главе дается общий обзор наиболее важных подходов к созданию и использованию схем аргументации. Так, в разделе 4.2 описываются те подходы, которые связаны с выявлением ар-

гументов, в разделе 4.3 описываются подходы, в центре внимания которых находится проблема оценки аргументации, а в разделе 4.4 рассматривается дескриптивный подход к схемам аргументации.

4.2. Схемы аргументации и проблема выявления аргументов

4.2.1. Античная топическая традиция

Система способов аргументации является частью античных теорий рассуждения, которые предназначены для того, чтобы обеспечить основные рекомендации нахождения и отбора доводов для публичной речи (риторика) или дискуссии (диалектика). Различные античные топические системы содержат классификации типов доводов, тем самым указывая места (*locations*) или *топосы* (*topics*), где можно найти эти доводы. В большинстве предлагаемых в этом случае мест существует определенная связь между посылкой, которая может быть выбрана, и тезисом, который должен быть доказан. Поэтому античное понятие топоса или топа (*topos*) соответствует в современной теории аргументации понятию «аргументативная схема»². Ниже приводится краткий обзор схем построения аргументации, предложенных Аристотелем, Цицероном и Боэцием.

Риторическая система рассуждения, предложенная Аристотелем, включает особые места, или частные топосы (*idia*), относящиеся к одному из трех ораторских жанров (политической речи, церемониальной речи и юридической речи), а также общие топосы, которые могут относиться ко всем жанрам. В частных топосах используются мнения и оценки, соединяющие посылку и защищаемый тезис, правильность и истинность которых общепризнаны. Эти мнения и оценки непосредственно связаны с той целью, которая ставится при рассуждении в рамках перечисленных выше жанров. Политические топосы, например, связаны с указанием на те действия, которые приводят к благополучному исходу («Хорошо то, что доставляет удовольствие нашим друзьям и что вызывает ненависть наших врагов»). Или, например, для того чтобы найти правильную посылку для церемониальной речи (в частности, для восхваления), говорящий может выбрать тот топос, который непосредственно связан с понятием добродетели. Топосы, относящиеся к юридической речи, помогают

говорящему найти убедительные аргументы для доказательства того, что обвиняемый совершил преступление, т. е. указать на мотивы, обстоятельства или личные черты подсудимого, которые неизбежно ведут к совершению преступления. В целом подобного рода частные топосы состоят из общих положений, которые могут быть непосредственно использованы в качестве посылок в процессе рассуждения, обеспечивая следование тезиса из посылок.

Среди общих топосов (*Koina*) описываются абстрактные риторические принципы логического следования, которые могут быть использованы во всех жанрах³. В то время как частные топосы представляют собой готовые положения, которые могут быть прямо использованы как связка между посылкой и тезисом, общие приемы состоят из абстрактных общих положений. Аристотель выделяет здесь 28 топосов. Некоторые из них напоминают аргументативные схемы, которые можно найти в современных классификациях («Если существует причина, то существует и следствие; если же нет причины, то нет и следствия»).

Рассматривая диалектические топосы («Топика»), Аристотель описывает те стратегии, которые могут быть использованы для опровержения точек зрения оппонента в дискуссии. Опровержение точки зрения достигнуто, если доказано, что предикат приписан субъекту ошибочно. Диалектические топосы состоят из правил, определяющих способы приписывания предикатов субъектам. Поскольку оппонент должен быть знаком с правилами соотношения субъекта и предиката, которые могут быть использованы при выражении точки зрения (тезиса), Аристотель разделил приемы, используемые в дискуссии, по типам предикатов, а именно: определение (*definition*), свойство (*property*), род (*genus*) и случайное свойство, или акциденция (*accident*). Например, опровержение тезиса «Благо есть род удовольствия» может быть основано на правиле родовидовых отношений: род («благо») должен включать все виды удовольствия. Чтобы опровергнуть этот тезис, оппонент должен указать такую форму удовольствия, которая не может считаться благом (Аристотель, 1978. Кн. IV. 120b: 15–20)⁴.

Цицерон в своей книге «Топика» исследует риторические топосы, которые представляют собой абстрактные принципы аргументации; эти принципы подобны тем, которые Аристотель описал как общие риторические приемы. Цицерон различает три типа топосов: топосы, которые заключены в самом предмете, подразумеваемом в тезисе (определение), топосы, которые каким-либо образом соотносятся с предметом (сравнение, родовидовое отношение, при-

чинно-следственное отношение и противоречие), и **топосы**, не связанные с предметом (внешние по отношению к нему, таковым является аргумент к авторитету).

«Диалектические топосы, рассматриваемые Боэцием в трактате “О топических различиях” (“De differentiis topicis”), являются синтезом системы диалектических приемов Аристотеля и приемов, описанных Цицероном в его книге “Топика”. Начав с описания различных типов предикатов, Боэций формулирует неоспоримые положения, или *максимы* (*maximes*), которые он выделяет на базе тех аргументативных принципов (топических различий), которые лежат в основе этих общих положений. Количество топических различий, приводимых Боэцием, является конечным, но количество возможных общих положений бесконечно. Например, отталкиваясь от максимы “То, что кончается хорошо, само является хорошим” (топос: *на основе конечного вывода*), мы можем построить следующую аргументацию: “Если быть счастливым хорошо, то справедливость — это тоже хорошо; ибо следствием справедливости является то, что тот, кто живет по справедливости, будет счастлив”. Топика Боэция — трактат, оказавший наибольшее влияние на развитие средневековых топических систем» (Bird, 1962. P. 311).

4.2.2. Риторика Р. Уэйтли

Много столетий спустя Уэйтли (Whately, 1863) представил новую классификацию аргументативных схем, используемых в качестве средства для выявления аргументов⁵. В зависимости от того, чего говорящий хочет достичь с помощью своей аргументации, Уэйтли предложил выделять две главные категории аргументов. Первая категория — это формы аргументации, которые «могли бы использоваться не как способы обоснования, но как средства объяснения факта или принципа, истинность которого предполагается принятой» (*ibid.* P. 46). Вторая — аргументы, которые не могут быть использованы таким образом. Первая категория аргументов называется категорией «*a priori*» и включает аргументы, основанные на причинно-следственной связи, «ибо *доказать наличие* чего-то означает описать причину этого явления» (*ibid.*). Второй же класс аргументов подразделяется на два подкласса: «знак» (*sign*) и «пример» (*example*).

Знаковая аргументация (*sign argumentation*) описывается как «рассуждение от следствия к условию» (*argument from an effect to a condition*). Особым типом знаковой аргументации является «аргументация, основанная на свидетельстве» (*argumentation from testimony*), в которой посылка опирается на факт существования самого свидетельства, а в выводе утверждается истинность того, что содержится в этом свидетельстве. При этом истинность утверждения рассматри-

вается как условие выдвижения данного свидетельства: «это свидетельство не было бы высказано, если бы оно не было истинным» (ibid. P. 58).

В различных видах аргументации, относящихся к категории *примера*, один или более примеров, принадлежащих к одному и тому же классу, рассматриваются как типичные представители этого класса, что позволяет делать выводы, относящиеся ко всем членам данного класса. В этой категории выделяются три разновидности: «индукция», «рассуждение, основанное на сравнении» (argumentation based on comparison), и «аналогия» (analogy). При *индуктивной аргументации* «мы принимаем в качестве основной посылки, что то, что истинно в отношении одного или нескольких членов данного класса (в рамках рассматриваемой проблемы), является истинным для всего класса явлений такого рода» («Астрономия при ее первом появлении считалась наукой, противоречащей религии, поэтому каждая наука при ее первом появлении, скорее всего, также будет признана противоречащей религии») (ibid. P. 86–87). При *аргументации, основанной на сравнении*, процесс рассуждения должен идти на шаг дальше, поскольку результат первичного индуктивного процесса принимается в качестве посылки для выведения заключения о другом случае («Поскольку вероятно, что каждая наука при своем возникновении будет рассматриваться как противоречащая религии, то геология также, скорее всего, будет признана таковой»). Аргументация, основанная на сравнении, таким образом, является сложной аргументацией, состоящей из индуктивного шага, предшествующего дедуктивному шагу. Как правило, индуктивный шаг представлен в имплицитной форме; аргументатор рассуждает непосредственно от известного к неизвестному («Астрономия рассматривалась при своем возникновении как наука, противоречащая религии, поэтому то же самое произойдет и с геологией») (ibid. P. 87). Третья разновидность рассматриваемой категории — это рассуждение по *анalogии*, под которым Уэйтли понимает сравнение отношений (comparison of ratios) (ibid. P. 90).

4.2.3. «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки

В своей книге «Новая риторика. Трактат об аргументации» («La nouvelle rhétorique: traité de l'argumentation») Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1958) дают описание дис-

курсивных приемов, которые могут успешно применяться на практике. Их целью является показать, каким образом ту или иную аудиторию можно убедить перенести вероятность истинности посылок на тезис. Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека различают схемы аргументации, основанные на принципе «объединения» (association), и схемы аргументации, основанные на «разъединении» (dissociation). Принцип объединения состоит в соединении тех элементов, которые первоначально рассматривались как независимые друг от друга, а принцип разъединения заключается в разделении единого целого на те элементы, которые ранее рассматривались как его части. Результатом принципа разъединения всегда является разделение некоторого понятия на два («Астрология — это не *настоящая* наука, а *квазинаука*»). Цель говорящего заключается в том, чтобы его аудитория приняла новое значение какого-либо термина и отказалась от его старого значения. Прием разъединения, таким образом, приводит к новому определению понятия или к его конкретизации. С помощью этого приема можно существенно повысить уровень убедительности аргументации в целом. Однако, поскольку прием разъединения не приводит к возникновению связи между тем, о чем говорится в тезисе, и тем, о чем говорится в посылке, он не может рассматриваться как схема аргументации.

Схемы аргументации, основанные на принципе объединения, подразделяются на несколько подтипов: «квазилогическая аргументация» (quasi-logical argumentation), «аргументация, основанная на структуре действительности» (argumentation based on the structure of reality), и «аргументация, устанавливающая структуру действительности» (argumentation establishing the structure of reality) (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969. P. 193–404). Убеждающая сила *квазилогической аргументации* основывается на ее сходстве с логическим рассуждением и математическим доказательством. Эта форма аргументации никогда не может привести к убедительному доказательству, но является весьма эффективной как риторический прием. Перельман и Ольбрехтс-Титека подробно описывают использование квазилогических и квазиматематических принципов, таких как противоречие (contradiction), тождественность (identity), обратимость (reciprocity), транзитивность (transitivity), отношение «часть-целое» (part-whole), сопоставление математических свойств (comparison of mathematical properties) и статистическая вероятность (statistical probability).

При аргументации, которая основана на структуре действительности, создается стимул, способствующий тому, чтобы сама аудитория структурировала действительность так, «чтобы возникло соот-

ветствие между общепринятыми взглядами и теми взглядами, которые человек отстаивает» (ibid. P. 261). Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека делят этот тип аргументации на «аргументацию, которая основана на отношении следования» (argumentation that is based on sequential relation), и «аргументацию, которая основана на отношении сосуществования» (argumentation that is based on coexistential relation). В первом подтипе аргументации явление соотносится с его следствием (ibid. P. 262), тогда как во втором случае субъект соотносится со своими действиями, группа людей соотносится с ее членами или, говоря более обобщенно, любая сущность соотносится с ее проявлениями (ibid.). Особым подтипом аргументации, основанной на отношениях следования, является «прагматическая аргументация», в рамках которой действие или событие оценивается на основании тех достоинств, которые приписываются его последствию⁶. При аргументации, основанной на отношении сосуществования, вещи, которые связываются между собой, расположены на различных феноменологических уровнях, поскольку некоторые из них более структурированы или более абстрактны, чем другие (например, черты характера какого-либо человека или его поведение). Перельман и Ольбрехтс-Титека рассматривают отношения между человеком и его действиями как прототипическое отношение сосуществования. Человек при этом является основным фактором, а его действия — неосновными (временными) проявлениями сущности человека. Мнение о действиях человека переносится на его характер или наоборот. Такая схема аргументации используется тогда, когда тезис, в котором говорится об определенных будущих поступках человека, доказывается путем ссылки на определенные предшествующие действия этого человека («Тот, кто когда-либо давал ложные показания в прошлом, несомненно будет лжесвидетельствовать снова»). Основываясь на представлении, которое сформировалось в данной аудитории о каком-либо человеке, люди будут судить определенным образом и о его действиях. Именно это происходит при «аргументации, основанной на авторитетном мнении», в рамках которой престиж авторитетного человека переносится на его суждения таким образом, что аудитория думает: эти суждения истинны или заслуживают доверия.

При аргументации, которая устанавливает структуру действительности, определенное правило или эмпирическая регулярность устанавливается путем указания на отдельный случай (пример) или на ряд подобных случаев (аналогия). Аргументация, основанная на отдельном примере, может представлять собой обобщение, основанное на ряде подобных случаев, или же она может представлять

собой «доказательство от частного к частному» (arguing from the particular to the particular), которое также называется *аргументацией на основании сравнения* (argument from comparison). Особым случаем аргументации через пример является *аргументация, основанная на образце для подражания* (argumentation on the basis of a model). При этом говорящий стремится заставить аудиторию действовать определенным образом, используя престиж какого-либо человека, поведение которого рассматривается как образец для подражания. Аргументацию по аналогии некоторые авторы называют *непрямой*, или *образной, аналогией* (figurative analogy).

4.3. Аргументативные схемы и оценка аргументации

4.3.1. Американские учебные пособия по ведению студенческих дебатов

Американские учебные пособия по ведению студенческих дебатов обычно содержат правила проведения дебатов, рекомендации по построению умозаключений, соответствующих тому или иному типу дебатов, и основные направления создания убедительной речи. Как правило, рекомендации по построению аргументации направлены на то, чтобы помочь аргументатору найти необходимые доказательства (proof) и сведения в поддержку (evidence) дебатированного суждения. Прежде всего говорящий должен избрать посылки, на которые он будет опираться, защищая свою точку зрения. Затем он должен убедиться, что эти исходные положения являются теми умозаключениями, в которых содержатся достаточные доказательства в пользу принятия дебатированной пропозиции. В главах, посвященных теме рассуждения, обычно даются примеры классического силлогизма и описывается различие между дедукцией и индукцией. В большинстве случаев после этих вводных замечаний следует обзор типов аргументации, которые иногда называются *видами аргументации* (kinds of argument), а иногда *формами аргументации* (forms of argument) или *способами рассуждения в дискуссии* (modes of reasoning in discussion). Эта классификация служит средством оценки аргументации, проводимой самим говорящим, а также средством предугадывания критики оппонентов; при

этом сама классификация обычно сопровождается контрольными вопросами (или тестами)⁷.

В своем знаменитом и популярном учебнике «Аргументация и дебаты» («Argumentation and Debate»), который можно считать образцом практического пособия по дебатам, О. Фрили (Freeley, 1993) выделяет четыре типа рассуждения: «рассуждение на основании примера» (reasoning by example), «рассуждение по аналогии» (reasoning by analogy), «причинно-следственное рассуждение» (causal reasoning) и «рассуждение на основании знака/признака» (sign reasoning). При *рассуждении на основании примера* общее заключение выводится из анализа одного или нескольких конкретных случаев. По мнению О. Фрили, в этом случае вывод всегда представляет собой обобщение. Чтобы убедиться в правильности этого типа аргументации, говорящий должен, в частности, установить тот факт, что примеры, приводимые им, являются представительными и что количество примеров является достаточным. Аргументация по аналогии «заключается в том, что проводится сравнение между двумя похожими случаями и делается вывод, что то, что истинно для одного случая, является истинным и для другого» (ibid. P. 167). Фрили рассматривает различия между «прямой», или «буквальной», аналогией» (literal analogy), при которой сравниваемые явления являются однопорядковыми, и «непрямой», или «образной», аналогией» (figurative analogy), при которой сравниваемые явления относятся к разным классификационным рубрикам. О. Фрили отмечает, что непрямая аналогия не имеет силы логического доказательства, но способствует достижению большей выразительности при представлении точки зрения говорящего. Чтобы правильно построить аргументацию по типу прямой аналогии, говорящему среди прочего следует быть уверенным, что между явлениями есть существенные черты сходства, которые могут быть положены в основу сравнения.

При *причинно-следственной аргументации* вывод делается на основании избираемого говорящим причинно-следственного обобщения: «Делается вывод о том, что определенный фактор (причина) вызывает какое-то событие (следствие)» (ibid. P. 169). Рассуждение можно вести и в противоположном направлении: «Если известно, что существует какое-то следствие, то можно сделать вывод, что оно было вызвано определенной причиной» (ibid. P. 170). Чтобы убедиться в правильности построения причинно-следственной аргументации, следует, по крайней мере, удостовериться в том, что предлагаемая причина соответствует данному следствию и что она является единственным или характерным фактором, вызвавшим это следствие⁸.

С точки зрения О. Фрили, *рассуждение на основании знака/признака* строится на соотношении между двумя переменными: сущностью или субстанцией (substance) и ее признаком (attribute). В данном случае аргументатор утверждает, что две упомянутые выше переменные так тесно связаны между собой, что присутствие или отсутствие одной из них может быть показателем присутствия или отсутствия другой: «Признак является частью или характерной чертой той сущности или того целого, которые являются объектом обсуждения» (ibid. P. 175). Опираясь на теорию Уэйтли, Фрили, однако, добавляет, что аргументация на основании знака используется для того, чтобы показать, что выдвинутое положение является истинным (в то время как причинно-следственная аргументация используется для того, чтобы показать, *почему* выдвинутое положение является истинным). При оценке данного вида аргументации необходимо определить, в частности, что предполагаемое отношение между сущностью и ее знаком действительно существует и что оно является неотъемлемым, а не случайным.

Классификации, предлагаемые в других учебниках, отличаются от той, которая была предложена О. Фрили, порядком следования и количеством типов аргументации⁹. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти различия не слишком существенны, и поэтому можно говорить о стандартном наборе, или «каноне», схем аргументации.

4.3.2. Классификация типов оснований Хастингса

В своей книге «Новое описание способов рассуждения в аргументации» (A Reformulation of the Modes of Reasoning in Argumentation. Dissertation) А. Хастингс (Hastings, 1962) указывает на то, что в большинстве учебников по аргументации нет единого подхода к определению типов рассуждения, к выделению количества типов рассуждения и к описанию методов их классификации. Чтобы навести порядок в этом хаосе, А. Хастингс предложил новую классификацию форм рассуждения. Взяв за основу модель С. Тулмина, он описывает и классифицирует наиболее важные типы оснований, используемых в рассуждении, и показывает, как нужно действовать, чтобы «продвигаться от данных к заключению, опираясь на определенные основания» (ibid. P. 21). В целом А. Хастингс выделяет девять типов рассуждения, в рамках которых он усматривает три обобщенные мо-

дели: «вербальное рассуждение» (verbal reasoning), «рассуждение, основанное на причинно-следственных отношениях» (causal reasoning), и «свободные формы рассуждения» (free floating forms of reasoning). По мнению А. Хастингса, при *вербальном рассуждении* переход от посылок к утверждению в той или иной мере основан на значениях терминов, используемых при аргументации: «они основываются на символических формулировках, которые существуют в языке и в сознании людей благодаря семантическим связям» (ibid. P. 139). В этом типе рассуждения выделяются три подтипа: «рассуждение от примера к описательному обобщению» (reasoning from example to a descriptive generalization), «рассуждение от критериев к вербальной классификации» (reasoning from criteria to a verbal classification) и «рассуждение от определения к характеристикам» (reasoning from definition to characteristics). При *рассуждении от примера к описательному обобщению* заключительное умозаключение строится на посылке, в которой делается ссылка на один или несколько конкретных фактов или ситуаций («Рост случаев ограбления на улице с применением насилия свидетельствует о том, что в нашем обществе уровень насилия возрастает с каждым днем»). Основание для вывода заключения может быть сформулировано следующим образом: «приведенные случаи типичны, и они адекватно описываются с помощью заключения» (ibid. P. 27). При *рассуждении от критериев к вербальной классификации* человек или ситуация описываются на основе определенных характеристик («Максвелл умен, потому что он хорошо знает математику»). По мнению А. Хастингса, основанием для такого вывода является значение того термина, который используется при характеристике человека («умен»), так как эта характеристика связана с определенным критерием оценки («Люди, которые хорошо знают математику, умны»).

При *рассуждении от определения к характеристикам* событие или ситуация описывается на основании определения, в котором содержатся особые характеристики этого события или выведены логические следствия. В противоположность рассуждению от критериев к вербальной классификации при этой форме аргументации происходит движение в направлении «от класса к классификационным признакам» («Дельфины — млекопитающие, поэтому дельфины являются живородящими») или «от принципа, определяющего класс, к его применению на практике» («Мы не должны убивать коммунистов, потому что мы христиане») (ibid. P. 49). Таким образом, в основании содержится упоминание предполагаемых следствий и импликаций, которые заложены в определении.

Причинно-следственное рассуждение — вторая главная категория, выделяемая А. Хастингсом, — включает также три подтипа: «рассуждение от знака/признака к ненаблюдаемому событию» (reasoning from sign to an observed event), «рассуждение от причины к следствию» (reasoning from cause to effect) и «рассуждение от косвенных свидетельств к гипотезе» (reasoning from circumstantial evidence to hypothesis). Общей характеристикой этих трех типов рассуждения является то, что основание для вывода представляет причинно-следственное обобщение. При *рассуждении от знака/признака к ненаблюдаемому событию* любое наблюдаемое или известное событие принимается как признак существования ненаблюдаемого события. При этом ненаблюдаемое событие является причиной наблюдаемого события. При *рассуждении от причины к следствию* некоторое событие предсказывается на основании существования другого события. При *рассуждении от косвенных свидетельств к гипотезе* рассуждение представляет собой аргументацию от следствия к причине. В этом случае выдвигается ряд доказательств, которые должны показать, что гипотеза, выдвинутая в утверждении, является истинной¹⁰.

Свободные формы рассуждения — третий основной тип, выделенный А. Хастингсом, — включают «рассуждение на основании сравнения» (или рассуждение на основании «прямой аналогии»), «рассуждение на основании аналогии» и «рассуждение на основании авторитетного мнения». При исследовании этих форм рассуждения невозможно дать общую характеристику основания, на котором они построены, в отличие от двух других главных типов рассуждения. Также следует отметить, что эти три формы рассуждения не связаны с каким-либо определенным типом заключения. При рассуждении на основании сравнения «утверждается, что одно событие подобно другому и поэтому выводы, сделанные в отношении первого события, могут быть сделаны и в отношении второго события» (ibid. P. 93). При *рассуждении на основании аналогии* второе событие рассматривается как подобное первому не на основании фактов или обстоятельств, а на основании абстрактных принципов; это означает, что структура абстрактных отношений между двумя сравниваемыми событиями одна и та же. Вопреки тому, что утверждается в большинстве учебников по ведению дебатов, А. Хастингс полагает, что рассуждение по аналогии обладает некоторой доказательной силой, которая, однако, является более слабой, чем при рассуждении на основании сравнения. В качестве примера он приводит слова из речи Трумена, в которой он ставит целью доказать, что Соединенные Штаты должны напасть на Корею.

«Легче всего можно справиться с угрозой, если заняться ей сразу по ее возникновении. Гораздо легче погасить огонь, пока он еще не разгорелся, чем после того, как он превратится в огромный костер» (ibid. P. 114).

Основанием в *рассуждении на основании авторитетного мнения* является тот факт, что заявление, сделанное авторитетным лицом (или учреждением), является показателем истинности этого заявления (ibid. P. 132).

Новая концепция понятия «основание», предложенная Хастингсом, не получила широкого распространения в учебных пособиях по ведению дебатов. Она появляется только в учебнике самого А. Хастингса, который он позднее опубликовал в соавторстве с Р. Уиндесом (Windes, Hastings, 1969). Тем не менее от его классификации оснований все же отталкиваются в своих исследованиях некоторые ученые, как, например, Шелленс¹¹.

4.3.3. Классификация форм разумной аргументации П. Шелленса

В своей монографии «Разумные доводы» («Redelijke argumenten») П. Шелленс описал те приемы оценки, с помощью которых можно оценить разумность аргументации (reasonableness of argumentation) (Schellens, 1985. P. 4). Он выводит концепцию разумности, создавая серии аргументативных схем и формулируя для каждой из них оценочные критерии. Чтобы оценить правильность аргументации, читатель-аналитик должен прежде всего полностью восстановить аргументацию (которая обычно представляет собой энтимему), дополнив ее невыраженной посылкой. Затем он должен установить приемлемость посылок, «залить» аргументацию в форму подходящей аргументативной схемы, и задать соответствующие этой схеме контрольные вопросы.

Вслед за А. Хастингсом П. Шелленс разграничивает два главных типа аргументации: «связанную» (bound) и «несвязанную», или «свободную» (unbound or free floating), формы аргументации. Связанные формы аргументации «привязаны» к определенному типу заключения, в то время как несвязанные (свободные) формы аргументации могут использоваться для выведения заключения любого типа.

П. Шелленс классифицирует формы связанной аргументации на основании природы заключения, к которому они приводят. Заключение в этом случае может быть фактуальным (описательным) или

оценочным¹². Он выделяет следующие виды связанной аргументации: «аргументация, основанная на принципе регулярности» (argumentation based on regularity), «аргументация, основанная на применении правил» (argumentation based on rules), и «прагматическая аргументация» (pragmatic argumentation). При *аргументации, основанной на принципе регулярности*, переход от посылки к заключению представляет собой процедуру обобщающего описания, которое делается на основании определенного эмпирического закона. В соответствии с природой заключения П. Шелленс предлагает разграничивать «аргументацию для защиты предсказания» (argumentation defending a prediction) и «аргументацию для защиты объяснения» (argumentation defending an explanation). По его мнению, *предсказания* могут быть обоснованы с помощью причинно-следственного обособления или обобщения, не основанного на причинно-следственном отношении. При причинно-следственных обобщениях из того, что содержится в доводе, как правило, вытекает то, что содержится в заключении¹³. При *аргументации, защищающей объяснение*, из существования чего-либо, представленного как следствие, выводится что-либо другое, что является причиной этого следствия. П. Шелленс выделяет три формы аргументации для защиты правильности объяснения: «аргументация от следствия к причине», «аргументация на основании знака» и «аргументация от времени к причинно-следственной связи» (argumentation from time to causality). В *аргументации от времени к причинно-следственной связи* причинно-следственная связь доказывается путем указания на одновременность двух событий.

Во втором типе связанной аргументации, *аргументации, основанной на правилах*, переход от посылки к выводу представляет собой обобщение нормативного типа, конвенцию или эксплицитно выраженное соглашение. Опираясь на природу заключения, П. Шелленс выделяет «аргументацию, основанную на оценочных правилах», в которых для выведения заключения производится оценка чего-либо (argumentation based on evaluative rules), и «аргументацию, основанную на правилах, касающихся поведения», для тех заключений, с помощью которых регулируется поведение человека (argumentation based on rules of conduct). При *аргументации, основанной на оценочных правилах*, оценка производится путем указания на определенные качества. При *аргументации, основанной на правилах поведения*, заключение представляет собой совет, приказ или запрет, а посылка указывает на условия, которые делают этот совет, приказ или запрет приемлемыми¹⁴.

При прагматической аргументации — третьей разновидности связанной аргументации — в заключении выражается желательность действий определенного типа. *Прагматическая аргументация* рассматривается как особая категория, потому что она включает элементы как *дескриптивного обобщения* (касающегося возможности возникновения определенных следствий), так и *нормативного обобщения* (касающегося желательности определенных следствий).

Вторая главная категория аргументации, названная П. Шелленсом *свободной аргументацией*, делится также на три подтипа: «аргументация на основании авторитетного мнения», «аргументация на основании примера» и «аргументация по аналогии». При *аргументации на основании примера* общее суждение доказывается путем ссылки на конкретный случай. П. Шелленс указывает, что существует определенное различие между аргументацией на основании конкретного примера и индуктивным обобщением, которое практически никогда не встречается в повседневной аргументации. При *аргументации на основании примера* количество аналогичных случаев слишком мало, чтобы их можно было рассматривать как индукцию. Более того, вывод в этом случае не всегда представляет собой обобщение (ibid. P. 192). При *аргументации по аналогии* вывод доказывается путем ссылки на аналогичные случаи (ibid. P. 197). Как и многие другие авторы, Шелленс разграничивает «прямую (буквальную)» и «непрямую (образную)» аналогии.

4.3.4. Прагма-диалектическая типология схем аргументации

В прагма-диалектической теории аргументации, разработанной Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом (van Eemeren and Grootendorst, 1992), аргументация рассматривается как часть критической дискуссии, нацеленной на разрешение различий во мнениях. Для того чтобы оценить, вносит ли конкретная единичная аргументация вклад в общий процесс разрешения спора, необходимо определить, подходит ли данная схема аргументации для этого конкретного случая и правильно ли она используется. Схема аргументации считается подходящей, если она представляет собой адекватное средство защиты выдвинутой точки зрения и если участники дискуссии согласны ее применять. Схема аргументации считается использованной правильно, если при этом можно удовлетворительно ответить на все относящиеся к предмету обсуждения контрольные вопросы (critical

questions), которые оппонент может задать в ходе дискуссии. В этом смысле использование правильной схемы аргументации определяет ход диалектического обмена мнениями.

Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст подразделяют схемы аргументации на три главных типа: *симптоматическая аргументация*, или аргументация «признакового» типа (*symptomatic argumentation of the «token» type*), *сравнительная аргументация*, или аргументация «по сходству» (*comparison argumentation of the «resemblance» type*), и *инструментальная аргументация*, или аргументация «к последствиям» (*instrumental argumentation of the «consequence» type*). Эти три типа аргументации выделяются на основании того способа, с помощью которого соответствующая схема аргументации может быть оценена. «Критерием» разграничения этих трех типов аргументации служит тот факт, что каждая схема имеет свой критерий оценки отношений между посылкой и заключением. Схемы аргументации отличаются друг от друга и тем, что каждая из них имеет свои проверочные вопросы¹⁵. Поскольку в каждой схеме аргументации посылка связана с отстаиваемой точкой зрения по-своему, симптоматическая аргументация должна оцениваться иначе, чем причинно-следственная аргументация; сравнительная аргументация должна оцениваться иначе, чем причинно-следственная аргументация, а причинно-следственная аргументация — иначе, чем симптоматическая аргументация¹⁶.

При аргументации, которая основана на *симптоматическом отношении*, отстаиваемая точка зрения защищается путем указания в посылке на особую характеристику того, что выражается в точке зрения, и путем представления этой особой характеристики как типичного качества того, что выражается в точке зрения. Центральным контрольным вопросом для симптоматической аргументации является вопрос о том, можно ли считать качество, упомянутое в посылке, действительно типичным для того, что выражается в точке зрения. Одна из схем аргументаций, которая основана на симптоматических отношениях, — это аргументация, базирующаяся на авторитетном мнении. В ней подразумевается, что если кто-то утверждает что-либо, то это само по себе придает данному утверждению признак истинности. Другой специфический вариант симптоматической аргументации *основывается на значении какого-либо термина*. В данном случае из того факта, что что-то имеет определенные качества, автоматически вытекает отдельная классификация или обозначение.

При аргументации, основанной на *сравнении*, точка зрения защищается путем представления чего-либо спорного как чего-то, имеющего сходство с чем-то, что не является спорным. Это делается для

того, чтобы показать, что то, что относится к тому, что уже принято, также относится и к тому, что еще не принято. Основным контрольным вопросом при данном виде аргументации является вопрос о том, существует ли достаточное количество сходных черт между сравниваемыми явлениями. Аргументация *по аналогии* относится к категории сравнительной аргументации, при которой сравниваются абстрактные отношения между элементами двух (различных) ситуаций. Сравнительная аргументация, основанная на *принципе справедливости* (principle of justice), гласит, что к людям, находящимся в одинаковых ситуациях, следует относиться одинаково.

При аргументации, основанной на *причинно-следственных отношениях*, событие, которое дается в аргументе, представляется как причина того, о чем сказано в точке зрения (или наоборот), при этом точка зрения доказывается путем указания на то, что второе является результатом первого (или наоборот). Если признанный истинным факт представляется в рамках аргументации как причина события, упомянутого в точке зрения (или результата такого события), то приемлемость аргумента в этом случае переносится на точку зрения. Основным проверочный вопрос, на который нужно ответить при оценке причинно-следственного типа аргументации, заключается в том, действительно ли упомянутое событие является той причиной, что привела к событию, которое представлено как ее результат. Одной из схем причинно-следственной аргументации является *аргументация, основанная на отношении «средства-цель»* (means-end argumentation), или иначе *прагматическая аргументация*, в которой некоторое действие представлено как средство достижения определенной цели. Типичным для этого вида аргументации является то, что действие или курс действий, представленные в точке зрения, автоматически ведут к достижению той цели, которая упоминается в аргументе. Поэтому рекомендуемый курс действий подается как подходящий или даже наилучший путь к достижению цели.

4.4. Схемы аргументации и описание аргументативного дискурса

В книге «Практическая логика» («Alltagslogik») М. Кайнпойнтнер (Keinpointner, 1992) представляет свою типологию схем аргументации. Его цель состоит в том, чтобы дать полное описание раз-

личных типов аргументации, распространенных среди носителей немецкого языка. Типология М. Кайнпойнтнера строится на разделении оснований (warrants) на различные типы (ibid. P. 43). Предложенная им типология в конечном счете представляет собой не что иное, как эклектическую компиляцию элементов, взятых из античных и современных классификаций.

М. Кайнпойнтнер выделяет три главных класса: (1) «аргументативные схемы, использующие основания» (warrant-using argumentation schemes); (2) «схемы аргументации, устанавливающие основания» (warrant-establishing argumentation schemes); (3) «схемы аргументации, которые ни используют, ни устанавливают оснований» (argumentation schemes that neither use nor establish warrants) (ibid. P. 243)¹⁷. Первый из этих типов аргументации состоит из аргументативных схем, в которых посылка связана с заключением с помощью основания, заранее признанного приемлемым. Поэтому основание классифицируется как «использованное». Этот основной тип подразделяется на четыре подкласса: (1) «классификационные схемы» (schemes of classification), включающие в себя аргументативные схемы, основанные на определении, «родовидовой аргументации» и «аргументации, основанной на отношении “часть-целое”»; (2) «схемы, основанные на сравнении»; (3) «схемы противопоставления (contradistinction), основанные на контрарной оппозиции (contrary oppositions), противоречии (contradictions), несовместимости (incompatibilities), и схемы, построенные на основе обращения (converse opposition)»; (4) «схемы причинно-следственной аргументации», включающие аргументацию, основанную на мотивах, и аргументацию, основанную на отношении «средства-цель».

Второй основной тип аргументации состоит из аргументативных схем, в которых основание, выраженное в заключении, выводится с помощью индуктивной аргументации: «основание представляет собой заключение, а не посылку аргументации» (ibid.). Этот тип аргументации включает только один подтип — «индуктивную аргументацию в ограниченном смысле слова» (inductive argumentation in the restricted sense).

Третий основной класс аргументативных схем, который не может быть включен ни в первый, ни во второй основной класс, состоит из «иллюстративной аргументации» (illustrative argumentation), «аргументации, основанной на аналогии», и «аргументации, основанной на авторитетном мнении» (argumentation based on authority).

Полученный таким образом список из 21 подкласса подразделяется в дальнейшем на более мелкие подклассы в зависимости (среди

прочих признаков) от природы вывода (является ли он нормативным или дескриптивным). В результате этого заключительного деления вся классификация включает 58 аргументативных схем.

4.5. Выводы

Различные классификации схем аргументации, которые были описаны в настоящей главе, имеют поразительное сходство. Исследователи часто используют общие источники (трактаты Аристотеля, Уэйтли), и, кроме того, их теории оказывают большое влияние друг на друга. Стандартная классификация типов аргументации, приводимая в учебниках по дебатам, восходит к классификации Р. Уэйтли, а сам Уэйтли, в свою очередь, находился под сильным влиянием аристотелевской концепции риторической инвенции. Целью А. Хастингса было, опираясь на классификации форм рассуждения из учебных пособий по дебатам, показать необходимость категоризации форм аргументации. Хотя типология А. Хастингса имеет более сложный характер, она все же схожа во многих отношениях со стандартной классификацией. П. Шелленс берет за основу классификацию А. Хастингса, но также использует и классификацию исходных положений Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки, которые, в свою очередь, находились под сильным влиянием античных топических систем Аристотеля и Цицерона. Наконец, эклектическая классификация М. Кайнпойнтнера включает элементы многих других классификаций. Он основывает свою типологию главным образом на схоластических топосах. Однако в отношении дескриптивной природы его классификации, его ориентации на античную традицию и количества схем аргументации можно сказать, что предложенная им классификация больше всего напоминает классификацию Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки. Что касается прагма-диалектической теории, то по количеству схем и их типу она больше всего похожа на классификацию О. Фрили.

Существуют также некоторые важные различия между вышеперечисленными подходами. Эти различия относятся главным образом к систематике различных классификаций и к количеству выделяемых схем аргументации.

В большинстве классификаций различаются причинно-следственная аргументация, сравнительная аргументация и аргументация,

основанная на авторитетном мнении. Во многих классификациях также выделяется знаковая аргументация, но она не всегда осмысливается одинаковым образом.

Любая типология считается теоретически правильной, если она достигает цели, на достижение которой она направлена. С практической точки зрения типология схем аргументации считается приемлемой, если носители языка используют ее в качестве фундамента для построения своих рассуждений. Кроме того, носители языка должны уметь распознавать выделенные схемы. Б. Уорник и С. Клайн (Warnick, Kline, 1992) провели эмпирическое исследование с целью установления того, в какой мере читатель того или иного текста распознает схемы аргументации, предложенные Х. Перельманом и Л. Ольбрехтс-Титекой. Они сделали вывод, что специалист легко может распознать большинство из этих схем. А. Хастингс (Hastings, 1962) и П. Шелленс (Schellens, 1985) провели эксперименты с целью проверки полезности своих типологий, попросив обычных носителей языка определить схемы аргументации в предлагаемых им текстах. А. Хастингс пришел к заключению, что большинство респондентов смогли различить те схемы аргументации, которые представлены в его классификации. Типология П. Шелленса не нашла при тестировании такого же практического подтверждения (*ibid.*). Однако следующий эксперимент П. Шелленса обнаружил, что те респонденты, которым объяснили смысл выделенных ученым аргументативных схем, легче могли сформулировать необходимые контрольные вопросы для некоторых схем, чем те, кто не получил такой информации.

Кайнпойнтнер также исследовал восприятие некоторых схем из своей классификации. В своем исследовании он ставил перед респондентами задачу оценить ряд аргументов, которые были основаны на предложенных им схемах аргументации. Он обнаружил, что умозаключения респондентов об уместности и приемлемости аргументов были преимущественно негативными.

Б. Гарссен (Garssen, 1995, 1997) исследовал вопрос о том, имеет ли носитель языка представление о связи между точкой зрения и посылкой и в какой мере это отношение соответствует прагма-диалектическим схемам аргументации. Для того чтобы установить, имеет ли носитель языка дотеоретическое понятие об отношении между точкой зрения и посылкой, он разработал тест, в рамках которого респонденты должны были провести критический разбор аргументации, описав связь между посылкой и точкой зрения. Факт существования определенного соответствия между их анализом и стандартными проверочными вопросами, которые используются для оцен-

ки рассуждения в прагма-диалектической теории аргументации, показывает, что у респондентов действительно существует представление об определенном типе отношений между посылкой и точкой зрения.

Существующие классификации аргументативных схем часто становятся фундаментом для исследований, посвященных использованию аргументации в реальной жизни. О. Сандерс, Р. Гэсс и Р. Вайзман (Sanders, Gass, Wiseman, 1991. P. 709–718), например, провели исследование с целью установить, различаются ли умозаключения о доказательной силе различных аргументативных схем («аргументация на основании конкретного примера», «аргументация по аналогии» и «причинно-следственная аргументация») у представителей различных этнических групп. На основании проведенного исследования эти авторы пришли к выводу, что не существует никакой связи между принадлежностью к этнической группе и предпочтением того или иного типа аргументации.

В книге «Пословицы и практическое рассуждение. Социологическое исследование» (Proverbs and Practical Reasoning. A Study in Socio-Logic) П. Гудвин и Д. Венцель исследовали вопрос о том, в какой мере различные принципы аргументации отражаются в пословицах, которые наиболее часто используются в западной культуре (Goodwin, Wenzel, 1979. P. 289). Во многих пословицах совершенно явно преобладает аргументация на основании признака/знака («Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»), однако целый ряд других принципов аргументации также представлен в пословицах (причинно-следственная аргументация: «где пчелы, там и мед»; обобщающая: «обжегшееся дитя огня боится»). Таким образом, П. Гудвин и Д. Венцель делают вывод о том, что «пословицы (1) отражают имплицитную типологию схем рассуждения (или аргументации), (2) иллюстрируют принципы логического следования и (3) предотвращают совершение общих и частных аргументативных ошибок» (ibid. P. 302).

Примечания

¹ Схемы аргументации — это наиболее общие и абстрактные модели рассуждения, которые имеют бесконечное количество вариантов подстановки элементов. В этом отношении они соответствуют схемам логического рассуждения. Однако в аргументативных схемах перенос приемлемости с посылок на заключение основан не только на формальных характеристиках той схемы, которая используется.

² Существуют топосы, которые не указывают на возможную связь между посылкой и тезисом. Приемы, описанные в книге Цицерона «Об инвенции» («De inventione»), должны рассматриваться как указатели на определенные топические темы.

³ Гримальди (Grimaldi, 1958) полагает, что некоторые приемы всегда используются в сочетании с риторическими принципами рассуждения. Другими словами, каждый частный топос может рассматриваться как частный случай применения общего топоса.

⁴ Этот пример иллюстрирует двойную функцию диалектических топосов: они предлагают общее правило и применение этого правила в форме совета (van Eemeren et al., 1996. P. 38).

⁵ По мнению Эйнингера (Ehninger, Brockriede, 1963), в риторике Уэйтли есть «более частные цели, а именно: (1) вооружить проповедника умением донести до непосвященной паствы непререкаемые истины христианской веры и (2) вооружить христианского полемиста, который призван защищать свидетельства религии от нападков скептиков».

⁶ Перельман и Ольбрехтс-Титека также обращают особое внимание на такие типы рассуждения, как аргументация, основанная на *принципе напрасных усилий* (argument of waste), в соответствии с которой не следует прекращать делать то, что ты делал, если на это затрачено уже столько сил.

⁷ В качестве примера такой классификации смотри книгу Лейкока и Скейлза (Laycock, Scales, 1913. P. 164). Другие заслуживающие внимания классификации можно найти в книгах Мак-Берни и Миллса (McBurney, Mills, 1964) и Крюгера (Kruger, 1960).

⁸ Фрили не выделяет оценочных вопросов для разграничения двух типов причинно-следственного рассуждения (от причины к следствию и от следствия к следствию).

⁹ О'Нил, Лейкок и Скейлз (O'Neill, Laycock, Scales, 1993. P. 155) рассматривают «аргументацию на основании обобщения» и «аргументацию на основании аналогии» как две разновидности «аргументации на основании примера». Они также рассматривают «аргументацию на основании знака» как «аргументацию от следствия к причине» (ibid. P. 146). В добавление к типам аргументации (Freeley, 1993; Ehninger, Brockriede, 1963) различают понятия «классификации» (classification) и «авторитетности» (authority).

¹⁰ С точки зрения Хастингса, гипотеза, выраженная в выводе, дает объяснение фактам, упомянутым в посылке. Хастингс признает, что существует поразительное сходство между этой формой рассуждения и рассуждением на основании знака (Hastings, 1962. P. 87). Однако здесь существует большое различие: при рассуждении на основании знака обычно упоминается лишь один знак, а также существует тесная связь между этим знаком и гипотезой, в то время как при аргументации от косвенных свидетельств к гипотезе упоминается более чем один знак; связь между знаком и гипотезой слабая, а знаки относятся к нескольким типам событий.

¹¹ В своей книге «Схемы аргументации для презумптивного рассуждения» («Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning», 1996) Уолтон берет за основу классификацию Хастингса и добавляет большое количество вариантов. Уолтон считает, что в презумптивном рассуждении заключение никогда не является абсолютной истиной, а базируется на предположении. Задавая контрольные вопросы, которые относятся к данной схеме аргументации, можно иногда выявить такие случаи, когда это предположение будет неверным.

¹² Шелленс ссылается на проведенное Перельманом разграничение между *посылками, относящимися к действительному* (points of departure relating to the real), и *посылками, относящимися к предпочтительному* (points of departure relating to the preferable).

¹³ По мнению Шелленса, предсказание не обязательно относится к будущему событию; оно также может быть использовано для того, чтобы доказать, что какое-то

событие произошло в прошлом путем указания на причины этого события. Шелленс называет такой вариант *квазипредсказанием* (quasi prediction). Подобно Хастингсу, он выделяет такой вариант рассуждения, в котором будущее событие предсказывается на основании события-причины, которое еще только ожидается (условное предсказание) (conditional prediction).

¹⁴ Следование от посылки к заключению определяется правилом, которое показывает, когда действие, упомянутое в заключении, должно быть совершено.

¹⁵ Вместе с каждой схемой аргументации даются специальные контрольные вопросы. Центральным из них является тот, который непосредственно относится к связи между посылкой и точкой зрения. Остальные контрольные вопросы относятся к дополнительным факторам, которые могут затруднять перенос приемлемости с посылок на заключение.

¹⁶ В прагма-диалектической теории аргументации одним из объектов исследования является представление схемы аргументации в речи. Так, например, симптоматическое отношение может выражаться такими фразами, как «*X* является по своей природе *Y*» и «характерно для *X*, что *Y*». Вербальные выражения, указывающие на сравнения, могут быть такими: «*X* сопоставим с *Y*» и «*X* соответствует *Y*», а причинно-следственные отношения могут быть представлены такими выражениями, как «*X* вызывает *Y*» и «*Y* является результатом *X*» (van Eemeren, Grootendorst, 1992. Р. 98–99).

¹⁷ Различие между «аргументативными схемами, использующими основания», и «схемами аргументации, устанавливающими основания», соответствует тулминовскому разграничению умозаключений на использующие основания и устанавливающие основания умозаключения (Toulmin, 1958. Р. 120). Классификация этих типов рассуждения также похожа на выделенное Перельманом и Ольбрехтс-Титекой разграничение между аргументацией, основанной на структуре реальности, и аргументацией, устанавливающей структуру реальности.

Библиография

1. *Aristotle. Rhetoric. With an English translation / Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924.*
2. *Аристотель. Топика // Соч.: В 4 т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.*
3. *Bird O. The Tradition of the Logical Topics: Aristotle to Ockham // Journal of the History of Ideas. 1962. N 23. 3. P. 307–323.*
4. *Boethius. De Topicis Differentiis // Boethius's De Topicis Differentiis / Transl. E. Stump. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1978.*
5. *Cicero. De Inventione. De Optima Genere Oratorum. Topica / With Engl. transl.; Ed. M. Hubbell. London: Heinemann, 1949. (Loeb Classical Library, 386.)*
6. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.*
7. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F., Blair J. A., Johnson R. H., Krabbe E. C. W., Plantin C., Walton D. N., Willard C. A., Woods J., Zarefsky D. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.*
8. *Ehninger D., Brockriede W. Decision by Debate. New York: Dodd, Mead, 1963.*

Важнейшие концепции теории аргументации

9. *Freeley A. J.* Argumentation and Debate: Critical Thinking for Reasoned Decision Making. Belmont, CA: Wadsworth, 1993.
10. *Garssen B. J.* Understanding Argumentation Schemes: An Empirical Research on the Recognition of Type of argument // Reconstruction and Application / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. P. 230–237.
11. *Garssen B. J.* Argumentatieschema's in pragma-dialectisch perspectief. Een theoretisch en empirisch onderzoek (Argument schemes from a pragma-dialectical perspective). Amsterdam: IFOTT, 1997.
12. *Goodwin P. D., Wenzel J. W.* Proverbs and Practical Reasoning. A Study in Socio-Logic // The Quarterly Journal of Speech. 1979. N 65. P. 289–302.
13. *Grimaldi W. M. A.* The Aristotelian topics // Traditio. 1958. N 14. P. 1–16.
14. *Hastings A. C.* A Reformulation of the Modes of Reasoning in Argumentation. Dissertation / Northwestern University. Evanston, IL, 1962.
15. *Kienpointner M.* Alltagslogik. Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1992.
16. *Kruger A. N.* Modern Debate, its Logic and Strategy. New York, etc.: McGraw Hill, 1960.
17. *Laycock C., Scales R. L.* Argumentation and Debate. London: Macmillan, 1913.
18. *McBurney J. H., Mills G. E.* Argumentation and Debate: Techniques of a Free Society. New York: Macmillan, 1964.
19. *O'Neill J. M., Laycock C., Scales R. L.* Argumentation and Debate. New York: Macmillan, 1993.
20. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969. (Transl.: La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. Paris: Presses Universitaires de France, 1958).
21. *Sanders J. A., Gass R. H., Wiseman R. L.* The Influence of Type of Warrant and Receivers Ethnicity on Perceptions of Warrant Strength // Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 709–718.
22. *Schellens P. J.* Redelijke argumenten. Een onderzoek naar normen voor kritische lezers [Reasonable Arguments: A Study of Norms for Critical Readers]. Dordrecht: Foris, 1985.
23. *Toulmin S. E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
24. *Walton D. N.* Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.
25. *Warnick B., Kline S. L.* The New Rhetoric's Argument Schemes: A Rhetorical View of Practical Reasoning // Argumentation and Advocacy. 1992. N 29. P. 1–15.
26. *Whately R.* Elements of Rhetoric / Ed. D. Ehninger. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1963.
27. *Windes R. R., Hastings A.* Argumentation and Advocacy. New York: Random House, 1969.

СТРУКТУРЫ АРГУМЕНТАЦИИ

5.1. Введение

Структура аргументации (structure of argumentation/argumentation structure) является важной проблемой для теории и практики аргументативного анализа. В ходе исследования аргументации постоянно возникают такие вопросы, как: каким образом можно установить структуру сложной аргументации? Какие структуры следует при этом выделять и на каком основании?

Установление структуры аргументации необходимо не только для того, чтобы понять, каким образом пропонент защищает свою позицию, но также для того, чтобы оценить качество аргументации. Общая оценка качества сложной аргументации требует не только четкого осознания отдельных аргументов, но также и понимания связи между этими аргументами¹. Если не ясно, является тот или иной аргумент независимым от других аргументов, которые входят в состав сложного аргумента (сложной аргументации), то невозможно установить, какой вред принесет негативная оценка подобного довода.

В большинстве теоретических исследований выделяются, по крайней мере, три типа структур аргументации: (1) *последовательное рассуждение* (serial reasoning), или *подчинительная аргументация* (subordinate argumentation), (2) *связанное рассуждение* (linked reasoning), или *сочинительная аргументация* (coordinate argumentation), и (3) *конвергентное рассуждение* (convergent reasoning), или *множественная аргументация* (multiple argumentation). Рассуждение является последовательным, если один довод поддерживает другой. Рассуждение является связанным, если каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения. Если же каждый аргумент

самостоятельно доказывает (до известной степени) точку зрения, то рассуждение является конвергентным. Сложная аргументация может объединять все эти три типа аргументативных структур.

Хотя на первый взгляд кажется, что между учеными нет разногласий по поводу различий между соответствующими типами аргументативных структур, при ближайшем рассмотрении специалисты расходятся во мнениях по целому ряду вопросов. Часто одна и та же терминология используется для случаев, которые принципиально отличаются друг от друга. Более того, различные описания аргументативных структур отражают значительные расхождения в самом подходе к анализу аргументации. Самое важное различие существует между структурными (или логическими) подходами, при которых основное внимание уделяется только структурным аспектам в том виде, как они представлены в итоге процесса обоснования, и функциональными (или диалектическими) подходами, в которых объектом анализа является то, как эти структуры возникают и какую роль они выполняют в самом процессе обоснования. Помимо расхождения в определении структур аргументации и в подходах к их выделению, существуют также и разногласия в отношении методов анализа, особенно в спорных случаях, когда одну и ту же структуру аргументации можно интерпретировать по-разному. Некоторым авторам эти расхождения позволяют поставить вопрос о том, нужно ли вообще разграничивать разные структурные типы аргументации. Они утверждают, что при практическом анализе разграничение различных структур аргументации является столь сложным, что вообще не имеет смысла этим заниматься. Эта точка зрения особенно часто высказывается в отношении представляющего наибольшую трудность разделения аргументации на сочинительную и множественную.

И наконец, существует также расхождение во мнениях в отношении происхождения и истории этих различий, особенно в отношении происхождения подразделения обоснования на связанное и конвергентное. Поскольку историческое исследование происхождения этих классификаций послужит осмыслению современных теоретических разногласий, мы и начнем настоящую главу с исторического обзора. В 5.3 рассматриваются основные определения связанной и конвергентной структур аргументации и их эквивалентов, которые можно найти в современных направлениях анализа аргументации. В 5.4 описываются различные методы анализа, предлагаемые в теоретической литературе, посвященной спорным случаям.

5.2. Исторический обзор

Внимание к анализу аргументации впервые стало проявляться в американских учебных пособиях по логике и дебатам во второй половине XX в. При этом сразу же стало ясно, что в этих учебных изданиях отразились два направления исследования: античная риторика и риторика эпохи Просвещения, представленная такими авторами, как Р. Уэйтли (Whately) и Д. Кэмпбелл (Campbell).

Хотя основные понятия теории аргументации в этих направлениях еще не разработаны полностью, а современная терминология полностью отсутствует, тем не менее, как в античной риторике, так и в риторике эпохи Просвещения, хотя и в зачаточной форме, все же присутствуют концепции аргументативных структур, во многом схожие с современными. И в античной риторике, и в риторике эпохи Просвещения уже применяется функциональный подход, при котором независимость аргументов или их взаимозависимость определяются необходимостью доказательства точки зрения пропонентом. Логический же подход, при котором термин *аргументативная структура* применяется для описания отношений между посылками в различных видах следования, свойствен только риторам эпохи Просвещения. Они уделяют особое внимание различию между типами связи между посылками в дедуктивной аргументации, или доказательстве, и в индуктивной (или «этической») аргументации. В последнем случае каждый довод по отдельности несет на себе часть общей нагрузки по доказательству тезиса (и в этом смысле он является независимым), но вместе с тем доводы должны быть объединены в единое целое, чтобы сделать вывод более вероятным.

5.2.1. Античная риторика

Уже в ранней римской риторике различались подчинительная аргументация и аргументация, состоящая из многих доводов, каждый из которых напрямую связан с доказываемой точкой зрения². В книге Цицерона «Об инвенции» («De Inventione») описывается особый тип сложной аргументации, называемый «эмихейрема», или «*пятичастная аргументация*» (five-part argumentation). Д. Кеннеди (Kennedy, 1994) дает следующее описание этого типа аргументации.

«Это своего рода расширение аристотелевских силлогизма и энтимемы, при котором высказывание (часть 1) доказывается рядом доводов (часть 2),

самостоятельно доказывает (до известной степени) точку зрения, то рассуждение является конвергентным. Сложная аргументация может объединять все эти три типа аргументативных структур.

Хотя на первый взгляд кажется, что между учеными нет разногласий по поводу различий между соответствующими типами аргументативных структур, при ближайшем рассмотрении специалисты расходятся во мнениях по целому ряду вопросов. Часто одна и та же терминология используется для случаев, которые принципиально отличаются друг от друга. Более того, различные описания аргументативных структур отражают значительные расхождения в самом подходе к анализу аргументации. Самое важное различие существует между структурными (или логическими) подходами, при которых основное внимание уделяется только структурным аспектам в том виде, как они представлены в итоге процесса обоснования, и функциональными (или диалектическими) подходами, в которых объектом анализа является то, как эти структуры возникают и какую роль они выполняют в самом процессе обоснования. Помимо расхождения в определении структур аргументации и в подходах к их выделению, существуют также и разногласия в отношении методов анализа, особенно в спорных случаях, когда одну и ту же структуру аргументации можно интерпретировать по-разному. Некоторым авторам эти расхождения позволяют поставить вопрос о том, нужно ли вообще разграничивать разные структурные типы аргументации. Они утверждают, что при практическом анализе разграничение различных структур аргументации является столь сложным, что вообще не имеет смысла этим заниматься. Эта точка зрения особенно часто высказывается в отношении представляющего наибольшую трудность разделения аргументации на сочинительную и множественную.

И наконец, существует также расхождение во мнениях в отношении происхождения и истории этих различий, особенно в отношении происхождения подразделения обоснования на связанное и конвергентное. Поскольку историческое исследование происхождения этих классификаций послужит осмыслению современных теоретических разногласий, мы и начнем настоящую главу с исторического обзора. В 5.3 рассматриваются основные определения связанной и конвергентной структур аргументации и их эквивалентов, которые можно найти в современных направлениях анализа аргументации. В 5.4 описываются различные методы анализа, предлагаемые в теоретической литературе, посвященной спорным случаям.

5.2. Исторический обзор

Внимание к анализу аргументации впервые стало проявляться в американских учебных пособиях по логике и дебатам во второй половине XX в. При этом сразу же стало ясно, что в этих учебных изданиях отразились два направления исследования: античная риторика и риторика эпохи Просвещения, представленная такими авторами, как Р. Уэйтли (Whately) и Д. Кэмпбелл (Campbell).

Хотя основные понятия теории аргументации в этих направлениях еще не разработаны полностью, а современная терминология полностью отсутствует, тем не менее, как в античной риторике, так и в риторике эпохи Просвещения, хотя и в зачаточной форме, все же присутствуют концепции аргументативных структур, во многом схожие с современными. И в античной риторике, и в риторике эпохи Просвещения уже применяется функциональный подход, при котором независимость аргументов или их взаимозависимость определяются необходимостью доказательства точки зрения проponentом. Логический же подход, при котором термин *аргументативная структура* применяется для описания отношений между посылками в различных видах следования, свойствен только риторам эпохи Просвещения. Они уделяют особое внимание различию между типами связи между посылками в дедуктивной аргументации, или доказательстве, и в индуктивной (или «этической») аргументации. В последнем случае каждый довод по отдельности несет на себе часть общей нагрузки по доказательству тезиса (и в этом смысле он является независимым), но вместе с тем доводы должны быть объединены в единое целое, чтобы сделать вывод более вероятным.

5.2.1. Античная риторика

Уже в ранней римской риторике различались подчинительная аргументация и аргументация, состоящая из многих доводов, каждый из которых напрямую связан с доказываемой точкой зрения². В книге Цицерона «Об инвенции» («De Inventione») описывается особый тип сложной аргументации, называемый «эмихейрема», или «*пятичастная аргументация*» (five-part argumentation). Д. Кеннеди (Kennedy, 1994) дает следующее описание этого типа аргументации.

«Это своего рода расширение аристотелевских силлогизма и энтимемы, при котором высказывание (часть 1) доказывается рядом доводов (часть 2),

а затем дается второе высказывание (представляющее собой малую посылку в силлогизме) (часть 3), и оно, в свою очередь, доказывается рядом доводов (часть 4). Пятая часть представляет собой заключительный вывод. Такая аргументация иногда называется греческим термином *epicheirema*, что буквально означает «горсть» («a handful»)» (ibid. P. 120).

Поскольку части 2 и 4 включают аргументы, последовательно поддерживающие друг друга, они могут рассматриваться как последовательное рассуждение или подчинительная аргументация. В обоих случаях подчинительная аргументация должна основываться на целом ряде различных аргументов. Цицерон приводит следующий пример, иллюстрирующий подчинительную аргументацию для малой посылки силлогизма «Из всех вещей ничто не организовано лучше, чем сама вселенная».

«И затем приводится еще одно доказательство, на этот раз для малой посылки: “Ибо все созвездия существуют в строгом порядке, а смена сезонов происходит не только по раз и навсегда установленному закону, но и в соответствии с требованиями природы, так что смена дня и ночи никогда еще не причиняла ей (природе) вреда”. Все это доказывает, что миром правит высший разум» (De inventione, I. P. 59).

Не ясно, предполагается ли, что эти доводы образуют единую линию защиты (и, таким образом, представляют собой случай «связанного» рассуждения), или они должны рассматриваться как независимые аргументы (и тем самым представлять собой «конвергентное» рассуждение).

В античном учении о статусах (theory of stasis) также выделяются понятия независимого и зависимого доводов, хотя им уделяется недостаточное внимание. Положения, которые подлежали доказательству в ходе рассмотрения уголовного дела, различались в зависимости от того, выступал ли проponent в качестве защитника или обвинителя³. При выборе линии защиты, по мнению Квинтилиана, подзащитный имеет четыре возможности.

«Существуют четыре различных метода, которые могут быть использованы в каждом случае, и тот, кто собирается защищать себя на суде, должен в первую очередь запомнить их. Ибо что касается обвиняемого, то самый эффективный метод самозащиты заключается в том, чтобы по возможности отрицать вину. Второй эффективный метод заключается в том, чтобы по возможности утверждать, что то деяние, в котором вас обвиняют, вообще никогда не имело места. Третий, и наиболее благородный, способ самозащиты состоит в том, чтобы доказать, что ваши действия являются оправданными. Если ни одна из этих линий защиты не имеет шансов на успех, то остается последняя и единственная надежда быть оправданным: ...мы должны стараться избежать признания виновным, опираясь на какую-либо статью закона с

тем, чтобы показать, что обвинение против нас было возбуждено незаконно» (Quintilian, 3. 6. P. 83–84).

Каждый из этих методов защиты обвиняемого является вполне достаточным. Вместе с тем можно также попытаться комбинировать различные способы защиты. Квинтилиан дает следующее объяснение, почему в некоторых случаях следует использовать множественную защиту.

«Некоторые люди подчас не могут решить, какую форму защиты им избрать в том или ином случае. Я мог бы проиллюстрировать это следующим образом: “Если бы я его убил, то я поступил бы правильно, но я не убивал его”. Эти люди вопрошают, зачем нужна первая часть высказывания, если вторая часть может быть доказана, ибо эти части противоречат друг другу, и если кто-либо использует оба эти довода, то мы, вероятнее всего, не поверим ни одному из них. Это рассуждение отчасти справедливо; если факт может быть четко доказан, то следует употребить только вторую часть приведенного выше высказывания. Но если есть хоть какие-либо сомнения в отношении возможности доказать факт, то, очевидно, будет лучше использовать обе линии защиты. Различные аргументы производят разное воздействие на людей... человек, который уверен в своих силах, может довольствоваться тем, что он выпустит “одну стрелу” (т. е. убедит с помощью одного аргумента), в то время как человек, который не столь уверен в себе, должен выпустить ряд стрел и предоставить судьбе возможность выбора той, которая поможет ему защитить себя» (ibid. 4. 5. P. 13–14).

Обвинитель пользуется теми же приемами при подборе собственных аргументов, но он должен доказать все четыре пункта, выдвигаемые защитой для того, чтобы выиграть процесс.

«Обвинитель ...должен доказать, что обсуждаемое событие имело место, что оно является таким-то определенным деянием, что это деяние является злом и что обвинение законно» (ibid. 3. 6. P. 85).

В соответствии с требованием бремени доказательства главные доводы обвинителя, доказывающие вину обвиняемого, должны рассматриваться как независимые, ибо успех его аргументации в целом зависит от правильности каждой из составляющих ее частей⁴.

Другой вид взаимозависимости аргументов рассматривается в следующем фрагменте из книги «Риторика к Гереннию» («*Rhetorica ad Herennium*»), где предлагается идеальный порядок следования доводов.

«При доказательстве и опровержении доводов следует принять следующую последовательность подачи доводов: (1) самые сильные доводы должны быть расположены в начале и в конце рассуждения; (2) доводы средней силы, а также те, которые нельзя признать ни бесполезными в рассуждении,

ни жизненно необходимыми для доказательства, каждый из которых является слабым, если его рассматривать по отдельности, но которые в совокупности с другими аргументами становятся сильными и убедительными, должны быть помещены в среднюю часть рассуждения» (*Rhetorica ad Herennium*, 3. 10. P. 18).

Итак, в отличие от главных доводов обвинителя, по мнению автора книги «*Rhetorica ad Herennium*», некоторые аргументы должны находиться в середине рассуждения как «не являющиеся жизненно необходимыми для доказательства». Причиной их зависимости от других аргументов является то, что они слишком слабы для того, чтобы играть самостоятельную роль, и в то же время они становятся более убедительными в сочетании с другими аргументами.

5.2.2. Риторика эпохи Просвещения

В своей книге «Философия риторики» («*The Philosophy of Rhetoric*», 1776) Д. Кэмпбелл описывает различие между «научными доказательствами» (*scientific evidence*) и «этическими доказательствами» (*moral evidence*). Одним из главных различий между этими двумя типами доказательств является различие в их структурах. Научное доказательство состоит из ряда взаимозависимых посылок, которые в совокупности составляют один довод, в то время как этическое доказательство состоит из ряда независимых друг от друга доводов.

«Научное доказательство по форме является простым, состоящим только из одной ясной цепочки доводов. Каждая часть этого доказательства зависит от предыдущей и как бы подразумевает последующую. Этическое же доказательство обычно является сложным по форме, представляя собой связку независимых доказательств. Даже самое пространное доказательство представляет собой единую цепь, и ее части, взятые по отдельности, не должны рассматриваться как независимые доводы, поскольку если их пытаться рассматривать как независимые доводы, то мы обнаружим, что они не являются убедительными; взятые же в совокупности и выдвинутые в нужной последовательности, они составляют единый довод, который является абсолютно убедительным» (Campbell, 1991. P. 45).

Хотя каждый из доводов, приводимых в рамках этических рассуждений, является независимым, добавление новых доводов может сделать заключительный вывод более вероятным.

«В этическом рассуждении... мы часто сталкиваемся с использованием в доводах комбинации различных топосов, абсолютно независимых друг от друга. Каждый из этих топосов имеет самостоятельную доказательную силу

и каждый придает заключительному выводу свою долю вероятности, что в совокупности и создает доказательную базу истинности обсуждаемого факта» (ibid. P. 45).

Д. Кэмпбелл признает, что для одного и того же утверждения можно дать несколько доказательств, но он также полагает, что делать это бесполезно:

«Действительно, одна и та же теорема может быть доказана разными способами и с использованием разных методов. Однако если известно, что один из этих способов позволяет достичь цели и обладает наибольшей степенью убедительности, то все другие доказательства становятся излишними» (ibid.).

Д. Кэмпбелл также описывает, что произойдет, если мы сократим число частей в доказательстве или в этическом рассуждении.

«[Доказательство] при рассуждении можно сравнить с аркой, у которой ни одна часть не может существовать независимо от остальных. Если вы убираете какую-то часть ее, то вы разрушаете целое. ... [Этическое рассуждение] можно сравнить с башней, высота которой создается из совокупности высот нескольких частей, наложенных друг на друга, и поэтому башню можно разобрать так же постепенно, как она возводилась» (ibid. P. 45–46).

Р. Уэйтли описывает два различных способа, с помощью которых доводы могут быть объединены, чтобы создать более сильную аргументацию (и, таким образом, составляющие ее доводы можно рассматривать как связанные). В первом случае доводы, которые по отдельности не имеют большой значимости, в совокупности могут создавать достаточную аргументативную базу для выведения заключения.

«Приведенное выше замечание в отношении силы свидетельств, *действующих совместно* (*concurrent testimonies*), — хотя каждое из них по отдельности может и не являться убедительным, однако вероятность того, что все они по *совпадению* являются ложными, очень мала, — применимо не только к аргументации на основании свидетельства (*argument from testimony*), но может быть также распространено и на аргументацию других типов. В этих рассуждениях путем такого же подсчета доводов за или против того или иного заключения, на основании совокупности данных, которые по отдельности не имели бы никакой или почти никакой силы, мы все же можем вывести заключение, иногда даже с определенной долей этической определенности» (Whately, 1846. P. 74).

По мнению Р. Уэйтли, в индуктивных рассуждениях одного примера иногда бывает достаточно для доказательства общего вывода. В других случаях требуется целый ряд примеров, которые могли бы обосновать заключительный вывод.

«В повседневных делах ... наша неуверенность в отношении многих обстоятельств, которые могут оказать воздействие на результат, заставляет нас подбирать целый ряд аналогичных примеров для того, чтобы обосновать даже вполне вероятный вывод» (ibid. P. 88).

Вместо того чтобы подбирать ряд аналогичных доводов (т. е. ряд свидетельств, знаков или примеров), можно использовать более сильную систему аргументации путем соединения доводов различного типа. Таким образом, второй тип соединения доводов — его, видимо, Р. Уэйтли выделял, хотя и недостаточно четко, — представляет собой средство, с помощью которого рассуждающий может продемонстрировать, что те или иные конкретные возражения против другого его довода (например, существуют некоторые обстоятельства, представляющие собой исключение из общего правила или противоречащие «основанию», лежащему в основе этого довода) не являются вескими.

«Довод, данный до этого, и соответствующий пример поддерживают друг друга в том случае, когда они даются вместе... Даже после того, как была установлена достаточно убедительная причина в пользу какого-либо вывода, мы вполне можем предположить, что могут существовать обстоятельства, которые воспрепятствуют возникновению следствия этой причины. Однако примеры, приведенные в поддержку подобного следствия, показывают, что эти обстоятельства не препятствуют, по крайней мере в некоторых случаях, возникновению рассматриваемого следствия (ibid. P. 138).

Взгляды Р. Уэйтли в отношении необходимости доказательства ясно показывают, что он допускает возможность выдвижения большего количества доводов, чем это требуется, а следовательно, защита тезиса в целом состоит из ряда независимых доводов. Если человек, защищающий какой-либо тезис, высказывает предположение, то обязанность представить доказательства ложится на оппонента, а выдвижение дополнительных доказательств в поддержку этого предположения становится уже излишним (*ex abundanti*).

«Очень важно в каждом случае установить ... кто высказывает *предположение* и кто должен взять на себя *бремя доказательства* [*onus probandi*]. Поскольку часто может оказаться практически целесообразным выдвинуть большее количество доказательств, чем *требуется*, всегда желательно, чтобы было *известно*, что сила доказательства должна оцениваться исходя из этого (ibid. P. 112)⁵.

Таким образом, использование подобного приема не запрещается при условии, что оппоненту дается понять, что пропонент использует для доказательства своего тезиса больше доводов, чем требуется.

5.2.3. Первые учебные пособия

Американские учебные пособия по аргументации и дебатам, которые стали появляться в 50-х гг., содержали в основном традиционные взгляды на структуру аргументации. Однако в них отразились и некоторые новые направления. Считается, что первым начал представлять структуру аргументации в виде диаграмм (состоящих из пронумерованных утверждений и стрелок, указывающих на отношения между ними) Монроу Бердслей (Beardsley, 1950). М. Бердслей также ввел некоторые термины, которые до сих пор используются представителями неформальной логики и относятся к различным структурам аргументации. Он приводит следующие определения.

«В *конвергентной* аргументации один и тот же вывод поддерживается несколькими независимыми доводами... В *дивергентной* аргументации (*divergent argument*) один и тот же довод используется для доказательства нескольких выводов... Последовательная аргументация содержит утверждение, которое *одновременно* является выводом для предыдущего довода и доводом для последующего вывода» (ibid. P. 19).

Однако С. Томас утверждает, что именно он, а не М. Бердслей впервые провел разграничение между связанной и конвергентной аргументацией.

«В работах Бердслея, включая даже четвертое издание его книги “Мыслить ясно” (“Thinking Straight”), полностью отсутствует какое-либо описание разграничения аргументации на связанную и конвергентную. Оно было введено лишь в 1973 г. в книге “Практическое рассуждение на естественном языке” (“Practical Reasoning in Natural Language”). Бердслей представил в одинаковом виде отношения связанной и конвергентной аргументации, используя многочисленные стрелки для представления того, что я называю связанностью, как будто все случаи с множественными доводами представляют собой конвергентное рассуждение (за исключением, пожалуй, того факта, что такое различие в его системе не проводилось). Поэтому для того, чтобы система Бердслея вообще могла применяться в практическом анализе, в нее следовало ввести четкое разграничение связанного и конвергентного рассуждения» (Thomas, 1986. P. 457).

Что касается использования определенной терминологии, сказанное представляется совершенно правильным, но разграничение доводов на взаимозависимые и независимые проводилось и до 1973 г. Примером может служить книга Г. Миллса (Mills, 1968), который проводит различие между теми случаями, в которых есть «один вывод и несколько доводов, находящихся в сочинительной связи между со-

бой», и теми случаями, где существует «один вывод, доказываемый двумя или более парами сочинительных доводов». Структура последнего типа «похожа скорее на целое доказательство, чем на один довод». Структура первого типа может быть проиллюстрирована с помощью приводимого ниже примера.

«Вывод: наши лучшие участники дебатов — это самые успевающие студенты.

Доводы:

1. Это Джон, Мэри и Джим.
2. Джон имеет по всем предметам “отлично”.
3. Мэри имеет по большинству предметов “отлично”.
4. Джим имеет по всем предметам либо “отлично”, либо “хорошо”» (ibid. P. 182–183).

Примером второго структурного типа аргументации, по мнению Г. Миллса, может считаться оценочное умозаключение, в котором каждая пара доводов состоит из критерия оценки и его применения⁶. Г. Миллс также вводит диаграмму для иллюстрации различий между этими двумя типами структур (ibid. P. 183). Его примеры показывают, что разграничение проходит между аргументацией со структурой, которая похожа на связанную аргументацию (первый тип), и аргументацией со структурой, которая похожа на конвергентную аргументацию (второй тип, когда каждая пара доводов создает единый независимый довод).

Так же, как в античной традиции и в традиции эпохи Просвещения, в большинстве первых учебных пособий разграничение между взаимозависимыми и независимыми аргументами совпадает с разграничением между структурой посылок дедуктивной аргументации и структурой посылок в индуктивной (или недедуктивной) аргументации.

В рамках этой парадигмы при дедуктивной аргументации посылки следует рассматривать как единое целое, в то время как при индуктивной аргументации требуется ряд доводов, чтобы сделать вывод более или менее вероятным. Д. Мак-Берни, Д. О’Нил и Г. Миллс отмечают, что комбинация (индуктивных) аналогий может усилить доказательство тезиса.

«На основании серии аналогичных примеров, подтверждающих успех какого-либо проекта, можно утверждать, что подобный проект будет успешным также и в конкретном случае... Рассуждение по аналогии становится особенно убедительным по мере того, как увеличивается количество аналогичных примеров или, другими словами, по мере накопления аналогий» (McBurney et al., 1951. P. 108).

Д. Рей и Х. Завос сравнивают дедуктивную аргументацию с цепью последовательных аргументов и противопоставляют ее постепенному типу доказательства, который представлен при индукции и при аргументации на основании обстоятельств (*argument from circumstance*)⁷.

«Дедуктивное рассуждение часто сравнивается с цепью. Последнее звено в цепи зависит полностью от соединения всех других звеньев. ...Индукцию и аргументацию на основании примера можно сравнить с ножками стола. Каждая ножка, хотя и соединена с другими, но поддерживает столешницу независимо от других ножек (по крайней мере, в какой-то степени)» (Ray, Zavos, 1966. P. 101).

В первых учебных пособиях сохраняется традиция античного учения о статусах, согласно которой то, какую форму примет аргументация, зависит от тех требований доказательства, которые должен выполнить аргументатор. Яркий пример такого подхода можно встретить в учебнике Уиндеса и Хастингса «Аргументация и отстаивание точки зрения» (Windes and Hastings, 1965).

По мнению Р. Уиндеса и А. Хастингса, чтобы доказать вину лица *X* в присвоении чужого имущества, обвинитель должен привести следующие доказательства.

1. Определенная собственность была необоснованно присвоена.
2. *X* присвоил эту собственность.
3. Присвоение произошло обманным путем, т. е. без согласия собственника.
4. Собственность была присвоена для личного использования лицом *X* (*ibid.* P. 75).

В таких случаях события, объединенные в один сложный аргумент, должны быть доказаны обвинителем путем предоставления достаточного количества доказательств.

«Обычно существует только один довод, непосредственно связанный с тезисом, а доказательство отдельных его частей производится с помощью поддоводов. В главном доводе констатируется положение дел в разных областях, а поддоводы представляют собой утверждения в поддержку в истинности этого положения дел в каждой области... Должен быть доказан каждый пункт в обвинении, чтобы таким образом можно было установить главный тезис, что *X* виновен в присвоении чужого имущества. Если хоть один из этих пунктов не будет доказан, то не состоится и доказательство заключительного вывода» (*ibid.* P. 215–216).

Задача оппонента (защитника) гораздо проще. Оппонент «может логически опровергнуть основной вывод путем опровержения одного из положений обвинителя» (*ibid.* P. 232).

Кроме тех случаев, когда обвинителю приходится выдвигать ряд взаимозависимых доводов (соответствующих излагаемым им пунктам), чтобы доказать исходный тезис, Р. Уиндес и А. Хастингс также рассматривают и возможности построения доказательства на основании независимых линий рассуждения.

«Построение линии защиты в суде имеет и еще один важный аспект, а именно то, что использование независимых аргументов также может привести к тому же заключительному выводу. Так, для доказательства вывода “урожай зерновых в Дульнии недостаточен” мы можем использовать три типа рассуждения:

1. Дульния покупает зерно на мировых рынках. (Рассуждение от следствия к причине.)

2. Свидетельство эксперта по сельскому хозяйству, который недавно посетил Дульнию. (Доказательство на основании свидетельства.)

3. Засуха, поразившая страну в этом году, и неблагоприятные для урожая условия также отражаются на ситуации. (Доказательство от причины к следствию.)

В этой серии доводов вместо того, чтобы выдвигать ряд доводов, каждый из которых только в совокупности с другими способен обосновать тезис, говорящий выдвигает независимые доводы, от количества и убедительности которых зависит доказательство главного тезиса. В таких случаях бывает достаточно лишь одного наиболее сильного довода, но все же чем больше используется независимых доводов, тем более вероятным представляется заключение» (ibid. P. 216–218).

Согласно Р. Уиндесу и А. Хастингсу, для определения того, являются ли взаимозависимыми приводимые аргументы или нет, следует применять два критерия: (1) образуют ли аргументы, приводимые проponentом, четкий ряд доводов, которые нуждаются в доказательстве («критерий бремени доказательства») (burden of proof criterion), и (2) является ли аргументация в целом результатом одного процесса рассуждения, или аргументатор использует различные «процессы рассуждения» («критерий различных типов доводов») (different types of argument-criterion).

5.3. Современные концепции

С начала 70-х гг. появилось большое количество учебных пособий, в которых уделяется внимание анализу построения аргументации и способам ее диаграммного представления. За исключением учебника по прагма-диалектике Ф. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста

(van Eemeren and Grootendorst, 1992), все остальные учебные пособия написаны представителями неформальной логики. Лишь в 90-х гг. проблема структуры аргументации получила теоретическое осмысление. В журналах «Неформальная логика» и «Аргументация» представители неформальной логики предложили разграничивать различные типы аргументативных структур. В это же время появились три монографии, в каждой из которых предлагались прагма-диалектические концепции структуры аргументации.

Поскольку основная часть дискуссии была сосредоточена вокруг проблемы разграничения связанной и конвергентной структур аргументации, дальнейший обзор литературы посвящен описанию именно этих двух структурных типов.

5.3.1. Различия между учебными пособиями

Связанные и конвергентные посылки

С. Томас (Thomas, 1986) первым предложил термины «связанные» и «конвергентные доводы» для описания поддержки тезиса с помощью взаимозависимых и независимых друг от друга аргументов, и его концепция выделения этих двух типов аргументативных структур с тех пор стала общепризнанной. Хотя концепция С. Томаса имела огромное влияние на то, как к описанию структуры аргументации подходили представители неформальной логики после него, его собственные определения этих структур несколько отличаются от определений, принадлежащих его последователям. В то время как большинство представителей неформальной логики продолжают ассоциировать связанные доводы с дедуктивным рассуждением, а конвергентные доводы с индуктивным рассуждением или с другими видами недедуктивного рассуждения, С. Томас придерживается иной концепции.

«Естественно-логическое понятие связанного умозаключения (linked inference) снимает предполагаемую резкую линию разграничения, присущую традиционной дихотомии “индукция-дедукция”, и подвергает серьезному сомнению... традиционную теорию, которая заключается в том, что “индукция” и “дедукция” основываются на двух совершенно различных типах вывода... Оба этих якобы отличающихся друг от друга “типа рассуждения” получают одинаковое диаграммное представление» (Thomas, 1986. P. 461).

С. Томас дает следующее определение «связанного» и «конвергентного» рассуждения.

«Когда какой-либо этап рассуждения основывается на логическом соединении двух или более доводов, то эти доводы представляются в диаграмме как *связанные* (ibid. P. 58).

Когда два или более довода не относятся к выводу как единое целое, а, скорее, каждый довод самостоятельно и независимо от других соотносится с выводом, то такое рассуждение называется *конвергентным*» (ibid. P. 60)⁸.

С. Томас рассматривает и дедуктивное и индуктивное рассуждения, основанные на ряде конкретных примеров, как *связанные*. В случае индуктивного рассуждения причина, по которой посылки выступают в «связке» не в том, что каждый отдельный довод самостоятельно не имеет никакой доказательной силы по отношению к выводу, а в том, что доказательство выглядит более убедительным, если все доводы рассматриваются в связи друг с другом (ibid. P. 59).

Связанные аргументы образуют один довод, в то время как *конвергентная аргументация* состоит из отдельных доводов⁹.

«Конвергентный довод эквивалентен отдельным доводам (или доказательствам, взятым из разных областей), которые относятся к одному и тому же заключению» (ibid. P. 61).

«Самым близким формальным приближением к естественно-логической концепции конвергентного умозаключения были бы, вероятно, две самостоятельные дедукции, ведущие к двум различным способам выражения одного заключения» (ibid. P. 459).

По этой причине *конвергентная аргументация* более устойчива против возражений в отношении приемлемости составляющих ее посылок, чем *связанная аргументация*.

«Важной чертой *конвергентного* рассуждения является то, что поддержка вывода, осуществляемая с помощью каждого отдельного довода или линии рассуждения, останется неизменной, даже если другие доводы оказались бы ложными» (ibid. P. 61)¹⁰.

Определение Р. Пинто и Э. Блэра (Pinto and Blair, 1993) напоминает то разграничение между связанной и конвергентной аргументациями, которое проводит С. Томас. Они выделяют «группу» посылок, которые вместе позволяют сделать единый вывод, и «независимые группы» посылок, которые можно рассматривать как параллельные доводы, а из них в конечном счете следует общий вывод.

«Что делает *независимые* друг от друга посылки *группой* посылок? Тот факт, что посылки в совокупности поддерживают вывод, делает их единой группой, а тот факт, что посылки каждой из групп могут осуществить аргу-

ментативную поддержку вывода без помощи со стороны посылок из какой-либо другой группы, делает их независимыми друг от друга» (ibid. P. 77).

Из этих примеров становится ясным, что так же, как и у С. Томаса, группа посылок может состоять из таких посылок, которые позволяют дедуктивно вывести заключение, и из таких посылок, которые в совокупности делают вывод вероятным или возможным (ibid. P. 11).

Независимые группы посылок должны браться по отдельности и в том случае, когда мы оцениваем заложенную в них выводную силу.

«Вы должны рассматривать каждую независимую группу по отдельности, стараясь понять, насколько сильно входящие в их состав доводы связаны с заключительным выводом» (ibid. P. 109).

Хотя независимые группы умозаключений, или «параллельные умозаключения» (parallel inferences), должны оцениваться по отдельности, в диаграммах, приводимых Р. Пинто и Э. Блэр, они выступают как связанные. Это вытекает из анализа третьего шага в их методе построения диаграмм.

«Шаг 3. Сделайте полную диаграмму, которая показывала бы все умозаключения, которые данное рассуждение содержит. В процессе составления диаграммы соедините любые... параллельные умозаключения» (ibid. P. 260).

Р. Пинто и Э. Блэр не объясняют, каким образом следует оценивать общую аргументацию, если одна из групп доводов обеспечивает сильную поддержку вывода, а другая — слабую. Поскольку они полагают необходимым объединять в своих диаграммах параллельные выводы, значит, они считают, что группы доводов должны оцениваться на основании общей оценки силы аргументации.

В то время как С. Томас, Р. Пинто и Э. Блэр рассматривают и дедуктивную и недедуктивную аргументации как связанные, Т. Говье (Govier, 1992) делает различие между связанной и конвергентной аргументациями, и это различие более или менее совпадает с различием между дедуктивной и недедуктивной аргументациями, хотя она также рассматривает аналогию как связанную аргументацию.

«В большинстве примеров дедуктивной аргументации и аргументации по аналогии доказательство, обеспечиваемое доводами, является связанным, а не конвергентным. Есть, конечно, исключения, когда человек выдвигает два самостоятельных довода, каждый из которых дает возможность вывести заключение дедуктивно, но такие случаи весьма редки. Существуют также

примеры рассуждения, в которых доказательство осуществляется конвергентно и в которых вывод не следует из доводов ни с необходимостью, ни по аналогии... Такие доводы мы называем *кондуктивными* (conductive)... Некоторые философы называют такую аргументацию, в которой заключение основано на самостоятельных релевантных аргументах, *умозаключениями, основанными на весомых причинах* (good reasons arguments). Такие релевантные факты служат основанием для заключения, хотя не позволяют вывести его дедуктивно» (ibid. P. 308–309).

Связанные доводы являются, таким образом, дедукциями или аналогиями, а конвергентные доводы являются недедуктивными (т. е. кондуктивными), если только они не состоят из двух посылок, каждая из которых позволяет дедуктивно вывести заключительный вывод. Однако, по мнению Т. Говье, «можно предположить, что такие случаи представляют собой несколько аргументов с одним и тем же выводом» (ibid. P. 356)¹¹.

Если посылка аргументации может рассматриваться как релевантная, аргументация рассматривается как конвергентная, даже если доводы могут быть признаны обеспечивающими достаточную поддержку выводу, только взятые в совокупности. Однако анализ аргументации как конвергентной отнюдь не является основанием для ее оценки: каждый довод не должен оцениваться индивидуально. Т. Говье утверждает, что отдельные доводы при конвергентной аргументации должны рассматриваться как единое целое¹².

«Существуют... два основных факта, которые позволяют сразу же понять, каким способом посылки поддерживают заключения. Во-первых, посылки в поддержку вывода должны рассматриваться в совокупности. Во-вторых, они могут быть связанными или конвергентными. В последнем случае было бы возможно рассматривать каждую посылку как дающую отдельный довод или отдельное доказательство в поддержку вывода, но вся аргументация в целом заставляет нас думать об этих самостоятельных единицах как о едином целом, поскольку весомость доказательства таким образом увеличивается» (ibid. P. 48).

Л. Гроарк, К. Тиндейл и Л. Фишер (Groarke, Tindale and Fisher, 1997), а также И. Копи и К. Коэн (Copi and Cohen, 1990) дают похожее определение связанным и конвергентным доводам¹³. Л. Гроарк, К. Тиндейл и Л. Фишер делают лишь следующие уточнения.

«Связанные доводы обладают доказательной силой лишь в совокупности. Если их рассматривать по отдельности, то они не будут представлять достаточно убедительного основания для вывода при аргументации. Конвергентные доводы не нуждаются друг в друге, ибо они поддерживают вывод независимо от других доводов той же аргументации» (Groarke, Tindale and Fisher, 1997. P. 35).

Если удалить все посылки в конвергентной аргументации, кроме одной, то «наша аргументация ослабнет, однако оставшийся довод все же будет обеспечивать некоторые доказательства верности вывода. В этом случае ни один из доводов не нуждается в помощи никакого другого довода» (ibid. P. 37). Другими словами, доводы независимы в том смысле, что они связаны с тезисом по отдельности, т. е. они дают некоторую поддержку заключительному выводу каждый сам по себе¹⁴.

По мнению И. Копи и К. Коэна, посылки зависят друг от друга, если каждая посылка «поддерживает вывод через посредство какой-либо другой посылки» (Corti and Cohen, 1990. P. 20). Если один из двух взаимозависимых доводов был бы истинным, а другой ложным, то «вывод не мог бы быть доказан вообще» (ibid.). Два довода поддерживают вывод независимо друг от друга, если каждый из них «дает какое-то основание для принятия вывода и будет делать это даже в случае отсутствия второго довода» (ibid. P. 19). В какой мере независимы аргументы в конвергентной аргументации в соответствии с теорией Копи и Коэна? Считают ли они, как и С. Томас, что это самостоятельные аргументы в поддержку одного и того же вывода? Ясно, это не так.

«Сейчас все больше исследователей склонны считать, что в этом случае нужно говорить об *одной* аргументации с двумя независимыми посылками. В основе такого рассуждения лежит мысль о том, что количество заключений определяет количество аргументаций. Таким образом, под термином «*один(очная)* аргументация» (single argument) подразумевается довод, относящийся к одному заключению, независимо от того, сколько приведено посылок в поддержку заключения» (ibid. P. 19–20).

Это замечание, однако, не разъясняет, что именно Копи и Коэн имеют в виду под «независимыми посылками», поскольку они в данном случае вводят новый критерий для «единичности» аргументации (singleness of an argument) — количество заключений вместо убедительности отдельных доводов.

Р. Джонсон и Д. Э. Блэр (Johnson and Blair, 1994) дают другое определение понятию «*одионочная аргументация*», чем И. Копи и К. Коэн: они говорят об *одионочной аргументации*, если она содержит один «набор посылок» (one premise set) и одно заключение (ibid. P. 37). Посылки составляют один и тот же набор, если они «соотносятся с выводом только в сочетании» (ibid. P. 36). Конвергентная аргументация состоит из комбинации двух или более наборов посылок, а следовательно, из сочетания нескольких аргументаций.

«Если существуют два или более независимых оснований для вывода, то следует считать каждое основание независимым доводом» (ibid. P. 38).

Конвергентная аргументация, как правило, встречается в рассуждении, состоящем из аргументов *в поддержку* какого-либо тезиса или *против него* (ibid. P. 247). Каждая отдельная аргументация в поддержку тезиса называется «линией рассуждения» (line of argument). В тех случаях, когда посылки создают несколько независимых линий рассуждения, их связь с выводом (релевантность) проверяется для каждой посылки индивидуально, однако достаточность этих посылок должна устанавливаться путем рассмотрения их как единого целого.

«Проверьте все посылки по отдельности и установите их релевантность... Наконец, проверьте достаточность посылок для вывода: удовлетворяют ли посылки, взятые в совокупности, критерию достаточности? Обеспечивают ли они достаточную поддержку для вывода?» (ibid. P. 269).

Из этого сравнения различных подходов представителей неформальной логики к анализу структуры аргументации можно сделать ряд выводов о различиях в этих подходах. По мнению С. Томаса, посылки являются взаимозависимыми, если ни одна из них самостоятельно не обеспечивает поддержки выводу, тогда как совокупность этих посылок поддерживает этот вывод, при этом каждая посылка по отдельности обеспечивает некоторую долю поддержки, но комбинация посылок делает аргументацию более сильной. И дедуктивная и недедуктивная аргументации, состоящие из посылок, которые самостоятельно слишком слабы, анализируются С. Томасом как связанные. Только если каждый довод, взятый в отдельности (если он истинен), достаточен для обоснования заключения и если ложность одного из доводов не ослабляет связь другого довода с заключением, только в этом случае рассуждение может рассматриваться как конвергентное. Связанные доводы рассматриваются как эквиваленты одиночного довода, в то время как конвергентные доводы рассматриваются как совокупность одиночных доводов, доказательная сила каждого из которых должна оцениваться по отдельности. Р. Пинто и Д. Э. Блэр используют те же определения связанных и конвергентных доводов, как и С. Томас. Они также полагают, что независимые группы посылок должны оцениваться по отдельности с позиции их доказательной силы, но их рассуждения о том, каким образом должна проводиться оценка отдельных доводов в ходе общей оценки всей аргументации, гораздо менее ясны.

Другие авторы, такие как Т. Говье, И. Копи и К. Коэн, а также Л. Гроарк, К. Тиндейл и Л. Фишер, дают более строгое определение взаимозависимости. С их точки зрения, аргументы взаимозависимы только в том случае, когда по отдельности они не обладают связью с заключением, и лишь взятые вместе, приобретают эту связь. Когда посылки могут рассматриваться как релевантные по отдельности (как дающие некоторую поддержку заключению), тогда они могут рассматриваться как независимые, а значит, конвергентные. То же самое происходит и в том случае, когда они могут дать достаточную поддержку заключению только в совокупности. Для оценки того, будет ли объем поддержки, обеспечиваемый посылками, достаточным, не имеет никакого значения, являются ли эти посылки независимыми или взаимозависимыми, ибо в рамках описанных выше подходов при их оценке они всегда рассматриваются в совокупности.

Позиция Р. Джонсона и Д. Э. Блэра, выраженная в их совместном труде, по всей видимости, является промежуточной. С одной стороны, подобно взглядам, которые мы встречаем в книге С. Томаса, а также в совместной работе Р. Пинто и Э. Блэра, мнение Р. Джонсона и Д. Э. Блэра состоит в том, чтобы рассматривать конвергентные аргументации как самостоятельные. С другой стороны, они утверждают, что достаточность поддержки выводов должна оцениваться на основании того, содержат ли различные посылки (или доводы) в совокупности достаточную поддержку заключения. В их концепции остается неясным, какие последствия для оценки аргументации в целом должна нести ситуация, когда одна из линий рассуждения содержит какие-либо дефекты, но одна или более линий рассуждения являются приемлемыми¹⁵. С точки зрения Р. Джонсона и Д. Э. Блэра, вопрос о том, является ли аргументация одиночной или конвергентной, важен только для того, чтобы установить, следует ли брать посылки в совокупности, с целью определить их релевантность, или каждая посылка в принципе релевантна сама по себе. Одиночность или сложность аргументации не имеет значения для оценки ее силы: и в том, и в другом случае посылки рассматриваются как единое целое. Хотя Р. Джонсон и Д. Э. Блэр отмечают, что конвергентные аргументации типичны для построения доказательства в споре, когда необходимо адекватно реагировать на возражения оппонента, они совершенно не уделяют внимания связи правила бремени доказательства и структуры аргументации, которая возникает как результат стремления спорящих выполнить свои обязательства.

Сочинительная и множественная аргументация

Хотя на первый взгляд определение, данное в книге Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста (van Eemeren and Grootendorst, 1992), напоминает концепции С. Томаса, Джонсона — Блэра и Блэра — Пинто, между ними все же есть важное различие: эквивалент связанного довода (сочинительная составная аргументация) и эквивалент конвергентной аргументации (множественная аргументация) являются формами сложной аргументации, состоящей из ряда единичных аргументаций: «Аналитически комплексная аргументация всегда может быть разбита на единичные аргументации» (ibid. P. 73).

Различие между сочинительной и множественной аргументациями заключается, следовательно, не в том, что сочинительная аргументация описывает связь между посылками внутри одного одиночного довода, а множественная аргументация состоит из совокупности одиночных доводов, а в том, что отношения между одиночными доводами, которые составляют эти два типа сложной аргументации, совершенно различны. При множественной аргументации «каждая из составляющих ее одиночных аргументаций представляет собой в принципе альтернативную защиту одной и той же точки зрения» (ibid.). При сочинительной сложной аргументации, «в отличие от множественной аргументации, все составляющие ее единичные аргументации в принципе необходимы для защиты точки зрения» (ibid. P. 77).

В прагма-диалектической концепции, в отличие от большинства концепций представителей неформальной логики, сочинительная составная аргументация состоит из сочетания доводов, относящихся к заключению независимо друг от друга, которые тем не менее должны рассматриваться вместе, чтобы создать достаточную доказательную силу. Таким образом, сочинительную сложную аргументацию можно приравнять к концепции конвергентной аргументации, которой придерживаются Т. Говье, Л. Гроарк, К. Тиндейл и Л. Фишер, а также И. Копи и К. Коэн. Структура посылок одиночной аргументации не рассматривается Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом в контексте структуры аргументации. Структура посылок рассматривается ими как структура другой иерархии, чем структура аргументации. Каждый отдельный довод в сочинительной составной аргументации может быть проанализирован в качестве аргументации, состоящей из двух посылок, одна из которых обычно бывает невыраженной¹⁶.

«Ван Еемерен и Гроотендорст приводят два следующих примера, чтобы проиллюстрировать различия между этими двумя структурами. Приводимый ниже пример (1) является иллюстрацией множественной аргументации, а пример (2) — иллюстрацией сочинительной аргументации:

(1) Доставка почты в Голландии несовершенна. Вы не можете быть уверены, что письмо будет доставлено на следующий день, что оно будет доставлено по правильному адресу и что оно будет доставлено рано утром» (ibid. P. 73).

(2) «Почта в Голландии хорошо работает. Вы можете быть уверены, что письмо будет доставлено на следующий день, что оно будет доставлено по правильному адресу и что оно будет доставлено рано утром» (ibid. P. 77).

В примере (1) каждая единичная аргументация в принципе достаточна для обоснования точки зрения. Зачем же тогда аргументатор выдвигает множественную аргументацию, если один-единственный аргумент мог бы быть достаточным? Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст приводят следующие возможные причины этого.

«Возможно, говорящий пытается предвосхитить различного рода сомнения в правильности его точки зрения... Множественная аргументация может также быть использована в риторических целях, ибо обилие аргументов делает доказательство более весомым. Говорящий пытается создать впечатление, что он принял во внимание все возможные возражения, которые могут быть выдвинуты против его точки зрения... Поскольку достижение согласия людей с точкой зрения является поэтапным процессом, говорящий с помощью большого количества аргументов стремится постепенно устранить все сомнения своего оппонента. Возможно также, что после выдвижения одного аргумента говорящий добавляет аргумент другого рода, надеясь, что он будет более успешным» (ibid. P. 74).

В примере (2) все три довода, которые поддерживают ту точку зрения, что почта в Голландии работает хорошо, являются взаимозависимыми: «Только в том случае, если они рассматриваются в совокупности, они обеспечивают достаточное основание для принятия точки зрения. Если [какой-либо] из одиночных аргументов окажется неприемлемым, то вся сочинительная составная аргументация теряет силу» (ibid. P. 77).

Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст так объясняют, почему в определенных случаях используется сочинительная аргументация:

«Часто невозможно снять все сомнения антагониста с помощью одного довода. В этом случае, защищая свою точку зрения, протагонист вынужден выдвинуть два или более связанных между собой доводов, которые только в совокупности образуют хорошо структурированную и убедительную защиту точки зрения» (ibid.).

Каждый индивидуальный довод в сочинительной аргументации несет лишь частичную поддержку точки зрения, но степень поддержки, выражаемая каждым аргументом, может быть различной.

«Хотя термин “сочинительная” может навести на мысль, что это аргументация, состоящая из ряда одинаково значимых аргументов, это не всегда так. Например, вполне возможно, что один аргумент дает 60% поддержки, второй — 10%, а третий — 20%» (ibid.).

Кроме того факта, что в книге ван Ф. Емерена и Р. Гроотендорста понятие аргументативной структуры применяется к совокупности одиночных аргументов, в их подходе есть и другое отличие от подхода представителей неформальной логики; это различие заключается в том, что данные авторы связывают структуру аргументации непосредственно с диалектической ситуацией. Какой будет структура аргументации, зависит от сомнений, которые выражает антагонист, и от того, каким образом протагонист отреагирует на эти выпады. В этом отношении можно сказать, что прагма-диалектический подход к аргументации может рассматриваться как продолжение функционального подхода, развиваемого в учении о статусах и дебатах.

5.3.2. Теоретические концепции

Концепция Д. Фримена, основанная на теории С. Тулмина

В 90-х гг. появились три монографии, посвященные структуре аргументации: книги Д. Фримена «Диалектика и макроструктура аргументации» (Freeman, 1991), А. Снук Хенкеманс «Анализ сложной аргументации» (Snoeck Henkemans, 1992) и Д. Уолтона «Структура аргументации» (Walton, 1996). Эти три подхода имеют следующие общие черты: во-первых, это неудовлетворенность неясным и нечетким разграничением понятий «независимые» и «взаимозависимые» аргументы; во-вторых, стремление дать более точное определение и функциональное обоснование структурных различий с помощью диалектического подхода. В то время как Д. Фримен и А. Снук Хенкеманс предлагают диалектическую модель структуры аргументации, Д. Уолтон в основном дает анализ существующих определений и тестов для определения того, является ли аргументация связанной или конвергентной. Одновременно он поддерживает диалектический подход к описанию структуры аргументации и вводит новую систему диаграмм для аргументативных структур.

Основной тезис Д. Фримена заключается в том, что структура аргументации должна анализироваться как результат аргументатив-

ного процесса, т. е. диалога между обвинителем (challenger) и ответчиком (respondent)¹⁷. Подход Фримена к описанию структур аргументации в значительной мере основывается на процедурной модели, предложенной С. Тулмином в книге «Использование аргументов» (Toulmin, 1958). По мнению Д. Фримена, концепция аргументативной структуры должна обеспечить четкий критерий для разграничения разных типов структур. Подобная концепция должна предоставить исследователям «рациональный критерий для разграничения различных типов аргументативных элементов и их структурных конфигураций» (Freeman, 1991. Р. 37).

Стремясь дать такой рациональный критерий, Д. Фримен берет за основу «базовую диалектическую ситуацию», при которой ответчик строит свою аргументацию путем реагирования на реплики обвинителя. Ситуация является диалектической, а не просто диалогической, когда реплики оппонента нацелены на то, чтобы подвергнуть проверке утверждения ответчика, и когда весь процесс речевого взаимодействия строго регламентирован.

В рамках базовой диалектической ситуации оппонент может задать три типа *базовых диалектических* (basic dialectical) или *генерирующих доводы* вопросов (argument generating questions): вопросы, выявляющие приемлемость, вопросы, связанные с релевантностью, и вопросы, связанные с достоверностью. Каждый из этих вопросов требует особой аргументации со стороны ответчика, что ведет к использованию в каждом случае своей структуры аргументации¹⁸. Связанные и конвергентные аргументативные структуры (так же как и другие типы структур) анализируются как ответы на различные типы диалектических вопросов. Так, связанная аргументация является результатом ответа респондента на вопрос о релевантности («Почему этот довод релевантен для этого утверждения?») (ibid. Р. 93–94). Конвергентная структура возникает в результате того, что аргументатор дает еще одно подтверждение заключения в ответ на вопрос об адекватности довода («Можете ли вы привести еще один довод?») (ibid. Р. 95). В этом случае в ходе аргументации возникает структура с посылками, каждая из которых релевантна по отношению к заключению независимо от других посылок.

В соответствии с теорией Д. Фримена связанная структура всегда возникает в ответ на вопрос о релевантности умозаключения: «...посылки являются связанными, если мы должны воспринимать их как единое целое или если они специально даются как единое целое, чтобы было ясно, что они составляют релевантный довод

для вывода» (ibid. P. 94). По мнению Д. Фримена, источником нечеткости при определении связанных структур в большинстве учебных пособий является отсутствие ясности в отношении того, возникает ли связанная аргументация потому, что каждая из посылок, взятая отдельно, является нерелевантной для вывода, или потому, что каждая из посылок по отдельности дает *недостаточную* поддержку выводу. В дополнение к обычному понятию связанной аргументации, Д. Фримен вводит еще один тип связи посылок, который он называет модальной связью (modal linkage). Фримен предлагает специальные обозначения для этого типа связи. Он полагает: «...есть четкий способ учесть мнения тех, кто интуитивно чувствует, что следует объединить посылки и вместе с тем разграничить модальность и релевантность посылок» (ibid. P. 104). При модальном соединении каждая посылка образует отдельный довод для доказательства заключения, но посылки дают достаточную поддержку выводу только в сочетании. А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1994) указывает, что остается все же спорным вопрос, достиг ли Д. Фримен своей цели разъяснить различие между связанными и конвергентными аргументациями.

«Такое решение вопроса лишь усугубляет существовавшую неясность в отношении понятий “связанная” и “конвергентная” структура: в его трактовке аргументация может быть (с модальной точки зрения) и связанной и конвергентной одновременно. Фримен игнорирует возможность того, что конвергентная аргументация состоит из посылок, которые не только релевантны по отдельности, но также имеют самостоятельный вес как элементы поддержки. В его концепции все конвергентные аргументации являются “модально связанными”. Вместо уточнения различий между связанной и конвергентной аргументацией в его теории фактически проводится разграничение между двумя типами связанной аргументации» (ibid. P. 320–321).

Прагма-диалектическая концепция Снук Хенкеманс

А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992) дает прагма-диалектический анализ множественной и сочинительной аргументации, рассматривая их как результат различных приемов защиты доказываемой точки зрения от критики со стороны оппонента. Этот анализ можно рассматривать как дальнейшую разработку прагма-диалектической теории ван Ф. Еемеерена и Р. Гроотендорста (van Eemeren and Grootendorst, 1984), в которой различные типы аргументации рассматриваются как функциональные средства разрешения различий во мнениях. А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henke-

mans, 1992. Р. 92–93) разрабатывает модель, в которой даются правила реагирования на критику. В зависимости от типов критики и того способа, с помощью которого аргументатор стремится отразить критические замечания оппонента, образуется тот или иной тип сложной аргументации. Когда попытка аргументатора добиться того, чтобы его точка зрения была принята на основании выдвинутого довода, встречает критику со стороны оппонента, он может использовать различные аргументативные стратегии, чтобы все-таки сделать свою точку зрения приемлемой. В ходе реагирования на критику аргументатор может выдвинуть несколько доводов, он может противопоставить критике дополнительные аргументы или снять первоначальный довод и предпринять новую попытку защиты своей точки зрения.

Если антагонист выразил несогласие с выдвинутым умозаключением из-за недостаточной силы доводов, протагонист может попытаться ответить на критику с помощью добавления к своему первому доводу еще одного аргумента. Это может быть сделано двумя путями. Протагонист может добавить один или более аргументов, которые в совокупности с аргументом, приведенным ранее, будут достаточны для того, чтобы убедить антагониста в приемлемости исходной точки зрения (прямая защита) (*direct defence*). Протагонист может попытаться также опровергнуть контраргумент антагониста, выдвинутый против первого аргумента (косвенная защита) (*indirect defence*). Оба типа защиты в результате дают сочинительную аргументацию, но при прямой защите аргументация называется совокупной (*cumulative*), а при косвенной — добавочной (*complementary*)¹⁹. В обоих случаях выдвигаемые аргументы должны быть объединены, потому что аргументатор может убедить оппонента в приемлемости своей точки зрения, только если он сумеет преодолеть сомнения оппонента или его прямую критику в отношении достаточности своих доводов.

При множественной аргументации единственная связь между доводами заключается в том, что каждый из них выдвигается в защиту одной и той же точки зрения. При полностью экстернализованной дискуссии протагонист, обнаружив, что он не способен справиться с критикой антагониста, может снять свой довод и предпринять новую попытку защитить свою точку зрения. В этом случае аргументация является множественной, поскольку предпринимается более чем одна попытка защитить исходную точку зрения, но в конечном счете мы все равно имеем дело с одним сложным доводом. При имплицитной дискуссии положение дел меняется. Предвидя

возможное неприятие выдвинутого аргумента, протагонист может предложить еще один аргумент. Каждый из этих аргументов представляет собой отдельную попытку защитить исходную точку зрения, которая обусловлена (потенциальной) неудачей предыдущей попытки.

Прагматическая концепция Д. Уолтона

При описании своего подхода к анализу структуры аргументации Д. Уолтон (Walton, 1996. Р. XIV) заявляет, что его подход близок к подходу Д. Фримена (Freeman, 1991) и А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992) и что он взял за основу прагма-диалектическую теорию аргументации, хотя в некоторых случаях, как он отмечает, решения проблем, которые он предлагает, будут несколько иными. Его основная цель состоит в том, чтобы более четко разграничить сочинительную и конвергентную аргументации, а также «спасти» и «довести до совершенства» методы составления диаграмм. Д. Уолтон рассматривает многочисленные случаи использования связанной и конвергентной аргументаций и предлагает классификацию и терминологию для различных тестов, которые приводятся в исследованиях по данной теме, позволяющих определить, является ли данная аргументация связанной или конвергентной.

Д. Уолтон рассматривает следующие пять видов тестов (для простоты он рассматривает только те случаи, в которых аргументация состоит только из двух посылок).

1. Тест на ложность/отсутствие поддержки (Falsity/No Support Test): если одна посылка ложная, то заключение не имеет никакой поддержки.

2. Тест на неопределенность/недостаточное доказательство (Suspension/Insufficient Proof Test): если одна посылка находится в «неопределенном состоянии» (т. е. не доказано, не известно, истинна ли она), то заключение не обладает достаточной поддержкой, чтобы быть доказанным.

3. Тест на ложность/недостаточность доказательства (Falsity/Insufficient Proof Test): если одна посылка ложная, то вывод не обладает достаточной поддержкой, чтобы быть доказанным.

4. Тест на неопределенность/отсутствие поддержки (Suspension/No Support Test): если одна посылка находится в «неопределенном состоянии» (т. е. не доказано, неизвестно, истинна ли она), то заключение не получает никакой поддержки, чтобы быть доказанным.

5. Тест на степень поддержки (Degree of Support Test): доводы являются взаимозависимыми, когда в совокупности они создают большую силу всей аргументации, чем если бы они рассматривались по отдельности (Walton, 1996. Р. 119–120, 127).

В то время как первые четыре теста основаны на определении того, получило ли заключение достаточную поддержку или вообще какую-либо поддержку, и поэтому являются «абсолютными» тестами типа «все или ничего» (ibid. P. 121), тест на степень поддержки имеет относительную природу²⁰. Для того чтобы определить, который из этих тестов самый лучший, по мнению Уолтона, необходимо осознать цель разграничения этих структур, т. е. цель оценки аргументации.

«Человек, оценивающий аргументацию, должен понять, что для того, чтобы вся аргументация распалась, необходимо опровергнуть обе... посылки или достаточно обнаружить ошибку в одной из них... С этой точки зрения прагма-диалектический подход, разработанный ван Еемереном и Гроотендорстом, дает правильную оценку соотношения между связанной и конвергентной аргументацией, поскольку в центре их внимания находится вопрос о том, являются ли приводимые посылки достаточными для доказательства заключения, при этом термин “достаточный” означает адекватность, необходимую для того, чтобы снять сомнения оппонента в контексте критической дискуссии» (ibid. P. 175).

Д. Уолтон придерживается функциональной интерпретации при разграничении связанной и конвергентной аргументации, «при этом имеется в виду, что это разграничение связано с тем, какую функцию выполняют посылки в поддержке заключения в контексте диалога» (ibid. P. 177). С его точки зрения, факт существования многих случаев, когда трудно определить, является ли аргументация связанной или конвергентной, совершенно не означает, что грань между этими двумя типами аргументации представляется неясной: «Вполне понятно, почему во многих случаях трудно или даже невозможно определить, является ли аргументация связанной или конвергентной. Причина этого заключается в том, что у нас слишком мало фактов для определения того, как используется аргументация в определенном контексте» (ibid. P. 178).

Д. Уолтон приходит к выводу, что тест на «неопределенность/недостаточность доказательства» является самым лучшим, поскольку «он соответствует нашей прагматической теории аргументации, потому что он ближе всего подходит к диалектической концепции аргументации как способа диалектического обмена мнениями». Именно этот тест используется представителями прагма-диалектической теории, такими как Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст и А. Снук Хенкеманс. Практическое применение этого теста, однако, иногда представляет большие трудности, поскольку в реальной практике бывает очень сложно определить, является ли аргументативная поддержка

достаточной или нет (ibid. P. 180–181). Более того, тот факт, что диалогический текст создает контекст для разграничения сочинительной и множественной аргументаций, может быть, и хорош сам по себе, но этот же факт делает практическое применение теста более трудным в тех случаях, когда отсутствует достаточный контекст. В этих случаях, по мнению Д. Уолтона, чтобы выяснить, является ли аргументация связанной или конвергентной, лучше применять тест на степень поддержки вывода (ibid. P. 179–181).

Д. Уолтон также предлагает новый метод диаграммирования связанной и конвергентной аргументаций, названный им «метод графов» (graph method).

«Очень важно осознавать, что при переходе от старой нотации к методу графов мы освобождаемся от необходимости всегда рассматривать аргументацию либо как связанную, либо как конвергентную. Именно поэтому мы предлагаем перейти от существующего метода построения диаграмм аргументации к новому методу графов рассуждения (reasoning graphs)» (ibid. P. 187)²¹.

5.4. Методы анализа в спорных случаях

А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992. P. 43) считает, что трудность разграничения связанной и конвергентной аргументаций вызывается не только недостатком ясности в определениях, но и недостатком информации относительно их вербальной репрезентации. Ф. Ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 75–85) являются в этом отношении исключением: они выделяют ряд слов и выражений, которые могут быть показателями разграничения составной сочинительной и множественной аргументаций. В качестве примеров показателей множественной аргументации приводятся следующие слова: «совершенно независимо от этого», «и кроме того, я не упомянул тот факт, что», и «не говоря уже о том, что». Показателями составной сочинительной аргументации являются следующие слова и выражения: «в добавление к этому», «если мы также вспомним, что», «так же, как и тот факт, что».

А. Снук Хенкеманс добавляет три типа показателей к перечисленным выше: прагматические показатели (pragmatic clues), которые связаны со способом выражения аргументатором своей точки зрения; диалогические показатели (dialogical clues), имеющие отноше-

ние к выражению критики, и диалектические показатели (*dialectical clues*), основанные на положении о том, что аргументатор соблюдает правила критической дискуссии, особенно в той их части, которая касается бремени доказательства²². В качестве прагматических показателей выступают выражения, с помощью которых аргументатор показывает силу своей точки зрения, и количественные элементы в пропозициональном содержании точки зрения, так как все эти элементы оказывают влияние на бремя доказательства. В качестве диалогических показателей выступают показатели признания аргументатором контраргументов противоположной стороны и показатели опровержения им этих контраргументов. В качестве диалектических показателей выступают процедурные нормы, определяющие принципы ведения критической дискуссии. Один из них касается требований, которые аргументатор должен соблюдать, чтобы доказать приемлемость или неприемлемость речевого акта; другой — требований, которые он должен соблюдать, чтобы оправдать правильность использования той или иной аргументативной схемы. Эти два типа требований дают возможность исследователю определить, необходимо ли рассматривать аргументы, которые выдвигает аргументатор, в совокупности или каждый из них должен рассматриваться по отдельности.

В тех случаях, когда есть сомнение в отношении того, следует ли рассматривать аргументацию как связанную или конвергентную, представители неформальной логики, как правило, советуют применять те виды тестов, которые были приведены Д. Уолтоном (Walton, 1996). Л. Гроарк, К. Тиндейл и Л. Фишер (Groarke, Tindale and Fisher, 1997) дают пример такого рассуждения.

«Если вы затрудняетесь решить, следует ли соединить посылку *P* с какой-либо другой посылкой, посмотрите, зависит ли поддержка заключения, осуществляемая ею, от каких-либо других посылок» (Groarke, Tindale and Fisher, 1997. Р. 36).

Трудности при оценке правильности структуры аргументации обычно объясняются отсутствием ясности в определениях и отсутствием убедительных тестов. Д. Уолтон считает, что, когда создается диаграмма аргументации, всегда находятся примеры, которые позволяют использовать более одного толкования²³. Это вызывает известную трудность при составлении практических курсов по аргументации, усугубляющуюся тем, что «обычно используются короткие контекстуальные примеры аргументации в сочетании с тестом, который предположительно должен быть точным, убедительным и независимым от контек-

ста» (Walton, 1996. P. 108). При функциональном подходе, при котором тип анализа структуры аргументации в основном зависит от диалогического контекста, исследователь должен быть готов к тому, что, несомненно, встретятся случаи, когда недостаточность контекстуальных показателей не позволит прийти к обоснованному решению (ibid. P. 178). Кроме использования контекстуальных показателей, таких как тип диалога, стадия диалога и обязательство доказывания, исследователь может также использовать и структурные показатели, такие как тип рассуждения (дедуктивный или практический), а также текстовые показатели, т. е. слова-индикаторы, такие как «Единственная причина для того, чтобы поверить в это», «Еще одна причина заключается в том, что» или «Этот довод вместе с другим моим доводом... показывает, что мое заключение верно», позволяющие определить, как построена аргументация. Как только все эти типы показателей определены, можно применить соответствующий тест в качестве четвертого средства идентификации типа аргументации.

Некоторые авторы предлагают особый вид анализа в сложных случаях. Так, С. Томас (Thomas, 1986) и Д. Нолт (Nolt, 1984. P. 32) предлагают в спорных случаях начать с интерпретации аргументации как связанной. С точки зрения Д. Нолта, главной причиной для использования этого метода анализа является то, что в нем отражается наиболее доброжелательное отношение к аргументации. Он считает, что в спорных случаях аргументация обычно является наиболее сильной, если ее рассматривать как связанную. С. Томас отмечает, что могут быть такие ситуации, в которых предлагаемый ими метод анализа будет работать не в пользу аргументатора.

«Вам, скорее всего, захочется разграничить доводы и представить в схеме аргументацию как конвергентную, как только вы увидите, что одна из линий рассуждения является ошибочной, а другая правильной» (Thomas, 1986. P. 65).

С. Томас оправдывает свой подход тем, что он находится в соответствии с так называемым принципом доброжелательности (principle of charity): «Если существует неясность, анализируйте аргументацию таким образом, чтобы она выглядела наиболее сильной» (ibid. P. 89). А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992) возражает против такого решения, поскольку она считает, что при таком подходе смешиваются анализ и оценка аргументации²⁴. Определить, являются ли доводы аргументатора правильными или ошибочными, возможно только тогда, когда производится оценка аргументации. Что касается того, как лучше анализировать аргументацию, как конвергентную или связанную, здесь следует отталкиваться от другого критерия.

«Решение по поводу того, следует ли анализировать аргументацию как связанную или конвергентную, зависит только от той степени поддержки заключения, которую дают посылки в том случае, если они берутся по отдельности, и в том случае, если они берутся в совокупности. Поэтому данную процедуру не следует путать с оценкой приемлемости этих посылок» (ibid. P. 42)²⁵.

Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 81–82) предлагают анализ, получивший название *стратегии максимально аргументативного анализа* (strategy of maximally argumentative analysis), который идет вразрез с анализом Д. Нолта и С. Томаса. В тех случаях, когда невозможно принять определенное решение на основании прагматики, они советуют, что человек должен начать с анализа аргументации как множественной (т. е. конвергентной). Они обосновывают это следующим образом.

«С помощью такой стратегии всем одиночным аргументациям дается наибольшая оценка эффективности... анализируя аргументацию как множественную, мы тем самым действуем в той или иной степени в соответствии с «принципом доброжелательности», т. е. иначе, чем если бы мы анализировали эту аргументацию как сочинительную. Этот метод более доброжелательный, потому что при множественной аргументации каждый отдельный аргумент рассматривается как имеющий свою собственную аргументативную силу, и, кроме того, отказ от одного неудачного аргумента не разрушает автоматически всю аргументацию в целом. Вместе с тем этот метод менее доброжелательный, потому что при множественной аргументации каждый аргумент в принципе должен иметь самостоятельную доказательную силу. С точки зрения диалектической концепции более важным, чем показатель доброжелательности, однако, является то, что каждый отдельный довод может быть подвергнут детальному анализу с точки зрения его качества» (ibid.).

5.5. Выводы

Две концепции структуры аргументации — функциональная концепция античного учения о статусах (и теории дебатов) и логическая концепция, при которой аргументативная структура определяется с помощью различных типов выводов, — продолжают существовать и в настоящее время. Диалектические концепции сложной аргументации могут рассматриваться как продолжение традиции анализа аргументативных структур как результата стремления аргументатора эффективно реагировать на возражения оппонента в контексте диалога. Так же как в античном учении о статусах, это

зависит от требований, возникающих в контексте диалога, которые аргументатор должен выполнить, чтобы обеспечить достаточную поддержку своей точке зрения. Должны ли эти аргументы рассматриваться вместе, или их следует рассматривать как отдельные, альтернативные способы обоснования? В противоположность тем подходам, которые предлагают представители неформальной логики, в прагма-диалектической теории структура аргументации *всегда* анализируется как состоящая из отдельных аргументов. В результате обширная категория связанной аргументации, на которой обычно концентрируют свое внимание представители неформальной логики, т. е. те связанные аргументы, которые создают единый довод, выпадают из поля зрения прагма-диалектического анализа структур аргументации.

В рамках неформальной логики по-прежнему превалирует логическая традиция. Представители неформальной логики либо занимаются тем, что описывают различные типы структуры посылок в пределах одного дедуктивного или недедуктивного вывода, либо пытаются разграничить умозаключения с одним выводом и умозаключения, состоящие из ряда выводов, т. е. пытаются провести грань между *единичной* и *сложной* аргументациями.

Определения основных понятий, т. е. понятий связанной или конвергентной аргументации, в работах по неформальной логике значительно различаются. Существуют разные рекомендации, как следует оценивать связанную или конвергентную аргументации. Авторы, которые дают узкое определение связанной аргументации и рассматривают посылки только как взаимозависимые, т. е. такие, которые обязательно должны рассматриваться в совокупности, чтобы быть достаточными для вывода, обычно считают, что всегда необходимо рассматривать все посылки как единое целое при оценке аргументации независимо от ее структуры. При такой интерпретации аргументативной структуры в значительной мере теряется смысл в разграничении взаимозависимых и независимых доводов. Существует, очевидно, общее представление (хотя и ничем не подтверждаемое) среди представителей неформальной логики, что структуры, состоящие из комбинаций самостоятельных доводов, чрезвычайно редки и поэтому не заслуживают серьезного внимания. Это представление можно возвести к логической традиции, согласно которой считается, что использование более чем одного независимого доказательства, является, строго говоря, излишним. В контексте повседневного общения, однако, часто невозможно быть уверенным, что один аргумент, который должен иметь статус абсолютного дока-

зательства, действительно убедит нашего оппонента. К тому же часто аргументатор обращается к нескольким оппонентам, имеющим различные точки зрения. Использование ряда аргументов, каждый из которых (если они приемлемы) создает достаточную поддержку для заключения, часто может оказаться единственно реальным выбором.

Примечания

¹ «Сложный аргумент» — это аргумент, который состоит из ряда единичных аргументов, которые поддерживают заключение. Термины «единичный» или «отдельный» аргумент означают то же, что и «довод» (reason).

² Аристотелевские «сориты» (sorites) можно также рассматривать как «подчинительную аргументацию» в поддержку большей посылки (major premise).

³ В своем исследовании античного учения о статусах А. Брет (Braet, 1984. Р. 85) указывает, что представители античной риторики, очевидно, осознавали существование различия в бремени доказательства для защитника и обвинителя, но не уделяли достаточного внимания этому различию. Упор всегда делался на позицию защитника. Единственным исключением в этом отношении является Квинтилиан.

⁴ То же самое различие в обязательствах для защитника и обвинителя можно обнаружить на подуровнях аргументации. Цицерон (*De inventione*, 2, 32–33) указывает, что обвинитель должен не просто доказать факт наличия у обвиняемого мотива для совершения преступления, но также и то, что личные качества обвиняемого позволяют считать, что он мог иметь такой мотив (и наоборот). Защитник должен показать, что обвиняемый никогда прежде не совершал преступлений. И «этот довод будет более убедительным, если будет доказано, что, когда обвиняемый имел возможность совершить нечестный поступок безнаказанно, он не желал сделать это» (Cicero. *De inventione*, 2, 35).

⁵ По мнению Р. Уэйтли, отвергая аргумент оппонента, аргументатор не должен добавлять слишком много своих доводов, так как иначе его оппоненты могут перестать ему верить (Whately, 1963. Р. 105).

⁶ Д. Миллс приводит следующий пример: «Покупка в кредит приносит вред, если это побуждает людей жить не по средствам, а это побуждает их так делать; это также вредно, если это приводит к инфляции, а это приводит к инфляции и т. п.» (Mills, 1968. Р. 183).

⁷ Д. Рей и Х. Завос (Ray and Zavos, 1966. Р. 99) дают следующее определение аргументации, основанной на примере: «Это такая аргументация, при которой приводятся несколько конкретных примеров, относящихся к одному и тому же событию. Она обычно используется, чтобы доказать, что в прошлом имело место определенное событие».

⁸ По мнению С. Томаса, главным критерием признания посылок независимыми является то, что ложность одной из посылок не ослабляет обоснованность следования заключения из другой посылки. Таким образом, каждая из посылок по отдельности поддерживает заключение: «Вполне возможно создать точную диаграмму конвергентной аргументации, в которой результатом объединения доводов (если бы это было сделано) была бы более сильная аргументация, при условии, что отрицание

или ложность отдельных доводов не уменьшала бы поддержку заключения, осуществляемую другими доводами» (Thomas, 1986. P. 62).

⁹ Р. Янал (Yanal, 1991. P. 139) дает аналогичный анализ различия между зависимыми и независимыми доводами: «Каково различие между зависимыми и независимыми доводами?.. Зависимые доводы образуют одиночные аргументации, а независимые доводы образуют множественные аргументации».

¹⁰ Мысль о том, что конвергентная аргументация менее уязвима, чем связанная, по мнению Д. Конвэя (Conway, 1991. P. 155), является «мифом»: «Даже если посылки явно “функционируют вместе”, мы прекрасно знаем, что ложность одной из них не обязательно ведет к распаду всей аргументации». При любом типе аргументации, если мы обнаруживаем, что одна из посылок ложная, «мы не принимаем во внимание эту посылку и оцениваем аргументацию в целом на основании оставшихся посылок. При этом мы не нуждаемся в термине “конвергентная поддержка”». Д. Конвэй в связи с этим делает заключение, что мы вполне можем обойтись без понятия «конвергенция» (ibid. P. 156).

¹¹ Не вполне ясно, к какой категории принадлежит *индуктивное обобщение* (inductive generalizing) в классификации Т. Говье.

¹² По мнению Д. Конвэя (Conway, 1991. P. 148–149), если индивидуальная релевантность посылки является критерием конвергентности, то это различие не соответствует нашему представлению о «раздельности» посылок. Более того, аргумент, воспринимаемый как конвергентный на основании этого критерия, не может служить «указанием» на то, что следует оценивать каждую линию поддержки по отдельности, или что следует оценивать степень поддержки заключения другим способом. Д. Конвэй заключает: «Данное разграничение аргументации на связанную и конвергентную если и обладает какой-либо значимостью для оценки рассуждения, то эта значимость отнюдь не касается степени поддержки, которую доводы дают заключению» (ibid. P. 149).

¹³ Практически такие же определения связанной и конвергентной аргументации, как и у Т. Говье, даются и в работе Д. Келли (Kelley, 1988. P. 6–87), хотя последний использует в соответствующих случаях *добавочные* (additive) и *недобавочные* (non-additive) посылки. Л. Фишер (Fisher, 1988. P. 19) дает несколько другое определение независимым аргументам, поскольку он анализирует независимые доводы как доводы, с помощью которых автор стремится дать заключению полную и убедительную аргументативную поддержку. Доводы «могут быть представлены как независимо подтверждающие» заключение, «так что если вы принимаете один из доводов автора, то он ожидает, что вы должны принять и заключение». Критерий Нолта (Nolt, 1984) для разграничения независимых аргументов сформулирован нечетко: с одной стороны, он склонен рассматривать аргументы как взаимозависимые, если они образуют один вывод, и как независимые, если каждый из них составляет отдельный вывод; с другой стороны, он рекомендует соединять отдельные выводы, комбинация которых образует аргументацию, в единый вывод в том случае, если такой комбинированный вывод делает аргументацию сильнее (ibid. P. 32). В этом отношении его подход близок подходу Томаса.

¹⁴ М. Воробей (Vorobej, 1995b) дает такие же определения, как Т. Говье (Govier, 1992) и И. Копи и К. Коэн (Copi and Cohen, 1990), однако он также вводит третий тип структуры аргументации — *гибридную* аргументацию (hybrid argument). По мнению М. Воробья, при конвергентной аргументации «каждая посылка по отдельности связана с выводом или обеспечивает довод в поддержку вывода» (Vorobej, 1995b. P. 289). Если вывод следует из группы посылок, в то время как ни одна группа посылок

более низкого уровня не обладает прямой связью с заключением, то мы имеем дело со связанной аргументацией (ibid. P. 290). При гибридной аргументации отношение между посылками асимметрично. Одна посылка (или группа посылок) имеет отношение к заключению сама по себе, а другая посылка (или группа посылок) не имеет прямого отношения к заключению сама по себе. Последняя посылка (или группа посылок) дополняет другие послылки: в совокупности эти послылки создают более сильную поддержку для заключения, чем каждая из посылок (или группа посылок) сама по себе (ibid. P. 292).

¹⁵ По мнению Д. Конвэя (Conway, 1991. P. 149), целый ряд авторов не имеют четкого мнения в отношении того, как следует оценивать связанную и конвергентную аргументации: «Удивительно, что большинство из тех, кто считает, что различия между связанной и конвергентной аргументацией важны для оценки всего рассуждения, ничего не говорят о том, как же следует проводить оценку конвергентных доводов».

¹⁶ Хотя каждая сочинительная аргументация представляет собой ряд связанных между собой одиночных аргументаций, каждая из которых состоит из двух посылок, причем одна из них остается невыраженной, при реконструкции такого типа аргументации эта невыраженная посылка должна стать эксплицитной. Это делается для того, чтобы стало ясно, что только в сочетании аргументы дадут достаточную поддержку точки зрения. Например, в примере сочинительной аргументации, который дается в книге ван Емерена и Гроотендорста (van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 89), два независимых довода поддерживают точку зрения ««Телеграф» — это хорошая газета» следующим образом: (1) «Телеграф» содержит факты, новости и комментарии текущих событий; (2) «Телеграф» — это газета, где печатаются статьи, в которых выражаются разумные взгляды. В структуре этой аргументации необходимо эксплицировать следующую невыраженную посылку: «Газета, которая сочетает в себе качество и здравый смысл, является хорошей газетой».

¹⁷ Основные положения в подходе Фримена были рассмотрены ранее в его статье «Неформальная логика» («Informal Logic», 1985) и в его учебнике «Мыслить логически» («Thinking Logically», 1988).

¹⁸ Д. Фримен считает, что существует независимое подтверждение того факта, что эти вопросы являются центральными для любого обмена аргументами, поскольку они отвечают трем критериям оценки аргументации, которые выделяются большинством неформальных логиков; эти критерии совпадают с разговорными максимами Грайса (Grice, 1975) и представлены в аргументативных шагах формального спора, выделяемых в работе Решера (Rescher, 1977).

¹⁹ Термины *совокупный* и *добавочный* ведут свое начало от неопубликованной рукописи Р. Пинто и Д. Э. Блэра. В этой рукописи авторы разграничивают три типа взаимозависимости: наборы «связанных» посылок, наборы «совокупных» посылок и наборы «добавочных» посылок. А. Снук Хенкеманс (Snosck Henkemans, 1992. P. 94) анализирует связанные наборы посылок (которые состоят из меньшей и большей посылок) как единичные аргументации. Экспликация невыраженной посылки в ответ на реакцию собеседника является, по ее мнению, адекватной только в тех случаях, когда возникает проблема с пониманием, а не с приемлемостью аргументации. Поскольку все формы сложной аргументации рассматриваются ею как попытка снять сомнения оппонента или отразить его критические замечания и таким образом решить проблему приемлемости данной аргументации, эксплицирование невыраженной посылки не может привести к созданию сложной аргументации. Совокупные и добавочные аргументы рассматриваются ею как два разных способа реагирования

на критику, ставящую под сомнение достаточность какого-либо другого довода: «Если реакция на критику оппонента состоит из добавления еще одного аргумента, который непосредственно поддерживает точку зрения, то сочинительная аргументация является совокупной. Если эта реакция состоит из опровержения контраргумента, то сочинительная аргументация является добавочной» (ibid. P. 174). Эти два типа поддержки напоминают способы сочетания доводов, предложенные Уэйтли (Whately, 1846. P. 88, 138).

²⁰ При обсуждении различий между связанной и конвергентной аргументациями, выдвинутых представителями неформальной логики, тесты, которые используются для идентификации сочинительного или конвергентного способа рассуждения, часто являются предметом спора. По мнению М. Воробья (Vorobej, 1994), большинство авторов предлагают тесты на *изолированность* (isolation tests) для связанной аргументации (тесты, в которых от исследователя требуется выяснить, являются ли посылки релевантными изолированно друг от друга или по отдельности они дают меньшую поддержку тезису, чем в совокупности). Проблема в отношении этих тестов заключается в том, что (в слабой форме) они ведут к тому, что любая форма аргументации с одной нерелевантной избыточной посылкой оказывается связанной, но при этом они не классифицируют ни одно правильное дедуктивное умозаключение как пример связанной аргументации. Последнее имеет место, поскольку многие правильные дедуктивные умозаключения не содержат ни одной посылки, которая была бы независимо нерелевантной по отношению к заключению (ibid. P. 149). Сам М. Воробей предлагает использовать тест на *исключение* (elimination test), который сводится к тому, что «аргументация является связанной, если положительная поддержка вывода, осуществляемая посылками, будет ослаблена в случае исключения хотя бы одной посылки» (ibid. P. 151). В соответствии с этим тестом каждая дедуктивная аргументация (с двумя исключениями) является связанной и все умозаключения по аналогии являются связанными, а все аргументы подтверждают гипотезы. Тест позволяет считать конвергентными все кондуктивные аргументы и индуктивные обобщения. Тест на изолированность/релевантность можно сравнить с тестом Д. Уолтона на неопределенность/отсутствие поддержки, а тест на исключение соответствует тесту на степень поддержки. Воробей признает, что предложенный им тест не подтверждает мысль о том, «что при связанной аргументации для того, чтобы получить убедительное доказательство для принятия заключения, все посылки должны рассматриваться в совокупности», и «что конвергентная аргументация должна рассматриваться как рассуждение, состоящее более чем из одного одиночного довода» (ibid. P. 156). Однако он полагает, что такие идеи сомнительны, «поскольку они часто приводят к созданию концепций разграничения аргументации на связанную и конвергентную, которые рискуют подорвать важность самого этого разграничения» (ibid. P. 157). Это происходит потому, что, по мнению М. Воробья, конвергентная аргументация, состоящая из множественных аргументов, вообще встречается чрезвычайно редко (ibid. P. 157).

²¹ Я не только не вижу пользы от того, чтобы не делать различия между диаграммами связанной и конвергентной аргументаций, но также считаю, что это просто неправильно: Уолтон объясняет, что с помощью его метода графов все связанные аргументы получают один и тот же номер, тогда как конвергентные аргументы получают различные номера (Walton, 1996. P. 187).

²² Различия между показателями множественной и сочинительной аргументации (van Eemeren and Grootendorst, 1992) в сравнении с теми показателями, которые предложила А. Снук Хенкеманс, состоят в том, что первый тип показателей используется

автором для передачи смысла своего текста, в то время как второй тип показателей — это индикаторы, помогающие определить связь доводов с выводом в соответствии с концепцией наиболее доброжелательного анализа.

²³ Д. Уолтон (Walton, 1996) и А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992) приводят в своих трудах похожий тип аргументации, в отношении которой на практике трудно сказать, является она связанной или конвергентной. Д. Уолтон называет этот тип аргументации «аргументацией, накапливающей доказательства» (evidence-accumulating argument) (Walton, 1996. P. 132–133), а А. Снук Хенкеманс — «совокупной сочинительной аргументацией» (cumulative coordinative argumentation). По мнению Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992. P. 175), можно с уверенностью предсказать, что множественную аргументацию будет особенно трудно отличить от совокупной аргументации. Это происходит потому, что не всегда ясно, считает ли аргументатор, что он, возможно, должен будет отказаться от некоторых своих доводов, или он полагает, что доводы, которые он выдвинул, усиливают друг друга.

²⁴ По мнению Воробья (Vorobej, 1994. P. 153), классифицирование доводов как связанных или конвергентных неизбежно ведет к принятию оценочной позиции во время практического анализа. Поэтому может возникнуть вопрос, что «нет смысла говорить о различии между связанной и конвергентной аргументациями как о средстве оценки аргументаций, если различие может быть проведено только *после* самого процесса оценки». Но М. Воробей считает, что это возражение необоснованно. Оценка аргументации проходит несколько стадий. Следовательно, «тот факт, что разграничение производится с помощью использования оценочных понятий и включает принятие оценочной точки зрения, не означает, что такое разграничение не является полезным в процессе оценки» (ibid. P. 153).

²⁵ М. Воробей также делает подобное наблюдение. Он утверждает, что для того, чтобы понять, является ли аргументация связанной или конвергентной, необходимо оценить реальную степень логической поддержки, создаваемой различными посылами или их комбинациями. Хотя это означает, что различие между связанной и конвергентной аргументациями не функционирует лишь на чисто дескриптивном уровне, процесс оценки не завершается после того, как определена структура аргументации. При этом способ, с помощью которого следует продолжать оценку, зависит от того, к каким результатам привел проведенный анализ (ibid. P. 153).

Библиография

1. *Beardsley M. C. Practical Logic*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1950.
2. *Beardsley M. C. Thinking Straight. Principles of Reasoning for Readers and Writers*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1975.
3. *Braet A. De klassieke statusleer in modern perspectief*. (The Classical Status Doctrine in a Modern Perspective). Groningen: Wolters-Noordhoff, 1984.
4. [Cicero] *Ad C. Herennium. De Ratione Dicendi (Rhetorica ad Herennium.)* London: Heineman, 1968.
5. *Cicero. De Inventione*. London: Heineman, 1968.
6. *Campbell G. The Philosophy of Rhetoric* / Ed. L. F. Bitzer. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1991.
7. *Conway D. A. On the Distinction between Convergent and Linked Arguments // Informal Logic*. 1991. N 13. P. 145–158.

8. *Copi I. M., Cohen C.* Introduction to Logic. 8th ed. New York: Macmillan, 1990.
9. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion. Berlin: Walter de Gruyter; Dordrecht: Foris, 1984.
10. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
11. *Fisher A.* The Logic of Real Arguments. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
12. *Freeman J. B.* Dialectical Situations and Argument Analysis // *Informal Logic*. 1985. N 7. P. 151–162.
13. *Freeman J. B.* Thinking Logically: Basic Concepts for Reasoning. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1988.
14. *Freeman J. B.* Dialectics and the Macrostructure of Arguments: A Theory of Argument Structure. Berlin; New York: Foris, 1991.
15. *Govier T.* A Practical Study of Argument. 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1992.
16. *Grice H. P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics III* / Ed. P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
17. *Groarke L., Tindale C., Fisher L.* Good Reasoning Matters! A Constructive Approach to Critical Thinking. 2nd ed. Toronto; New York; Oxford: University Press, 1997.
18. *Johnson R. H., Blair J. A.* Logical Self-Defense. New York: McGraw Hill, 1994.
19. *Kelley D.* The Art of Reasoning. London: Norton, 1988.
20. *Kennedy G. A.* A New History of Classical Rhetoric. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
21. *McBurney J. H., O'Neill J. M., Mills G. E.* Argumentation and Debate: Techniques of a Free Society. New York: Macmillan, 1951.
22. *Mills G. E.* Reason in Controversy. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1968.
23. *Nolt J. E.* Informal Logic: Possible Worlds and Imagination. New York: McGraw Hill, 1984.
24. *Pinto R. C.* Review of Snoeck Henkemans (1992) // *Argumentation*. 1992. 8. P. 314–318.
25. *Pinto R. C., Blair J. A.* Reasoning: A Practical Guide. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993.
26. *Quintilian.* Books I and II. London: Heineman, 1969.
27. *Ray J., Zavos H.* Reasoning and Argument: Deduction and Induction // *Perspectives on Argumentation* / Ed. G. A. Miller, T. R. Nilsen. Chicago: Scott, Foresman and Comp. 1966. Ch. 3. P. 51–109.
28. *Rescher N.* Dialectics. A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge. Albany: SUNY, 1977.
29. *Snoeck Henkemans A. F.* Analysing Complex Argumentation: The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion. Amsterdam: Sic Sat, 1992.
30. *Snoeck Henkemans A. F.* Review of Freeman (1991) // *Argumentation*. 8. P. 319–321.
31. *Thomas S. N.* Practical Reasoning in Natural Language. 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
32. *Toulmin S. E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
33. *Vorobej M.* The TRUE Test of Linkage // *Informal Logic*. 1994. N 16. P. 147–157.
34. *Vorobej M.* Linked Arguments and the Validity Requirement // *Argumentation*. 1995a. 9. P. 291–304.

5. Франсиска Снук Хенкеманс. Структуры аргументации

35. *Vorobej M.* Hybrid Arguments // Informal Logic. 1995b. N 17. P. 289–296.
36. *Walton D. N.* Argument Structure: A Pragmatic Theory. Toronto: University of Toronto Press, 1996.
37. *Whately R.* Elements of Rhetoric: Comprising an Analysis of the Laws of Moral Evidence and of Persuasion, with Rules for Argumentative Composition and Elocution / D. Ehninger (reprint ed., 1963). Carbondale: Southern Illinois Press, 1846.
38. *Windes R. R., Hastings A.* Argumentation and Advocacy. New York: Random House, 1965.
39. *Yanal R. J.* Dependent and Independent Reasons // Informal Logic. 1991. N 13. P. 137–144.

ОШИБКИ В АРГУМЕНТАЦИИ

6.1. Введение

В соответствии со стандартным определением, которое с недавнего времени было признано всеми исследователями, аргументативная ошибка — это *умозаключение, которое выглядит логически верным, но таковым на самом деле не является*. В последние несколько десятилетий, однако, теоретики аргументации выступили с несколькими важными возражениями против данного определения. Во-первых, слово «выглядит» привносит в определение нежелательный оттенок субъективности. Во-вторых, «логическая верность» (validity) неправильно представлена как абсолютный и всеобъемлющий критерий. В-третьих, в определении не учитывается тот факт, что некоторые хорошо известные аргументативные ошибки являются по некоторым логическим нормам совершенно «верными» умозаключениями. В-четвертых, в определении понятие ошибочности сводится к структуре логического умозаключения, в то время как большое количество общепризнанных аргументативных ошибок не попадает в эту категорию. В связи с этим многие авторы сегодня предпочитают придерживаться более широкого определения ошибок в аргументации. В настоящее время аргументативные ошибки трактуются как *несовершенные действия в аргументативном дискурсе* (deficient moves in argumentative discourse).

В этой главе представлен обзор истории исследования ошибок и развития взглядов на аргументативные ошибки от античных теоретических подходов до современных теоретических подходов. Обсуждение классических подходов (6.2) мы начнем с концепции Аристотеля (6.2.1), которая оказала огромное влияние на все последующие теории, посвященные аргументативным ошибкам. Далее мы рассмотрим понятия «идолов» (idols) и «софизмов» (sophisms) логики Пор-Рояля (Port Royal logic) (6.2.2), «ошибок апеллирования» (*ad fallacies*), введенных Дж. Локком (6.2.3), и «силлогистических» и «индуктивных» ошибок Р. Уэйтли (6.2.4). Мы закончим наш обзор античных концепций рассмотрением традиционной трактовки аргументативных ошибок в учебниках логики, которое Ч. Хемблин назвал *стандартной трактовкой* (the standard treatment) (6.2.5). Мы начнем об-

суждение современных теоретических концепций аргументативных ошибок (6.3) с критики Ч. Хемблином стандартной трактовки (6.3.1). Затем нами будут описаны различные толкования аргументативных ошибок, предложенные учеными после Ч. Хемблина (6.3.2). После этого мы подробнее остановимся на основных современных трактовках, таких как концепция Вудса — Уолтона (Woods — Walton approach) (6.3.3), формально-диалектическая концепция (formal-dialectical approach) (6.3.4) и прагма-диалектическая концепция (pragma-dialectical approach) (6.3.5). Наконец, закончим обзор современных исследований в области толкования ошибок в аргументации коротким описанием знаменитого прагматического подхода, предложенного Д. Уолтоном (Walton's pragmatic approach) (6.3.6).

6.2. Краткий обзор исследований в области аргументативных ошибок

6.2.1. Концепция аргументативных ошибок Аристотеля

История изучения аргументативных ошибок начинается с Аристотеля (384—322 гг. до н. э.). Аристотель обращается к ошибкам в аргументации в своих сочинениях «О софистических опровержениях», «Топике», «Первой аналитике» и «Риторике». Однако если в «Софистических опровержениях» и «Топике» Аристотель очень тщательно подходит к анализу ошибок, то в «Первой аналитике» он только дополняет свой анализ некоторыми наблюдениями, а в «Риторике» ограничивается проработкой лишь некоторых из ошибок, о которых пишет в «Софистических опровержениях». Греческое название сочинения Аристотеля «De sophisticis elenchis» дословно означает «По поводу опровержений, используемых софистами» (на английский язык название труда Аристотеля переводится как «Sophistical Refutations»). Вот почему аргументативные ошибки часто называют *софизмами*.

Аристотель рассматривает ошибки в контексте диалектики, в котором один человек атакует тезис, а другой защищает его. Одним из путей достижения победы в споре является опровержение тезиса оппонента. С этой точки зрения аргументативными ошибками признаются ложные аргументативные шаги, которые делает человек, атакующий защищаемый тезис. В «Софистических опровержениях» Аристотель

рассматривает опровержения, которые только кажутся таковыми (*паралогизмы*). В своем труде, посвященном диалектике, «Топике», Аристотель рассматривает как корректные стратегии, которые могут применяться для атаки на защищаемый тезис, так и некорректные шаги в рассуждении, как, например, *petitio principii* (ошибка, которая лучше известна под названием «произвольный довод доказанного» или «предвосхищение в основании»). В «Риторике» рассматриваются некоторые ошибки, упоминавшиеся в «Софистических опровержениях», а также ошибка, которая сейчас известна как *post ergo propter hoc* («после этого, следовательно, в результате этого»).

Аристотель разделяет ошибочные, или ложные, опровержения, используемые в диалектическом контексте, на две группы. Первая состоит из софистических опровержений «от оборотов речи», т. е. зависимых от используемых языковых средств (*in dictione*), а во вторую группу входят софистические опровержения «не от оборотов речи», т. е. независимые от используемых языковых средств (*extra dictionem*). Затем Аристотель подразделяет эти группы в общей сложности на тринадцать типов, указывая в каждом случае, каким образом тот или иной неправильный аргументативный выпад может быть парирован.

Ошибки оборотов речи включают в себя шесть типов, все они связаны с двусмысленностью или множественностью смысла слов и сдвигом значения, которые встречаются в обычной беседе вследствие неправильного использования языковых средств: *ударение* или *произношение* (accent), *форма выражения* (form of expression), *соединение слов* (combination of words), *разъединение слов* (division of words), *двусмысленность слов* (equivocation) и *двусмысленность грамматических конструкций* (amphiboly). Ошибки, происходящие не от оборотов речи, разделены на семь типов. Говорящий может допустить любую из этих ошибок, даже если язык используется ясно. Это такие аргументативные ошибки, как *неправомерное представление привходящего свойства объекта как сущностно присущее объекту свойство либо наоборот* (accidens); ошибка *secundum quid*, которая позднее стала более известной под названием *поспешное обобщение* (hasty generalization); *утверждение консеквента* (affirming the consequent); *признание того, что не есть причина, причиной* (non-cause as cause); *предвосхищение оснований* (petitio principii); *довод, не имеющий отношения к предмету обсуждения, или незнание сути опровержения* (ignoratio elenchi или ignorance of refutation); а также *ошибка сведения многих вопросов к одному* или *ошибка множественности вопросов* (many questions).

Рассмотрим пример ошибки, зависящей от используемых языковых средств, из одного из диалогов Платона — «Евтидем». Два

софиста, Евтидем и Дионисодор, по очереди демонстрируют свое умение вести спор. Сократ так описывает Критону, как Евтидем спорит с юным Клинием.

«Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

-- Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, они мудрецы или невежды?

Мальчик же, услышав столь трудный вопрос, покраснел и бросил на меня недоумевающий взгляд. А я, видя его смущение, говорю:

-- Мужайся, Клиний, отвечай смело то, что ты думаешь. Быть может, это принесет тебе величайшую пользу.

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

— Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудрые.

А Евтидем:

— Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет?

Мальчик ответил утвердительно.

— Значит, учителя — это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками?

Клиний согласился.

— А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

— Именно так, — сказал Клиний.

— Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

— Конечно, нет, — ответил тот.

— Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

— Разумеется.

— Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись...» (Платон, 1990. С. 162–163).

За аргументами Евтидема против тезиса Клиния сразу следуют аргументы Дионисодора против тезиса о том, что невежественны как раз те люди, которые учатся. В обоих случаях ошибка состоит в злоупотреблении многозначностью слов «мудрый» («ученый» и «разумный») и «невежда» («необученный» и «глупый»).

В том же диалоге Платона можно обнаружить пример ошибки, не зависящей от используемых языковых средств. Спор происходит между Дионисодором и одним из слушателей по имени Ктесипп.

рассматривает опровержения, которые только кажутся таковыми (*паралогизмы*). В своем труде, посвященном диалектике, «Топике», Аристотель рассматривает как корректные стратегии, которые могут применяться для атаки на защищаемый тезис, так и некорректные шаги в рассуждении, как, например, *petitio principii* (ошибка, которая лучше известна под названием «произвольный довод доказанного» или «предвосхищение в основании»). В «Риторике» рассматриваются некоторые ошибки, упоминавшиеся в «Софистических опровержениях», а также ошибка, которая сейчас известна как *post ergo propter hoc* («после этого, следовательно, в результате этого»).

Аристотель разделяет ошибочные, или ложные, опровержения, используемые в диалектическом контексте, на две группы. Первая состоит из софистических опровержений «от оборотов речи», т. е. зависимых от используемых языковых средств (*in dictione*), а во вторую группу входят софистические опровержения «не от оборотов речи», т. е. независимые от используемых языковых средств (*extra dictionem*). Затем Аристотель подразделяет эти группы в общей сложности на тринадцать типов, указывая в каждом случае, каким образом тот или иной неправильный аргументативный выпад может быть парирован.

Ошибки оборотов речи включают в себя шесть типов, все они связаны с двусмысленностью или множественностью смысла слов и сдвигом значения, которые встречаются в обычной беседе вследствие неправильного использования языковых средств: *ударение* или *произношение* (accent), *форма выражения* (form of expression), *соединение слов* (combination of words), *разъединение слов* (division of words), *двусмысленность слов* (equivocation) и *двусмысленность грамматических конструкций* (amphiboly). Ошибки, происходящие не от оборотов речи, разделены на семь типов. Говорящий может допустить любую из этих ошибок, даже если язык используется ясно. Это такие аргументативные ошибки, как *неправомерное представление привходящего свойства объекта как сущностно присущее объекту свойство либо наоборот* (accidens); ошибка *secundum quid*, которая позднее стала более известной под названием *поспешное обобщение* (hasty generalization); *утверждение консеквента* (affirming the consequent); *признание того, что не есть причина, причиной* (non-cause as cause); *предвосхищение оснований* (petitio principii); *довод, не имеющий отношения к предмету обсуждения, или незнание сути опровержения* (ignoratio elenchi или ignorance of refutation); а также *ошибка сведения многих вопросов к одному* или *ошибка множественности вопросов* (many questions).

Рассмотрим пример ошибки, зависящей от используемых языковых средств, из одного из диалогов Платона — «Евтидем». Два

софиста, Евтидем и Дионисодор, по очереди демонстрируют свое умение вести спор. Сократ так описывает Критону, как Евтидем спорит с юным Клинием.

«Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

— Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, они мудрецы или невежды?

Мальчик же, услышав столь трудный вопрос, покраснел и бросил на меня недоумевающий взгляд. А я, видя его смущение, говорю:

— Мужайся, Клиний, отвечай смело то, что ты думаешь. Быть может, это принесет тебе величайшую пользу.

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

— Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудрые.

А Евтидем:

— Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет?

Мальчик ответил утвердительно.

— Значит, учителя — это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками?

Клиний согласился.

— А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

— Именно так, — сказал Клиний.

— Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

— Конечно, нет, — ответил тот.

— Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

— Разумеется.

— Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись...» (Платон, 1990. С. 162–163).

За аргументами Евтидема против тезиса Клиния сразу следуют аргументы Дионисодора против тезиса о том, что невежественны как раз те люди, которые учатся. В обоих случаях ошибка состоит в злоупотреблении многозначностью слов «мудрый» («ученый» и «разумный») и «невежда» («необученный» и «глупый»).

В том же диалоге Платона можно обнаружить пример ошибки, не зависящей от используемых языковых средств. Спор происходит между Дионисодором и одним из слушателей по имени Ктесипп.

(*accidens*), помещая ее в категорию ошибок, зависящих от оборотов речи (например, Cohen и Nagel, 1934/1964). Обычно, однако, при трактовке этой ошибки отказываются от подхода Аристотеля, указывая, что аргументация является неверной, поскольку в ней применено общее правило без какой-либо адаптации к конкретному случаю, в котором привходящие или особые обстоятельства делают данное правило неприменимым (см., например: Cori, 1972. Р. 81). Нижеследующий пример иллюстрирует данную ошибку.

«Член парламента Гибельс имеет полное право напечатать содержание своей беседы с королевой, поскольку у нас в Голландии существует свобода слова».

В этой аргументации автор строит свое рассуждение, исходя из невысказанной прямо, но подразумеваемой посылки, что в Голландии свободой слова пользуются все граждане. Однако аргументация ошибочна, так как в ней игнорируется тот факт, что в ситуации присутствует особое обстоятельство, а именно: общее правило неприменимо к конфиденциальной беседе члена парламента и королевы.

Некоторые другие из ошибок Аристотеля, независимых от оборотов речи, претерпели похожие трансформации в современных учебниках, иногда до такой степени, что их почти невозможно узнать. Одной из причин этих трансформаций является то, что некоторые из определений Аристотеля слишком неясны, а это, конечно же, способствует возникновению новых толкований. Другая причина состоит в том, что многие авторы современных учебников и научных трудов берут свои примеры не прямо из Аристотеля, а из книг других авторов, которые тоже, в свою очередь, скорее всего не обращались к Аристотелю. Таким образом, старые ошибки переключиваются из одного источника в другой и укореняются в литературе. Трактовка следующей аргументативной ошибки может служить примером вышеизложенного (Hamblin, 1970. Р. 29).

(1) Что ты купил вчера, ты ешь сегодня.

(2) Ты вчера купил сырого мяса.

Следовательно:

(3) Ты сегодня ешь сырое мясо.

Л. де Рейк (De Rijk, 1962) в своем обзоре различных подходов к толкованию ошибок в логике XII в. сообщает, что этот пример впервые появляется в «Мюнхенской диалектике» («Munich dialectica»). Обычно считается, что эта ошибка относится к типу, носящему название *secundum quid* («в определенном смысле»), которая в современной терминологии известна как *поспешное обобщение*. Вторая из

аристотелевских ошибок, независимых от языка. Де Морган, живший в XIX в., еще считал этот пример случаем совершения ошибки *в определенном смысле*. Однако если проанализировать тот отрывок из его сочинения, в котором он рассматривает обе ошибки, и *ошибка привходящего свойства* и *в определенном смысле*, то можно с одинаковым основанием говорить, что автор толковал вышеприведенный пример именно как ошибку *привходящего свойства*. Примечательно, что до Де Моргана никто из исследователей не толковал эту ошибку как ошибку *привходящего свойства*, а после него сразу несколько авторов стали придерживаться этого мнения (например, Cohen и Nagel, 1934/1964, Copi, 1953/1972).

6.2.2. Идолы и софизмы

Стандартное определение аргументативной ошибки, которое мы находим у Аристотеля, гласящее, что ошибка является умозаключением, которое лишь кажется верным, но таковым на самом деле не является, сохраняло свою авторитетность в течение долгого времени. Несмотря на это, позднейшие авторы часто игнорировали диалектический контекст определения и отказывались замечать различия между определением верного умозаключения как рассуждения, в котором вывод следует из посылок с дедуктивной необходимостью, и определением Аристотеля, который считал, что верное умозаключение — это то, в котором вывод не только следует с необходимостью из посылок силлогизма, но и отличается от последних, а также основан на них. Во всем другом большинство ученых, писавших до эпохи Возрождения, лишь повторяли то, что до них сказал Аристотель. Однако были и те, кто, как французский диалектик Пьер де ла Раме (латинизированное имя Петрус Рамус) (Petrus Ramus) (1515–1572), отвергли взгляды Аристотеля или вообще отказались от исследования аргументативных ошибок.

Несмотря на то что последователь Рамуса английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) считает, что Аристотель «превосходно справился» с изучением ошибок, его тезис, выраженный в трактате «О достоинстве и преумножении наук» (Бэкон, 1605/1977), состоит в том, что существуют более важные ошибки, как, например, ошибки мышления (errors of thought), а также «тщеславные мнения» (vain opinions), вызванные призраками или *идолами*. Среди последних — *идолы площади или рынка* (idols of the marketplace), т. е. насильственно присваиваемые словам ложные образы, «которые формируются исходя из уровня понимания простого народа и устанавливаются такие

различия между вещами, которые простой народ в состоянии понять» (Бэкон, 1977. С. 309). Аристотелевский список ошибок является отправной точкой также для «Логики, или Искусства мыслить» (1662), известной как логика Пор-Рояля, разработанной французскими учеными XVII в. Антуаном Арно (Antoine Arnauld) и Пьером Николь (Pierre Nicole), которые предположительно работали в сотрудничестве с Блезом Паскалем (Blaise Pascal). Вышеперечисленные ошибки являются объектом изучения этого первого анализа ошибок новейшего времени, и поэтому их можно назвать *софизмами научного метода* (sophisms of the scientific method). В этих трудах также перечислены аргументативные ошибки, встречающиеся в обычном общении, такие как *использование силы угрозы* (using the force of threats), хотя тогда они еще не называли эту ошибку *доводом к палке* (argumentum ad baculum), и *выведение заключения об общем из недостаточно полных данных о частном* (drawing a general conclusion from an incomplete induction). Таким образом, на смену подразделению ошибок на зависимые и независимые от оборотов речи пришло подразделение ошибок на ошибки, имеющие отношение к научным предметам, и ошибки, встречающиеся в обычном общении.

6.2.3. Ошибки апеллирования

Самое важное дополнение, которое было сделано к списку аристотелевских ошибок, состоит из ряда ошибок, известных как ошибки апеллирования (*ad fallacies*). Эти аргументативные ошибки были впервые описаны и введены в науку философом XVII в. Джоном Локком (John Locke) (1632–1704). Наиболее известная из этих ошибок носит название *довод к человеку* (argumentum ad hominem), буквальный персвод названия — «довод, направленный на человека».

В исследованиях по аргументации термин *довод к человеку* сейчас обычно имеет негативную коннотацию. Он означает, что вместо ответа на аргументы оппонента, которые тот приводит в поддержку своего тезиса, нападают на самого оппонента, используя при этом разные способы. Но существует также и давняя традиция трактовки этого аргументативного приема как правомерного и даже необходимого для достижения успеха в споре (см.: Nuchelmans, 1993 об аристотелевских толкованиях *довода к человеку*, давших начало как негативной, так и положительной интерпретации этого аргументативного приема).

Не совсем ясно, что имел в виду Локк, когда он описывал *довод к человеку* в «Опыте о человеческом разумении» («An Essay Concerning

Human Understanding», 1690/1691, ср.: Hamblin, 1970. P. 41, 158–163; Finocchiaro, 1974). В главе «О разуме» он вводит три других вида ошибок апеллирования: *довод к скромности*, или иначе аргумент к авторитету (*ad verecundiam*), *довод к незнанию*, или аргумент к невежеству (*ad ignorantiam*) и *довод к здравому смыслу* (*ad iudicium*). Этот факт принес ему звание «изобретателя» ошибок апеллирования. Однако Локк никогда нигде напрямую не говорит, что он считает подобные доводы ошибочными.

«...следует подумать немного о четырех видах доводов, которыми люди обычно пользуются в своих рассуждениях с другими, чтобы добиться их согласия или по меньшей мере внушить уважение к себе и заставить их замолчать» (Локк, 1985. Т. 2. С. 166).

Довод к человеку — третий в списке Локка.

«Третий путь состоит в том, чтобы прижать человека выводами из его собственных принципов или допущений. Это известно под названием *довод к человеку*» (там же).

Последнее замечание показывает, что Локк не считал, что он изобрел что-то новое. Проследить источник для его толкования *довода к человеку* не так легко. Ч. Хемблин утверждает, что Локк здесь опирается на латинский перевод одного из отрывков сочинения Аристотеля «О софистических опровержениях» и некоторые средневековые трактаты (1970. С. 161–162; см. также: Nuchelmans, 1993). Первоначально считалось, что ошибка *довод к человеку* признается совершенной, если спорящий при построении собственной аргументации пользуется уступками оппонента. В настоящее время, однако, термин *довод к человеку* используется для обозначения нападки на личность оппонента. При этом спорящий может избрать несколько способов, как это сделать. Он может напасть на оппонента либо прямо, представляя последнего глупым, плохим или не заслуживающим доверия человеком, что известно как *оскорбляющий* вариант (*abusive variant*) *довода к человеку*, либо косвенно, ставя под сомнение мотивы оппонента, что известно под названием *косвенного* или *обстоятельственого* варианта (*circumstantial variant*), либо, наконец, указывая на несоответствие дел оппонента и его слов, что известно как вариант *ты тоже!* (*tu quoque*).

Следующий короткий монолог представляет собой современный пример *довода к человеку* в его локковском понимании.

«Как ты можешь говорить, что следует закрыть все казино в Лас Вегасе? Ты ведь всегда говорил, что каждый должен быть свободен в выборе того, что и как ему делать в своей жизни».

В следующем фрагменте текста содержатся два других из четырех типов аргументации, упоминаемых Дж. Локком: *довод к скромности*, т. е. аргументацию, основанную на силе авторитета (*awe-directed argument*) и использующую тактику устыжения аудитории (*argument of shame*), и *довод к невежеству*, т. е. аргументацию, основанную на обращении к незнанию:

«Вне сомнения, правда, что Бетховен продиктовал ту симфонию Розмари Браун: в журнале “Плейбой” известная писательница Элизабет Кеблер-Росс недавно писала, что общение с душами умерших абсолютно возможно. В любом случае ведь никто еще не доказал, что умершие композиторы не проявляют себя в этом мире подобным образом».

Argumentum ad verecundiam обычно определяют как некорректное обращение к авторитету. Это определение не совсем соответствует буквальному смыслу слова *verecundia* («скромность, застенчивость, робость, страх, стыд»), но как раз соответствует определению Локка. Согласно Локку, *argumentum ad verecundiam* относится к случаям, когда либо предполагается, либо утверждается, что было бы нескромно и даже высокомерно со стороны слушателей противопоставлять свое мнение какому-либо авторитетному мнению, к которому говорящий апеллирует в своей аргументации. Сегодня термин *ad verecundiam* применяется для описания ошибки некорректного апеллирования к авторитету.

Из замечаний Локка следует, что для него *довод к незнанию* связан с бременем доказательства в споре. Одним из недопустимых способов избежать выполнения своих обязанностей в дискуссии является выдвижение доводов в поддержку своей точки зрения, при том что вы выражаете мнение, противоположное мнению оппонента. Сегодня *довод к незнанию* обычно определяют как некорректное использование апеллирования к незнанию собеседником доказательств противного тому, что утверждаете вы, или апеллирование к тому факту, что таких доказательств никогда не было зафиксировано (как в вышеприведенном примере). На основании того факта, что не было доказано *противное*, делается вывод, что тезис является *верным* (либо наоборот).

Из «Опыта о человеческом разумении» видно, что Дж. Локк знал об ожидаемом эффекте, который, по мнению говорящего, должны производить эти три типа доводов. Однако снова следует подчеркнуть, что не совсем ясно, считал ли сам Локк *довод к человеку*, *довод к скромности* и *довод к незнанию* ошибками в аргументации, как это обычно делается сегодня (*довод к здравому смыслу* не является ошибкой, а, наоборот, устанавливает стандарт, как следует пользоваться

доказательствами, выводимыми из основ знаний или из вероятности). Определения *довода к человеку*, схожие с локковскими, можно также найти в сочинениях английского логика XIX в. Р. Уэйтли, немецкого философа XIX в. А. Шопенгауэра, американского философа XX в. Джонстона-мл. (Johnstone Jr.) и бельгийского философа XX в. Х. Перельмана (см.: van Eemeren and Grootendorst, 1993).

Примером использования довода к человеку в современном отрицательном, нелокковском понимании может служить следующий отрывок.

«Аргумент о том, что государство не имеет права ограничивать свободу слова и поэтому не должно никоим образом пытаться сдержать бум распространения кабельного телевидения, только на первый взгляд выглядит разумным. Это рассуждение используют те, кто кровно заинтересован в том, чтобы процесс распространения кабельного телевидения шел без каких-либо препятствий. Следовательно, это неверная аргументация».

6.2.4. Силлогистические и индуктивные ошибки

Логик и исследователь риторики Ричард Уэйтли (1787–1863) в своем трактате «Начала логики» («Elements of Logic», 1826/1975) поставил своей целью предложить улучшенную концепцию аргументативных ошибок с точки зрения логики. В приложении к сочинению он определяет аргументативную ошибку «как любой довод или видимый довод, который, по мнению автора, является решающим в отношении предмета обсуждения, но на самом деле таковым не является». Это определение расширяет традиционное определение. Наряду с классом (силлогистических) *логических* ошибок (sillogistic (logical) fallacies), как, например, ошибка *учетверения терминов* (four terms) как нарушение правила, которое определяет силлогизм как форму рассуждения, состоящего не более чем из трех терминов, и семиологическую ошибку *ложной аналогии* (false analogy), Р. Уэйтли в своем классификационном древе выделяет широкий класс логически правильных умозаключений, которые он называет *нелогическими ошибками* (non-logical fallacies) или *сущностными ошибками* (material fallacies), подразделяя их на *ошибки, которые основаны на неверно реконструированной посылке* (wrongly-assumed premise), такие как *предвосхищение оснований*, а также *ложная посылка* (false premise); и *суждения, не имеющие отношения к предмету спора*, или, иначе, *нерелевантные суждения* (irrelevancies или ignoratio elenchi), такие как ошибки апеллирования. Сочинения Р. Уэйтли оказали огромное влияние на ав-

торов учебников по логике как в Великобритании, так и в США. Если Уэйтли утверждает, что рассуждение должно быть выражено в форме силлогизмов, британский философ Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill) (1806–1973) пишет в своей «Системе логики, силлогистической и индуктивной» («A System of Logic, Ratiocinative and Inductive», 1970), что только индуктивные выводы можно считать настоящим рассуждением. Хотя Дж. Милль и создал категорию *индуктивных* ошибок, его концепция аргументативных ошибок и их эмпирический анализ не привели к каким-либо серьезным теоретическим открытиям.

6.2.5. Трактовка ошибок в учебниках по логике

Важная характеристика традиционных обзоров ошибок в учебниках логики, появившихся позднее, — это переход от диалектического взгляда на аргументативные ошибки, которого придерживался Аристотель, к монологическому углу зрения. В теории аргументативных ошибок, принадлежащей к монологической традиции, рассматриваются исключительно те ошибки, которые относятся к изъянам в рассуждении, и не учитываются различные обманные маневры, которые предпринимает одна из сторон с целью перехитрить другую сторону. Поскольку некоторые из ошибок, которые входят в список, составленный Аристотелем, неразрывно связаны с ситуацией диалога, одним из последствий того, что контекст спора был полностью отвергнут как критерий идентификации ошибок, является следующее. Вопрос, почему, собственно, та или иная аргументативная ошибка считается таковой в конкретной ситуации, становится абсолютно неясным.

Примером этого может служить ошибка «сведения многих вопросов к одному», которая по классификации Аристотеля принадлежит к ошибкам, независимым от используемых языковых средств. Если совершенно ясно, почему Аристотель считает ошибку *сведения многих вопросов к одному* некорректным опровержением в контексте спора, то не совсем понятно, почему он относит этот аргументативный прием к ошибкам, независимым от оборотов речи. Дело ведь в том, что именно то, как сформулирован вопрос, и позволяет говорящему объявить мат своему противнику. Эта ошибка состоит в том, что задается такой вопрос, ответ на который требует ответа, по крайней мере, еще на один вопрос, который «спрятан» в задаваемый вопрос. Говоря современным языком, ответ на заданный вопрос *предполагает* отдельный ответ на один или более других вопросов. Таким образом, вы совершаете ошибку сведения многих вопросов к

одному, если открыто или замаскированно заставляете своего оппонента отвечать на вопрос, не совпадающий с тем, который вы задаете. Поскольку ошибке сведения многих вопросов к одному внутренне присуща диалогичность, адекватно рассмотреть ее можно только в рамках диалектического подхода к изучению аргументации. В том типе спора, который описывал Аристотель, он советовал отвечающему разделять такие вопросы на несколько и отвечать на каждый из них по отдельности (Аристотель, 1978. 181a: 36).

Обычно для иллюстрации совершения аргументативной ошибки сведения многих вопросов к одному приводят следующие примеры:

- (1) Вы по-прежнему бьете свою жену?
- (2) Когда вы прекратили бить свою жену?

Если человек, как и предполагает вопрос, отвечает на (1) простым «да» или «нет», он тем самым признает то, что он часто бьет свою жену. Это происходит потому, что (1) содержит следующее предположение:

- (1a) Вы раньше били свою жену.

То же предположение содержится в вопросе (2), но к нему в этом случае добавляется еще одно предположение:

- (2b) Вы больше не бьете свою жену.

Задавая вопросы, представляющие ошибку сведения многих вопросов к одному, говорящий пытается обмануть неумелого в споре собеседника, не распознающего вероломную природу подобного вопроса. Аристотель писал, что подобные вопросы являются некорректным способом заставить оппонента противоречить себе в споре. Это происходит, например, когда тезис, что оппонент никогда не бил свою жену, опровергается говорящим на основании того факта, что собеседник ответил на вопрос (1) «нет» (естественно, если он отвечает «да», то он попадает в еще худшую ситуацию).

Отвечая же на одно или более скрытых предположений, отвечающий избегает необходимости давать прямой ответ на поставленный вопрос. В случае с вопросом (2) результатом этой стратегии могут служить два ответа:

- (2') Я по-прежнему ее бью.
- (2'') Я никогда ее не бил.

В споре, результат которого для отвечающего зависит от того, бьет ли или бил ли он свою жену, ответ (2) является для него наилучшим способом парировать вопрос (2). Различные «прямые» ответы, как, например, «На прошлой неделе», привели бы к немедленному и не-

обратимому поражению в споре. Формулировка вопроса (1) практически вынуждает сторону, защищающую тезис, ответить либо «да», либо «нет», и таким образом признать то, что его оппонент старается продемонстрировать: собеседник бьет или бил свою жену.

Вместо того чтобы разграничивать аргументативные ошибки на ошибки, *зависимые от оборотов речи*, и ошибки, *независимые от оборотов речи*, учебники по логике различают ошибки, связанные с *двусмысленностью/многозначностью* (ambiguity) или *неясностью* (clearness), и ошибки *релевантности* (relevance), подразумевающие отсутствие следования тезиса из доводов, или иначе доводы нерелевантны (например: Copi, 1972). Причина первых кроется в лексической или грамматической многозначности (англ. *Pleasing students can be trying* может быть понято двояко: (1) «Угодить студентам бывает трудно» и (2) «Хороших студентов бывает сложно учить») или неясности, какое слово выделяется («Почему Адам съел яблоко?», «Почему Адам съел яблоко?»). Они более или менее соответствуют аристотелевским ошибкам, *зависимым от оборотов речи*. Ошибки *релевантности* включают в себя также и ошибки *апеллирования*. Доводы являются нерелевантными по той причине, что они не предлагают никакого логического обоснования выраженного мнения. Тем не менее они могут быть прекрасными риторическими средствами убеждения аудитории. Наряду с ошибками *в определенном смысле, привходящего свойства*, ошибкой *сведения многих вопросов к одному, доводом к человеку, доводом к авторитету, и доводом к незнанию* в эту категорию входят *ошибка ложной аналогии, этические аргументативные ошибки* (бравирование собственными достоинствами) и *патетические аргументативные ошибки* (игра на чувствах людей). Другие ошибки релевантности, включая *довод, объявляющий спорный вопрос решенным, не требующим доказательств* (begging the question), приводятся ниже.

Довод, объявляющий спорный вопрос решенным, не требующим доказательств, известный также как *предвосхищение оснований, круг в рассуждении и тавтологическое рассуждение*, состоит в следующем: аргументатор считает, что то, что следовало доказать (обсуждаемый вопрос), уже доказано. Вот простой пример совершения подобной ошибки: «Бог существует, поскольку так написано в Библии, а Библия — это слово Божье».

Ошибка *незнания опровержения* (ignoratio elenchi) в «стандартной трактовке аргументативных ошибок» сводится к тому, что выдвигают довод, который никак не связан с обсуждаемым тезисом, но относится к другой точке зрения, приписываемой, справедливо или нет, оппоненту. Следовательно, человек, сомневающийся в том, как с помощью

государственного жилищного строительства можно уменьшить дефицит жилья, может в своей аргументации против такого строительства выдвинуть доводы в поддержку тезиса, который заключается в том, что наблюдается серьезная нехватка жилья. Однако отнюдь не это является предметом спора.

Ошибка *не следует* (*non sequitur*) является сходной с ошибкой *незнания опровержения* формой аргументации, в которой посылки и заключение могут сами по себе быть совершенно верными, но при этом заключение из посылок не следует. Голландский писатель Пьет Грейс (Piet Grijns) однажды привел следующий абсурдный пример:

«Дьявол разрисовал этот мир. Но ему не разрешают компенсировать свои расходы за счет освобождения от уплаты части налогов. Потом в 1982 г. появляется его племянник. У племянника завязывается роман с премьер-министром. Вот почему деревья опять покрываются зеленой листвой».

Как ясно из самого названия приема, довод *после этого*, значит *по причине этого* (*post hoc (ergo propter hoc)*) означает, что лишь на том основании того, что одно событие следует за другим во времени, делается вывод: первое событие является причиной второго. Примером аргументации, содержащей эту ошибку, может служить рассуждение, где утверждается, что рост уровня безработицы, который наблюдался с тех пор, как к власти пришло новое правительство, — это результат политики этого правительства, хотя на самом деле, очевидно, существуют другие причины этого явления.

Прием *довод к палке* (*argumentum ad basulum*) представляет собой обращение к силе и состоит в том, что аргументатор прибегает к угрозам, чтобы заставить оппонента согласиться с его точкой зрения. Говорящий может прибегнуть как к угрозе физического насилия, так и к угрозам другого характера. Обычно угрожают завуалированно, иногда предваряя угрозу страстными уверениями, что на слушателя или читателя не оказывается никакого давления.

Само собой, решение, как поступить, я оставляю полностью за вами, но вы должны понимать, что мы являемся вашим самым крупным рекламодателем (и если вы напечатаете статью о нашей деятельности в Южной Африке, вы можете забыть о наших заказах на рекламу).

Прием *довод к жалости* (*argumentum ad misericordiam*) является аргументативной ошибкой в том случае, когда с целью добиться своего говорящий необоснованно апеллирует к состраданию людей.

Если вы не повысите мне оценку по вашему предмету, я потеряю уважение к себе и не смогу жить дальше.

Приводя *довод, обращенный к людям* (*argumentum ad populum*), иногда называемый *обращением к толпе* (*mob appeal*) или *доводом к снобам* (*snob appeal*), аргументатор апеллирует к предрассудкам конкретной аудитории. Для этого говорящий, например, может противопоставить «нас» (себя и свою аудиторию) и «их» (тех, против кого направлена его речь). Можно привести следующий пример.

В этих предложениях нет ничего полезного. Мы, социалисты, все знаем, что гонка вооружений поддерживается производителями оружия и что в конечном итоге все это делается для того, чтобы нещепетильные акционеры могли набить свой карман.

Довод к последствиям или принятие желаемого за действительное (*argumentum ad consequentiam*) является ошибкой в том случае, когда тезис фактического характера представляют в благоприятном или неблагоприятном свете с помощью лишь одного указания на желательные или нежелательные последствия описываемого действия. Например:

Можно предполагать с большой долей уверенности, что ни одна водородная бомба не упадет на Нидерланды, так как наша страна настолько мала, что после ядерного удара от нее ничего не останется (из брошюры по гражданской обороне, изданной в 60-х гг.).

Или:

Бог существует, иначе у людей не было бы надежды, которая их поддерживает в жизни.

Ошибка вида «скользкий склон» (*slippery slope fallacy*) является особым случаем *довода к последствиям*, при котором использование ни на чем не основанных утверждений о неблагоприятных последствиях описываемого действия доводится до крайности. Основу этой ошибки составляет неверное предположение, что, если придерживаться предлагаемого плана действий, дела будут идти все хуже и хуже. Подобный довод часто встречается в спорах по поводу легализации абортов и эвтаназии.

Сначала легализуем эвтаназию, а потом закончится все тем, что начнем строить газовые камеры, как это делали нацисты в Германии.

Ошибка *фиктивный* или *воображаемый противник* (*straw man*, что буквально переводится как «соломенное чучело») заключается в том, что оппоненту приписывают фиктивную или искаженную точку зрения, которую легче опровергнуть.

Где-то между ошибками двусмысленности (многозначности) и ошибками релевантности находятся аргументативные ошибки *соединения* (composition) и *разделения* (division). Ошибка *соединения* заключается в следующем: чтобы сделать приемлемым тезис, относящийся к целому, целому приписываются свойства частей. Например:

Все части машины легкие, поэтому машина легкая.

Или:

Мы используем настоящее масло, сметану и свежий салат, поэтому наши блюда вкусные.

Ошибка *разделения* — это обратный прием.

Машина тяжелая, поэтому все части машины тяжелые.

Или:

Католическая церковь — это церковь для бедных людей, поэтому католическая церковь бедная.

Эти примеры демонстрируют то, что свойства частей не могут быть автоматически перенесены на целое, и наоборот. Здесь слова «легкий» и «тяжелый» обозначают относительные понятия. Если у машины набирается достаточно много легких частей, она становится тяжелой.

6.3. Современные концепции аргументативных ошибок

6.3.1. Критика Хемблином «стандартной трактовки» аргументативных ошибок

В своей книге «Аргументативные ошибки» («Fallacies», 1970), которая представляет собой один из самых важных со времен Аристотеля обзоров истории развития исследований в области аргументативных ошибок, австралийский философ Чарльз Хемблин отмечает такое единообразие в концепциях аргументативных ошибок в наиболее известных учебниках по логике, что считает справедливым говорить о некоей «стандартной трактовке» аргументативных ошибок, он определяет ее как «типичный или стандартный обзор ошибок,

который можно обнаружить в типичной короткой главе или приложении обычного учебника по логике» (Hamblin, 1970. P. 12).

Это мнение Ч. Хемблина основано на результатах проведенного им анализа учебников, авторами которых являются М. Коэн и Э. Нейгел (Cohen and Nagel, 1934/1964), М. Блэк (Black, 1946), Д. Эстерли (Oesterlee, 1952), И. Копи (Copi, 1953/1972), Э. Шиппер и Э. Шух (Schipper and Schuh, 1960), У. Сэлмон (Salmon, 1963), а также учебников некоторых других авторов, таких как М. Бердслей (Beardsley, 1950), У. Фернсайд и У. Хольтер (Fearnside and Holther, 1959), Дж. Карни и Р. Шир (Carney and Scheer, 1964), Н. Решер (Rescher, 1964), Г. Кахейн (Kahane, 1969, 1971), А. Микалос (Michalos, 1970), С. Гутенплан и М. Тэмни (Gutenplan and Tamny, 1971) и, наконец, Р. Пертилл (Purtill, 1972). Однако следует добавить, что в этих источниках нет такого единообразия мнений в отношении аргументативных ошибок, как заявляет Ч. Хемблин¹.

Книга Ч. Хемблина, также содержащая и собственный теоретический вклад автора в изучение ошибок, является на настоящий момент классическим трудом в этой области. Важность книги заключается не только в том, что она содержит прекрасный обзор истории развития теории аргументативных ошибок, но и в том, что в ней автор ставит стандартной трактовке ошибок своего рода «диагноз», выделяя все недостатки этой концепции. Порой Ч. Хемблин высказывает весьма резкие критические замечания:

«...следует признать, что в большинстве случаев нашему взгляду предстает абсолютно притянутая за уши, отжившая свой век догматическая трактовка, которую можно только себе вообразить, слишком во многом основанная на традиции, несовершенная ни с логической, ни с исторической точки зрения, не имеющая почти никакой связи с современной логикой» (Hamblin, 1970. P. 12).

Следующая цитата является иллюстрацией к его сетованиям:

«Мы не обладаем *концепцией* ошибок, подобной тем, которые мы имеем в области правильного рассуждения или логического следования (ibid. P. 11).

По мнению Ч. Хемблина, недостатки стандартной трактовки проявляются уже в принятом в ней определении термина *аргументативная ошибка*:

«Ошибочное умозаключение, как говорится почти в любой книге, начиная с Аристотеля, это такое умозаключение, которое *выглядит логически верным, но таковым на самом деле не является*» (ibid. P. 12).

Проблема с этим определением состоит в том, что большинство ошибок, описанных в рамках стандартной трактовки, под него не под-

падает. Подпадают под это определение без каких-либо проблем лишь немногие формально-логические ошибки. Таковыми являются, например, два случая принятия достаточного условия за необходимое условие: *утверждение консеквента* (affirming the consequent) и *отрицание антецедента* (denying the antecedent), которые заключаются в том, что из посылок «Если *A*, то *B*» и «*B*», выводится «*A*», а также из посылок «Если *A*, то *B*» и «не *A*», выводится «не *B*» соответственно.

Очень часто несоответствие определения предполагаемым ошибкам происходит от того, что в тексте вообще отсутствует какое-либо умозаключение, а иногда умозаключение вовсе не является некорректным с точки зрения современных концепций. В качестве примера первого случая Ч. Хемблин приводит ошибку *сведения многих вопросов к одному*, а в качестве примера последнего случая он приводит ошибку *круг в рассуждении*. В отношении ошибки *сведения многих вопросов к одному* Ч. Хемблин пишет следующее:

«...едва ли можно говорить, что человек, задавший вопрос, на который непонятно, как ответить, действительно пытается что-то доказать, уж правильно он это делает или неправильно. Где его посылки и в чем его вывод?» (ibid. P. 39).

Что касается ошибки *круг в рассуждении*, он пишет:

«Однако больше всего разногласий вокруг ошибки *круг в рассуждении* вызывает утверждение Джона Стюарта Милля о том, что *все* логически верные умозаключения несут в себе эту ошибку» (ibid. P. 35).

Это можно проиллюстрировать следующим примером:

Это мой велосипед, следовательно, это мой велосипед.

В споре по поводу того, чей это велосипед, этот довод вряд ли будет убедительным, так как посылка лишь повторяет заключение. Однако согласно стандартной логике это рассуждение само по себе не является ложным, так как оно имеет форму абсолютно верного умозаключения.

A, следовательно, *A*.

Существуют также случаи, в которых было бы неправильно пытаться объяснять ошибочность аргументации неправильным умозаключением, поскольку ошибочность аргументации связана прежде всего с ложностью невыраженной посылки. Последнее относится к таким ошибкам, как *довод к авторитету*, *довод к публике*, а также *довод к человеку*. Продемонстрируем это утверждение на примере ошибки *довод к авторитету*, который нами приводился выше.

Вне сомнения, правда, что Бетховен продиктовал ту симфонию Розмари Браун: в журнале «Плейбой» известная писательница Элизабет Кеблер-Росс недавно писала, что общение с душами умерших абсолютно возможно.

Изъян аргументации совсем не в ее форме, а в ложности невыраженной посылки (ср.: van Eemeren and Grootendorst, 1992. P. 62–72). Если реконструировать эту невыраженную посылку, то аргументация в прямом понимании этого слова не является некорректной.

(1) Элизабет Кеблер-Росс недавно писала, что общение с душами умерших возможно.

(2) Элизабет Кеблер-Росс обладает авторитетом в области оккультизма: все, что она говорит об этом, верно.

Следовательно:

(3) Возможно, Бетховен действительно продиктовал ту симфонию Розмари Браун.

Эта аргументация имеет следующую форму:

(1') X говорит, что S возможно; это утверждение принадлежит к типу T .

(2') Все, что говорит X об утверждениях типа T , верно.

Следовательно:

(3') S возможно.

Если у кого-либо и возникнут сомнения по поводу правильности данной аргументации, то возражения вряд ли будут касаться формы самого умозаключения. Более вероятно, они будут касаться содержания утверждений, которые в нем используются. Именно содержание доводов вызывает вопросы. Против этого умозаключения можно было бы возразить следующим образом: «Кеблер-Росс легко говорить то, что нельзя проверить» или «Откуда это Кеблер-Росс знает такие вещи, а?»

Другим примером неверного толкования ошибки, который приводится И. Копи, может служить аргументация, содержащая оскорбляющий вариант приема *довода к человеку*, заключающийся в прямом выпаде против оппонента, когда говорящий пытается представить последнего в глазах аудитории глупым, нечестным или не заслуживающим доверия человеком, стремясь подорвать его авторитет.

«Философия Бэкона не заслуживает доверия, поскольку его отправили в отставку с поста канцлера за нечистоплотность» (Copi, 1972. P. 75).

В этом примере, вне сомнения, аргументация присутствует, но ее неприемлемость, по нашему мнению, состоит в неприемлемости невыраженной посылки («Разве жулику не могут прийти в голову интересные философские идеи?»), а не в логической неверности самого умозаключения. Много примеров умозаключений, содержащих до-

вод к человеку, даже могут по своему виду не иметь ничего общего со структурой «посылка-вывод». Здесь следует оговориться, конечно, что некоторые из них могут быть без труда приведены к этой форме посредством аргументативной реконструкции, однако есть и такие, которые не поддаются подобной трансформации. Возьмем в качестве примера следующий отрывок из «*Eristische Dialektik*», написанной А. Шопенгауэром в период между 1818 и 1830 гг.:

«*Vertheidigt er [der Gegner] z. B. den Selbstmord, so schreit man gleich "warum hangst du dich nicht auf?"*» (Если оппонент защищает самоубийство, собеседник сразу начинает кричать: «Почему же ты сам не вешаешься?»)» (с. 685).

Нет однозначного ответа на вопрос, как приведенная к своей полной форме аргументация должна выглядеть.

- (a) Совершать самоубийство неправильно, *так как* ты сам не вешаешься.
- (b) Твои слова в защиту самоубийства ничего не стоят, *поскольку* ты сам не вешаешься.
- (c) Ты непоследователен, *так как* защищаешь самоубийство, *а* сам не вешаешься.
- (d) Ты должен повеситься сам, *раз* ты защищаешь самоубийство.

Из этих вариантов реконструкции очень трудно сделать обоснованный выбор, поскольку сложно определить, что же имеет в виду говорящий. Поэтому один вариант кажется абсурднее другого. Говоря словами Ч. Хемблина, здесь мы имеем дело как раз с тем случаем, когда очень трудно «уличить» говорящего в совершении ошибки: обвиняемый всегда может «наивно» ответить, что он вообще ничего не утверждает. Ч. Хемблин так описывает, как подобная стратегия защиты может быть применена в случае совершения ошибки *довод к человеку*:

«Человек А делает утверждение S. Человек В говорит: «Тебе сказал это С, а я знаю, что его теща живет в грехе с русским». А возражает: «Из фактов о нравственности или безнравственности тещи С абсолютно не следует, что S не соответствует действительности: это *довод к человеку*. В может на это ответить: «Я совсем не утверждал, что одно следует из другого. Я просто сделал замечание по поводу обстоятельств, сопутствующих этому утверждению. А вы сами делайте такие выводы, какие *вам* угодно. Если это замечание вы понимаете именно так, что ж, на здоровье!»» (Hamblin, 1970. P. 224).

6.3.2. Концепции аргументативных ошибок после труда Хемблина

Критика Ч. Хемблином стандартной трактовки аргументативных ошибок вызвала различную реакцию у разных авторов (см.: Groo-tendorst, 1987). На учебниках по логике, однако, вначале она никак

не отразилась. Для примера, в переизданных учебниках И. Копи (Copi, 1953), Н. Решера (Rescher, 1964), Дж. Карни и Р. Шира (Carney and Scheer, 1964) их авторы не сделали ни малейшей попытки как-то прокомментировать замечания Ч. Хемблина. И. Копи, например, говорит в предисловии к четвертому изданию своего «Введения в логику» («Introduction to Logic», 1972), что в главе об ошибках он опирается на концепцию Ч. Хемблина. Однако при более тщательном рассмотрении становится очевидно, что, не считая нескольких незначительных изменений, И. Копи продолжает строго придерживаться стандартной концепции аргументативных ошибок. Примером крайней реакции может служить мнение К. Ламберта и В. Ульриха, которые высказались за то, чтобы вообще исключить из учебников по логике все неформально-логические ошибки (Lambert and Ulrich, 1980. P. 24–28). К. Ламберт и В. Ульрих пояснили свою категоричную позицию на примере анализа приема *довод к человеку*, который они определяют как попытку подвергнуть сомнению верность какой-либо точки зрения посредством нанесения урона репутации оппонента. Они утверждают, что невозможно дать полное описание *довода к человеку*, опираясь исключительно на анализ его формы или содержания. Они делают следующий общий вывод:

«...до того, как будет предложено полное описание неформально-логических ошибок, которое позволило бы нам с точностью сказать, содержит ли то или иное умозаключение ту или иную неформально-логическую ошибку, знание, какой ярлычок повесить на тот или иной парадигматический пример совершения той или иной ошибки в рассуждении, нам вряд ли поможет определить, является ли рассматриваемое умозаключение приемлемым» (ibid. P. 28).

Если проанализировать статьи в сборнике «Аргументативные ошибки» («Fallacies», 1995) под редакцией Ханса В. Хансена (Hans V. Hansen) и Роберта К. Пинто (Robert C. Pinto), то станет очевидным тот факт, что для многих ученых книга Ч. Хемблина действительно послужила источником новых идей. Несмотря на то что попытки создать более приемлемую альтернативу стандартной трактовке у разных авторов различаются как по подходам, так и методам и расстановке акцентов, все они без исключения содержат ссылку на аргументы Ч. Хемблина. За исключением таких философов, как Август де Морган (Augustus de Morgan, 1806–1871) и Джеральд Мейсси (Gerald Massey, род. 1934), по мнению которых невозможно выработать отдельную теорию аргументативных ошибок, многие авторы разработали свои концепции аргументативных ошибок.

Сборник Х. Хансена и Р. Пинто содержит, помимо их собственных статей, статьи других современных канадских и американских

неформальных логиков, таких как Энтони Блэр (J. Anthony Blair), Ральф Джонсон (Ralph H. Johnson), Алан Бринтон (Alan Brinton), Труды Говье (Trudy Govier), Джеймс Фримен (James B. Freeman) и Дэвид Хичкок (David Hitchcock), которые активно занимаются исследованием аргументативных ошибок. Они уделяют особое внимание условиям, при которых аргументативный шаг следует признать аргументативной ошибкой. В эпистемическом подходе философов Джона Байро и Харви Сигеля (John Biro and Harvey Siegel, 1992), разработка которого находится еще в своей начальной стадии, содержится иной взгляд на ошибки: ошибками считаются неудачные попытки расширить наши знания. Помимо собственного вклада Ч. Хемблина в теорию ошибок (Hamblin, 1970), который представляет собой систему правил, известную как *формальная диалектика*, другие конструктивные предложения принадлежат американскому философу Морису Финокьяро (Maurice Finocchiaro, 1987) и американскому логiku финского происхождения Якко Хинтикке (Jaakko Hintikka, 1987). Финокьяро считает, что должно быть выбрано нечто среднее между абстрактными теоретическими выкладками и эмпирическими наблюдениями, ориентированными на сбор данных. Хинтикка высказывает мнение, согласующееся с диалектической концепцией, что аристотелевские ошибки следует рассматривать прежде всего не как неверные логические выводы, а как неправильно заданные вопросы в диалогах-вопросах.

В последнее время был разработан целый ряд концепций аргументативных ошибок, основанных на значительных по объему исследованиях. Назовем среди них формальную концепцию Дж. Вудса и Д. Уолтона, формально-диалектическую концепцию Э. Барта и Э. Краббе, прагма-диалектическую концепцию, разработанную Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом и прагматическую концепцию Д. Уолтона. Рассмотрим по отдельности каждую из вышеназванных концепций.

6.3.3. Концепция Вудса–Уолтона

После работы Ч. Хемблина самый важный вклад в исследование аргументативных ошибок как по объему исследуемого материала, так и по количеству опубликованных работ принадлежит канадским логикам и теоретикам аргументации Джону Вудсу и Дугласу Уолтону. В ряде статей и книг, которые они написали в соавторстве, а также независимо друг от друга, ученые предлагают хорошо обоснованную теорию «исправления» стандартной трактовки аргументативных оши-

бок. Для описания ошибок они привлекают средства, которые дают им современные логические теории, более развитые по сравнению с традиционными силлогистической и пропозициональной логиками и логикой предикатов. Концепция Вудса–Уолтона описана в учебнике по логике «Аргументация. Логика аргументативных ошибок» («Argument: The Logic of the Fallacies», 1982). Стремясь представить более ясное и более обоснованное толкование аргументативных ошибок по сравнению со стандартной трактовкой, Д. Вудс и Д. Уолтон начинают рассмотрение ошибок с точки зрения формальной логики. Они приходят к выводу, что аппарат дедуктивной логики недостаточен для того, чтобы учесть и описать все разнообразие ошибок. По их мнению, однако, это не означает, что концепция аргументативных ошибок должна обязательно принадлежать сфере неформальной логики.

В сборнике избранных статей, изданном в 1989 г. под названием «Аргументативные ошибки. Избранные статьи 1972–1982 гг.» («Fallacies: Selected Papers, 1972–1982»), Д. Вудс и Д. Уолтон выдвигают точку зрения, что сам тип ошибки должен диктовать теоретический подход, подходящий для ее описания. Общие методологические посылки, от которых данные исследователи отталкиваются в своей теории, заключаются в том, что в анализе аргументативных ошибок могут помочь структуры и теоретический аппарат различных логических систем, включая системы диалектической логики, и что успешный анализ огромного количества ошибок обязательно будет заключать в себе черты, которые позволяют квалифицировать эти виды анализа в той или иной мере как *формальные*. Они разделяют различные виды ошибок на категории согласно степени их формальности. Во-первых, существуют ошибки, как, например, античная аргументативная ошибка «учетверения терминов» (fallacy of «four terms»), которые можно назвать формальными в строгом смысле этого слова. Их можно проанализировать с помощью понятий, полностью и частично описанных посредством строго технической терминологии или в рамках формальных структур какой-либо логической системы или другой формальной теории (ошибка *учетверения терминов*, например, может быть объяснена с помощью классического определения силлогизма). На втором месте по степени формальности стоят такие ошибки, как, например, ошибки *многозначности*, которые в строгом смысле не являются формальными, но причины совершения которых могут быть частично объяснены с помощью логических форм. На третьей ступени находятся такие аргументативные ошибки, как *круг в рассуждении*, которые в еще меньшей степени можно проанализировать с помощью формального аналитического аппарата.

Эта третья ступень формальности, прекрасно представленная в работе Д. Вудса и Д. Уолтона, может быть описана с помощью определения формальной анализируемости, которую они формулируют следующим образом:

«Аргументативная ошибка *F* является *формально анализируемой* (formally analyzable) настолько, насколько при ее анализе используется технический терминологический аппарат и/или формальные структуры какой-либо логической системы или другой формальной теории».

Нужно отметить, что в английском языке термин «формальность» (formality) имеет много значений. Формальными могут быть различные ситуации: от ужина до речи. То же понятие распространяется и на теории логических форм. Теннисисты могут быть в хорошей форме (good form), а рассказывать непристойные анекдоты в обществе считается плохой формой (bad form).

Понятие формальности, лежащее в основе термина формальной анализируемости, можно описать примерно следующим образом. Говорят, что определение относится к разряду формальных, когда оно является точным, ясным, общим и строгим. В этом смысле определение, например, последующего числа после любого числа n как число $n+1$ можно назвать «формальным». Таким же образом о теории можно сказать, что она формальная в той мере, в какой формальными являются определения, которые в ней используются, и насколько точными и строгими являются использующиеся в теории доказательства. Наиболее важными в данной связи являются такие теории, как теория чисел или теория множеств, набор теорем которых бесконечно велик. Тем не менее все теоремы выводятся из конечного числа аксиом. Для того чтобы могла существовать подобная ситуация, для создания аксиом используется конечное число *аксиомных схем* (axiom schemata).

В данной книге приводятся два примера формального анализа, по Д. Вудсу и Д. Уолтону. Они иллюстрируют общую концепцию формальности, которая по классификации авторов, принадлежит к третьей категории. В нескольких главах книги «Аргументативные ошибки. Избранные статьи» Д. Вудс и Д. Уолтон анализируют логическую структуру диалектических аргументов, удовлетворяющих правилу, которое гласит, что говорящие не могут брать назад свои доводы после того, как они были приведены, поскольку эти аргументы связаны между собой и строятся один на другом (no-retraction rule). Иными словами, аргументы обладают свойством *совокупности* (cumulativity). В свою очередь, совокупность можно определить как своего рода «структуру Крипке» (Kripke-structure); этот термин был пред-

ложен Солом Крипке (Saul A. Kripke) в книге «Семантический анализ интуиционистской логики номер 1» («Semantic analysis of intuitionistic logic 1», 1965). Д. Вудс и Д. Уолтон отмечают, что ошибка *круг в рассуждении* не может быть совершена в рамках подобных структур, т. е. что формально анализируемое свойство совокупности не позволяет совершить ошибку *круг в рассуждении*².

В другом примере Д. Вудс и Д. Уолтон демонстрируют, что основанием для анализа ошибок *соединения* и *разъединения* (*объединения* и *разделения*) является подробное теоретическое описание отношения части и целого. Этот вывод представляется обоснованным, так как вышеназванные аргументативные ошибки содержат в себе логически неверные выводы, в которых свойства целого присваиваются его частям, и, наоборот, из свойств частей делается вывод, что этими же свойствами обладает целое. В книге «Аргументативные ошибки. Избранные статьи» авторы показывают, что ни обычная теория множеств, ни стандартное отклонение от нее, известное как «мереология» (mereology), не дают достаточной теоретической базы для правильного анализа ошибок соединения и разъединения (Woods and Walton, 1989. Ch. 8). Формальная теория, обычно применяющаяся при описании отношений части и целого, называется «теорией совокупностей» (aggregate theory). Она была разработана Тайлером Бергом (Burge, 1977. P. 97–118) и является в данном случае наиболее подходящим аналитическим инструментом³.

Анализируя аргументативные ошибки, Д. Вудс и Д. Уолтон опираются на предложенные Ч. Хемблином понятия *набора обязательств* (commitment sets) и *отказа от обязательств* (retraction). Таким образом, их анализ является не только формальным, но и диалектическим. Другой типичной характеристикой теории Вудса–Уолтона является ее плюралистичность. Термином *аргументативная ошибка* называли за много лет его существования много разных вещей. По мнению Д. Вудса и Д. Уолтона, одинаково глупо как ставить больным с совершенно разными болезнями один и тот же диагноз и назначать одно и то же лечение, так и пытаться все аргументативные ошибки подводить под один знаменатель и пользоваться одним и тем же анализом.

6.3.4. Формально-диалектическая концепция

Одной из самых важных попыток создать формально-диалектическую концепцию, частично основанную на диалогической логике Эрлангенской программы (Erlangen School), является концепция,

разработанная голландскими философами и логиками Элсе Бартом (Else M. Barth) и Эриком Краббе (Erik C. W. Krabbe). По мнению этих ученых, должна существовать теория рациональной аргументации, которая бы представляла собой конечное множество правил создания рациональных умозаключений. Причем рациональным умозаключением может считаться только то умозаключение, при создании которого использовались эти правила, а аргументативными ошибками следует считать те аргументативные действия, которые *не могут быть совершены*, если аргументатор пользуется означенными правилами. Авторы приводят описание набора правил, составляющих ядро их теории формальной диалектики, в своей книге «От аксиомы к диалогу» («From Axiom to Dialogue», 1982). Если в рамках стандартной трактовки разные аргументативные ошибки анализируются, исходя из разных принципов, в формальной диалектике все ошибки получают систематическое описание, что проиллюстрировано в работе Э. Барта и Д. Мартенса (Barth and Martens, 1977) на примере *довода к человеку*. Впрочем, в этой работе *довод к человеку* рассматривается не как аргументативная ошибка, а как приемлемое аргументативное действие в зависимости от определенных условий. По мнению Э. Барта и Д. Мартенса, каждое правило формальной диалектики, используемое для построения аргументации, несет в себе достаточное условие рациональности создаваемой аргументации, и все (а также исключительно те) умозаключения, которые могут быть созданы при помощи одного или более из этих правил, являются рациональными. Это дает нам возможность «вывести на чистую воду» аргументативные ошибки, определив их как аргументативные действия, которые *не могут быть совершены* с помощью правил создания аргументации (ibid. P. 96).

6.3.5. Прагма-диалектическая концепция

Прагма-диалектическая теория, разработанная в книгах «Речевые акты в аргументативных дискуссиях» («Speech Acts in Argumentative Discussions», 1994) и «Аргументация, коммуникация и ошибки» («Argumentation, Communication, and Fallacies», 1992) Франсом ван Ееме́реном и Робом Гроотендорстом, во многом сходна с формальной диалектикой. В отличие от последней, однако, фундаментальным принципом, на котором она строится, является то, что следует отказаться от попыток объяснить аргументативные ошибки лишь с помощью логики. Аргументативные ошибки следует понимать как

неверные действия (*wrong/incorrect moves*) в коммуникативном процессе аргументирования. Аргументативная ошибка в рамках прагма-диалектической теории рассматривается как помеха на пути к разрешению разногласий, а природа конкретной аргументативной ошибки зависит от того, каким образом она препятствует достижению разрешения разногласий.

В рамках прагма-диалектической теории аргументации была разработана критически-рационалистская философия разумности (*critical-rationalist philosophy of reasonableness*), которая получила свое выражение в идеальной модели *критической дискуссии* (*critical discussion*). В модели описаны стадии, которые можно выделить в процессе аргументации, а также акты речи, совершаемые на каждой из этих стадий. На всех стадиях критической дискуссии как протагонист (*protagonist*), так и антагонист (*antagonist*) должны соблюдать правила совершения речевых актов, играющих роль в разрешении спора. Эти правила можно представить в виде ряда основополагающих принципов, каждый из которых выражает стандарт или норму, согласно которым должна происходить критическая дискуссия. Любое нарушение, от какой бы стороны оно ни исходило и на какой бы стадии дискуссии оно ни совершалось, представляет потенциальную угрозу для процесса разрешения разногласий и поэтому должно рассматриваться как неверное действие в ведении дискуссии, т. е. «аргументативная ошибка». Термин *аргументативная ошибка*, таким образом, оказывается связанным с понятием правила ведения критической дискуссии и определяется как *речевой акт, частично или полностью блокирующий попытки участников дискуссии разрешить различия во мнениях*.

В прагма-диалектической теории идентификация аргументативных ошибок начинается с того, что высказывание, которое является элементом дискурса, нацеленного на разрешение разногласий, рассматривается как речевой акт особого типа. Затем определяется, подчиняется ли данный речевой акт правилам ведения критической дискуссии. Если рассматриваемый речевой акт нарушает какое-либо из этих правил, определяется, какую конкретную норму затрагивает это нарушение. Только после выяснения, какой конкретно критерий нормы, связанной с определенной стадией разрешения конфликта мнений, был нарушен, делается заключение, какая ошибка была совершена.

Вместо того чтобы рассматривать аргументативные ошибки как компоненты несистематизированного списка номинальных категорий, унаследованного из прошлого, как это делается в рамках стан-

дартной трактовки, или считать все ошибки нарушениями одной и той же логической нормы, как это происходит в логико-центричных концепциях, исследователи, работающие в рамках прагма-диалектической теории, предлагают различать целое множество норм согласно их функциям. Сравнение показывает, что те аргументативные ошибки, которые традиционно были объединены в одну группу без какого-либо объединяющего принципа, теперь разведены по разным группам согласно четким и ясным критериям, а те действительно сходные по характеру ошибки, которые раньше были распределены по различным группам, теперь сведены воедино. Например, два варианта *довода к публике* отнесены к разным группам, так как одна из них является нарушением *правила релевантности* (Relevance Rule), которое гласит, что при доказательстве точки зрения может использоваться только та аргументация, которая относится к этой точки зрения, а другая нарушает *правило аргументативной схемы* (Argument Scheme Rule), которое гласит, что точка зрения может считаться полностью доказанной, если при ее доказательстве правильно использовалась верная аргументативная схема. Данный пример показывает, что эти два варианта являются суть *разными* видами ошибок. А анализ одного из вариантов ошибки *довод к авторитету* и одного из вариантов ошибки *довод к публике* как нарушения *одного и того же* правила аргументативной схемы показывает, что, если рассматривать их с точки зрения разрешения разногласий, это суть варианты *одной* ошибки.

Прагма-диалектическая теория позволяет также проводить анализ еще не признанных и пока не имеющих названия «новых» препятствий на пути разрешения разногласий. Примерами создания подобных препятствий могут служить *объявление точки зрения «священной»*, т. е. *не подлежащей сомнению* (declaring a standpoint sacrosanct), что является нарушением *правила свободы* (Freedom Rule), которое гласит, что спорящие не должны препятствовать оппоненту высказывать свою точку зрения или сомнение в верности точки зрения противоположной стороны; *избегание обязанности доказывать выдвинутую точку зрения или перекладывание бремени доказательства на оппонента*, что является нарушением *правила бремени доказательства* (Burden of Proof Rule), которое гласит, что спорящий, выдвинувший точку зрения или подвергнувший сомнению какую-нибудь точку зрения, обязан защищать свое мнение, если его попросят это сделать; *отрицание невыраженной посылки*, что является нарушением *правила невыраженной посылки* (Unexpressed Premise Rule), которое гласит, что нельзя ложно представлять какое-либо

утверждение в виде посылки, оставшейся невыраженной, или ложно не признавать какую-либо посылку, действительно оставшуюся невыраженной; а также *абсолютизирование успешности защиты точки зрения*, что является нарушением *правила закрытия дискуссии* (Closure Rule), которое гласит, что неуспешная защита точки зрения должна вести к тому, что протагонист отзывает свою точку зрения, а успешная защита точки зрения должна вести к тому, что антагонист отказывается от своих сомнений в правильности точки зрения протагониста (van Eemeren and Grootendorst, 2001).

6.3.6. Прагматическая концепция Д. Уолтона

Написанная в том же теоретическом ключе книга Дугласа Уолтона «Неформальные аргументативные ошибки» («Informal Fallacies», 1987) знаменует новый этап в развитии идей этого ученого. Чтобы найти решение различных проблем, возникающих при анализе аргументативных ошибок, Д. Уолтон не только подчиняет логику диалектике, но также обращается к прагматике, хотя и понимая ее очень широко. Автор очень многих работ, Д. Уолтон стремится сочетать анализ отдельных ошибок с исследованием примеров аргументации из реальной жизни и делает теоретические обобщения. В своем анализе он определяет аргументативные ошибки как неправомерные «диалектические сдвиги» (dialectical shifts) от одного типа диалога к другому. Умозаключение, кажущееся корректным в диалоге одного типа, может быть некорректным и даже разрушительным в диалоге другого типа, правила которого не позволяют пользоваться аргументацией подобного рода. Это происходит оттого, что человек, совершающий аргументативную ошибку, в течение одной беседы переводит беседу из рамок одного типа диалога, в который вступили стороны первоначально, в рамки иного типа. Например, *довод к палке*, представляющий собой замаскированную угрозу, может быть дозволенным средством ведения беседы в рамках *переговорного диалога* (negotiation dialogue), но является некорректным действием в *убеждающем диалоге* (persuasion dialogue). В книге Д. Уолтона и Э. Краббе (Walton and Krabbe, 1995) приведено систематическое описание нормативных моделей диалога, которые могут служить в качестве критериев в критическом анализе ошибочных диалогических сдвигов.

Впервые о своих новых теоретических идеях, касающихся исследования аргументативных ошибок, Д. Уолтон заявил в книге «Логические игры-диалоги и аргументативные ошибки» («Logical Dialogue-

Games and Fallacies», 1984). В этой книге автор развивает новый подход к анализу неформальных ошибок, часто встречающихся в повседневной аргументативной практике. По мнению Д. Уолтона, стандартной трактовке ошибок не хватает анализа именно этой группы ошибок, так как концепция аргументативных ошибок строится на ограниченном определении логической правильности. Так называемые логические диалогические игры, разработанные Р. Хемблином, Мак-Кензи, Я. Хинтиккой и Н. Решером, предоставляют более подходящую теоретическую систему координат для анализа таких ошибок, как *довод к человеку*, *круг в рассуждении*, *довод к незнанию*, *ошибка сведения многих вопросов к одному*, *довод к палке*, *фиктивный противник* и *довод к авторитету*. Эти идеи Д. Уолтон начал развивать еще в книге «Позиция аргументатора» («Arguer's Position», 1985). В этой книге рассматривается вопрос, при каких условиях *обстоятельный* вариант *довода к человеку* может считаться приемлемым способом аргументации. Автор опирается в своем анализе *довода к человеку* на теорию речевого общения П. Грейса (Grice's theory of conversation), логику релевантности Д. Дэвидсона и Перна (relevance logic of Davidson and Pörn), а также на теоретические изыскания, касающиеся формально-диалогических игр. Д. Уолтон приходит к заключению, что иногда *довод к человеку* может служить очень эффективным средством опровержения, но если *довод к человеку* используется как средство нападения, то в большинстве случаев он становится некорректным аргументативным приемом.

Среди других монографий Д. Уолтона следует назвать книги «Неформальные аргументативные ошибки» («Informal Fallacies», 1987) и «Неформальную логику» («Informal Logic», 1989). Мы уже упоминали первую из названных книг. В ней рассматриваются вопросы оценки разумности и неразумности аргументации. Какие критерии следует применять к оценке аргументации и когда критику следует признать оправданной? Д. Уолтон демонстрирует в своей работе, что многие из неформальных ошибок представляют собой ценную форму критики. В некоторых случаях аргументация, обычно признаваемая аргументативной ошибкой, вполне может быть признана разумной. В книге «Правдоподобные умозаключения в повседневной беседе» («Plausible Argument in Everyday Conversation», 1992b) Д. Уолтон придерживается функционально-диалогического подхода, выделяя разные типы диалога и разные типы рассуждений. Он исследует, как используются доводы в разных типах диалога и какие аргументативные ошибки могут при этом совершаться. В книге «Место чувств в аргументации» («The Place of Emotion in Argument», 1992a) автор

доказывает тезис о том, что в убеждающем диалоге воздействие на чувства собеседника часто является приемлемым приемом убеждения. В некоторых случаях, однако, подобное обращение к чувствам собеседника некорректно и поэтому является аргументативной ошибкой. В книге «Прагматическая теория аргументативных ошибок» («A Pragmatic Theory of Fallacy», 1995) автор описывает примеры корректного и некорректного использования доводов в контексте диалога. Д. Уолтон приходит к выводу: более двадцати пяти аргументативных ошибок, известных по учебникам логики, суть различные типы разумных презумптивных аргументов (reasonable presumptive types of arguments), но использованных в неподходящей нормативной диалогической структуре, что является результатом трансформации диалога из одного типа в другой.

Некоторые из книг Уолтона посвящены анализу примеров совершения какой-то одной аргументативной ошибки. В книге «Круг в рассуждении как аргументативный прием» («Begging the Question: Circular Reasoning as a Tactic of Argumentation», 1991) с помощью своего прагматического подхода автор выстраивает концепцию круга в рассуждении как неформальной ошибки. Автор трактует рассуждение по кругу как попытку избежать бремени доказательства путем блокирования диалога, лишая тем самым оппонента возможности задать контрольные вопросы. В книге «Аргументация вида “скользящий склон”» («Slippery Slope Arguments») Д. Уолтон проводит диалектический анализ доводов вида «скользящий склон», разделяя их на четыре типа. Список книг, в которых ученый обращается к описанию конкретных видов аргументативных ошибок, включает «Доводы к незнанию» («Arguments from Ignorance», 1996b), «Аргументативные ошибки, проистекающие из многозначности» («Fallacies Arising from Ambiguity», 1996a), «Воздействие на чувство жалости — довод к жалости» («Appeal to Pity: Argumentum Ad Misericordiam», 1997), «Доводы к человеку» («Ad Hominem Arguments», 1998a), «Обращение к мнению эксперта — доводы к авторитету» («Appeal to Expert Opinion: Arguments from Authority», 1998b) и «Обращение к мнению большинства» («Appeal to Popular Opinion», 1999).

Примечания

¹ Более подробно о различиях в рамках самой стандартной трактовки аргумента к человеку см.: van Eemeren и Grootendorst, 1993. P. 54–57.

² См. в особенности: Woods and Walton, 1989. Ch. 10, 19.

³ См.: Woods, 1980; Woods and Walton, 1989. Ch. 8; Burge, 1977. P. 97–118.

Библиография

1. *Aristotle. Prior Analytics* / Transl. ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1928. (*Аристотель. Первая аналитика* // Соч.: В 4 т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978).
2. *Aristotle. Rhetoric* / Transl. ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924.
3. *Aristotle. Sophistical Refutarios* / Transl. ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1928. (*Аристотель. О софистических опровержениях* // Соч.: В 4 т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.)
4. *Aristotle. Rhetorics* / Transl. ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1924. (*Аристотель. Топика* // Соч.: В 4 т. Т. 2 / Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.)
5. *Arnauld A. The Art of Thinking (Port Royal Logic)*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1964. (Engl. transl.: *La logique, ou l'art de penser*.)
6. *Bacon F. The Advancement of Learning* / Ed. W. A. Armstrong. London: Athlone Press, 1975. (*Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук (1605)* // Соч.: В 2 т. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М., Мысль, 1977.)
7. *Barth E. M., Krabbe E. C. W. From Axiom to Dialogue*. Berlin: Walter de Gruyter, 1982.
8. *Barth E. M., Martens J. L. Argumentum ad Hominem: From Chaos to Formal Dialectic. The method of Dialogue Tableaus as a Tool in the Theory of Fallacy* // *Logique et Analyse*. 1977. N 20. P. 76–96.
9. *Beardsley M. C. Thinking Straight: Principles of Reasoning for Readers and Writers*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1950.
10. *Biro J., Siegel H. Normativity, Argumentation and an Epistemic Theory of Fallacies* // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 85–103.
11. *Black M. Critical Thinking: An Introduction to Logic and Scientific Method*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1946.
12. *Bueno A. A. Aristotle, the Fallacy of Accident, and the Nature of Predication* // *Journal of the History of Philosophy*. 1988. N 26. P. 5–24.
13. *Burge T. A Theory of Aggregates* // *Nous*. 1977. N 11. P. 97–118.
14. *Carney J. D., Scheer R. K. Fundamentals of Logic*. New York: Macmillan, 1964.
15. *Cohen M. R., Nagel E. An Introduction to Logic and Scientific Method*. London: Routledge and Kegan Paul, 1964.
16. *Copi I. M. Introduction to Logic*. New York, 1953; 4th ed. 1972.
17. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion*. Berlin: Walter de Gruyter; Dordrecht: Foris, 1984.
18. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
19. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R. The History of the Argumentum Ad Hominem since the Seventeenth Century* // *Empirical Logic and Public Debate: Essays in Honour of Else M. Barth* / Ed. E. C. W. Krabbe, R. J. Dalitz, P. A. Smit. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1993. P. 49–68.
20. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Critical Discussion*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2001.
21. *Fallacies: Classical and Contemporary Readings* / Ed. H. V. Hansen, R. C. Pinto. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1995.

22. *Fearnside W. W., Holther W. B.* Fallacy: The Counterfeit of Argument. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1959.
23. *Finocchiaro M. A.* The Concept of *Ad Hominem* Argument in Galileo and Locke // The Philosophical Forum. 1974. N 5. P. 394–404.
24. *Finocchiaro M. A.* Six Types of Fallaciousness: Toward a Realistic Theory of Logical Criticism // Argumentation. 1987. N 1. P. 263–282.
25. *Grootendorst R.* Some Fallacies about Fallacies // Argumentation: Across the Lines of Discipline. Proceedings of the Conference on Argumentation. 1986 / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Dordrecht: Foris. 1987. P. 331–342.
26. *Gutenplan S. D., Tamny M.* Logic. A Comprehensive Introduction. New York: Basic Books, 1971.
27. *Hamblin C. L.* Fallacies. London: Methuen. Photographic reprint Newport News, VA: Vale Press, 1970.
28. *Hintikka J.* The Fallacy of Fallacies // Argumentation. 1987. N 1. P. 211–238.
29. *Kahane H.* Logic and Philosophy. Belmont, CA: Wadsworth, 1969.
30. *Kahane H.* Logic and Contemporary Rhetoric: The Use of Reasoning in Everyday Life. Belmont, CA: Wadsworth, 1971.
31. *Kripke S. A.* Semantical Analysis of Intuitionistic Logic I // Formal Systems and Recursive Functions / Ed. J. N. Crossley, M. A. E. Dummett. Amsterdam: North Holland, 1965. P. 92–130.
32. *Lambert K., Ulrich W.* The Nature of Argument. New York: Macmillan; Collier-Macmillan, 1980.
33. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding / Ed., introd. J. W. Yolton. London: Dent, 1961. (*Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985.)
34. *Michalos A. C.* Improving Your Reasoning. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1970.
35. *Mill J. S.* A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation. London: Longman, 1970.
36. *Nuchelmans G.* On the Fourfold Root of the Argumentum Ad Hominem // Empirical Logic and Public Debate: Essays in Honour of Else M. Barth / Ed. E. C. W. Krabbe, R. J. Dalitz, P. A. Smit. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1993. P. 37–47.
37. *Oesterlee J. A.* Logic: The Art of Defining and Reasoning. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1952.
38. *Purtil R. L.* Logical Thinking. New York: Harper & Row, 1972.
39. *Rescher N.* Introduction to Logic. New York: St. Martin's Press, 1964.
40. *Rijk L. M. de* On the Twelfth-Century Theories of Fallacy // Logica Modernorum: A Contribution to the History of Early Terminist Logic. I. Assen: Van Gorcum, 1962.
41. *Salmon W. C.* Logic. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.
42. *Schipper E. W., Schuh E.* A First Course in Modern Logic. London: Routledge and Kegan Paul, 1960.
43. The Collected Dialogues of Plato, Including the Letters / Ed. E. Hamilton, H. Cairns. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. (Bollingen Series LXXI. Euthydemus / Transl. W. H. D. Rouse. 15th pr. 1-st pr. 1961.) (*Платон.* Эвтидем // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Пер. с др.-греч. М.: Мысль, 1990.)
44. *Walton D. N.* Logical Dialogue Games and Fallacies. Lanham, MD: University Press of America, 1984.

45. *Walton D. N.* Arguer's Position: A Pragmatic Study of Ad Hominem Attack, Criticism, Refutation, and Fallacy. Westport; London: Greenwood Press, 1985. (Contributions in Philosophy 26.)
46. *Walton D. N.* Informal Fallacies. Towards a Theory of Argument Criticisms. Pragmatics and Beyond Companion. Ser. 4. Amsterdam: John Benjamins, 1987.
47. *Walton D. N.* Informal Logic: A Handbook for Critical Argumentation. Cambridge, Cambridge University Press, 1989.
48. *Walton D. N.* Begging the Question. New York: Greenwood Press, 1992.
49. *Walton D. N.* The Place of Emotion in Argument. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992a.
50. *Walton D. N.* Plausible Argument in Everyday Conversation. Buffalo: SUNY Press, 1992b.
51. *Walton D. N.* Slippery Slope Arguments. Oxford: Oxford University Press, 1992.
52. *Walton D. N.* A Pragmatic Theory of Fallacy. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1995.
53. *Walton D. N.* Fallacies Arising from Ambiguity. Dordrecht: Kluwer, 1996a.
54. *Walton D. N.* Arguments from Ignorance. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1996b.
55. *Walton D. N.* Appeal to Pity. Argumentum Ad Misericordiam. New York: SUNY Press, 1997.
56. *Walton D. N.* Ad Hominem Arguments. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998a.
57. *Walton D. N.* Appeal to Expert Opinion: Arguments from Authority. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1998b.
58. *Walton D.* Appeal to Popular Opinion. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1999.
59. *Walton D. N., Krabbe E. C. W.* Commitment in Dialogue: Basic Concepts of Interpersonal Reasoning. New York: SUNY Press, 1995.
60. *Whately R.* Elements of Logic. A facsimile reproduction with an introduction by Ray E. McKerrow. Delmar, NY: Scholars' Facsimiles and Reprints, 1975.
61. *Woods J.* What is Informal Logic? // Informal Logic: The First International Symposium / Ed. J. A. Blair, R. H. Johnson. Point Reyes, CA: Edgepress, 1980. P. 57–68.
62. *Woods J., Walton D. N.* Argument: The Logic of the Fallacies. Toronto: McGraw Hill Ryerson, 1982.
63. *Woods J., Walton D. N.* Fallacies: Selected Papers 1972–1982. Berlin: De Gruyter; Dordrecht: Foris, 1989.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

7.1. Введение

Аргументация может присутствовать в любом типе рассуждений — от различного рода письменных текстов до речей и других видов устного общения, таких как обычная беседа, переговоры и дискуссия. Однако не все составляющие аргументацию элементы бывают полностью выражены в рассуждении. Или если они и выражены, то часто косвенным образом, поэтому их аргументативный характер сразу не очевиден. В довершение ко всему аргументативные элементы обычно замысловато переплетены с другими текстовыми структурами дискурса. И все же обычные носители языка распознают аргументацию и реагируют на нее соответствующим образом, вычлняя подразумеваемые элементы, добираясь до сути косвенно выраженных элементов и освобождая рассуждение от паутины других деталей текста. Действия по толкованию умозаключений, которые включают в себя все вышеперечисленное, приходится совершать каждому слушателю или читателю, поскольку каждое высказывание, ему адресованное, подразумевает ответную реакцию, и поэтому для того, чтобы как-то отреагировать на высказывание, слушатель или читатель должен сначала понять, что оно означает. В этой главе мы будем употреблять термины *интерпретация/толкование аргументации/умозаключений/рассуждения* (argument interpretation) для обозначения той работы, которую проделывают обычные носители языка, чтобы распознать аргументацию в дискурсе¹.

Во многих отношениях теории аргументации, которые хотят описать, объяснить и оценить аргументацию в отдельно взятом конкретном рассуждении, сталкиваются с теми же самыми проблемами, что и простые носители языка. Однако в отличие от простых носителей языка теории аргументации обладают теоретическими знаниями о том, что такое аргументация, и какие критерии оценки к ней применимы. Но как только они начинают применять теоре-

тические знания к изучению реального аргументативного дискурса, то сразу сталкиваются с трудностями. По своей природе реальное общение таково, что не укладывается строго в рамки концепций теоретической модели. С одной стороны, аргументативные элементы, которые выражены в теоретической модели, в рассуждении редко присутствуют явно. Если они все же выражены, то косвенным образом. С другой стороны, в нем есть много других элементов, помимо тех, которые указаны в теоретической модели. Сказанное означает, что теоретикам аргументации приходится *реконструировать* рассуждение согласно своим теоретическим целям и концепциям. В таком случае *реконструкция аргументации* означает определение и выделение всех тех и только тех элементов, которые обладают релевантностью в теоретической концепции исследования и отвечают целям его анализа.

Процесс понимания рассуждения простыми носителями языка изучается многими гуманитарными и социальными дисциплинами. В них применяются различные методы исследования и постулируются различные концепции в отношении использования языка в функции передачи информации и речевого взаимодействия². Наиболее значительный вклад в этот процесс вносят такие дисциплины, как анализ дискурса, анализ повседневного общения (конверсационный анализ), лингвистика и психолингвистика. Ясно, что аргументация как таковая не является основным объектом исследования названных областей. И все же существует немало исследований, посвященных проблемам, решение которых приближает нас к достижению ясного представления о том, как обычные носители языка понимают и интерпретируют аргументативный дискурс. В 7.2 будет дан обзор исследований, так или иначе имеющих отношение к проблеме толкования аргументации.

Занимаясь анализом теоретических исследований по аргументации, нетрудно заметить, что реконструкция аргументации как самостоятельная тема исследований редко получает достаточное внимание. За исключением книги Ф. ван Еемерена, Р. Гроотендорста, С. Джексона и С. Джейкобса (van Eemeren, Grootendorst, Jackson and Jacobs, 1993), не было ни одной монографии по этому вопросу. Обычно в научной литературе исследуются такие частные вопросы, как реконструкция невыраженных посылок или структура аргументации. Как ясно продемонстрировал Уэйн Брокрид (Brockriede, 1985) (назовем лишь один классический источник), любой элемент в любом рассуждении может стать объектом анализа, однако методы анализа зависят от того, в рамках какой концепции проводится исследование и на чем хочет сфокусировать свое внимание исследователь. Сказанное

означает, что реконструкцию аргументации нельзя отделить от теоретических целей исследования, теоретической направленности и теоретического аппарата, применяемого при анализе рассуждения. Реконструкция всегда предполагает определенный угол зрения. В 7.3 дается обзор взглядов на цели реконструкции умозаключений, господствующих в различных теориях аргументации, а также описывается теоретический аппарат, применяемый для этих целей.

7.2. Интерпретация аргументации

В начале этого раздела дается обзор некоторых общих характеристик организации дискурса, на которые ориентируются простые носители языка при интерпретации аргументации (7.2.1). Затем мы перейдем к описанию результатов исследований, посвященных анализу характеристик аргументативного дискурса, важных для вопросов толкования умозаключений, как-то: расположению умозаключений и языковым средствам, которые для обычных носителей языка служат показателями аргументативных структур (7.2.2). И, наконец, мы обсудим исследования, посвященные анализу рассуждений, которые используют в повседневной жизни обычные носители языка при интерпретации аргументации (7.2.3).

7.2.1. Общие характеристики организации рассуждения

При интерпретации рассуждения обычные носители языка руководствуются знаниями, полученными из разных источников. Прежде всего это знания о типе речевого события или о языковой деятельности, в которую включено рассуждение, а также знания об общепринятых структурах и стратегиях дискурса.

Языковая деятельность

Д. Хаймс (Hymes, 1972) ввел термин *речевое событие* (speech event) для обозначения социокультурных видов речевого взаимодействия, которые являются частью речевой деятельности членов рече-

вого сообщества. Каждое речевое событие состоит из особого присущего ему набора характеристик. Например, допустим, члены речевого сообщества выделяют в качестве особого речевого события лекцию. У них будут определенные ожидания относительно этого специфического речевого события. Они будут ожидать, что лекция состоится в определенном месте — лекционном зале, что в лекции примет участие определенное число говорящих и слушающих, т. е. один говорящий и несколько слушающих, причем эти позиции распределяются в соответствии с особыми ролями, которые участники выполняют в событии; они станут ожидать, что лекция будет выполнять определенные, присущие ей функции; у них появятся свои особые цели, определенные ожидания относительно темы лекции, типов речевых актов, их общего расположения или порядка следования, а также относительно стиля; они будут ожидать, что существует определенный набор правил, которые будут регламентировать, что конкретно кто должен делать и в какой момент. Все эти ожидания формируют то, как члены речевого сообщества интерпретируют поведение, как речевое, так и неречевое, участников этого речевого события.

С. Левинсон (Levinson, 1979) более подробно рассматривает взаимоотношения между речевыми событиями, которые он называет *типами деятельности* (activity types), и речевыми и неречевыми действиями, которые совершают участники, и интерпретацией этих действий. Он соглашается с тем, что типы деятельности, которые он определяет как имеющие определенную цель (goal-defined), социально-организованные (socially constituted), ограниченные (bounded) события, характеризующиеся ограничениями, накладываемыми на участников, окружающую обстановку и т. д., строго регулируют, какие действия допускаются, а какие не допускаются. Это касается и способов интерпретации этих действий. Согласно С. Левинсону, цель, являющаяся неотъемлемой составляющей каждого типа деятельности, определяет части, которые составляют деятельность как целое, последовательности речевых актов, образующих каждую подчасть, а также функциональную адекватность каждого действия. Структуру той или иной деятельности можно рассматривать как результат рациональной организации этой деятельности вокруг главной цели.

С этой точки зрения структурные свойства деятельности накладывают ограничения на функции речевых действий, так же как и на интерпретацию этих действий³. Фраза «Сейчас 5 минут первого», произнесенная лектором в начале лекции, может служить объявле-

нием о начале данной деятельности и может быть адекватно интерпретирована. В том же духе С. Левинсон показывает, как в контексте судебных слушаний, а конкретно в контексте перекрестного допроса вопросы обвинителя и адвоката служат для получения от свидетеля ответов, из которых складывается аргументация для присяжных заседателей, и именно таким образом эти вопросы интерпретируются участниками судебного заседания.

Рациональная организация дискурса

Рациональная, целенаправленная организация рассуждения была разработана и описана С. Джейкобсом и С. Джексоном (Jacobs and Jackson, 1983)⁴. Они показали, что смысловую ясность дискурса можно объяснить на основании системы рациональных принципов речевого сотрудничества, которая лежит в основе дискурса. С их точки зрения, использование языка — это *целенаправленная* деятельность (goal-oriented activity), участники которой пытаются достичь своих целей посредством вербальных средств, традиционно ассоциирующихся с этими целями, а именно посредством *речевых актов* (speech acts). При этом они взаимно подстраиваются под действия друг друга⁵. Для толкования высказываний это означает, что в свете некоторой совместно преследуемой, социально-детерминированной цели, достичь которой стремится говорящий в своем высказывании, каждое высказывание интерпретируется как особый речевой акт, направленный на изменение тех или иных убеждений, представлений и/или желаний слушающего, в котором имплицитно заложены те или иные последствия, или устанавливающий более конкретные задачи для достижения глобальной цели⁶.

С. Джейкобс и С. Джексон (Jacobs and Jackson, 1983) наряду с другими исследователями (например, van Eemeren and Grootendorst, 1984; van Rees, 1992a; 1992c) в качестве теоретической модели дальнейшего более детального объяснения толкования речевых актов применяют условия успешности (felicity conditions) выполнения речевого акта, описанные Дж. Серлем (Searle, 1969; 1975), а также принцип кооперации Х. Грайса (Grice's Cooperative Principle) (Grice, 1975). С их точки зрения, участники разговора (впрочем, так же как и участники любых других форм речевой коммуникации как устной, так и письменной), за исключением очевидных ситуаций, предполагают, что говорящий не будет совершать бессмысленных, излишних или неискренних речевых актов. Поэтому, когда слушающий считает, что го-

говорящий знает (и знает, что слушающий знает, что он это знает), что предварительные условия (*preparatory conditions*) или условия искренности (*sincerity conditions*) для конкретного речевого акта не выполнены, он будет предполагать, что говорящий совершил другой речевой акт. Например, для вопроса условия искренности состоят в том, что говорящий хочет, чтобы слушающий сообщил ему определенную информацию; предварительные условия состоят в том, что сам говорящий этой информацией не владеет, но полагает, что ею владеет слушающий⁷. Было бы неискренне спрашивать кого-либо о том, чего сам знать не хочешь, и бессмысленно спрашивать то, о чем сам знаешь, или, если уверен в том, что слушающий этого не знает. Так, если говорящий произносит:

(1) Три часа, правильно?

слушающий может интерпретировать высказывание как вопрос о времени начала собрания, полагая, что спрашивающий, возможно, не вполне уверен, когда начинается собрание, и хочет получить точную информацию об этом, при этом он также думает, что спрашивающий считает, что у него (слушающего) есть доступ к этой информации. Если же, наоборот, слушающий убежден, что спрашивающий уже знает, во сколько начинается собрание, и не нуждается в этой информации, он может интерпретировать высказывание как попытку *напомнить* ему о времени начала собрания.

Условия успешности также играют важную роль в объяснении процесса интерпретации косвенных речевых актов (*indirect speech acts*). При косвенном способе совершения речевого акта буквальная сила высказывания, выделяемая исходя из его синтаксических и семантических характеристик, отличается от силы, которую в действительности получает высказывание. Приведем пример, иллюстрирующий сказанное:

(2) Не могли бы вы впредь не звонить так поздно?

Высказывание обладает буквальной силой вопроса, касающегося готовности слушающего не звонить поздно, тогда как в действительности высказывание обладает силой просьбы воздержаться от поздних звонков. При совершении косвенного речевого акта говорящий буквально спрашивает, выполнено ли одно из условий успешности для этого речевого акта, или предполагает, что оно выполнено. В приведенном примере просьба осуществляется путем выяснения, выполнено ли одно из подготовительных условий для речевого акта

просьбы, а именно условие о готовности со стороны слушающего согласиться с просьбой. Носители языка знают эти закономерности, и у них не возникает никаких трудностей при интерпретации косвенных речевых актов⁸.

Еще одним аспектом рационального целенаправленного характера организации дискурса является использование говорящими *стратегических средств* (strategic devices). Одной из важных целей участников речевого взаимодействия является сохранение как своего социального лица (social face), так и социального лица собеседника (Goffman, 1955). Для достижения этой цели при совершении речевых актов они прибегают к различным стратегиям, позволяющим «сохранить лицо» (face-saving strategies) (Brown and Levinson, 1987). Одной из таких стратегий является смягчение речевого акта, угрожающего «потерей лица», путем совершения его косвенным способом. Еще одна стратегия состоит в том, чтобы начинать речевые акты подготовительными ходами, в которых исследуется выполнение условий успешности этих речевых актов (Levinson, 1983). Носители языка применяют свои знания о стратегическом использовании языка при интерпретации речевых актов. Это знание помогает им делать заключение о том, какой речевой акт совершается говорящим косвенно или имплицитно, и прогнозировать последующие речевые акты.

Такое понимание дискурса как рациональной, целенаправленной и стратегической деятельности можно применить при объяснении процесса интерпретации аргументативного дискурса, особенно интерпретации высказывания как составной части аргументации. Согласно разработанной выше концепции использования языка, аргументация рассматривается как функциональная категория — речевой акт, имеющий определенную цель — разрешение разногласий (van Eemeren, Grootendorst, Meuffels, 1984; Jacobs, Jackson, 1981). Это подразумевает, что в контексте разногласий аргументация является релевантным и предсказуемым речевым актом. В этом контексте любое высказывание, поддающееся истолкованию как суждение, может быть интерпретировано подобным образом. Более того, аргументация рассматривается с той точки зрения, что она обеспечивает корректность речевого акта, последнее зависит от выполнения условий его успешности. По этой причине от аргументации ожидается, что она будет способствовать удовлетворению тех же самых условий успешности. Так, если какое-то высказывание в споре относится к вопросам, которые предполагают выполнение условий успешности для речевого акта, нуждающегося в поддержке, это высказывание

7. М. Анъес ван Реес. Интерпретация и реконструкция аргументации может быть интерпретировано как аргумент для этого речевого акта⁹. Например, в высказывании

(3) Раз уж вы все равно там стоите, не могли бы вы закрыть дверь?

(косвенная) просьба закрыть дверь предваряется предложением, где указывается на подготовительное условие для речевого акта просьбы, состоящее в том, что говорящий предполагает: слушающий находится в таком положении, в котором он может выполнить просьбу. «Раз уж вы все равно там стоите» может быть интерпретировано как аргумент в пользу корректности просьбы говорящего.

7.2.2. Характеристики аргументативного дискурса

Исследование того, как «создается» аргументативный дискурс в каждомдневном общении, может помочь понять, как он интерпретируется. При интерпретации аргументативного дискурса носители языка могут также руководствоваться знанием *моделей* (patterns), по которым развивается дискурс, а также знанием используемых *языковых средств* (linguistic devices).

Моделирование спора

Д. Коултер (Coulter, 1990) описывает элементарную модель, по которой развивается спор между двумя собеседниками¹⁰. Основу спора составляет двухчленная последовательность (two-part sequence): за декларативным утверждением первого собеседника S_1 следует контрутверждение собеседника S_2 . Эту модель можно расширить до четырехчастной: 1) декларативное утверждение S_1 ; 2) выражение несогласия со стороны S_2 ; 3) высказывание S_1 , представляющее собой запрос объяснения от S_2 ; 4) контрутверждение S_2 ¹¹. Например:

- (4) 1 S_1 : Да, у него были все возможности, и он их не использовал.
2 S_2 : Это не совсем верно.
3 S_1 : Да? Почему нет?
4 S_2 : Во-первых, его вряд ли можно обвинить в болезни жены, а ведь именно тогда все и пошло наперекосяк.

После контрутверждения второго собеседника первый собеседник может либо отступить, либо повторно произвести свое утверж-

дение. Явно выраженное признание поражения сигнализирует о завершении аргументативной последовательности.

П. Мунтигл и У. Тернбулл (Muntigl and Turnbull, 1998) согласны с тем, что аргументативная последовательность в повседневном общении содержит как минимум три реплики: в реплике T_1 говорящий S_1 делает утверждение, в реплике T_2 говорящий S_2 ставит правильность этого утверждения под сомнение, и, наконец, в реплике T_3 говорящий S_1 не соглашается с T_2 , либо выдвигая доводы в поддержку утверждения, сделанного в реплике T_1 , либо напрямую оспаривая несогласие с его позицией, содержащееся в реплике T_2 . В зависимости от структурных характеристик и прагматической функции аргументативных действий авторы выделяют четыре типа несогласия, которые возможны в реплике T_2 :

— Претензии, касающиеся нерелевантности (irrelevancy claims), в которых S_2 утверждает, что предыдущее утверждение не имеет отношения к ведущейся дискуссии. Такие утверждения обычно либо следуют непосредственно за репликой T_1 , либо частично с ней совпадают.

— Обвинения (challenges) в голословности, в которых S_2 подразумевает, что у S_1 нет доказательств для своего утверждения, и требует их предоставить. Обвинения в голословности часто предваряются маркерами несогласия и обычно выражены специальными вопросами, начинающимися словами «почему», «когда», «кто».

— Противоречащие утверждения (contradictions), где S_2 высказывает пропозицию, отрицающую ту, которая была выражена в предыдущем утверждении¹².

— Контр-утверждения (counter-claims), где S_2 делает альтернативное утверждение, которое и явно не противоречит утверждению S_1 , и не содержит обвинения S_1 в голословности, тем самым позволяя сторонам и дальше вести обсуждение утверждения S_1 . Контр-утверждения обычно предваряются паузами, предисловиями и языковыми средствами смягчения категоричности высказывания.

Показывая наличие закономерностей в последовательном распределении актов, которые составляют аргументативный обмен репликами, авторы демонстрируют, что эти категории также служат ориентирами и для самих участников спора. Они объясняют такое распределение реплик тем, что различным типам реакций присущи различные степени угрозы «потери лица». Степень угрозы «потери лица» второй реплики определяет ориентацию третьей реплики. Чем больший вред для социального лица несет в себе вторая реплика T_2 , тем вероятнее S_1 будет пытаться восстановить свое реноме. За второй репликой с низкой степенью угрозы следует третья реплика с такой же низкой степенью угрозы.

С. Вучинич (Vuchinich, 1990) описывает модели, посредством которых участники могут завершить спор. Проблема завершения речевого конфликта заключается в том, как сделать так, чтобы достичь момента в споре, в котором оппонирующая реплика одного говорящего не вызвала бы ответной оппонирующей реплики второго говорящего. Для закрытия речевого конфликта участники прибегают к заключительному обмену репликами. Этот обмен репликами делится на два основных типа, которые имеют в своей основе двучастную структуру и которые способны немедленно прервать речевой конфликт. Первый тип состоит из оппонирующей реплики, за которой следует выражение согласия (подлинное согласие, либо подчинение). Выражение согласия означает признание критики убедительной и сигнализирует о капитуляции. Другой тип завершающего обмена репликами состоит из предложения сделать уступку, за которой следует принятие данного предложения. Этот тип завершающего обмена репликами может быть расширен и включает множество предложений уступить. Такая последовательность демонстрирует согласие принять условия, определяемые уступкой. Участники могут также завершить речевой конфликт, избегая второй реплики в завершающем обмене. В таких случаях произносятся дальнейшие оппонирующие реплики, и ни один участник не сдается до тех пор, пока не происходит смена темы спора (уход от дискуссии), или противники не откажутся от дальнейшего участия в споре (выход из спора).

Языковые средства

Д. Шиффрин (Schiffrin, 1985) исследует различные языковые средства, посредством которых в обычном рассуждении выражается отстаиваемое мнение. Структурным показателем того, что мы имеем дело с мнением, является занимаемое им положение. Мнение может занимать пограничное положение в начале и в конце расширенной реплики и внутреннее положение между двумя доводами в поддержку выраженного мнения. На выраженное мнение как на завершающее обобщение могут указывать следующие речевые показатели: неопределенные местоимения, глаголы состояния и форма настоящего времени глагола. Более того, определить высказанное мнение помогают союзы: соединительные союзы часто вводят мнение, подчинительные союзы — поддержку выраженного мнения. И, наконец, одна из важных характеристик выраженного мнения — спорность — ча-

сто маркируется определенными средствами, которые усиливают или акцентируют внимание на содержании разговора.

С. Вучинич (Vuchinich, 1990) упоминает различные языковые, неязыковые и кинетические средства (*kinesic devices*), которые могут быть использованы для выражения противоположного мнения. Показателями, указывающими на оппозиционный характер реплики и на степень заложенного в ней заряда, являются повышение громкости голоса, быстрый темп речи, контрастное ударение и нарочитое интонационное оформление высказываний. Во время речевого конфликта обмен репликами приобретает более состязательный характер. Участники часто перебивают друг друга или начинают говорить, не дав собеседнику закончить свою реплику.

А. Померанц (Pomerantz, 1995) показывает, что противоположное мнение обычно принимает маркированную форму выражения несогласия: несогласие может выражаться в отсроченной форме (например, предваряться паузой или вводными этикетными репликами, частицами, выражающими сомнение, колебание, а также выражениями, заполняющими паузы), может вводиться символическим согласием, смягчаться, облекаться в менее категоричную форму или выражаться косвенно. Одним из способов косвенного выражения несогласия, как показывает А. Цуй (Tsui, 1991), является использование фразы «я не знаю» вторым говорящим после оценки, сделанной первым говорящим. Если эта фраза формирует целую реплику, она функционирует как сильное несогласие; если же она употребляется ближе к концу реплики и предваряется символическим согласием, выражением колебания и неуверенности, междометиями и т. п., она становится слабым несогласием. Прагматической мотивацией, которая стоит за произнесением этой фразы, часто является беспокойство по поводу «сохранения» своего лица или лица собеседника. Предваряя свое утверждение признанием недостатка знаний о предмете обсуждения, говорящий сигнализирует о том, что он не уверен в истинности выражаемого суждения, тем самым оставляя для себя возможность отказаться от исходной позиции в случае критики.

Д. Шиффрин (Schiffrin, 1987) описывает прагматические и интеракционные функции соединительных слов, которые встречаются в аргументативном дискурсе. Она рассматривает, какую позицию они занимают в дискурсе, какие элементы они связывают, и, исходя из этого, выводит их прагматические и интеракционные функции в качестве маркеров рассуждения. Вот как она, например, описывает союз «и». «И» соединяет идейные блоки, устанавливая внутренние связи в структуре того или иного действия, такие как пред-

ставление мнения или доводов в поддержку выраженного мнения. Союз «и» сигнализирует об идентификации говорящим последующего структурно связанного с предыдущим блока. К тому же «и» сигнализирует о том, что говорящий определяет то, о чем говорится, как продолжение предшествующего высказывания¹³.

Союз «но» Д. Шиффрин описывает как показатель того, что говорящий определяет последующий блок как противопоставляющее действие (*contrasting action*). С помощью этого маркера говорящий может сигнализировать о своем стремлении вернуться к выполнению предыдущего обещания после разделяющего их текста. В таком случае союз «но» указывает на контраст между содержанием данного высказывания и содержанием той части разделяющего их отрывка текста, который непосредственно ему предшествует. Одновременно «но» указывает на то, что говорящий собирается повторить более ранний текст, непосредственно не связанный с данным высказыванием. Таким образом, «но» становится «средством высказывания точки зрения», которое указывает на приверженность говорящего тому или иному утверждению в следующих случаях: после того как его прервали, когда он высказывал свою точку зрения; когда он был неправильно понят; когда его обвинили в голословности или когда говорящий ставит под сомнение точку зрения собеседника.

«Поэтому» служит маркером блоков основной идеи, которые представлены как вытекающие из чего-то, тогда как «потому что» служит маркером блоков подчиненной идеи, которые представлены как причина чего-то. Причинно-следственные отношения можно обнаружить в различных сферах: основанные на факте (причина — следствие), основанные на знаниях (основание — вывод), основанные на действии (мотив — действие, осуществляемом посредством произнесения, например, требования)¹⁴. В дополнение к этому «поэтому» маркирует переходы, такие как окончание реплики, конец блока и/или завершение темы.

Французским лингвистам Ж.-К. Анскомбру и О. Дюкро принадлежат объемные исследования языковых показателей аргументативных отношений в естественном рассуждении (Ducrot, 1980; 1984; Anscombre and Ducrot, 1983; 1989)¹⁵. На начальном этапе исследования они рассматривали соединительные слова (*connectives*), которые эксплицитно сигнализируют об аргументации посредством языкового представления причинных связей между фактами. Это такие слова, как «поэтому», «следовательно» и т. д. Но основная цель их подхода, как она была разработана впоследствии, гораздо шире. Она

затрагивает множество разнообразных языковых средств, которые могут служить для выражения аргументативности, являющейся неотъемлемым свойством любого использования языка¹⁵.

Идея о том, что аргументативность является неотъемлемой чертой использования языка, базируется на двух принципах. Прежде всего все высказывания потенциально указывают на определенные классы заключений, что обозначается термином *аргументативная ориентация* (argumentative orientation). Например, если какой-то предмет определяется как дешевый, то это может указывать на вывод о том, что он не очень хорошего качества, или в другом отношении, на заключение о том, что он будет выгодной покупкой. Замечание о том, что у человека много работы, может указывать на то, что человек очень устает или он достиг хороших результатов в своем труде. Это происходит потому, что предикат каждого из произнесенных предложений не явно ссылается на определенный топос — обобщение, которое принадлежит культурному фону всех членов данного языкового сообщества. В этом культурном фоне градация одних свойств соотносится с градацией других свойств. Во-вторых, каждое высказывание является частью подразумеваемого диалога, обозначаемого термином *полифония* (polyphony), который означает, что в диалоге могут быть представлены различные точки зрения, но только некоторые из них говорящий берется защищать.

Соединительные слова и другие языковые средства играют роль указателей направленности аргументации и сигнализируют, какой точки зрения придерживается или не придерживается говорящий. Например, в следующем утверждении:

(5) Существуют небольшие шансы, что они добьются успеха

говорящий придерживается (умеренно) положительной точки зрения относительно их шансов на успех, тогда как в примере:

(6) Существует мало шансов, что они добьются успеха

говорящий придерживается отрицательной точки зрения относительно их шансов. Кроме того, различные формулировки высказываний активизируют различные направления приложения топоса, на который имплицитно ссылается предикат. Первое высказывание активизирует прямое приложение топоса: «чем больше шансов на успех, тем большей поддержки заслуживает начинание». Второе высказывание активизирует обратное приложение топоса: «чем меньше шансов на успех, тем меньшей поддержки заслуживает начинание».

Еще одним примером сигнализирующей роли языковых средств может служить использование союза «но», как, например, в утверждении:

(7) Это ресторан дорогой, но хороший.

С точки зрения Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро, в контексте обсуждения, идти или не идти в конкретный ресторан, «но» является индикатором того, что существует два противоположных по содержанию заключения, основанные на двух различных топосах, присущих предикатам «дорогой» и «хороший». Это такие топосы: чем дороже ресторан, тем менее разумным является решение пойти туда, и чем лучше ресторан, тем более разумным является решение пойти туда. Более того, присутствие «но» указывает на то, что говорящий хочет взять на себя обязательство защищать второе заключение, дистанцируясь от первого.

Лингвистический по своей природе труд Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро заложил фундамент для исследований, целью которых является достижение более полного понимания процесса толкования аргументации. А. Снук Хенкеманс (Snoek Henkemans, 1995a), например, считает, что из проведенного Ж.-К. Анскомбром и О. Дюкро анализа слов «даже» и «между прочим» можно заключить, что эти слова могут служить индикаторами структуры аргументации в сложной аргументации. «Даже» указывает на совокупную или добавочную сочинительную аргументацию, «между прочим» указывает на множественную аргументацию.

7.2.3. Когнитивные процессы

То, что текстовые указатели действительно могут помочь носителям языка при интерпретации аргументативного дискурса, продемонстрировано в экспериментальном исследовании, посвященном изучению того, всегда ли носители языка понимают, что имеют дело с аргументацией. Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст и Б. Меффельс (van Eemeren, Grootendorst and Meuffels, 1984; 1985; 1989) обнаружили, что речевые показатели аргументации, такие как «потому что», а также показатели, понимаемые «в широком смысле», такие как «благодаря тому, что» и «на основании...», значительно облегчают процесс распознавания аргументативных элементов. Если подобные индикаторы отсутствуют, то наличие маркеров точки зрения, таких как «я придерживаюсь мнения, что», также облегчает процесс распо-

знавания аргументации, сопровождающей точку зрения. Юнгслагер (Jungslager, 1994) показывает, что это явление представляет собой результат стратегии обработки текста сверху — вниз, когда появление в дискурсе точки зрения вызывает ожидание того, что последует аргументация. Ее данные также подтверждают результаты, полученные Ф. ван Еемереном, Р. Гроотендорстом и Б. Меффельсом (van Eemeren, Grootendorst and Meuffels, 1985), что построение рассуждения в направлении «точка зрения — довод» облегчает распознавание доводов по сравнению с построением «довод — точка зрения». Что касается распознавания косвенной аргументации, то было обнаружено, что наличие определенного контекста, который не допускает буквальной (неаргументативной) интерпретации, значительно облегчает процесс распознавания аргументации.

Ф. Джонсон-Лэрд (Johnson-Laird, 1983; 1993) изучает процессы *рассуждения*, производимые обычными носителями языка. Он обнаружил, что человеческое рассуждение протекает не посредством истолкования предложений на основании формальных правил синтаксиса. Скорее посылки служат для носителей языка отправной точкой для возведения мыслительной модели (mental model) воспринятой информации, соответствующей структуре ситуации. В процессе вывода семантическая информация, содержащаяся в посылках, удерживается в памяти и наиболее экономичным образом комбинируется с существующими представлениями, убеждениями и знаниями, результатом чего становится заключение, в котором запечатлены идеи, не выраженные явно в посылках. Семантическая информация удерживается в памяти, поскольку речевое оформление информации в посылках является очень важным для ее представления в мыслительной модели. Проблемы же возникают потому, что применяется лишь минимальное количество моделей, использующих высказанные посылки. Подразумеваемые же, альтернативные модели, которые отражают варианты, не выраженные явно, не получают выражения. Это означает, что рассуждающие, которые сталкиваются с предложением «Если она бежала за поездом, это значит, что она пыталась его догнать», сначала не думают об альтернативной ситуации с ложным антецедентом. В таком случае ошибками в рассуждении можно признать заключения, которые соответствуют только некоторым из возможных моделей посылок. Обычно носители языка используют лишь одну модель, в которой они задействуют высказанные посылки, поскольку человеческий мозг работает исходя из принципа минимализма и экономичности. Основным фактором в построении мыслительной модели является обладание нужными знаниями. Именно

эти знания позволяют создать альтернативные модели ситуации. Модели создаются под влиянием знания всех возможных обстоятельств.

Теория мыслительных моделей экспериментально подтверждается во всех основных областях дедуктивного рассуждения: в пропозициональной логике (*propositional reasoning*), логике отношений (*relational reasoning*) и в логике предикатов (*quantified reasoning*). Ее также можно применить к индуктивному рассуждению. Ф. Джонсон-Лэрд описывает индукцию как поиск модели, которая согласуется с наблюдением и фоновыми знаниями. В индуктивном рассуждении, как в описательном, так и в объяснительном, которое также носит название абдукции (*abduction*), носители языка исходят из ряда суждений, утверждений или чувственных наблюдений и затем строят гипотезу, которая, выходя за пределы первоначальной информации, позволяет лучше описать или понять информацию, содержащуюся в посылках относительно основных фоновых знаний. Индуктивные рассуждения ограничены по ряду параметров: в них принимаются в расчет *имеющиеся* знания, они формулируют *наиболее конкретные* обобщения, согласующиеся с данными и фоновыми знаниями, и они строят наиболее простую гипотезу, согласующуюся с имеющейся информацией¹⁷. В индуктивном рассуждении, так же как и дедуктивном, люди концентрируются на той информации, которая выражена явно, и поэтому редко учитывают неочевидную информацию, которая бы согласовывалась с их индуктивными гипотезами. Они игнорируют примеры обратного и наталкиваются на них, только когда последние возникают в процессе исследования альтернативных гипотез. В индуктивном рассуждении такое же огромное значение, как и в дедуктивном, имеет то, как очерчена проблема. И, наконец, знание играет ту же самую роль, что и в дедуктивном рассуждении; оно склоняет весь процесс рассуждения к более вероятному заключению и позволяет конструировать альтернативные модели ситуации.

Данные Ф. Джонсон-Лэрда совпадают с данными Л. Ноордмана (Noordman, 1979), который также замечает, что логическое рассуждение полностью зависит от того, как сформулирована проблема, и от тех языковых средств, которые при этом используются. В своем исследовании психологического осмысления условных предложений Ноордман обнаружил, что условные союзы интерпретируются главным образом как средства выражения отношения эквивалентности¹⁸. Объясняя эти результаты, Л. Ноордман ссылается на принцип количества Грайса: твое высказывание должно быть настолько информативным, насколько требуется. Говорящий должен предо-

ставить всю информацию, имеющую отношение к предмету обсуждения. Соответственно произносящий условное предложение действует в духе сотрудничества, только если необходимые условия, которые он не упоминает, не имеют отношения к делу или удовлетворены¹⁹.

Л. Ноордман обнаружил, что между некоторыми союзами существуют определенные различия. Кроме того, он показал, что существуют различия в коммуникативной природе условных предложений, а именно: различие между предложениями, выражающими отношение условие-последствия, и предложениями, выражающими отношение следования. Говорящие чувствуют, что условные предложения отличаются друг от друга в зависимости от того, находится ли когнитивная «причина» или условие в антецедентной части предложения или в консеквентной. Если когнитивное условие находится в антецедентной части, предложение выражает отношения условие-следствие, в котором условие является «темой», или «известной» информацией, а следствие — «комментарием», или «новой» информацией. Сказанное можно продемонстрировать на следующем предложении:

(8) Если Джон не оплатил экзамен, то он не получил водительское удостоверение.

Если условие находится в консеквентной части, то предложение выражает отношение следования, в котором когнитивное следствие в первой части предложения является темой, а условие — комментарием. Как, например, в следующем предложении:

(9) Если Джон получил водительское удостоверение, то он оплатил экзамен.

Последний тип предложений оказывается значительно более трудным для анализа.

7.3. Реконструкция аргументации

Любой отрывок рассуждения можно реконструировать множеством способов в зависимости от теоретических интересов исследователя и используемого концептуального аппарата. В этой части будут детально рассмотрены концепции реконструкции аргумен-

тации, используемые учеными различных теоретических школ: логическая концепция (7.3.1), неформально-логическая концепция (7.3.2), риторическая концепция (7.3.3) и прагма-диалектическая концепция (7.3.4).

7.3.1. Логика

Логики занимаются определением формальной структуры рассуждения, лежащей в основе умозаключения. Их целью при этом обычно является оценка правильности рассуждения, а иногда просто объяснение сложных форм рассуждения. Они реконструируют аргументацию как сочетание посылок и выводов, используя в процессе реконструкции тот или иной тип формальной системы или логики (например, пропозициональную, модальную, деонтическую логику) и тот или иной тип критерия логической правильности. Примеры логической реконструкции аргументации можно найти в учебниках по логике, таких как учебники И. Копи и К. Коэна (Copi and Cohen, 1990), Кахейна (Kahane, 1976) и Н. Решера (Rescher, 1975).

В живом аргументативном дискурсе редко можно непосредственно увидеть его формальную структуру, на которой строится аргументация и от которой зависит правильность рассуждения. Необходимо реконструировать как логическую форму составляющих рассуждение суждений, так и логическую форму всего рассуждения. Г. Нухельманс (Nuchelmans, цит. по: van Eemeren et al., 1996) анализирует этот процесс логической реконструкции как процесс, охватывающий ряд стадий по абстрагированию от конкретных формулировок суждений (abstraction steps).

Во-первых, мы абстрагируемся от того, что рассматриваемое умозаключение сделано конкретным человеком, в конкретной ситуации, в конкретном контексте, в конкретном месте и в конкретное время. Результатом этого абстрагирования является список суждений, составляющих посылки и заключения. На этой стадии, наряду с другими действиями, следует провести толкование индексов (indexical interpretation), устранить имеющуюся в высказываниях многозначность (disambiguation) и реконструировать подразумеваемые элементы (explicitation of implicit elements).

Во-вторых, мы игнорируем формулировки реальной аргументации. Суждения, выделенные на первой стадии, облачаются в форму стандартных формулировок, применяемых в используемой логике, будь то пропозициональная логика, логика силлогизмов, логика пре-

дикатов или какая-либо другая логика. На этой стадии производится замена исходных формулировок.

В-третьих, мы отделяем элементы, имеющие важность для логического анализа, от элементов содержания (content elements). Содержательные элементы записываются в сокращенном виде. На этом этапе также требуется реконструкция, определяемая применяемой логической системой. Аргументация, в которой лежащее в основе рассуждение зависит от принадлежности терминов к классам, реконструируется в терминах логики силлогизмов, где логические элементы (logical particles) состоят из кванторных выражений (quantifying expressions), таких как «все» или «некоторые», а также отрицаний и связок, регулирующих элементы содержания, состоящего из общих терминов (general terms). Аргументация, в которой лежащее в основе рассуждение зависит от операций над целыми суждениями, реконструируется в терминах пропозициональной логики, где соответствующие логические элементы состоят из пропозициональных операторов (propositional operators) «не», «и», «или», «если... то», «если и только если», применяющихся к элементам содержания, состоящего из суждений.

И, наконец, логически релевантные элементы заменяются формализованными логическими константами, которые в своей логической системе имеют точное значение. На этом этапе фактически употребляемые термины также должны быть истолкованы и заменены терминами, имеющими иногда отличное, но всегда более точное, чем исходное, значение. Например, в английском языке союз «или» обычно имеет исключаяющее значение, тогда как оператор $\vee$ пропозициональной логики обладает включающим значением; английское «если... то» обычно гораздо более относится к содержанию, чем «материальная импликация» (material implication), и, более того, часто может заменяться на «если и только если... то» и наоборот (см. 7.2.3).

Как можно заключить из вышеизложенного, реконструкция в огромной степени зависит от используемой логической системы и от концепции логической правильности, которая применяется при оценке умозаключений. Но вне зависимости от того, какая логическая система применяется при реконструкции, существует значительный разрыв между логикой живого рассуждения и логикой формального языка. Сравнительно недавно в логике возникло направление, целью которого является создание «более сильных», немонотонных логик, способных лучше объяснить эти характеристики естественного языка (van Benthem, 1996). И все же применение этих более сильных логик требует тех же самых стадий рекон-

струкции. И необходимость объяснения каждой из них остается столь же важной.

К сожалению, в научной литературе игнорируются многие проблемы, которые возникают на разных стадиях приведения реального рассуждения к его логической модели. Более того, то, что мы видим в большинстве работ, вообще нельзя назвать реконструкцией реальной аргументации. В учебниках по логике мы обычно находим вымышленные примеры, состоящие не более чем из нескольких предложений, а анализ отрывков рассуждений, взятых из реальной жизни, рассматривается редко. Это означает, что не уделяется внимание интерпретации рассуждения как *аргументации*. И в довершение всего не дается никаких разъяснений, почему исследователь решил проводить именно такой, а не иной вид анализа. Приводятся какие-то примеры, а логический анализ, который за ними следует, предлагается как нечто самоочевидное.

7.3.2. Неформальная логика

Среди неформальных логиков господствуют различные мнения относительно целей реконструкции аргументативного дискурса. Интересы некоторых ученых направлены на выяснение истинности заключения, другие стремятся выяснить, достаточным ли является обоснование заключения на основании доводов аргументатора, третьи — что имел в виду аргументатор (Adler, 1982; Berg, 1992; Govier, 1987). И все же большинство неформальных логиков реконструируют рассуждение таким образом, чтобы определить, в какой степени и каким образом посылки и форма аргументации обосновывают заключение²⁰. Так же как в формальной логике, в неформальной, которая, кстати, возникла как результат неудовлетворенности ученых формальной логикой, целью реконструкции является отделение посылок и вывода от формы рассуждения, лежащей в основе аргументации. Но существует, по крайней мере, два существенных различия во взглядах неформальных и критикуемых ими формальных логиков на то, как следует проводить реконструкцию аргументации.

Во-первых, для неформальных логиков дедуктивная правильность более не является высшим или единственным критерием оценки умозаключения. Одним из важных вопросов в неформальной логике как раз и является вопрос о критериях правильности, которые должны применяться. Большинство неформальных логиков полагают, что некоторые аргументы могут быть оценены в терминах дедуктивной

правильности, тогда как к другим нужно применять другие критерии оценки. Вопрос выработки критериев оценки имеет большое значение для реконструкции. Это означает, что не все аргументы должны оцениваться с точки зрения дедуктивной правильности. Особенно это касается реконструкции невыраженных посылок.

Во-вторых, неформальные логики рассматривают доводы как элементы живого, ситуативного использования языка, которые один носитель языка использует, чтобы убедить другого носителя языка в правдоподобности (не обязательно истинности) умозаключения. Для проблемы реконструкции сказанное означает, что нужно принимать во внимание ситуационный характер рассуждения, подлежащего реконструкции.

Существуют две основные проблемы, связанные с реконструкцией, которыми занимается неформальная логика: невыраженные посылки и структура аргументации. Хотя Т. Говье и упоминает другие вопросы, подлежащие решению при реконструкции, такие как распознавание отрывка рассуждения в качестве аргументации и реконструкция типов умозаключений, в научной литературе им почти не уделено внимания. Далее мы лишь в общих чертах обрисуем две вышеупомянутые проблемы. Более детальное описание этого вопроса можно найти в других главах данной книги.

Невыраженные посылки

Аргументация часто представляется неполной в том смысле, что посылки в том виде, как они сформулированы, сами по себе не являются обоснованием сделанного заключения. Такие аргументы называются энтимематическими (*enthymematic*) и могут быть реконструированы путем добавления одной или более посылок таким образом, чтобы сделать возможным обоснование вывода. В таком случае добавляются так называемые *невыраженные посылки* (*unexpressed premises*).

Первым вопросом, возникающим при реконструкции невыраженных посылок, является вопрос о том, в каких случаях они вообще должны быть реконструированы. В качестве ориентировочного ответа Т. Говье (Govier, 1987) предлагает следующие критерии. Невыраженные посылки должны реконструироваться в тех случаях, когда непонятно, как сделанное заключение выводится из данных посылок. Эта проблема, как указывает Т. Говье, неминуемо влечет за собой вопрос, какой критерий логической правильности следует при-

менять или, иными словами, какая должна использоваться структура вывода. Этот вопрос является лишь частью широкого спектра проблем, обсуждаемых неформальными логиками, о необходимости постулировать различные критерии логической правильности или обоснованного вывода.

На одной стороне спектра находятся так называемые *дедуктивисты* (deductivists) (например: Scriven, 1976; Thomas, 1986), которые придерживаются точки зрения, что любое умозаключение можно сделать дедуктивно обоснованным путем добавления невыраженных посылок. Эти посылки должны иметь вид условного суждения (associated conditional), «если посылка(ки), то заключение», или его вариации, такие как, например, обобщение одного или нескольких содержательных терминов (content terms).

На другой стороне находятся те (например: Govier, 1987; Hitchcock, 1987), которые считают, что нужно учитывать различные типы умозаключений: к некоторым можно применять критерий дедуктивной правильности, а к некоторым — нет. В качестве примеров второго типа они называют умозаключения по аналогии, эмпирическую индукцию и абдукцию. В случаях подобного рода добавление реконструированной невыраженной посылки, которая сделала бы рассуждение дедуктивно правильным, оставляет без внимания тот факт, что в основе умозаключения мог лежать совершенно иной тип следования. Критики дедуктивизма также указывают на тот факт, что если реконструируемая посылка имеет форму условного суждения, то не добавляется никакой новой информации сверх той, которая уже выражена в данной комбинации посылок и заключения. Более того, такая реконструкция привела бы к нескончаемой регрессии (возврату в прежнее состояние), поскольку весь расширенный набор посылок требует присоединения нового условного суждения, которое свяжет этот расширенный набор с заключением. А если реконструкция принимает вид универсального обобщения одного или более смысловых выражений, число посылок, которые могут быть добавлены, не имеет предела.

Л. Гроарк (Groarke, 1992; 1999) предложил свой ответ на эту критику. По его мнению, реконструкция этих «других типов» умозаключений путем добавления посылок, которые делают аргумент дедуктивно правильным, вполне возможна без пренебрежения важностью того, что эти умозаключения могут иметь «иную природу». В качестве примера он ссылается на эмпирическую индукцию, при которой неясный или неубедительный характер заключения прекрасно сохраняется при дедуктивной реконструкции. Как указыва-

ет Л. Гроарк, неопределенность заложена не в природе умозаключения. Ее нужно искать в формулировке либо посылок, либо заключения, которые могут содержать элементы (например, слово «вероятно»), объясняющие неопределенность или неубедительность. Хотя следует признать, что при добавлении посылок, которые делают рассуждение логически верным, возникают проблемы корректной формулировки реконструкции, и эти проблемы присущи не только дедуктивизму. Недедуктивный анализ может также потребовать добавления невыраженных посылок, чтобы объяснить убеждения или намерения аргументатора, выводящего определенное заключение из определенных посылок. И в этом случае также существуют нерешенные проблемы в отношении формулирования корректной реконструкции. Единственное отличие этого типа анализа состоит в том, что отсутствие четкого критерия, подобного формально-логической правильности, делает эти проблемы еще более трудными для решения.

В любом случае, как только становится понятным, что между посылками, в том виде как они сформулированы, и заключением что-то пропущено и возникает необходимость в добавлении посылки, перед нами сразу встает вторая проблема, относящаяся к вопросу о невыраженных посылках, а именно какой стратегии должен придерживаться аналитик, определяя, какую же посылку следует добавить.

С одной стороны, существуют авторы, например М. Скривен и С. Томас, предлагающие применять так называемый принцип доброжелательности (*principle of charity*), согласно которому предполагается, что аргументаторы стремятся предоставить *веские доводы* (*good reasons*) в защиту своих утверждений. То есть при реконструкции невыраженных посылок мы должны добавлять такие посылки, которые помимо того, что делают умозаключение формально правильным, сами являются истинными. Иногда применение принципа доброжелательности может приводить к тому, что мы «помогаем» из добрых побуждений автору умозаключения, изменяя при реконструкции формулировки выраженных посылок или даже заключений.

С другой стороны, критики этих взглядов, особенно Т. Говье, считают такую стратегию чрезмерно доброжелательной, поскольку люди иногда делают ошибки в рассуждениях и приходят к неверным выводам²¹. Применение принципа доброжелательности заставляет нас игнорировать показатели неправдоподобных утверждений или ошибочных рассуждений, что приводит к тому, что отрывок рассуждения воспринимается нами как более рациональный, чем он, возможно, есть. Также применение принципа доброжела-

тельности заставляет нас предполагать, что другие размышляют так же, как и мы.

Т. Говье ратует за применение принципа, который она называет принципом «умеренной доброжелательности» (*moderate charity*), если, конечно, не существует признаков того, что даже этот принцип неприменим. Если речевые показатели, контекст и фоновые знания, такие как убеждения, представления, намерения и обязательства, принятые на себя участником спора, позволяют нам провести несколько совершенно разных толкований аргументации, мы должны принять посылку, которая создает самое правдоподобное умозаключение. К сожалению, несмотря на декларируемое отношение к аргументации как форме обычного контекстуального использования языка или ситуативного дискурса, в неформальной логике как таковой не проводилось систематического исследования ни природы этих индикаторов, ни того, как их следует использовать при реконструкции невыраженных посылок²². Еще больше усложняет существующее положение вещей тот факт, что неформальные логики имеют обыкновение придерживаться совершенно разнородных взглядов на сам объект реконструкции. Они не проводят четкого разграничения между такими различными, если не сказать совершенно несовместимыми, целями реконструкции, как реконструкция того, что имел в виду говорящий, реконструкция правдоподобных убеждений, которых, по всей вероятности, придерживается говорящий, и реконструкция тех утверждений, которые, судя по его словам, говорящий берет на себя обязанность защищать.

Структура аргументации

В тех случаях, когда заключение поддерживается более чем одним доводом, возникает необходимость определить, как эти доводы взаимодействуют между собой. Применяемый способ реконструкции имеет важное значение для оценки аргументации. Особенно это касается разграничения между независимой (*конвергентной*) и взаимозависимой (*связанной*) аргументацией. В основном в конвергентной аргументации каждый из доводов может служить защитой точки зрения независимо от других, тогда как в связанной аргументации доводы тем или иным образом зависят друг от друга в обеспечении аргументативной поддержки точки зрения. Неформальные логики предлагают различные виды разграничения между этими двумя типами (например: Nolt, 1984; Thomas, 1986; Govier, 1988; Pinto and Blair, 1989; Freeman, 1991)²³.

Что касается реконструкции структуры аргументации, многие авторы признают, что на практике из-за нечеткости или имплицитности ее представления часто трудно определить, является ли данная аргументация связанной или конвергентной. Иногда при реконструкции структуры аргументации так же, как и при реконструкции невыраженных посылок, применяется принцип доброжелательности. Д. Нолт и С. Томас советуют применять принцип благотворительности, например, при анализе неясных случаев, отмечая, что в данном случае следует предполагать, что доводы связаны. Согласно Д. Нолту, при этом аргументация получается наиболее сильной. С. Томас считает, что на стадии оценки эта стратегия не позволит аналитику оценить аргументы, которые он реконструировал как независимые, как слишком слабые для того, чтобы независимо поддерживать точку зрения.

Многие авторы подчеркивают, что важную роль в определении структуры аргументации играет представление доводов. И все же в действительности систематическому исследованию представления аргументов в речи уделяется мало внимания. Вместо этого неформальные логики обычно полагаются на свое субъективное мнение по поводу конкретной аргументации: дают посылки независимо друг от друга достаточную поддержку точке зрения или нет. В первом случае аргументацию следует реконструировать как конвергентную, во втором — как связанную. Например, Т. Говье (Govier, 1988. Р. 143) предлагает следующий принцип при определении связанной аргументации:

Чтобы определить модель умозаключения, нужно представить, что все посылки, кроме одной, являются ложными, и задаться вопросом, дает ли в таком случае эта посылка хоть какую-то поддержку заключению.

7.3.3. Риторика

Целью риторической реконструкции является определение уровня убедительности умозаключения. Реконструкция нацелена на выделение элементов, вносящих вклад в убеждение аудитории. В отличие от описанных выше концепций риторическая концепция реконструкции, строго говоря, не имеет своей целью оценку аргументации. Единственная ее цель состоит в том, чтобы дать ясное описание элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса.

Существуют различные концепции риторического анализа, каждая из которых фокусируется на специфических аспектах дискурса. С. Фосс (Foss, 1989) выделяет неоаристотелевский (Neo-Aristotelian

analysis), типологический (generic analysis), метафорический (metaphoric analysis), нарративный анализ (narrative analysis), анализ, опирающийся на реконструкцию исходно определяющей темы рассуждения (fantasy-theme analysis), и кластерный анализ (cluster analysis)²⁴. При *неоаристотелевском* анализе в центре внимания реконструкции находятся средства убеждения, описанные Аристотелем и получившие дальнейшую разработку в эллинистической и римской школах риторики. Реконструкция направлена на выделение в речи, наряду с другими аспектами, ее частей: вступление (exordium), повествование (narratio), доказательство (confirmatio), опровержение (refutatio), отступление (digressio), заключение (peroratio); разграничение речей по их жанрам: совещательные (deliberative), судебные (juridical), эпидейктические (epideictic); и по типу обсуждаемых проблем, например: предположительная (conjectural), правовая (legal), судебная (juridical). Также целью реконструкции может стать выделение методов убеждения: логос (logos), пафос (pathos), этос (ethos); и приемов убеждения (топосов, фигур речи), а также идентификация других элементов стиля. При *типологическом* анализе риторические средства соотносятся с типами ситуаций. При реконструкции выделяются такие элементы, как метафоры, образы или структура предложения, которая может варьироваться в зависимости от ситуации. При *метафорическом* анализе реконструкция направлена на определение основных метафор, лежащих в основе рассуждения. Целью анализа является выявление того, как эти метафоры воссоздают конкретную реальность. При *нарративном* анализе реконструкция направлена на определение элементов повествовательной структуры, таких как события, персонажи, временные отношения, причинные отношения и темы. При других видах анализа делаются попытки определить ключевые моменты дискурса, которые составляют мотивы ратора, или реконструировать мировоззрение, лежащее в основе дискурса. Примером последнего типа анализа являются статьи Майкла Биллига (Billig, 1987; 1988; 1991), в которых он пытается определить социальные, психологические и идеологические предпосылки, лежащие в основе позиций, занимаемых в аргументативном дискурсе.

Одним из неоаристотелевских подходов, который завоевал особую популярность среди теоретиков аргументации, является новая риторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки (Perelman and Olbrechts-Tyteca, 1969). Авторы предпринимают попытку дать систематическое описание аргументативных средств, которые используются в обыденном общении для убеждения аудитории. Это описа-

ние, по сути дела, представляет собой типологию аргументативных схем или видов аргументации, которые используются для повышения уровня приемлемости тезиса. Хотя авторы не уделяют особого внимания вопросам реконструкции и анализа, их систему можно использовать при реконструкции приемов аргументации, которые лежат в основе того или иного дискурса. Однако критики системы указывают на то, что представленные в ней категории определены нечетко, не существует единого критерия, лежащего в основе классификации, и что соответственно категории в классификации не являются взаимоисключающими²⁵. Все эти недостатки затрудняют проведение четкой и однозначной реконструкции.

Хотя некоторые авторы и пытаются доказать, что анализ на основе типологии Л. Ольбрехтс-Титеки возможен, из их работ абсолютно непонятно, как была проведена реконструкция в том или ином случае. М. Кайнпойнтнер (Kienpointner, 1993) просто представляет результаты анализа текста с точки зрения типологии, не объясняя проведенную реконструкцию. Б. Уорник и С. Клайн (Warnick and Kline, 1992) представляют систему кодов, но не показывают, как эту систему следует применять при анализе реального рассуждения. Их замечание, что три человека достаточно последовательно смогли применить их систему, возможно, в какой-то степени и успокаивает, однако не очень помогает при ее практическом использовании.

К сожалению, во всех этих риторических подходах уделяется мало внимания трудностям, сопутствующим процессу реконструкции, а также методам реконструкции. Существует общее мнение, что *контекст* или *риторическая ситуация* (Bitzer, 1968) имеют первостепенное значение при реконструкции текста, определении его цели, темы, предмета обсуждения и стиля. Но остается неясным, как же все-таки контекст учитывается при реконструкции. Основной упор делается на описании типов элементов, которые формируют объект реконструкции. Вопросы же о том, как эти элементы можно идентифицировать, какие ключевые элементы можно использовать при их реконструкции, какие стратегии можно применять, еще даже не поставлены, не говоря уже об ответах на них²⁶.

7.3.4. Прагма-диалектика

Цель реконструкции рассуждения в прагма-диалектической теории состоит в том, чтобы определить тот вклад, который оно вносит в разрешение конфликта мнений²⁷. Реконструкция является прагматической

в том смысле, что ее цель заключается в объяснении речевых актов, производимых на разных стадиях рассуждения. Реконструкция является диалектической в том смысле, что она направлена на разрешение конфликта, т. е. цель реконструкции состоит в определении элементов, способствующих рациональному разрешению конфликта. Реконструкция выливается в *аналитический обзор* (analytical overview) всех аспектов дискурса, существенных для устранения различия во мнениях:

- (1) точек зрения, по которым наблюдаются разногласия;
- (2) позиций, принимаемых участниками, их начальных точек зрения и заключений;
- (3) аргументов, приводимых участниками, как подразумеваемых, так и явных;
- (4) структур выдвигаемой аргументации;
- (5) используемых аргументативных схем²⁸.

Как следует из приведенного списка, прагма-диалектическая концепция аргументативной реконструкции охватывает нечто большее, чем просто логические отношения «посылка-вывод». В область ее внимания входят и схемы аргументации, лежащие в основе рассуждения. К тому же реконструкция не ограничивается только стадией аргументации. Реконструируются все стадии критической дискуссии. Реконструкция затрагивает тип конфликта (стадия конфронтации), уступки и общие исходные положения, из которых исходят оба аргументатора (стадия открытия дискуссии), и способ, каким разрешается конфликт (заключительная стадия).

При реконструкции диалектически релевантных речевых актов выполняется выборочная идеализация дискурса, которую можно описать в терминах четырех трансформаций, производимых в рамках диалектической реконструкции (dialectical transformation reconstructions), а именно: удаление (deletion), добавление (addition), замена (substitution) и перестановка (permutation). При *удалении* опускаются элементы, которые не имеют непосредственного отношения к процессу разрешения спора. Удаляются такие элементы, как уточнение (elaboration), разъяснение (clarification), отступление от темы (digressions) и повторение (repetitions)²⁹. При *добавлении* существующий дискурс дополняется элементами, играющими роль в процессе разрешении спора, но находящимися в импликации. Невыраженные элементы реконструируются, и добавляются невыраженные действия. При *замене* элементы, обладающие диалектической функцией, выражаются четко и явно. Двусмысленные и неясные формулировки заменяются стандартными, четко сформулированными выражениями, направленными на прояснение функции косвенно выражен-

ных элементов, в которых элементы, выполняющие одни и те же функции, представлены с помощью одной и той же стандартной формулировки. При *перестановке* элементы исходного рассуждения перераспределяются таким образом, чтобы стала понятна их функция в разрешении спора. Элементы, участвующие в процессе диалектического разрешения спора, наилучшим образом распределяются по различным стадиям этого процесса.

В прагма-диалектической концепции аргументативной реконструкции последняя основана на двустороннем подходе. С одной стороны, исследователь опирается на соображения нормативного характера, принадлежащие нормативному идеалу рационального разрешения конфликта мнений. Идеальная модель критической дискуссии (*ideal model of critical discussion*), содержащая стадии разрешения спора и речевые акты, которые должны производиться на каждой стадии, служит эвристическим и аналитическим средством анализа. Посредством указания на то, какие речевые акты являются существенными на каждой стадии процесса разрешения спора, идеальная модель выполняет эвристическую функцию, определяя, какие акты должны быть учтены при реконструкции. Речевые акты, которые несущественны для процесса разрешения спора, следует игнорировать, подразумевающиеся элементы нужно сделать явно выраженными, косвенные речевые акты нужно перефразировать в виде прямых речевых актов, и все стадии процесса разрешения спора должны быть расположены в соответствующем порядке.

С другой стороны, при обосновании конкретного способа реконструкции исследователь опирается на эмпирические соображения, относящиеся к специфическим чертам отдельно взятого рассуждения, подлежащего реконструкции. Он их рассматривает на фоне понимания организации дискурса в целом. Используются различные источники эмпирических данных: этнографические данные о речевых событиях, их целях и организации; знание обычно используемых структур и стратегий рассуждения, таких как правила и закономерности совершения речевых актов; а также различные показатели того, как сами участники понимают дискурс. Как замечают Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, С. Джексон и С. Джейкобс:

«Ни одно из этих доказательств нельзя рассматривать по отдельности, они функционируют на фоне культурологических знаний исследователя и его интуитивной компетенции как носителя языка. В конечном счете, приемлемость любой реконструкции базируется на следующих критериях. Реконструкция должна быть ясной, учитывать детали текста, она не должна противоречить другим данным в отношении того, как функционирует этот конк-

ретный пример, как функционируют смежные примеры и по каким законам развивается дискурс вообще» (van Eemeren, Grootendorst, Jackson and Jacobs, 1993. P. 44).

В общем в основе эмпирических соображений, обосновывающих реконструкцию, лежит прагматика, которая является неотъемлемой составляющей прагма-диалектической теории. Согласно этой теории использование языка рассматривается как рациональная деятельность, при которой речевые акты используются говорящим как средство достижения целей передачи информации и общения. При реконструкции принимаются в расчет все правила, конвенции и закономерности, имеющие отношение к совершению речевых актов в процессе обычного общения, так же как и все текстовые и контекстуальные показатели элементов дискурса, которые играют роль в рациональном разрешении разногласий.

Иногда, исходя из эмпирических характеристик, невозможно прийти к полному и однозначному толкованию смысла текста. В таких случаях рассуждение реконструируется таким образом, что распределение в нем речевых актов совпадает с распределением речевых актов в идеальной модели критической дискуссии. При этом применяется стратегия *максимального диалектического анализа* (maximal dialectical analysis). Например, для анализа речевых актов на стадии аргументации применение этой стратегии означает, что если коммуникативная сила речевых актов не вполне ясна, то делается попытка провести аргументативную интерпретацию, подразумевающую реконструкцию речевых актов как аргументации. Разумеется, что такого рода максимальный диалектический анализ применяется только в тех случаях, в которых такому анализу не препятствуют эмпирические соображения.

Прекрасным примером применения прагматических принципов в прагма-диалектической реконструкции является описание роли подразумеваемых и косвенно выраженных элементов процесса разрешения спора. Имплицитность и косвенный способ выражения мысли считаются обычными явлениями в языке и обычно не создают больших трудностей тем, кто ими пользуется. Дж. Серль (Searle, 1975) и П. Грейс (Grice, 1975) в своих исследованиях демонстрируют, что речевые акты могут иметь имплицитный и косвенный характер, но тем не менее слушающий в состоянии понять, что имеет в виду говорящий, совершая подобный речевой акт. Это объяснение используют Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1984; 1990; 1992) при объяснении реконструкции подразумеваемых и косвенных элементов процесса разрешения спора. В качестве примера

рассмотрим следующее заключительное предложение-эссе, автор которого ратует за немедленное уничтожение ядерного оружия:

(10) Не следует ли нам отбросить все наши сомнения? Ведь мы можем потерять целый мир.

Первый вопрос, на который должен ответить исследователь, заключается в том, представляют ли эти предложения аргументацию? Утвердительный ответ можно обосновать следующим образом. Текст представляет собой эссе, в котором защищается точка зрения. Приведенные высказывания в эссе являются завершающими. Можно ожидать, что в них содержится некое подобие обобщающего заключения аргументации. Такое заключение здесь было бы уместно. Также одним из значений выражения «ведь» является то, что следующее за ним предложение выражает причину для стоящего перед выражением «ведь» утверждения и устанавливает особое с точки зрения аргументации отношение второго предложения к первому. Все вышеизложенное позволяет заключить, что мы имеем дело с аргументацией и первое предложение представляет точку зрения, а второе — довод, высказанный в защиту точки зрения.

Однако на первый взгляд первое предложение совсем не выглядит точкой зрения. Оно начинается с глагола в сочетании с частицей «ли», а заканчивается знаком вопроса. Как, тем не менее, исследователь может обосновать свою реконструкцию этого предложения как точки зрения? Прежде всего можно заметить, что буквальный вопрос относительно причин колебаний кажется странным. Читатель, не будучи прямым собеседником автора, все равно не может дать на него ответ. Не дает ответа на вопрос и сам автор в последующем тексте; скорее вопрос инициирует завершение дискурса. Таким образом автор, по-видимому, дает понять, что в данном случае требуется нечто большее, чем буквальный анализ предложения. Во-вторых, можно заметить, что вопрос имеет форму, которая обычно встречается при совершении невопросительных речевых актов. На то указывает и отсутствие в предложении вопросительного слова. Обе отмеченные характеристики являются показателями риторического вопроса, высказывания, имеющего форму вопроса, но выполняющего функцию утверждения. Другими словами, пишущий подразумевает, что для дальнейших сомнений нет причин. Наконец, можно заметить, что пропозициональное содержание вопроса (и подразумеваемого утверждения) удовлетворяет предварительным условиям для совершения другого речевого акта, а именно речевого акта предложения. Предварительным условием для выдвижения предложения является наличие веской причины сделать то,

что предлагает говорящий. Подразумевая, что не существует веской причины, по которой можно продолжать сомневаться, автор текста предлагает отбросить все сомнения. И в следующем предложении он выдвигает аргумент в защиту точки зрения, что это предложение заслуживает того, чтобы быть принятым.

Как только мы установили, что имеем дело с аргументацией, встает второй вопрос. Если их рассмотреть строго по отдельности, то утверждение, что мы должны прекратить сомневаться, и утверждение, что мы можем потерять целый мир, на первый взгляд, казалось бы, не имеют друг к другу никакого отношения. Это означает, что нам пришлось бы обвинить автора в том, что его высказывания не имеют отношения к делу. Но на основании принципа речевого общения Грейса мы можем предположить, что на самом деле его высказывания — *уместны*. Чтобы оправдать это предположение, мы приписываем автору приверженность невыраженной посылке, связывающей эти два утверждения. Таким образом, если исходить из прагматики, наша реконструкция должна включать в себя также и эксплицирование этой неявной посылки.

Данную реконструкцию невыраженной посылки также можно описать с помощью прагматики. Мы можем сформулировать ряд утверждений, которые бы связывали два данных утверждения, составляющих аргументацию, в том виде, как она представлена. Чтобы выбрать из них то утверждение, которое мы можем приписать автору, следует снова применить принцип речевого общения. Согласно этому принципу это утверждение должно быть такой посылкой, на основании которой можно предположить, что автор совершил логически правильный и искренний речевой акт аргументации. Поскольку условия успешности для логически правильного и искреннего совершения этого речевого акта требуют, чтобы говорящий верил в то, что его довод действительно повышает степень приемлемости точки зрения, а также чтобы слушающий верил в это, посылка должна сделать связь между доводом в защиту и точкой зрения логически правильной согласно какому-нибудь взаимоприемлемому критерию логической правильности³⁰. В соответствии с вышеизложенным, однако, хотя посылка не должна приписывать автору текста того, чего он не говорил, посылка должна быть достаточно информативна, чтобы говорящим не был нарушен принцип количества. То есть посылка должна иметь более общий характер, нежели логический минимум или условное суждение. В принятии решений на этой стадии играют важную роль знания о мире и знание контекста. В приведенном примере исследователь мог бы реконструировать оставшуюся невысказанной посылку следующим

образом: если те или иные действия приводят к полному уничтожению планеты, то от них следует отказаться.

Как показывает М. А. ван Реес (van Rees, 1995a; 1995b; 1996), еще одним фактором, позволяющим объяснить ту или иную реконструкцию аргументации, является знание принципов организации дискуссии и осведомленность о разнообразных целях, которые пытаются достичь ее участники. С позиций этих принципов можно объяснить случаи отклонения от идеальной модели. При этом подобный подход должен содержать обоснование применения той или иной диалектической трансформации.

В прагма-диалектической концепции объектом реконструкции не являются ни убеждения или намерения говорящего, ни приписываемые говорящему убеждения и намерения, ни те суждения, которые могли бы сделать заключение истинным. Объектом реконструкции является то и только то, за что должен нести ответственность говорящий на основе сказанных им слов. Вот почему систематическое обоснование реконструкции аргументации приобретает особое значение.

Хотя в прагма-диалектическом подходе и признается важность систематического объяснения реконструкции, необходимо предпринять еще немало усилий, чтобы сделать такое объяснение возможным. С одной стороны, необходимо и дальше продолжать работу над развитием нормативного концептуального аппарата. С другой стороны, необходимо стремиться к достижению более глубокого понимания прагматических конвенций, процедур, стратегий и языковых средств, которые используются обычными носителями языка при создании и интерпретации аргументативного дискурса, а также понимания того, как существенные в нормативной логике элементы проявляют себя в обычном аргументативном дискурсе. Последние исследования показателей аргументации (Snoeck Henkemans, 1995a; 1995b; 1999; 2000) и исследования способов, какими носители языка пытаются манипулировать процессом разрешения спора с помощью риторических средств (van Eemeren and Houtlosser, 1998; 1999a; 1999b; 1999c), показывают, что движение идет в правильном направлении.

7.4. Выводы

Интерпретация аргументативного дискурса — это та работа, которую проделывают обычные носители языка, чтобы распознать и понять доводы, которые говорящий или пишущий приводит в под-

держку своей точки зрения, даже если эти доводы выражены косвенным или неявным образом или переплетены с другими структурами текста. Реконструкция аргументативного дискурса — это та работа, которую проводит исследователь аргументации, если он хочет описать, объяснить или оценить аргументацию в рамках той или иной теоретической концепции.

Хотя в предложенной работе эти два вида деятельности рассмотрены отдельно, между ними существует важная связь. Интерпретация является основой для реконструкции. Прежде чем реконструировать отдельно взятый фрагмент дискурса, ученые должны сначала пройти процедуру толкования этого фрагмента. Более того, при реконструкции необходимо осуществление сознательной и систематической интеграции как критической концепции, базирующейся на нормативной теории аргументации, объектом изучения которой является оценка аргументации, и дескриптивной концепции, базирующейся на социологическом исследовании человеческого поведения, объектом изучения которой являются механизмы понимания дискурса носителями языка.

Авторы большинства аргументативных теорий, которые были рассмотрены в этой главе, не добились успеха в своих подходах к реконструкции дискурса как раз потому, что они уделяют мало внимания тому, как аргументация выражена в обычном дискурсе, и тому, как обычные носители языка истолковывают аргументацию. В результате проводимая реконструкция обычно не сопровождается надлежащим объяснением и проблемы, возникающие при попытке интегрировать естественный аргументативный дискурс в теоретическую модель, просто игнорируются. Эту ситуацию следует считать неудовлетворительной, поскольку прогресс в развитии теоретических исследований в области реконструкции аргументативного дискурса может быть достигнут только тогда, когда эти проблемы получают должное внимание со стороны исследователей аргументации.

Примечания

¹ Для обозначения этой деятельности Джексон (Jackson, 1992) использует термин «наивная реконструкция» (naïve reconstruction).

² Ф. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст, С. Джейкобс и С. Джексон (van Eemeren, Grootendorst, Jacobs and Jackson, 1993. Р. 50–6) выделяют различные концепции и подходы: *этический/эмический, априорный/апостериорный, последовательностный/конвенциональный/рациональный* (etic/emic, a priori/a posteriori, sequential/conventional/rational).

³ Сходных взглядов придерживается Д. Гамперц (Gumperz, 1992a, b).

⁴ Точку зрения, заключающуюся в том, что дискурс строится вокруг общей цели, поддерживают и другие исследователи, например, Д. Ребайн (Rehbein, 1977) К. Эхлих и Д. Ребайн (Ehlich and Rehbein, 1986). С. Джейкобс и С. Джексон подробно разработали эту идею, внося тем самым огромный вклад в описание принципов организации и интерпретации аргументации.

⁵ Отношения между целями и речевыми актами не такие однонаправленные и статичные, как предполагает такая формулировка. К. Трейси (Tracy, 1991) в ряде статей показывает, насколько сложная, динамичная и разнонаправленная природа у этих отношений.

⁶ Эта концепция понятия релевантности как релевантности в отношении коммуникативных и интеракционных целей не только более широкая, но также и более верная, нежели концепция Д. Спербера и Д. Вилсона (Sperber and Wilson, 1986), согласно которой релевантность рассматривается только в отношении суждений.

⁷ Эти условия относятся к подлинному вопросу, т. е. к попытке заставить слушающего предоставить определенную информацию. Задавая вопрос, говорящий выступает как человек, для которого эти условия выполнены. Сказанное не означает, что иногда вопросы не задаются с другими целями и что в этих случаях эти условия в действительности не были выполнены. И все же, чтобы достичь этих других целей, говорящий совершает некие действия, которые направлены на извлечение определенной информации, и эффективным средством достижения этой цели является вопрос со всеми вытекающими последствиями, которые сопровождают совершение этого речевого акта.

⁸ Эмпирическое обоснование этому утверждению можно найти у Кларка (Clark, 1979).

⁹ Термин *аргумент* (argument) использован здесь в смысле ведения дискуссии (спора).

¹⁰ Выполнение условий успешности, в свою очередь, может быть поставлено собеседником под сомнение. Если это происходит, то спорный элемент дискурса функционирует как «виртуальная точка зрения» (virtual standpoint), которая нуждается в защите. Весь комплекс реконструируемых обязательств, связанных с совершением речевого акта, можно рассматривать как «область разногласий» (disagreement space) — структурированный набор возможностей для аргументации (Jackson, 1992; van Eemeren, Grootendorst, Jacobs and Jackson, 1993).

¹¹ В действительности суждение в части 4 является аргументом для контрутверждения.

¹² Этот тип разногласий также упоминает Д. Коултер (Coulter, 1990).

¹³ Как указывает Д. Шиффрин, идентификация блоков, которые автор продолжает развивать, и их структурных эквивалентов зависит от использования текстовой информации, лежащей за пределами самого «и».

¹⁴ Сходное различие проводит Э. Свитсер (Sweetser, 1990). Его критикует в своей работе А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1999).

¹⁵ Их работы стали доступными в англоязычных странах благодаря публикациям Л. Лундквиста (Lundquist, 1987), Х. Нольке (Nolke, 1992), А. Вербиста (Verbiest, 1994), А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1995a, 1995b).

¹⁶ Как станет ясно из нижеследующего, эти авторы используют термин *аргументативность* (argumentativity) в несколько необычном смысле. В тех случаях, когда, по мнению Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро, тексту присуща внутренняя аргументативность, нет необходимости, чтобы в нем содержалась эксплицитная аргументация. Они про-

сто употребляют этот термин, чтобы указать на тот факт, что говорящий с помощью языковых средств может выразить ту или иную точку зрения на предмет обсуждения.

¹⁷ Я думаю, это наблюдение также можно применить к описанию тех действий, которые совершают обычные носители языка при реконструировании имплицитных посылок.

¹⁸ Ноордман мимоходом замечает, что люди не нарушают правила логики, когда истолковывают условное предложение не как материальную импликацию, а как эквивалентность. Если в действительности из-за разного рода прагматических факторов отношение между антецедентом и консеквентом в разговорном контексте является двунаправленным (biconditional), в таком случае люди рассуждают логично, когда интерпретируют условное предложение как утверждение эквивалентности.

¹⁹ Связь между этим принципом и гипотезой мыслительных моделей очевидна: они дополняют друг друга. Если от слушающего требуется совершение большего количества операций над текстом, чем *необходимый* минимум (satisficing minimum), то от говорящего требуется больше информации.

²⁰ При определении того, насколько хорошо посылки поддерживают вывод, применяются различные критерии, такие как критерий релевантности, достаточности и приемлемости (Johnson and Blair, 1993). Более или менее сходные критерии предложены Т. Говье (Govier, 1987) и Д. Фрименом (Freeman, 1988).

²¹ Д. Адлер (Adler, 1996) показывает, что применение принципа доброжелательности не исключает того факта, что люди совершают намеренные и ненамеренные аргументативные ошибки.

²² Как раз об этом говорит М. Рин (Wreen, 1989), упоминая ряд принципов реконструкции (наряду с другими: интерпретируй, учитывая принцип благотворительности, не рассматривай аргументы вне контекста и принимай в рассмотрение всю существенную фоновую информацию). Однако впоследствии автор проводит реконструкцию довода к палке, не проясняя, почему применение этих принципов приводит к данной реконструкции.

²³ В главе 5 данной книги содержится обзор А. Снук Хенкеманс.

²⁴ Ср. также: Wenzel, 1987. Д. Венцель упоминает наряду с другими такие объекты для риторического анализа: главная линия рассуждения, форма повествования (narrative form), характер говорящего (ethos), созданный с помощью стилистических средств, юмористических приемов и других показателей положительной личности и доброй воли, адаптация дискурса к конкретной аудитории, корневые метафоры (root metaphors), стилистический анализ порядка следования и отношений между элементами дискурса.

²⁵ Детальное описание классификации и ее слабых мест см.: van Eemeren et al., 1996.

²⁶ Примеры анализа, при котором реконструкция идеологической позиции автора того или иного текста объясняется путем детального описания текстовых характеристик, посредством которых эта позиция заявлена, можно найти в многочисленных работах, посвященных не аргументации как таковой, а *критическому анализу дискурса* (critical discourse analysis) (например van Dijk, 1988; Fairclough, 1989; Kitis and Milapides, 1997).

²⁷ Пространную дискуссию о прагма-диалектическом подходе к реконструкции можно найти в кн.: van Eemeren, Grootendorst, Jacobs and Jackson, 1993.

²⁸ Ср.: М. ван Реес (van Rees, 1992b) и Д. Уолтон (Walton, 1992) о реконструкции дискурса как критической дискуссии; П. Хоутлоссер (Houtlosser, 1998), У. Кутсен-руйтер (Koetsenruijter, 1994), П. Слот (Slot, 1993) о реконструкции точек зрения;

Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст (van Eemeren and Grootendorst, 1982, 1983) о реконструкции невыраженных посылок; А. Снук Хенкеманс (Snoeck Henkemans, 1992) о реконструкции структуры аргументации и Б. Гарссен (Garssen, 1994) о реконструкции схем аргументации.

²⁹ О применении удаления в случаях повторения см.: van Rees, 1996.

³⁰ Согласно van Eemeren et al., 1996, это не значит, что авторы догматически придерживаются принципов дедуктивизма.

Библиография

1. Adler J. Why Be Charitable? // Informal Logic Newsletter. 1982. N IV. 2. P. 15–16.
2. Adler J. Charity, Interpretation, Fallacy // Philosophy and Rhetoric. 1996. 29. 4. P. 329–343.
3. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liege: Pierre Mardaga, 1983.
4. Anscombe J.-C., Ducrot O. Argumentativity and Informativity // From Metaphysics to Rhetoric / Ed. M. Meyer. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 71–87.
5. Benthem J. van. Logic and Argumentation // Logic and Argumentation / Ed. J. van Benthem, F. H. Eemeren, R. Grootendorst, F. Veltman. Amsterdam: North-Holland, 1996. P. 27–42.
6. Berg J. The Point of Interpreting Arguments // Informal Logic. 1992. N 14. 2, 3. P. 119–122.
7. Billig M. Arguing and Thinking: A Rhetorical Approach to Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
8. Billig M. Common-Places of the British Royal Family: A Rhetorical Analysis of Plain and Argumentative Sense // Text. 1988. N 8. 3. P. 191–217.
9. Billig M. Ideology and Opinions. London: Sage, 1991.
10. Bitzer L. F. The Rhetorical Situation // Philosophy and Rhetoric. 1968. N 1. P. 1–14.
11. Brockriede W. Constructs, Experience, and Argument // Quarterly Journal of Speech. 1985. 71. 2. P. 151–163.
12. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
13. Clark H. H. Responding to Indirect Requests // Cognitive Psychology. 1979. N 11. P. 430–477.
14. Copi I. M., Cohen C. Introduction to Logic. 8th ed. New York: Macmillan, 1990.
15. Coulter J. Elementary Properties of Argument Sequences // Interaction Competence / Ed. G. Psathas. New York: Lawrence Erlbaum, 1990. P. 181–203.
16. Dijk T. A. van. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1988.
17. Ducrot O. Les échelles argumentatives. Paris: Minuit, 1980.
18. Ducrot O. Le dire et le dit. Paris: Minuit, 1984.
19. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Unexpressed Premisses: Part I // Journal of the American Forensic Association. 1982. N 19. P. 97–106.
20. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Unexpressed premisses: Part II // Journal of the American Forensic Association. 1983. N 19. P. 215–225.
21. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed toward Solving Conflicts of Opinion. Berlin: De Gruyter; Dordrecht: Foris, 1984.

22. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* The Study of Argumentation from a Speech Act Perspective // *Pragmatics at Issue: Selected Papers from the 1987 International Pragmatics Conference. Part I* / Ed. J. Verschueren. Amsterdam: John Benjamins, 1990. P. 151–170.
23. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992.
24. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S.* Reconstructing Argumentative Discourse. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993.
25. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Meuffels B.* Het identificeren van enkelvoudige argumentatie // *Tijdschrift voor Taalbeheersing*. 1984. N 6. P. 297–310.
26. *Eemeren, F. H. van, Grootendorst R., Meuffels B.* Gedifferentieerde replicaties van identificatie-onderzoek // *Tijdschrift voor Taalbeheersing*, 1985. N 7. P. 241–258.
27. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Meuffels B.* The Skill of Identifying Argumentation // *Journal of the American Forensic Association*. 1989. N 25. P. 239–245.
28. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F., Blair J. A., Johnson R. H., Krabbe E. C. W., Plantin C., Walton D. N., Willard C. A., Woods W., Zarefsky D.* Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996.
29. *Eemeren F. H. van, Houtlosser P.* Rhetorical Rationales for Dialectical Movers: Justifying Pragma-Dialectical Reconstructions // *Argument in a Time of Change: Definitions, Frameworks, and Critiques. Proceedings of the tenth NCA/AFA Conference on Argumentation* / Ed. J. F. Klump. Annandale, VA: NCA, 1998. P. 51–56.
30. *Eemeren F. H. van, Houtlosser P.* Delivering the Goods in Critical Discussion // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999a, P. 163–168.
31. *Eemeren F. H. van, Houtlosser P.* Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse // *Discourse Studies*. 1990b. N 1. 4. P. 479–497.
32. *Eemeren F. H. van, Houtlosser P.* William the Silent's Argumentative Discourse. *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999c. P. 168–172.
33. *Ehlich K., Rehbein J.* Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation. Tübingen: Narr, 1986.
34. *Fairclough N.* Language and Power. London: Longman, 1989.
35. *Foss S. K.* Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1989.
36. *Freeman J. B.* Thinking Logically: Basic Concepts for Reasoning. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1988.
37. *Freeman J. B.* Dialectics and the Macrostructure of Arguments: A Theory of Argument Structure. Berlin: Foris, 1991.
38. *Garssen B.* Recognizing Argumentation Schemes // *Studies in Pragma-Dialectics* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Amsterdam: Sic Sat, 1994. P. 105–111.
39. *Goffman E.* On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry*. 1955. 18. P. 213–231.
40. *Govier T.* Problems in Argument Analysis and Evaluation. Dordrecht: Foris, 1987.
41. *Govier T.* A Practical Study of Argument. Belmont, CA: Wadsworth, 1988.
42. *Grice H. P.* Logic and conversation // *Syntax and Semantics, III: Speech Acts* / Ed. P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

43. *Groarke L.* In Defense of Deductivism: Replying to Govier // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 113–121.
44. *Groarke L.* Deductivism Within Pragma-Dialectics // *Argumentation*. 1999. N 13. 1. P. 1–16.
45. *Gumperz J. J.* Contextualization and Understanding // *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* / Ed. A. Duranti, C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992a. P. 229–253.
46. *Gumperz J. J.* Contextualization Revisited // *The Contextualization of Language* / Ed. P. Auer, A. Di Luzio. Amsterdam: John Benjamins, 1992b. P. 39–55.
47. *Hitchcock D.* Enthymematic Argument // *Argumentation: Across the Lines of Discipline. Proceedings of the Conference on Argumentation 1986* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Berlin: Foris; New York: De Gruyter, 1987. P. 289–298.
48. *Houtlosser P.* Points of View // *Argumentation*. 1998. N 12. 3. P. 387–405.
49. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Speaking* / Ed. J. J. Gumperz, D. Hymes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 35–71.
50. *Jackson S.* «Virtual Standpoints» and the Pragmatics of Conversational Argument // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 260–270.
51. *Jacobs S., Jackson S.* Argument as a Natural Category: The Routine Grounds for Arguing in Natural Conversation // *Western Journal of Speech Communication*. 1981. N 45. P. 118–132.
52. *Jacobs S., Jackson S.* Speech Act Structure in Conversation: Rational Aspects of Pragmatic Coherence // *Conversational Coherence: Form Structure and Strategy* / Ed. R. T. Craig, K. Tracy. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 47–66.
53. *Johnson R. H., Blair J. A.* Logical Self-Defense. 3rd ed. Toronto: McGraw Hill, 1993.
54. *Johnson-Laird Ph. N.* Mental Models. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
55. *Johnson-Laird Ph. N.* Human and Machine Thinking. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993.
56. *Jungslager F. S.* Identifying argumentation // *Studies in Pragma-Dialectics* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Amsterdam: Sic Sat, 1994. P. 112–118.
57. *Kahane H.* Logic and Contemporary Rhetoric: The Use of Reasoning in Everyday Life. 2-nd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1976.
58. *Kienpointner M.* The Empirical Relevance of Perelman's New Rhetoric // *Argumentation*. 1993. N 7. P. 419–437.
59. *Kitis E., Milapides M.* Read it and Believe it: How Metaphor Constructs Ideology in News Discourse: A Case Study // *Journal of Pragmatics*. 1997. N 28. 5. P. 557–590.
60. *Koetsenruijter W.* A Strategy for the Dialectical Reconstruction of the Confrontation Stage // *Studies in Pragma-Dialectics* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Amsterdam: Sic Sat, 1994. P. 172–179.
61. *Levinson S. C.* Activity Types and Language // *Linguistics*. 1979. N 17. P. 365–399.
62. *Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
63. *Lundquist L.* Towards a Procedural analysis of Argumentative Operators in Texts // *Argumentation: Perspectives and Approaches. Proceedings of the Conference on*

- Argumentation 1986 / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Dordrecht: Foris, 1987. P. 61–69.
64. *Muntigl P., Turnbull W.* Conversational Structure and Facework in Arguing // *Journal of Pragmatics*. 1998. N 29. P. 225–256.
65. *Nølke H.* Semantic Constraints on Argumentation: From polyphonic Micro-Structure to Argumentative Macro-Structure // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 189–200.
66. *Nolt J. E.* Informal Logic: Possible Worlds and Imagination. New York: McGraw-Hill, 1984.
67. *Noordman L. G. M.* Inferring from Language. Berlin etc.: Springer Verlag, 1979.
68. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969.
69. *Pinto R. C., Blair J. A.* Information, Inference and Argument: A Handbook of Critical Thinking. Internal Publication, 1989.
70. *Pomerantz A.* Agreeing and Disagreeing with Assessments: Some Features of Preferred Turn-Shapes // *Structures of Social Interaction* / Ed. J. M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 57–101.
71. *Rees M. A. van.* The Adequacy of Speech Act Theory for Explaining Conversational Phenomena: A Response to Some Conversation Analytical Critics // *Journal of Pragmatics*, 1992a. N 17. P. 31–47.
72. *Rees M. A. van.* Problem Solving and Critical Discussion // *Argumentation Illuminated* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992b. 281–291.
73. *Rees M. A. van.* The Use of Language in Conversation: An Introduction to Research in Conversational Analysis. Dordrecht: Sic Sat, 1992c.
74. *Rees M. A. van.* Analyzing and Evaluating Problem-Solving Discussions // *Argumentation*. 1995a. N 9. P. 343–362.
75. *Rees M. A. van.* Argumentative Discourse as a Form of Social Interaction: Implications for Dialectical Reconstruction // *Proceedings of the Third ISSA Conference on Argumentation. III. Reconstruction and Application* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995b. P. 159–168.
76. *Rees M. A. van.* Functions of Repetition in Informal Discussions // *Repetition in Dialogue* / Ed. C. Bazzanella. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. S. 141–155.
77. *Rehbein J.* Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. Stuttgart: Metzler, 1977.
78. *Rescher N.* Introduction to Logic. 5th ed. New York: St. Martin's Press, 1975.
79. *Schiffrin D.* Everyday Argument: The Organization of Diversity in Talk // *Handbook of Discourse Analysis III* / Ed. T. A. van Dijk. London: Academic Press, 1985. P. 35–46.
80. *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
81. *Scriven M.* Reasoning. New York: McGraw Hill, 1976.
82. *Searle J. R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
83. *Searle J. R.* Indirect Speech Acts // *Syntax and Semantics. III: Speech Acts* / Ed. P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82.
84. *Slot P.* How Can You Say That? Rhetorical Questions in Argumentative Texts. Amsterdam: IFOTT, 1993.

85. *Snoeck Henkemans A. F.* Analysing Complex Argumentation: The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion. Amsterdam: Sic Sat, 1992.
86. *Snoeck Henkemans A. F.* Anyway and Even as Indicators of Argumentative Structure // Reconstruction and Application: Proceedings of the Third International Conference on Argumentation, III / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995a. P. 183–191.
87. *Snoeck Henkemans A. F.* But as an Indicator of Counter-Arguments and Concessions // Leuvense Bijdragen. 1995b. N 84. P. 281–294.
88. *Snoeck Henkemans A. F.* Argument or Explanation? Propositional Relations as Clues for Distinguishing Arguments from Explanations // Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 757–760.
89. *Snoeck Henkemans A. F.* Aanwijzingen in de presentatie als hulp-middel bij het reconstrueren van kentekenargumentatie // Over de grenzen van de taalbeheersing: onderzoek naar taal, teksten communicatie gepresenteerd op het 8e VIOT-congres aan de TU. Delft / Ed. R. Neutelings, N. Ummelen, F. Maes. 2000. P. 43–56.
90. *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
91. *Sweetser E.* From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
92. *Thomas S. N.* Practical Reasoning in Natural Language. 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
93. *Tracy K.* Understanding Face-to-Face Interaction: Issues Linking Goals and Discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991.
94. *Tsui A. B. M.* The Pragmatic Functions of «I don't know» // Text. 1991. N 11. 4. P. 607–622.
95. *Verbiest A. E. M.* A New Source of Argumentative Indicators? // Studies in Pragmatic-Dialectics / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Amsterdam: Sic Sat, 1994. P. 180–187.
96. *Vuchinich S.* The Sequential Organization of Closing in Verbal Family Conflict // Conflict Talk: Sociolinguistic Investigations of Arguments in Conversations / Ed. A. D. Grimshaw. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 118–139.
97. *Walton D. N.* Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies // Argumentation Illuminated / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1992. P. 133–147.
98. *Warnick B., Kline S. L.* The New Rhetoric's Argument Schemes: A Rhetorical View of Practical Reasoning // Argumentation and Advocacy. 1992. N 29. P. 1–15.
99. *Wenzel J. W.* The Rhetorical Perspective on Argument // Argumentation: Across the Lines of Discipline. Proceedings of the Conference on Argumentation 1986 / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Berlin: Foris; New York: De Gruyter, 1987. P. 101–111.
100. *Wreen M.* A Bolt of Fear // Philosophy and Rhetoric. 1989. N 22. 2. P. 131–140.

АРГУМЕНТАЦИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВА

8.1. Введение

В области права аргументация играет весьма важную роль. Особую значимость она приобретает тогда, когда человек подает какой-либо иск или прошение и желает, чтобы другие люди приняли это заявление. Любой адвокат, представляющий дело в суде, обязан доказать важность требования клиента с помощью аргументов¹. Ожидается, что судья также должен аргументировать свое решение. Более того, в законодательстве многих стран, регулирующем судебную систему, прямо записано, что судья обязан обосновать свое решение. Когда парламентарий представляет законопроект в парламент для рассмотрения, от него ожидают, что он будет стремиться обосновать свое предложение. Ученые-юристы также пользуются аргументацией для обоснования своего мнения перед коллегами. Любой человек, который выдвигает юридически значимую точку зрения и хочет, чтобы она была принята, обязан представить аргументы в поддержку своей точки зрения.

Все это объясняет, почему теоретики аргументации считают юридическую аргументацию не только важной областью исследований, но также важной сферой применения идей, развитых в области теории аргументации. В области права существует несколько основных вопросов, касающихся связи права и теории аргументации, которые требуют решения. Они заключаются в том, как соотносятся критерии, выработанные в юридической практике и теории права (*theory of law*) или юриспруденции (*jurisprudence*) в отношении состоятельности юридической аргументации (*soundness of legal argumentation*), с концепциями, разработанными в этой области в теории аргументации. Каким общим и конкретным критериям рациональности должно удовлетворять юридическое решение? Достаточно ли того, чтобы судья упомянул обстоятельства дела и примененные законы, или он должен объяснить, почему те или иные нормативные акты (*legal statutes*) применимы в данном конкретном деле? Как то или иное толкование закона может быть рационально обосновано? Какова связь между право-

выми нормами (legal rules), юридическими принципами (legal principles) и общими этическими нормами и ценностями (moral norms and values) в контексте юридического обоснования (legal justification)? Существуют ли особые правила, которыми руководствуются судьи в принятии своих решений, по сравнению с процессом обоснования других юридических точек зрения? Что касается применения норм, выработанных в теории аргументации в области права, неразрешенные до настоящего времени вопросы заключаются в том, как наблюдения из области теории аргументации могут быть применены в юридическом контексте. Какое применение может найти общая модель аргументации в анализе и оценке юридической аргументации? Как юридическая аргументация может быть реконструирована согласно общей модели аргументации? Как общие стандарты рациональности могут быть применены при оценке юридических доводов?

Данная глава содержит обзор различных исследований, проведенных теоретиками аргументации и теоретиками права за последние тридцать лет. В этом обзоре мы ставим цель очертить данную область исследований и дать описание различных достижений в изучении юридической аргументации.

За последние тридцать лет был опубликован целый ряд исследований, как теоретиками аргументации, так и теоретиками права, посвященных анализу различных аспектов юридической аргументации. Интерес к юридической аргументации впервые зародился в среде теоретиков права. В 70-х и 80-х гг. XX в. теме связи аргументации и теории права был посвящен ряд международных конференций². Среди теоретиков аргументации интерес к юридической аргументации начал расти также в 70-х и 80-х гг. Юридическая аргументация всегда была одной из тем, обсуждавшихся на конференциях Международного общества изучения аргументации (International Society for the Study of Argumentation (ISSA)) и Ассоциации речевой коммуникации США (Speech Communication Association (SCA))³.

После 1970 г. появилось сразу несколько публикаций, посвященных юридической аргументации. Первые из опубликованных исследований были выполнены в русле логики. Описывая спор между формалистами и неформалистами по поводу роли логики в юридической аргументации, Д. Хоровиц (Horovitz, 1972) приходит к выводу: разногласия между представителями этих двух лагерей заключаются в том, что различные авторы по-разному используют одни и те же базовые термины и что тезис, который отстаивают неформалисты, зиждется в огромной мере на ошибочных взглядах. Д. Калиновский (Kalinowski, 1972) в своей работе описывает различные направ-

ления, существующие в юридической логике, и предлагает свою теорию юридической аргументации, содержащую классификацию типов рассуждения. В последующих обзорах авторы уделяют внимание различным аспектам теории аргументации и философии языка. Описывая различные модели аргументации, Д. Страк (Struck, 1977) отмечает, что ни одна из моделей, включая эмпирико-описательные модели (empirical description models) (Тулмин, топика (topics)), эпистемологические нормативно-оценочные модели (normative evaluative models) (логика, критический рационализм (critical rationalism), герменевтика (hermeneutics)), социальные теории (марксизм, концепция Ю. Хабермаса, Эрлангенская программа (Erlangen Schule)), не содержит подходящего аналитического аппарата для оценки рациональности юридической аргументации. Он приходит к выводу, что подобный аппарат могут предложить социальная топика (social topics) и риторика. Р. Алекси (Alexy, 1989) предлагает теорию юридической аргументации, основанную на идеях аналитической философии морали (analytic moral philosophy) таких авторов, как Стивенсон (Stevenson), Л. Виттгенштейн (Wittgenstein), Дж. Остин (Austin), Хейр (Hare), С. Тулмин (Toulmin) и Д. Э. Байер (Baier), на концепциях теории истины как консенсуса Ю. Хабермаса (Habermas' consensus theory of truth), теории практического рассуждения, разработанной представителями Эрлангенской программы (theory of practical deliberation), а также теории аргументации Х. Перельмана. Р. Рики (Rieke, 1982) дает обзор различных работ, посвященных аргументации в практике правоприменения (legal process), которые включают в себя исследования в таких разных областях, как риторический анализ, решения судьи, коммуникативные функции юристов, а также телевидение и судебные разбирательства. По мнению Р. Рики, перспективной областью для дальнейших исследований может стать аргументация в судебных выступлениях в рамках дел, связанных со свободой самовыражения.

Во многих журналах, посвященных теории аргументации, речевой коммуникации, неформальной логике, теории права и философии права, регулярно публикуются статьи по юридической аргументации⁴. В ряде журналов в последнее время целые выпуски посвящались теме юридической аргументации⁵.

Исследования, проводящиеся в области юридической аргументации в последние тридцать лет, характеризуются богатым разнообразием тем, подходов, идей и принципов. Юридическая аргументация исследуется в разных областях ее функционирования. Это и теория права (юриспруденция), и законодательный процесс, и практика правоприменения, и процесс принятия судебного решения (process of

judicial decision-making). В этих исследованиях можно выделить несколько методологических подходов. Ученые, работающие в рамках нормативного подхода, исследуют рациональные средства, которые использует судья для обоснования своего решения, или разумные (reasonable) способы ведения юридической дискуссии. Ученые, предпочитающие описательный подход, концентрируют свое внимание на примерах из реального процесса аргументирования, стремясь определить, почему те или иные аргументативные стратегии эффективны или не эффективны в деле убеждения конкретной аудитории.

Существуют также различные аспекты юридической аргументации, которые тоже могут быть объектом исследования. Некоторые авторы уделяют внимание философским и методологическим проблемам юридического аргументативного дискурса; другие создают теоретические модели и пытаются выработать нормы рационального обоснования юридических решений; третьи занимаются описанием юридической практики; наконец, четвертые вырабатывают методы обучения практическим навыкам проведения анализа, оценки юридических текстов и их написания.

Для создания ясной картины, в чем заключается сходство и различия между исследованиями, мы будем рассматривать эти исследования под двумя углами зрения. В разделе 8.2 данной главы все работы в области юридической аргументации разделены на три основных направления: логическое, риторическое и диалогическое. В разделе 8.3 обсуждаемые исследования анализируются с точки зрения различных тем, которые в них освещаются. Чтобы наш обзор был как можно более полным и репрезентативным, мы ограничились лишь кратким описанием каждого исследования. Более развернутое и детальное описание различных теорий можно найти в монографии «Основы юридической аргументации» (Feteris, 1999a).

8.2. Различные концепции юридической аргументации

8.2.1. Логическая концепция

Самую продолжительную историю из всех подходов к изучению юридической аргументации имеет логическая концепция. В логическом подходе критерием рациональность (rationality) юридической

аргументации служит формальная логическая правильность (*formal validity*) аргументации, а для реконструкции доводов юридического характера используются языки логики. Один из постулатов логического подхода состоит в том, что обязательным условием приемлемости юридического обоснования является то, что доводы, на которых строятся обоснования, должны восстанавливаться в логически правильную аргументацию. Другим условием является то, что доводы, которые приводятся в обоснование принятого решения, должны быть присмлемыми с точки зрения юридических требований. Решение или заключение следует из юридической нормы (*legal rule*) и обстоятельств дела (*facts*), которые являются посылками этого заключения только в том случае, если аргументация является логически правильной.

Некоторые авторы считают, что требование логической правильности (*logical validity*) как стандарт состоятельности логической аргументации должно быть связано с требованием, гласящим: юридическое решение должно быть основано на общей норме. Когда кто-то утверждает, что то или иное юридическое решение основано на общей норме, то он утверждает, что в похожих юридических случаях должно быть принято то же решение.

Авторы, которые придерживаются логического подхода, расходятся во мнении по поводу того, следует ли применять в анализе юридической аргументации деонтическую логику (*deontic logic*). Вслед за У. Клюгом (Klug, 1951) некоторые исследователи стали высказывать точку зрения, что такие нормативные понятия, как «обязательно» и «запрещено» могут быть определены посредством нормативных предикатов (*normative predicates*) без необходимости постулировать особый класс операторов (*operators*), таких как «обязательно, что(бы)» и «разрешено, что(бы)». И поэтому они добавляют, что юридическая аргументация может быть реконструирована надлежащим образом в рамках логики предикатов (*predicate logic*)⁶.

Другие исследователи, такие как, например, А. Сотмен (Soeteman, 1989), придерживаются мнения, что для анализа юридической аргументации лучше подходит деонтическая логика (*deontic logic*), в которой нормативные понятия анализируются как отдельные логические константы (*logical constants*)⁷. Хотя деонтическая логика берет за основу пропозициональную логику (*propositional logic*) и логику предикатов, идеи, изложенные в этих логиках, получают в ней более полное развитие. Поэтому деонтическая логика может применяться не только для анализа тех элементарных доводов, которые рассматриваются в вышеназванных видах логики, но и для описания дру-

гих, более сложных систем, которые не в состоянии сформулировать ни та ни другая логика⁸.

В последнее время были опубликованы различные исследования, посвященные изучению искусственного интеллекта и права, в которых предлагаются другие теории, построенные на основе обычной логики (*standard logic*), но развивающие ее идеи для целей анализа юридической аргументации. Д. Хаге в соавторстве с другими авторами (Hage et al., 1994) разработал теорию, в которой акцент при рассуждении предлагается делать на юридических нормах. В логике, опирающейся на подобные основания, аргументы за и против юридической точки зрения могут быть взвешены с большей долей надежности, чем это позволяет сделать обычная логика⁹. В теории Праккена (Prakken) содержится логическая система диалогического анализа юридической аргументации. Поскольку в существующих логических системах реконструируются лишь монологи, целью учебного была разработка логических систем, в рамках которых было бы возможно сравнить аргументы за и против противоречащих друг другу выводов участников диалога¹⁰.

8.2.2. Риторическая концепция

Реакцией на существующий логический подход и на тот акцент, который делается в логическом подходе на формальных аспектах юридической аргументации, стала разработка риторического подхода, в котором основное внимание уделяется содержанию доводов и зависимым от контекста аспектам приемлемости аргументов (*context-dependent aspects of acceptability*). В рамках данного подхода приемлемость аргументации ставится в зависимость от эффективности аргументации у той аудитории, которой она адресована. Эта аудитория может состоять как из конкретных лиц, например судьи магистратского суда по расследованию дорожных нарушений, так и из целой группы людей, таких, например, как присяжные заседатели в уголовном суде, юристы-подписчики юридического журнала или юридическое сообщество в целом. Среди наиболее важных исследований, выполненных в русле риторического подхода, следует назвать «новую риторику» Х. Перельмана (Perelman's «new rhetoric»), аргументативную модель С. Тулмина (Toulmin's argumentation model) и топический подход Вейвега (Viehweg's topical approach). Все три автора затрагивали в своих работах сферу юридической аргументации и имеют последователей, которые развивают их идеи.

В книге «Юридическая логика. Новая риторика» («Logique juridique. Nouvelle rhétorique»), изданной в 1976 г., Х. Перельман описывает различные отправные положения, понятия или принципы (starting points), а также аргументативные приемы, используемые в юриспруденции для убеждения аудитории согласиться с тем или иным юридическим решением. Он описывает то, как судьи используют те или иные отправные положения или принципы в обосновании своих решений. В качестве примеров этих общепризнанных принципов Х. Перельман приводит такие юридические принципы, как беспристрастность (fairness), справедливость (equity), добросовестность (good faith), свобода (freedom) и т. п. Добиться согласия других людей со своим решением судье помогает использование таких схем аргументации (argument schemes), как аналогия и доказательство противного (a contrario). Используя доводы, основанные на отношениях аналогии, судья может показать, что та или иная норма применима в рассматриваемом деле, так как известно, что она применима в других делах, с которыми данное дело сходно в существенных обстоятельствах. Используя доказательство противного, судья может продемонстрировать, что та или иная норма неприменима в данном случае, поскольку данное дело только на первый взгляд схоже с другими делами, где данная норма применяется.

Работы по юридической аргументации изобилуют ссылками на идеи Х. Перельмана. Так, например, в книге, изданной в 1986 г. под редакцией Голдена (Golden) и Пайлотта (Pilotte), «Практическое рассуждение в человеческой деятельности. Исследования, посвященные Хайму Перельману» («Practical Reasoning in Human Affairs: Studies in Honour of Chaim Perelman») содержатся статьи, в которых авторы рассматривают различные варианты использования идей Х. Перельмана в области права. В статье Д. Хааршера (Haarscher) обсуждаются идеи Перельмана о справедливости (justice), в работе Д. Макау (Macau) рассматривается юридическая модель ученого, а Рики описывает различные подходы к процессу принятия юридического решения, отмечая преимущества риторического подхода Перельмана в отношении аргументативного анализа процесса принятия юридического решения.

В сборнике «Хайм Перельман и современная мысль» («Chaim Perelman et la pensée contemporaine»), изданной под редакцией Д. Хааршера в 1993 г., в центре внимания авторов также юридические аспекты идей Х. Перельмана. Кристи (Christie) описывает роль всеобщей аудитории (universal audience) в юридическом контексте. Анкаку (Ankaku) обсуждает влияние идей Х. Перельмана на юридическое

мышление японцев, М. Манели (Maneli) отмечает важность новой риторики как новой юридической философии и методологии, Каменка (Kamenka) и Эр-Сун Тей (Erh-Soon Tay) описывают примеры применения идей Перельмана в системе общего права (common law) и континентального европейского права (continental European law), а Террэ (Terre) размышляет над ролью судьи в новой риторике.

Американский философ права М. Манели отмечает в своей статье (Maneli, 1993), что риторический критерий состоятельности является привлекательной альтернативой формально-логическим критериям оценки аргументации. Американские теоретики речевой коммуникации Д. Макау и Д. Шойтц в своих работах (Макау, 1984; Schuetz, 1991) адаптируют теорию Х. Перельмана для целей анализа конкретных примеров юридической аргументации. Д. Шойтц описывает примеры эффективного использования прецедента в отстаивании той или иной юридической позиции в мексиканском уголовном судопроизводстве. Д. Макау описывает, как Верховный суд США апеллирует к смешанной аудитории: судьям (как настоящим, так и будущим), судьям нижестоящих судов, правоприменителям (legal administrators), законодателям, юристам, адвокатам, тяжущимся (litigants), правоведам и другим образованным членам мира политики. У каждой из этих групп есть свои интересы, ценности и убеждения, которые часто противоречат интересам, ценностям и убеждениям других групп. У. Витхофф (Wiethoff, 1985) анализирует перельмановскую философию юридической аргументации.

Рассматривая примеры из правоприменительной практики, С. Тулмин в своей книге «Использование аргументов» («The Uses of Argument», 1958) доказывает, что адекватность аргументации не определяется ее формально-логической правильностью. По его мнению, аргументация зависит от области ее применения (field-dependent). Приемлемость содержания довода, однако, зависит от предмета обсуждения и от аудитории, к которой он обращен. В книге «Введение в рассуждение» («An Introduction to Reasoning», 1984), написанной С. Тулмином в соавторстве с Р. Рики (Rieke) и А. Яником (Janik), авторы расширяют сферу применения тулминовской аргументативной модели, привлекая примеры аргументации из целого ряда новых областей. Например, в главе, посвященной юридической аргументации, они адаптируют модель для анализа юридических доводов.

Как показывает анализ научных публикаций, модель С. Тулмина часто используется в исследованиях, посвященных области юридической аргументации. Спектр этого использования различен: неко-

торые авторы используют только его термины, другие используют модель Тулмина как аналитический инструмент для реконструирования необходимых элементов юридической аргументации. А. Печеник (Peczenik, 1983. Р. 4–5) использует терминологию С. Тулмина для доказательства своего тезиса, что юридическое решение всегда вытекает из сочетания утверждения об обстоятельствах дела (facts) и основания (warrant), т. е. нормы, согласно которой происходит логический переход от посылок к выводу. В своей работе, посвященной разграничению различных элементов в аргументации адвоката, Р. Рики и Р. Статман (Rieke and Stutman, 1990. Р. 95–98) также пользуются терминологией С. Тулмина. Их интересуют прежде всего те части аргументативного дискурса, которые вносят вклад в дело убеждения присяжных заседателей. С. Ньюэлл и Р. Рики (Newell and Rieke, 1986) рассматривают систему права как совокупность оснований для юридических решений. Если какое-либо умозаключение судей Верховного суда США получает статус общепризнанной нормы, то, согласно С. Ньюэллу и Р. Рики, подобный довод уже не нуждается в дальнейшем обосновании. К. Снедакер (Snedaker, 1987) применяет тулминовскую модель для анализа и оценки аргументации в знаменитом суде над Сэмом Шеппардом (Sam Sheppard).

Некоторые авторы опираются в своих исследованиях на постулаты античной риторики. Для ученых, придерживающихся топического подхода в анализе юридической аргументации, фундаментом для создания теорий, направленных на поиск подходящих доводов, является «Топика» Аристотеля. В юридическом контексте доводы должны быть основаны на убедительных для аудитории общих посылах или топосах (topoi). Примерами подобных юридических топосов могут служить такие общие юридические принципы, как принцип беспристрастности, справедливости и т. п. Одним из самых известных приверженцев топического направления является немецкий теоретик права Вейвер (Viehweg, 1954)¹¹. По мнению ученого, топосы являются хорошим инструментом в нахождении и формулировании доводов, используемых для обоснования юридических решений¹².

Другая группа ученых опирается в своих исследованиях на античное учение о статусах (status theory) — теорию об определенном наборе стандартных вопросов, на которые должен быть получен ответ в отношении той или иной проблемы. Античное учение о статусах используют в анализе юридической аргументации такие ученые, как Х. Хохманн (Hohmann, 1989) и С. Мак-Ивой (McEvoy, 1991, 1995). Современный вариант теории, известный под названием тео-

рии ключевых вопросов дела (stock issues theory), был применен В. Диксом (Dicks, 1976) при анализе знаменитого суда над Анджелой Дэвис (Angela Davis).

Некоторые авторы в своих исследованиях уделяют внимание тому, какую помощь в анализе юридической аргументации могут оказать риторические теории средневековья. Одним из них является Х. Хохманн, который описывает взгляды на юридическую аргументацию, бытовавшие в логике и риторике в Средние века (Hohmann, 1995, 1998) и в эпоху Возрождения (Hohmann, 1999).

Ряд членов Американской ассоциации речевой коммуникации также подходят к рассмотрению юридической аргументации с риторических позиций. Р. Рики (Rieke, 1986, 1991) придерживается в своем анализе риторико-диалогического подхода. По его мнению, анализ юридических решений следует проводить в контексте более широкого процесса принятия юридических решений. Он считает, что этот процесс является диалогом, в котором судьи совместно с другими участниками судопроизводства стремятся сформулировать свои нормативные предпочтения, используя диалектические и риторические структуры.

В. Дикс (Dicks, 1981) описывает различные риторические стратегии в практике правоприменения. Д. Хемпл (Hample, 1979) ставит своей целью оценить роль выбора в процессе принятия юридического решения. Придерживаясь направления юридического реализма, он описывает различные риторические стратегии, используемые судьями для сокрытия личных мотивов. Олсон и Олсон описывают использование риторических приемов в уголовном процессе, в котором разбирается ввоз в страну нелегальных иммигрантов.

Современные версии риторического подхода также встречаются в исследованиях ученых, принадлежащих к движению «Критическое направление в юридических исследованиях» («Critical Legal Studies Movement») или движению «Право и литература» («Law and Literature Movement»). Эти авторы рассматривают юридический текст как социальное, культурное и политическое явление. Их анализ направлен на выяснение того, как используются те или иные лингвистические и текстуальные приемы для выражения (или сокрытия) определенной идеологии¹³. Д. Хербек (Herbeck, 1995a) описывает вклад представителей критического направления в юридических исследованиях в теорию аргументации. Э. Скаллен (Scallen, 1995) дает обзор последних дискуссий и споров в движении «Право и литература». Она прослеживает эволюцию школ, исповедующих идеи этого движения, отмечая то огромное влияние, которое эти школы оказали на

преподавание американского права и развитие идей американской правовой системы. Рассматривая американский юридический контекст, она также указывает на связь между движениями «Критическое направление в юридических исследованиях» и «Право и экономика» («Law and Economics Movement») и анализирует природу движения «Право и литература».

Известным представителем этого направления в американском праве является Р. Поснер (Posner, 1988, 1990). Важность идей Р. Поснера в изучении юридической аргументации отмечают такие авторы, как Д. Хербек (1995), М. Джанас (Janas, 1995), а также Э. Панетта и М. Хейсиан (Panetta and Hasian, 1995). Другими представителями критического подхода являются П. Корнелл (Cornell, 1992), Р. Дельгадо (Delgado, 1995) и С. Фиш (Fish, 1989).

Различные авторы, работающие в рамках направлений права, риторики и литературы, предлагают в своих работах анализ отдельных примеров юридической аргументации. Г. Клиндер (Klinger, 1989) отмечает, что литературный подход содержит хороший аналитический аппарат для изучения юридических решений. Р. Твигг (Twigg, 1989) проводит дискурсивный анализ решений Верховного суда США, где содержится толкование конституции США, раскрывая политическую идеологию, на которой основана та или иная интерпретация. В последние годы многие специализированные журналы по аргументации посвящали целые выпуски риторическому подходу к юридической аргументации. В одном из таких выпусков журнала «Аргументация» («Argumentation»), вышедшем под редакцией А. Лемперера и др. (Lempereur et al., 1991), уделяется особое внимание важности античной риторики для анализа юридической аргументации. В журнале «Аргументация и защита точки зрения» («Argumentation and Advocacy») тему юридической коммуникации и аргументации обсуждают Д. Макау, Лоуренс (Lawrence), Стрейдер (Strader), Брюшке (Bruschke) и Клиндер (Klinger).

8.2.3. Диалогическая концепция

В последнее время возник новый подход к анализу юридической аргументации, который получил название диалогического (dialogical approach). В рамках этого подхода юридическая аргументация рассматривается с позиций процедуры обсуждения, в процессе которого стороны отстаивают в споре свои позиции, руководствуясь правилами рациональной дискуссии. В этом случае юридическая аргумен-

тация считается частью диалога о приемлемости юридической точки зрения. Рациональность спора зависит от того, удовлетворяет ли процедура обсуждения определенным формальным и сущностным критериям приемлемости (*material standards of acceptability*). Важный вклад в развитие диалогического подхода внесли А. Аарнио (Aarnio, 1977; 1987), Р. Алекси (Alexy, 1989) и А. Печеник (Peczenik, 1983, 1989)¹⁴. Подобно Ю. Хабермасу, они считают юридическую аргументацию формой рациональной коммуникации, участники которой ставят перед собой цель достичь рационального консенсуса посредством обмена мнениями.

В области анализа и оценки доводов эти авторы проводят различие между *формальными, процессуальными* аспектами обоснования (*formal and procedural aspects*) и *сущностными аспектами*, или/иначе, *аспектами, касающимися рассмотрения дела по существу* (*material aspects*). Что касается *результата* спора (*product of an argument*), А. Аарнио (Aarnio, 1987), Р. Алекси (Alexy, 1989), Н. Мак-Кормик (MacCormick, 1978), А. Печеник (Peczenik, 1983) и Вроблевский (Wróblewski, 1974) выделяют два уровня в реконструкции обоснования юридического решения. На одном уровне — уровне *внутреннего обоснования* (*internal justification*) — используются формальные аспекты. В этом случае рассуждение реконструируется как логически правильная аргументация, в которой посылками служат нормы права и обстоятельства дела, а решение представляет собой логический вывод из этих посылок. Во *внешнем обосновании* (*external justification*) используются аспекты приемлемости решения по существу. На этом уровне выясняется, можно ли считать приемлемыми те обстоятельства дела, законы или нормы права, которые используются во внутреннем обосновании.

Диалогический подход требует, чтобы дискуссия также отвечала процессуальным критериям рациональности (*procedural criteria of rationality*). Для того чтобы юридическое решение было приемлемым, важно, чтобы участники дискуссии придерживались определенных правил. Эти основополагающие принципы (например, развитые Р. Алекси) — это принципы последовательности (*consistency*), эффективности (*efficiency*), проверяемости (*testability*), связности и ясности (*coherence*), обобщаемости (*generalizability*) и искренности (*sincerity*). А. Аарнио (Aarnio, 1987) и А. Печеник (Peczenik, 1983, 1989) отходят от этих правил и вносят ряд дополнений.

В Нидерландах в рамках диалогического подхода работают такие ученые, как Э. Фетерис (Feteris), Х. Клоостерхаус (Kloosterhuis) и Д. Плюг (Plug). Они развивают *прагма-диалектическую* (*pragma-*

dialectical) теорию, согласно которой процесс юридической аргументации рассматривается как вклад в рациональную дискуссию. В прагма-диалектической теории в анализе правовой практики применяются критерии, заложенные в идеальной модели рационального разрешения спора. Э. Фетерис (Feteris, 1987, 1990, 1991, 1993a, 1993b, 1995) отмечает ряд сходств и различий между юридической и не-юридической дискуссиями. Х. Клоостерхаус (Kloosterhuis, 1994, 1995, 1999) предлагает в своих работах аналитическую систему координат, которую он использует для реконструкции аргументации, основанной на отношениях аналогии и доказательстве противного. Д. Плюг (Plug, 1994; 1995; 1999) демонстрирует в своих работах, что обоснование юридического решения может быть проанализировано, исходя из критериев критической дискуссии, и описывает различные аргументативные структуры, используемые в обосновании.

8.3. Различные компоненты исследования юридической аргументации

8.3.1. Философский компонент

В предыдущем разделе мы рассказали о самых значительных исследованиях, которые посвящены юридической аргументации. В этой части главы мы рассмотрим более подробно каждый из этих подходов. Для того чтобы наш обзор имел систематический характер, мы свяжем эти подходы с различными компонентами «общей программы» исследований юридической аргументации. В любой исследовательской программе можно разграничить философские, теоретические, аналитические, эмпирические и практические компоненты¹⁵.

Философский компонент состоит в разработке нормативного фундамента теории юридической аргументации. В этом компоненте исследуются вопросы, касающиеся критериев рациональности юридической аргументации, и рассматриваются различия между юридическими нормами рациональности и этическими нормами рациональности. Два важных вопроса, которые обсуждаются в рамках философского компонента, заключаются в следующем: какие общие этические и какие частные юридические критерии рациональности должны приме-

няться при оценке юридических доводов? Ю. Хабермас (Habermas, 1988) рассматривает критерии, которым должна удовлетворять юридическая аргументация, чтобы быть приемлемой с этической точки зрения. Он выделяет в этой связи особые институциональные процедуры (institutional procedures), гарантирующие, что в правовой системе будут приниматься только этически приемлемые решения. Р. Алекси (Alexy, 1989) развивает теорию юридического рассуждения, в которой он сочетает анализ рациональности общей практической аргументации с исследованием норм рациональности, присущих юридической аргументации. Вслед за Р. Алекси точки зрения о том, что юридическая аргументация является частной формой общеэтического рассуждения, лишь функционирующей при особых условиях, придерживается и К. Гюнтер (Günther, 1989).

8.3.2. Теоретический компонент

В рамках теоретического компонента происходит разработка теоретических моделей юридической аргументации. В этих моделях формулируются структуры юридических умозаключений, а также нормы и правила, согласно которым определяется приемлемость тех или иных доводов. Модель Е. Вроблевского (Wróblewski, 1974) направлена на то, чтобы выделить различные элементы обоснования юридического решения. А. Аарнио (Aarnio, 1987) и Р. Алекси (Alexy, 1989) в своих исследованиях предлагают модифицировать модель Вроблевского, выделяя два уровня обоснования — внутреннее и внешнее. А. Аарнио (Aarnio, 1987), Р. Алекси (Alexy, 1989), Н. Мак-Кормик (MacCormick, 1978) и А. Печеник (Peczenik 1983, 1989) в своих работах делают попытку сформулировать применимые на этих двух уровнях нормы.

Кроме этих общетеоретических исследований существуют также работы, в которых проводится анализ конкретных аспектов рациональной юридической аргументации. Самым важным из подобных критериев, по мнению А. Аарнио (Aarnio, 1987), Р. Алекси и А. Печеника (Alexy and Peczenik, 1990), К. Гюнтера (Günther, 1989), Н. Мак-Кормика (MacCormick, 1978), Н. Мак-Кормика и Р. Саммерса (MacCormick and Summers, 1991) и А. Печеника (Peczenik, 1983, 1989), является связность и ясность (coherence) аргументации.

Другие авторы концентрируют свое внимание на ошибках, которые встречаются в праве. Х. Хохманн (Hohmann, 1991) оценивает роль ошибок в юридическом рассуждении. Л. Протт (Prott, 1991)

проводит анализ решений Международного суда, в которых присутствуют примеры доводов к человеку (*argumentum ad hominem*), доводов к нелепости (*argumentum ad absurdum*), доводов к последствиям (*argumentum ad consequentiam*), суждений вида «тем более что» (*a fortiori*)¹⁶.

Американские исследователи речевой коммуникации считают юридическую аргументацию особой областью рассуждения, к которой применимы особые критерии аргументативной состоятельности. Р. Рики (Rieke 1981) описывает научный проект, в котором аргументация рассматривалась бы как особая форма рассуждения, и описывает особенности юридической аргументации. Асбелл Шеппард и Р. Рики (Sheppard and Rieke, 1983) предлагают аналитическую модель представления юридических доводов. Шутц (Schuetz 1981) привлекает внимание читателей к проблемам, которые возникают из-за того, что юридическую аргументацию считают областью рассуждения, отличную от всех других.

Наконец, некоторых исследователей интересует вопрос, сколько и какие области аргументации могут быть выделены в рамках права. Т. Холлихан и др. (Hollihan et al., 1986) описывают особенности аргументативного процесса в суде, рассматривающем небольшие иски, или суде малых тяжб (*small claims court*). Д. Шутц (Schuetz, 1986) в качестве материала анализа использует законодательный процесс.

8.3.3. Аналитический компонент

Аналитический компонент исследований в области юридической аргументации включает в себя описание юридических рассуждений с позиций аналитической модели. Цель рациональной реконструкции доводов заключается в том, чтобы произвести ясное разграничение стадий процесса аргументации, явных и неявных аргументов, а также структуры аргументации. Подобная рациональная реконструкция является фундаментом, на котором основана оценка доводов.

Тип подхода и критерии рациональности, используемые в этом подходе, зависят от того, как реконструируется аргументация. Тип реконструкции, применяемый в логическом подходе, подразумевает анализ аргументации как цепь логически правильных умозаключений. Р. Алекси (Alexy, 1989), Х. Кох (Koch, 1980) и Н. Мак-Кормик (MacCormick, 1978) описывают процедуру реконструкции юридических доводов, основанную на данном подходе. Такие же авторы, как Д. Макау (Macau, 1984), Д. Шутц (Schuetz, 1986, 1991), К. Сне-

дакер (Snedaker, 1987) уделяют внимание в своих работах реконструкции, применяемой в риторической традиции. Э. Фетерис (Feteris, 1991) анализирует трансформации, которые используются при диалогическом анализе юридической аргументации.

Одна из центральных проблем в анализе юридической аргументации заключается в том, чтобы определить, как должно проводиться обоснование того или иного толкования юридической нормы (*justification of interpretation of a legal rule*). В реконструкции юридических доводов часто делается разграничение между так называемыми ясными случаями, в которых совершенно ясно, какая норма закона должна применяться, и так называемыми сложными случаями, в которых необходимо сначала провести толкование закона, прежде чем станет ясно, применим ли он в данном деле. Такие авторы, как А. Аарнио (Aarnio, 1977, 1987), Р. Алекси (Alexy, 1989), Н. Мак-Кормик (MacCormick, 1978) и А. Печеник (Peczenik, 1983, 1989) различают разные уровни обоснования того или иного толкования юридических норм.

Р. Саммерс (Summers, 1978) предлагает модель рациональной реконструкции юридических решений и описывает методы и элементы процесса создания и оценки юридических решений. В книге «Толкование законов» («*Interpreting Statutes*»), вышедшей в 1991 г. под редакцией Н. Мак-Кормика и Р. Саммерса (MacCormick and Summers, 1991), содержится отчет о результатах исследований, посвященных толкованию законов в различных странах (Германии, Финляндии, Франции, Италии, Польше, Великобритании, США и Аргентине). Авторы приходят к заключению, что высшие суды разных стран используют в своей аргументации разные методы толкования законов.

Другой важный вопрос, касающийся реконструкции аргументов, заключается в нахождении наиболее эффективных методов анализа и оценки умозаключений, основанных на аналогии и доказательстве от противного. Доводы, основанные на отношении аналогии, используются для того, чтобы показать, что, несмотря на то, что рассматриваемое дело прямо не подпадает под действие какой-либо нормы права, этот нормативный акт все же можно применять, поскольку он применим в сходных случаях. Доказательством противного вскрывают то, что рассматриваемое дело не подпадает под действие применяемого закона.

Первый вопрос, на который пытаются ответить ученые, состоит в том, можно ли вышеназванные схемы аргументации свести к форме логически правильного умозаключения, и если да, то как это сделать. Х. Каптейн (Kapteijn, 1994; 1999), У. Клюг (Klug 1951) и А. Сот-

мен (Soeteman, 1989) считают, что такие доводы могут быть восстановлены в логически правильные умозаключения. По их мнению, главный вопрос заключается в том, какая логическая система лучше всего подходит для этой цели. Х. Каптейн придерживается точки зрения, что для анализа рассуждения по аналогии и доказательства противного следует использовать пропозициональную логику. М. Хенкет (Henket, 1992) считает, что доказательство противного должно рассматриваться не как сущностная импликация (*material implication*), а в зависимости от толкования закона как процесс создания аналога рассматриваемого дела (*replication*) или как процесс создания дела, находящегося к рассматриваемому делу в отношениях эквивалентности (*equivalence*). В книге В. Бенуа и Франса (Benoit, France, 1980) обсуждаются примеры аргументации по аналогии, взятые из американского права. В работе М. Хенкета (Henket, 1991) анализируются аналогия и использование правил в практическом рассуждении.

Работая в рамках прагма-диалектического подхода, Х. Клоостерхаус (Kloosterhuis, 1994, 1995, 1999) разрабатывает аналитический аппарат для анализа и оценки рассуждений, основанных на аналогии. Он выделяет различные формы аналогии, описывает их эксплицитные и имплицитные элементы и предлагает способы рациональной оценки рассматриваемой аргументации. Э. Фетерис (Feteris, 1999b) и Д. Плюг (Plug, 1994, 1995, 1999) описывают методы реконструкции структуры обоснования юридических решений.

8.3.4. Эмпирический компонент

В рамках эмпирического элемента в центре внимания исследователей находятся приемы создания и оценки аргументации в реальной правовой практике. Цель подобного рассмотрения состоит в том, чтобы определить, насколько реальная аргументативная деятельность в области права соответствует или расходится с теоретическими моделями, и если встречаются подобные расхождения, то дать им объяснение.

Существует целый ряд исследований конкретных примеров особенностей аргументативного процесса. В исследовании В. Бенуа (Benoit, 1981) дается описание эмпирического анализа аргументативных стратегий, применяющихся в Верховном суде США. В другой работе, вышедшей в 1989 г., тот же автор анализирует реакции суда на выдвигаемые юристами доводы. В совместном исследовании В. Бенуа и Ж. Д'Агостина (Benoit and D'Agostine, 1994) описывает-

ся, как в праве функционирует аргументативный дискурс, нацеленный на разнородную аудиторию. В. Бенуа и Ж. Франс (Benoit and France, 1983) уделяют внимание тому, какое влияние оказывают вступительные и заключительные аргументы сторон (opening and closing arguments) на вердикт присяжных заседателей. М. Диккенс и Р. Шварц (Dickens and Schwartz, 1970, 1971) обсуждают в своей работе роль устной аргументации в Верховном суде США. Н. Данбар и М. Купер (Dunbar and Cooper, 1981) описывают различные виды заявлений, которые делает судья на последовательных стадиях правового процесса. М. Хейган (Hagan, 1976) проводит аргументативный анализ дела Верховного суда США «Роу против Уейда» (Roe v. Wade). В работах Т. Холлихана и др. (Hollihan et al., 1986), а также П. Райли и др. (Riley et al., 1987) рассматриваются прения сторон в суде малых тяжб. Д. Хансакер (Hunsaker, 1978) проводит анализ дела Верховного суда США «Браун против комитета по образованию» (Brown v. Board of Education) как примера социального протеста. С. Илие (Ilie, 1995) описывает прагматическую и дискурсивную роль риторических вопросов в английском юридическом дискурсе. Р. Коминар (Kominar, 1995) обсуждает роль, которую играет в канадском праве, требование аргументативной ответственности при обосновании юридического решения. У. Нойманн и др. (Neumann et al., 1976) дают обзор проведенного ими исследования аргументативной практики в уголовном процессе в Верховном суде Германии. Д. Шутц (Schuetz, 1991) приводит анализ мексиканского уголовного процесса, опираясь на теорию Персельмана. К. Снедакер и Д. Шутц (Snedaker and Schuetz, 1988) описывают аргументативную структуру вступительных речей в американском суде. Д. Уолкер и С. Дэниелс (Walker and Daniels, 1995) обращают свое внимание на альтернативные системы разрешения споров и проводят сравнительный анализ этих систем, в число которых входят арбитраж (arbitration), посредничество (mediation) и урегулирование многостороннего конфликта (multi-party facilitation). С. Уосби и др. (Wasby et al., 1976) проводят оценку роли устных прений в суде.

8.3.5. Практический компонент

В рамках практического компонента рассматриваются пути применения результатов исследований, проводимых в рамках философского, теоретического, аналитического и эмпирического компонентов, в реальной юридической практике. Идеи, выработанные учены-

ми, работающими в этих областях, применяются, в частности, в разработке методов, направленных на усовершенствование методик анализа, оценки и написания юридических доводов. В свою очередь, эти методы часто находят свое практическое применение при обучении юристов в вузах.

В США проблемы усовершенствования аргументативных навыков юридического письма исследуются в более широком контексте логики и теории права. Во «Введении в право и юридическое рассуждение» («An Introduction to Law and Legal Reasoning») С. Бертон (Burton, 1985) рассматривает различные формы юридического рассуждения, такие как аналогическое рассуждение и дедуктивное рассуждение. «Введение в логику» («Introduction to Logic») И. Копи (Copi, 1990) содержит главу о логике и праве, в которой автор обращается к анализу аргументативных ошибок, а также индуктивного и дедуктивного рассуждения в праве. В «Юридическом рассуждении» М. Голдинга (Golding, 1984) проводится анализ разнообразных аспектов юридического рассуждения, включающих различные типы юридической аргументации, прецедент и аналогию. В главе о юридическом рассуждении в книге «Введение в рассуждение» («Principles of Reasoning») ее авторы Л. Руссоу и М. Керд (Russow and Curd, 1988) обсуждают роль довода в юридическом рассуждении, структуру юридического рассуждения, аналогию и прецедент. В главе о юридическом рассуждении во «Введении в право и юридическое рассуждение» («An Introduction to Reasoning») С. Тулмин, Р. Рики и А. Яник (Toulmin, Rieke and Janik, 1984) рассматривают вопрос структурирования юридических доводов. Немецкий исследователь Ф. Хафт (Haft, 1981) анализирует проблемы юридического рассуждения в свете риторической традиции. Британцы У. Твайнинг и Д. Майерс (Twining and Miers, 1991) в качестве объекта своего исследования избирают проблемы, возникающие при применении законов в толковании законов и в юридическом рассуждении.

С. Любке (Luebke, 1995) и Д. Пламер (Plumer, 1995) обсуждают применение идей неформальной логики в вузовском вступительном экзамене по юриспруденции, который сдают при поступлении практически в любой вуз США и Канады по специальности «Право» (Law School Admission Test). Этот экзамен представляет собой стандартный письменный экзамен, состоящий из вопросов с вариантами ответов. Экзамен содержит задания на чтение и понимание сложных текстов, организацию и обработку информации, умение делать рациональные выводы из имеющихся данных, способность к критическому рассуждению, умение анализировать и оценивать рассуждения и доводы других людей.

8.4. Выводы

В этой главе был представлен обзор различных подходов к анализу юридической аргументации и тем, затрагивавшихся в исследованиях в области юридической аргументации за последние тридцать лет. Что касается подходов к исследованию юридической аргументации, можно утверждать, что интерес ученых переключился с чисто логических и риторических подходов на подход, в котором сочетаются логические, риторические и коммуникативные аспекты юридической аргументации. Этот подход получил название диалогического подхода. В 70-х и 80-х гг. XX в. был разработан ряд комплексных теорий юридической аргументации, в которых юридические доводы рассматриваются с позиций диалога (Aarnio, Alexy, Peczenik; см. также: Feteris, Kloosterhuis и Plug). Все эти теории сближает убеждение, что рациональность аргументации зависит от качества процедуры, согласно которой развивается дискуссия. Рациональность при этом связана также и с тем, соблюдаются ли в обсуждении определенные правила рациональной дискуссии. Центральными элементами этих теорий являются отправные положения, нормы и правила рациональной юридической дискуссии, методы анализа и оценки юридических доводов и методы реконструкции рационального юридического обоснования.

Что же касается тем, обсуждаемых в рассматриваемых теориях, здесь можно выделить несколько различных направлений или компонентов общего проекта исследования юридической аргументации.

В рамках философского компонента общие критерии рациональности аргументации, выработанные в теории аргументации, сопоставляются с критериями рациональности юридических умозаключений, выработанными в теории права. В своих теориях А. Аарнио, Р. Алекси и А. Печеник адаптируют концепции, содержащиеся в различных теориях аргументации, для применения в области права. Они выделяют общие и частные юридические критерии рациональности, применимые к конкретным видам юридической дискуссии. Среди данных критериев рациональности можно разграничить процессуальные критерии и критерии, касающиеся существа рассматриваемого дела. Процессуальные критерии касаются процедуры дискуссии и процесса обоснования. Сущностные критерии относятся к стандартам рациональности, применяемым в оценке юридических доводов, предназначенным для разных областей права и разных аудиторий.

В рамках теоретического компонента разрабатываются различные модели юридической аргументации и юридической дискуссии. С позиций формальных аспектов юридического рассуждения эти модели содержат правила рациональной юридической дискуссии разных типов и описание структуры юридических доводов. С точки зрения структуры юридических доводов различаются внутренние и внешние аспекты юридической аргументации. Внутренние аспекты относятся к формально-логической структуре юридических доводов, а внешние аспекты связаны с сущностными критериями, определяющими то, как используемые доводы могут быть оправданы с точки зрения определенных правовых стандартов их состоятельности.

В рамках аналитического компонента рассматриваются вопросы реконструкции различных форм юридической аргументации, проводится логический, риторический и диалектический анализ различных аспектов юридической аргументации. В этом анализе делается упор на реконструкции различных форм аргументации, используемой в толковании юридических норм.

В рамках эмпирического компонента рассматриваются конкретные примеры аргументации в праве. В этих исследованиях для описания юридического рассуждения используются различные теоретические модели. Примеры касаются самых разных правовых сфер: от прений в Верховном суде США до выступлений на судебном заседании по небольшому иску.

В практический компонент входят исследования, посвященные разработке практических рекомендаций по анализу, оценке и реконструкции юридической аргументации. Эти исследования показывают, как, сочетая теоретические, аналитические и эмпирические идеи, можно разрабатывать методики усовершенствования аргументативных навыков в юридическом образовании. Надеемся, что сотрудничество между представителями различных дисциплин приведет к созданию юридической теории аргументации, которая будет иметь как теоретическую, так и практическую ценность и будет способствовать дальнейшему прогрессу в разработке концепций юридической аргументации и их успешному применению в юридической практике и образовании.

Примечания

¹ В некоторых юридических системах существуют нормы закона, которые определяют перечень элементов, которые должно содержать судебное решение. Например, согласно разделу 121 конституции Нидерландов судебное решение долж-

но содержать конкретные основания для вынесенного решения. Согласно статье 313 (часть 1) гражданского процессуального кодекса Германии судебное решение должно содержать ссылку на действующие нормы, которыми суд руководствовался при принятии решения, а также обстоятельства дела и доводы, на которых основано данное решение. Согласно процессуальному кодексу Швеции, судебное решение должно содержать само исковое требование и заявление ответчика (statement of claim and defense); обстоятельства дела в том виде, как они были представлены суду (issues as presented to the court); доводы суда для своего определения или решения (order or decree); а также само определение или решение. Описание принятых правил и формы составления обоснований юридических решений в различных странах содержится в книге Мак-Кормика и Саммерса (MacCormick and Summers, 1991).

² См., например: Die juristische Argumentation, 1972; Argumentation und Hermeneutik in der Jurisprudenz, 1979; Hassemer et al., 1980; Aarnio et al., 1981; Krawietz и Alexy, 1983.

³ См., например: van Eemeren et al., 1991; 1995; Wenzel, 1987; Argument in Transition, 1983; Ziegelmüller and Rhodes, 1981.

⁴ См., например, журналы «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie», «Argumentation», «Argumentation and Advocacy» (предыдущее название — «The Journal of the American Forensic Association»), «Informal Logic», «International Journal for the Semiotics of Law», а также «Rechtstheorie».

⁵ См., например: Feteris and Schuetz, 1996; Lemperer, 1991, а также: Matlon, 1994.

⁶ См., например: Tammelo et al., 1981; MacCormick, 1992. P. 195–199; Rödig, 1971; Yoshino, 1981.

⁷ См., например: Alexy, 1980. P. 198–199; Kalinowski, 1972; Koch, 1980; Soeteman, 1989; Weinberger, 1970.

⁸ Более обширный анализ аргументов за и против применения деонтической логики в анализе юридической аргументации можно найти, в частности, в кн.: Rödig, 1971; Soeteman, 1989.

⁹ См.: Hage et al., 1994.

¹⁰ См.: Prakken, 1993.

¹¹ Анализ теории Вейвега см.: Alexy, 1989. P. 20–24.

¹² К топики-риторической традиции, основанной на идеях Вейвега, принадлежат исследования: Ballweg, 1982; Esser, 1979; Horn, 1967; Schreckenberger, 1978; Seibert, 1980; Struck, 1977.

¹³ См. обзор юридико-литературного подхода: Posner, 1988; White, 1984; 1989; 1990.

¹⁴ См. описание исследований этих авторов в их совместном труде (Aarnio, Alexy, and Peczenik, 1981). В нем дается обзор теории юридической аргументации и юридических дискуссий.

¹⁵ См. введение в различные компоненты общей программы исследования аргументации: van Eemeren, 1987. См. также: van Eemeren and Grootendorst, 1992.

¹⁶ «В логике означает то, что доказано в отношении менее очевидного, тем более должно быть признано в отношении более очевидного; о заключении, которое было сделано на основании указанных и принятых фактов, причем существуют иные факты, которые логически из них следуют и делают заключение еще более сильным» (Галзатов М. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений. СПб., 2002).

Библиография

1. *Aarnio A.* On Legal Reasoning. Turku: Turun Yliopisto, 1997.
2. *Aarnio A.* The Rational as Reasonable: A Treatise of Legal Justification. Dordrecht etc.: Reidel, 1987.
3. *Aarnio A., Alexy R., Peczenik A.* The Foundation of Legal Reasoning // *Rechtstheorie*. 1981. N 21. 2. P. 138–158; 3. P. 257–279; 4. P. 423–448.
4. *Alexy R.* Die logische analyse juristischer Entscheidungen / Ed. W. Hassemer, A. Kaufmann, U. Neumann. 1980. P. 181–212.
5. *Alexy R.* A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford: Clarendon Press, 1989. (Translation of *Theorie der juristischen Argumentation: Die Theorie des rationalen Diskurses als Theorie der juristischen Begründung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978; 2nd ed. 1991 with a reaction to critics.)
6. *Alexy R., Peczenik A.* The Concept of Coherence and its Significance for Discursive Rationality // *Ratio Juris*. 1990. N 3. 1. P. 130–147.
7. *Argument and Critical Practices: Proceedings of the Fifth Summer Conference on Argumentation* / Ed. J. W. Wenzel. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1987.
8. *Argument in Transition. Proceedings of the Third Summer Conference on Argumentation* / Ed. D. Zarefsky, M. O. Sillars, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1983.
9. *Argumentation: Analysis and Practices. Proceedings of the Conference on Argumentation 1986* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Dordrecht: Foris, 1987.
10. *Argumentation und Hermeneutik in der Jurisprudenz* / Ed. W. Krawietz, K. Opalek, A. Peczenik, A. Schramm. Berlin: Duncker & Humblot, 1979.
11. *Argumentation und Recht. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. Beiheft Neue Folge*. 14 / Ed. W. Hassemer, A. Kaufmann, U. Neumann. Wiesbaden: F. Steiner, 1980.
12. *Asbell Sheppard S., Rieke R. D.* Categories of Reasoning in Legal Argument // *Argument in Transition. Proceedings of the Third Summer Conference on Argumentation* / Ed. D. Zarefsky, M. O. Sillars, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1983. P. 235–250.
13. *Ballweg O.* Phronetik, Semiotik und Rhetorik // *Rhetorische Rechtstheorie. Zum 75. Geburtstag von Theodor Viehweg* / Ed. O. Ballweg, T. M. Seibert. Freiburg etc.: K. Alber, 1982. P. 27–71.
14. *Benoit W. L.* An Empirical Investigation of Argumentative Strategies Employed in Supreme Court Opinions // *Dimensions of Argument: Proceedings of the Second Summer Conference on Argumentation* / Ed. G. Ziegelmüller, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1981. P. 179–196.
15. *Benoit W. L.* Attorney Argumentation and Supreme Court Opinions // *Argumentation and Advocacy*. 1989. N 26. 1. P. 22–38.
16. *Benoit W. L., D'Agostine J. M.* The Case of the «Midnight Judges» and Multiple Audience Discourse: Chief Justice Marshall and *Marbury v. Madison* // *Southern Communication Journal*. 1994. N 50. P. 89–96.
17. *Benoit W. L., France J. S.* Analogical Reasoning in Legal Argumentation / Ed. J. Rhodes, S. Newell. 1980. P. 48–60.
18. *Benoit W. L., France J. S.* Review of Research on Opening Statements and Closing Arguments // *Communication Strategies in the Practice of Lawyering* / Ed. R. J. Matlon, R. J. Crawford. Annandale: Speech Communication Association, 1983. P. 394–400.

19. *Burton S. J.* An Introduction to Law and Legal Reasoning. Boston: Little; Toronto: Brown, 1985.
20. Chaïm Perelman et la pensée contemporaine / Ed. G. Haarscher. Bruxelles: Bruylant, 1993.
21. *Copi I. (and Cohen C.)* Introduction to Logic. 8th ed. New York: Macmillan, 1990.
22. *Cornell D.* The Philosophy of the Limit. New York: Routledge, 1992.
23. *Delgado R.* The Rodrigo Chronicles: Conversations about America and Race. New York: New York University Press, 1995.
24. *Dicks V. I.* Courtroom Controversy: A Stasis; Stock Issue Analysis of the Angela Davis Trial // Journal of the American Forensic Association. 1976. N 13. P. 77–83.
25. *Dicks V. I.* Courtroom Rhetorical Strategies: Forensic and Deliberative Perspectives // Quarterly Journal of Speech. 1981. N 67. P. 178–192.
26. *Dickens M., Schwartz R.* Argument: The Oral Argument Before the Supreme Court in *Brown v. Board of Education of Topeka*, 1952–1955 // Quarterly Journal of Speech. 1970. N 56. P. 341–342.
27. *Dickens M., Schwartz R.* Oral Argument Before the Supreme Court: *Marshall v. Davis* in the School Segregation Cases // Quarterly Journal of Speech. 1971. N 57. P. 32–42.
28. Die Juristische Argumentation. Vorträge des Weltkongresses für Rechts- und Sozialphilosophie, Brüssel 29–8/3–9 1971 / Hrsg. im Auftrag der Internationalen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie (IVR) // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie (ARSP). Beiheft. N. F. Kr. 7. Wiesbaden: F. Steiner, 1972.
29. Dimensions of Argument: Proceedings of the Second Summer Conference on Argumentation / Ed. G. Ziegelmüller, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1981.
30. *Dunbar N., Cooper M.* A Situational Perspective for the Study of Legal Argument: A Case Study of *Brown v. Board of Education* // Dimensions of Argument: Proceedings of the Second Summer Conference on Argumentation / Ed. G. Ziegelmüller, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1981. P. 213–241.
31. *Eemeren F. H. van.* Argumentation Studies' Five Estates // Argument and Critical Practices: Proceedings of the Fifth Summer Conference on Argumentation / Ed. J. W. Wenzel. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1987. P. 9–24.
32. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Argumentation, Communication, and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.
33. *Esser J.* Juristisches Argumentieren im Wandel des Rechtsfindungskonzepts unseres Jahrhunderts. Heidelberg: Winter, 1979.
34. Faces of North American and European Legal Argument // Argumentation / Ed. E. T. Feteris, J. Schuetz. 1996.
35. *Feteris E. T.* The Dialectical Role of the Judge in a Dutch Legal Process // Argument and Critical Practices: Proceedings of the Fifth Summer Conference on Argumentation / Ed. J. W. Wenzel. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1987. P. 335–339.
36. *Feteris E. T.* Conditions and Rules for Rational Discussion in a Legal Process: A Pragma-dialectical Perspective // Argumentation and Advocacy. 1990. N 26. 3. P. 108–117.
37. *Feteris E. T.* Normative Reconstruction of Legal Discussions / Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 768–775.
38. *Feteris E. T.* The Judge as a Critical Antagonist in a Legal Process: A Pragma-dialectical Perspective // Argument and the Postmodern Challenge / Ed. R. E. McKerrow. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1993a. P. 476–480.

39. *Feteris E. T.* Rationality in Legal Discussions: A Pragma-dialectical Perspective // *Informal Logic*. 1993b. N XV. 3. P. 179–188.
40. *Feteris E. T.* The Analysis and Evaluation of Legal Argumentation from a Pragma-dialectical Perspective // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 42–51.
41. *Feteris E. T.* Fundamentals of Legal Argumentation: A Survey of Theories on the Justification of Legal Decisions. Dordrecht: Kluwer, 1999a.
42. *Feteris E. T.* What Went Wrong in the Ball-point Case? An Analysis and Evaluation of the Discussion in the Ball-point Case from the Perspective of a Rational Discussion // *Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 188–194.
43. *Fish S.* Doing What Comes Naturally. Oxford: Clarendon, 1989.
44. *Golden J. L., Makau J. M.* Perspectives on Judicial Reasoning // *Explorations in Rhetoric* / Ed. R. E. McKerrow. Glenview: Scott, Foresman, 1982. P. 157–178.
45. *Golding M. P.* Legal Reasoning. New York: Knopf, 1984.
46. *Gottlieb G.* The Logic of Choice: An Investigation of the Concepts of Rule and Rationality. London: George Allen & Unwin, 1968.
47. *Günther K.* Ein normativer Begriff der Kohärenz. Für eine Theorie der Juristischen Argumentation // *Rechtstheorie*. 1989. 20. S. 163–190.
48. *Habermas J.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie? Eine Auseinandersetzung mit Nikolas Luhmann // *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie?* / Ed. J. Habermas, N. Luhmann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. S. 101–141.
49. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.
50. *Habermas J.* The Tanner Lectures on Human Values. 8. Salt Lake City: University of Utah Press, 1988.
51. *Habermas J.* Moral Consciousness and Communicative Action. 1991. (Translation of: *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* (1983). Cambridge, Mass: The MIT Press, 1991.
52. *Habermas J.* Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
53. *Hagan M. R.* Roe v. Wade: the Rhetoric of Fetal Life // *Central States Speech Journal*. 1976. N 27. 3. P. 192–199.
54. *Haft F.* Juristische Rhetorik. Freiburg, etc.: Alber, 1981.
55. *Hage J. C., Leenes R., Lodder A.* Hard Cases: A Procedural Approach // *Artificial Intelligence and Law*. 1994. N 2. P. 113–167.
56. *Hample D.* The Thulmin Model and the Syllogism // *Journal of the American Forensic Association*. 1977. 14. P. 1–18.
57. *Henket M.* Analogy and Rules in Practical Reasoning // *Proceedings of the Second International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 790–800.
58. *Henket M.* On the Logical Analysis of Juridicial Decisions // *International Journal for the Semiotics of Law*. 1992. N 14. P. 152–164.
59. *Herbeck D. A.* Critical Legal Studies and Argumentation theory // *Argumentation*. 1995a. N 9. 5. P. 719–729.
60. *Herbeck D. A.* The Problems of Jurisprudence and Argumentation theory // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eeme-

- ren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 3–13.
61. Hohmann H. The Dynamics of Stasis: Classical Rhetorical Theory and Modern Legal Argumentation // American Journal of Jurisprudence. 1989. N 34. P. 171–197.
62. Hohmann H. Fallacies and Legal Argumentation // Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 776–781.
63. Hohmann H. Logic and Rhetoric in Legal Argumentation: Some Medieval Perspectives // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 14–30.
64. Hohmann H. Logic and Rhetoric in Legal Argumentation // Argumentation. 1998. N 12. P. 39–55.
65. Hohmann H. Legal Rhetoric and Dialectic in the Renaissance: *Topica Legalia* and *Status Legales* // Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 358–364.
66. Hollihan T. A., Riley P., Freadhoff K. Arguing for Justice: An Analysis of Arguing in Small Claims Court // Journal of the American Forensic Association. 1986. N 22. 4. P. 187–195.
67. Horn N. Zur Bedeutung der Topiklehre Theodor Viehwegs für eine einheitliche Theorie des juristischen Denkens // Neue Juristische Wochenschrift. 1967. S. 601–608.
68. Horowitz J. Law and Logic: A Critical Account of Legal Argument. Vienna etc.: Springer, 1972.
69. Hunsaker D. M. The Rhetoric of Brown v. Board of Education: Paradigm for Contemporary Social Protest // Southern Speech Communication Journal. 1978. N 43. P. 91–109.
70. Ilie C. The Validity of Rhetorical Questions as Arguments in the Courtroom // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 73–88.
71. Interpreting Statute. A Comparative Study / Ed. D. N. MacCormick, R. S. Summers. Aldershot etc.: Dartmouth, 1991.
72. Janas M. Structure, Aesthetics, Rhetoric and Posner's Theory of Justice // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 97–110.
73. Jensen J. C. The Nature of Legal Argument. Oxford: Blackwell, 1957.
74. Kalinowski G. La logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972.
75. Kaptein H. E Contrario Arguments in Law: From Interpretation to Implicit Premises // International Journal for the Semiotics of Law. 1994. VI. 18. P. 315–324.
76. Kaptein H. The Redundancy of Precedent and Analogy // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 122–137.
77. Kaptein H. Abductive Limits to Artificial Intelligence in Adjudication Pervasive Problems of Analogy, E Contrario and Circumstantial Evidence // Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 428–433.
78. Klinger G. Rhetoric's wide-angle Lens: How Legal Vision Can Be Enhanced with Rhetorical Glasses // Spheres of Argument: Proceedings of the Sixth SCA/AFA Conference on Argumentation / Ed. B. E. Gronbeck. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1989. P. 359–363.

79. *Kloosterhuis H.* Analysing Analogy Argumentation in Judicial Decisions // *Studies in Pragma-Dialectics* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Amsterdam: Sic Sat, 1994. P. 238–245.
80. *Kloosterhuis H.* The Study of Analogy Argumentation in Law: Four Pragma-dialectical Starting Points // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 138–145.
81. *Kloosterhuis H.* Final But not Infallible: Two Dimensions of Judicial Decisions // *Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 461–463.
82. *Klug U.* Juristische Logik. Berlin: Springer, 1951. (4th rev. ed. 1982.)
83. *Koch H. J.* Das Frankfurter Projekt zur juristischen Argumentation: Zur Rehabilitation des deduktiven Begründens juristischer Entscheidungen // *Argumentation und Recht. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. Beiheft Neue Folge. 14* / Ed. W. Hassemer, A. Kaufmann, U. Neumann. Wiesbaden: F. Steiner, 1980. S. 59–86.
84. *Kominar R. A.* Beyond the Final Court of Appeal: Getting Legal Reasoning Right in the Common Law // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 146–151.
85. *Legal Argument* / Ed. A. Lempereur // *Argumentation*. 1991. N 5. P. 3.
86. *Levi E. H.* An Introduction to Legal Reasoning. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
87. *Luebke S. W.* Informal Logic Issues in Practical Testing Context // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 31–41.
88. *MacCormick N.* Legal Reasoning and Legal Theory. Oxford: Oxford University Press, 1978.
89. *MacCormick N.* Coherence in Legal Justification // *Theory of Legal Science* / Ed. A. Peczenik, L. Lindahl, B. van Roermond. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 235–252.
90. *MacCormick N.* Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // *International Journal for the Semiotics of Law*. 1992. V. 14. P. 181–202.
91. *McEvoy S. T.* Issues in Common Law Pleading and Ancient Rhetoric // *Argumentation*. 1991. N 5. 3. P. 245–262.
92. *McEvoy S. T.* The Construction of Issues: Pleading Theory and Practice, Relevance in Pragmatics, and the Confrontation Stage in the Pragma-dialectical Theory of Argumentation // *Proceedings of the Third International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 52–60.
93. *Makau J. M.* The Supreme Court and Reasonableness // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. N 70. P. 379–396.
94. *Maneli M.* Perelman's New Rhetoric as Philosophy and Methodology for the Next Century. Dordrecht etc.: Kluwer, 1993.
95. *Matlon R. J.* Legal Communication // *Argumentation and Advocacy*. 1994. N 30. P. 4.
96. *Metatheorie juristischer Argumentation* / Ed. W. Krawietz, R. Alexy. Berlin: Duncker & Humblot, 1983.
97. *Methodologie und Erkenntnistheorie der juristischen Argumentation* / Ed. A. Aarnio, I. Niiniluoto, J. Uusitalo. Berlin: Duncker & Humblot, 1981.
98. *Neumann U.* Juristische Argumentationstheorie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986.

99. *Neumann U., Rahlf N., Savigny E. von.* Juristische Dogmatik: Wissenschaftstheorie. München: Beck, 1976.
100. *Newell S. E., Rieke R. D.* A Practical Reasoning Approach to Legal Doctrine // Journal of the American Forensic Association. 1986. N 22. 4. P. 212–222.
101. *Panetta E., Hasian Jr. M.* Sex, Reason and Economics: The Juridicial Discourse of Richard A. Posner // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. V. P. 111–121.
102. *Pavcnik M.* Interpretation as (Re)productive Act: Interpretation; General Legal Acts in the Process of their Normative Concretization // Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 765–767.
103. *Peczenik A.* The Basis of Legal Justification. Lund, 1983.
104. *Peczenik A.* On Law and Reason. Dordrecht etc.: Reidel, 1989. (Translation of: Rätten och förnuftet, 1986.)
105. *Perelman C.* The Idea of Justice and the Problem of Argument. London: Routledge and Keagan Paul, 1963.
106. *Perelman C.* Justice. New York: Random House, 1967.
107. *Perelman C.* Logique juridique. Nouvelle rhétorique. Paris: Dalloz, 1976.
108. *Perelman C.* Justice, Law and Argument: Essays on Moral and Legal Reasoning. Dordrecht etc.: Reidel, 1980.
109. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 1958.
110. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. (Engl. transl.: La nouvelle rhétorique, 1958).
111. *Plug J.* Reconstructing Complex Argumentation in Judicial Decisions // Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 246–254.
112. *Plug J.* The Rational Reconstruction of Additional Considerations in Judicial Decisions // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. P. 61–72.
113. *Plug J.* Evaluating Tests for Reconstructing the Structure of Legal Argumentation // Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999. P. 639–642.
114. *Plumer G.* Testing for Assumption Recognition // Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995. IV. P. 152–160.
115. *Posner R. A.* Law and Literature: A Misunderstood Relation. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1988.
116. *Posner R. A.* The Problems of Jurisprudence. Chicago Ill.: University of Chicago, 1990.
117. Practical Reasoning in Human Affairs: Studies in Honor of Chaim Perelman / Ed. J. L. Golden, J. J. Pilotta. Dordrecht etc.: Reidel, 1986.
118. *Prakken H.* Logical Tools for Modelling Legal Argument. Dissertation / Free University. Amsterdam, 1993.
119. Proceedings of the Second International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991.

120. Proceedings of the Third International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1995.
121. Proceedings of the Fourth International Conference on Argumentation / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1999.
122. *Prott L. V.* Argumentation in International Law // *Argumentation*. 1991. N 5. 3. P. 299–310.
123. *Rhetorische Rechtstheorie. Zum 75. Geburtstag von Theodor Viehweg* / Ed. O. Ballweg, T. M. Seibert. Freiburg etc.: K. Alber, 1982.
124. *Rieke R. D.* Investigating Legal Argument as a Field // *Dimensions of Argument: Proceedings of the Second Summer Conference on Argumentation* / Ed. G. Ziegelmüller, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1981. P. 152–159.
125. *Rieke R. D.* The Judicial Dialogue // *Argumentation*. 1991. N 5. 1. P. 39–56.
126. *Rieke R. D.* Argumentation in the Legal Process // *Advances in Argumentation Theory and Research* / Ed. J. R. Cox, C. A. Willard. Carbondale, IL, etc.: Southern Illinois University Press, 1982. P. 363–376.
127. *Rieke R. D.* The Evolution of Judicial Justification: Perelman's Concept of the Rational and the Reasonable // *Practical Reasoning in Human Affairs: Studies in Honor of Chaim Perelman* / Ed. J. L. Golden, J. J. Pilotta. Dordrecht etc.: Reidel, 1986. P. 227–244.
128. *Rieke R. D.* The Judicial Dialogue // *Argumentation*. 1991. N 5. 1. P. 39–56.
129. *Rieke R. D., Stutman R. K.* Communication in Legal Advocacy. Columbia A. S.: University of South Carolina Press, 1990.
130. *Riley P., Hollihan T. A., Freadhoff K. D.* Argument in the Law: The Special Case of the Small Claims Court // *Argumentation: Analysis and Practices. Proceedings of the Conference on Argumentation 1986* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Dordrecht: Foris, 1987. P. 142–151.
131. *Rödig J.* Kritik des normlogischen Schliessens // *Theory and Decision*. 1971. N 2. P. 79–93.
132. *Russow L. M., Curd M.* Principles of Reasoning. New York: St. Martin's Press, 1988.
133. *Scallen E. A.* American Legal Argumentation: The Law and Literature Movement // *Argumentation*. 1995. N 9. 5. P. 705–717.
134. *Schreckenberger W.* Rhetorische Semiotik Analyse von Texten des Grundgesetzes und von rhetorischen Grundstrukturen der Argumentation des Bundesverfassungsgerichtes. Freiburg, etc.: K. Alber, 1978.
135. *Schuetz J.* The Genesis of Argumentative Forms and Fields // *Dimensions of Argument: Proceedings of the Second Summer Conference on Argumentation* / Ed. G. Ziegelmüller, J. Rhodes. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1981. P. 279–295.
136. *Schuetz J.* Overlays of Argument in Legislative Process // *Journal of the American Forensic Association*. 1986. N 22. 4. P. 223–234.
137. *Schuetz J.* Perelman's Rule of Justice in Mexican Appellate Courts // *Proceedings of the Second International Conference on Argumentation* / Ed. F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, J. A. Blair, C. A. Willard. Amsterdam: Sic Sat, 1991. P. 804–812.
138. *Schuetz J., Snedaker K.* Communications Strategies and the Legislation Process. Carbondale IL: Southern Illinois University Press, 1988.
139. *Seibert T. M.* Juristische Topik: Ein Beispiel für die argumentative Wechselbeziehung zwischen Situation und Fall, Regel und Ausnahme // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 10 / Ed. W. Klein. Göttingen, 1980. S. 169–177.

140. *Snedaker K.* The Content and Structure of Appellate Argument: Rhetorical Analysis of Brief Writing Strategies in the Sam Sheppard Appeal // *Argument and Critical Practices: Proceedings of the Fifth Summer Conference on Argumentation* / Ed. J. W. Wenzel. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1987. P. 315–324.
141. *Soeteman A.* Logic in Law: Remarks on Logic and Rationality in Normative Reasoning, Especially in Law. Dordrecht etc.: Kluwer, 1989.
142. *Spheres of Argument: Proceedings of the Sixth SCA/AFA Conference on Argumentation* / Ed. B. E. Gronbeck. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1989.
143. *Stone J.* Legal System and Lawyers' Reasonings. London: Stevens, 1964.
144. *Struck G.* Zur Theorie juristischer Argumentation. Berlin: Duncker & Humblot, 1977.
145. *Summers R. S.* Two Types of Substantive Reasons: The Core of a Theory of Common-Law Justification // *Cornell Law Review*. N 63. P. 707–788.
146. *Tammelo I.* Outlines of Modern Legal Logic. Wiesbaden: Steiner, 1969.
147. *Tammelo I., Moens G., Brouwer P.* De tegenformulemethode en haar rechtslogische toepassingen // *Nederlands Tijdschrift voor Rechtsfilosofie en Rechtstheorie*. 1981. 10. P. 55–65.
148. *Toulmin S. E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
149. *Toulmin S., Rieke R., Janik A.* An Introduction to Reasoning. 2nd ed. New York: Macmillan, 1984. (1st ed. 1978.)
150. *Twigg R.* Narrative Justice: An Analysis of Selected Supreme Court Decisions // *Spheres of Argument: Proceedings of the Sixth SCA/AFA Conference on Argumentation* / Ed. B. E. Gronbeck. Annandale, VA: Speech Communication Association, 1989. P. 86–93.
151. *Twining W., Miers D.* How to Do Things with Rules. 3rd ed. London etc.: Butterworths, 1994. (1st ed. 1991.)
152. *Viehweg T.* Topik und Jurisprudenz. München: Beck, 1954. (5th revised ed. 1974.)
153. *Walker G. B., Daniels S. E.* Argument and Alternative Dispute Resolution Systems // *Argumentation*. 1995. N 9. 5. P. 689–692.
154. *Wasby S. L., D'Amato A., Metrailler R.* The Functions of Oral Argument in the U.S. Supreme Court // *The Quaterly Journal of Speech*. 1976. N 62. P. 410–424.
155. *Weinberger O.* Rechtslogik. Versuch einer Anwendung moderner Logik auf das juristische Denken. Wien etc.: Springer, 1970.
156. *White J. B.* When Words Lose Their Meaning. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
157. *White J. B.* What Can a Lawyer Learn from Literature? // *Harvard Law Review*. 1989. N 102. 9. P. 204–207.
158. *White J. B.* Justice as Translocation: An Essay in Cultural and Legal Criticism. Chicago: Chicago University Press, 1990.
159. *Wiethoff W. E.* Critical Perspectives on Perelman's Philosophy of Legal Argument // *Journal of the American Forensic Association*. 1985. N 22. P. 88–95.
160. *Wróblewski J.* Legal Syllogism and Rationality of Juridicial Decision // *Rechtstheorie*. 1974. N 14. 5. S. 33–46.
161. *Yoshino H.* Die logische Struktur der Argumentation bei juristischen Entscheidung // *Methodologie und Erkenntnistheorie der juristischen Argumentation* / Ed. A. Aarnio, I. Niiniluoto, J. Uusitalo. Berlin: Duncker & Humblot, 1981. S. 235–255.

Указатель имен

А

Аарнио А. 250, 252, 254, 258
Адлер Д. 233
Алекси Р. 241, 250, 252, 253, 254, 258
Анкаку 245
Анскомбр Ж.-К. 18, 60, 209, 211, 232
Аристотель 36, 37, 66, 67, 88, 92, 100, 101, 117, 163, 164, 166, 168, 169, 171, 173–175, 179, 180, 223, 247
Арно А. 170
Ателсек 60

Б

Байер Д. Э. 241
Байро Дж. 185
Барт Э. М. 19, 38, 185, 189
Бенуа В. 255, 256
Берг Т. 188
Бердслей М. 131, 180
Берк М. 81, 94
Бертон С. 257
Биллиг М. 223
Блэк М. 180
Блэр Д. Э. 12, 17, 47, 48, 68, 92, 136, 137, 139–142, 157, 185
Бозций 65, 94, 100, 102
Брет А. 155
Бринтон А. 185
Брокрид У. 199
Брюшке 249
Бэкон Ф. 169, 170

В

Вайзман Р. 119
Ведл 60
Вейвег 244, 247, 260
Венцель Д. 21, 119, 233
Вербист А. 232
Виллард Ч. Н. 12
Вилсон Д. 232
Виттгенштейн Л. 241
Витхофф У. 246
Воробей М. 156, 158, 159
Вроблевский Е. 250, 252
Вудс Дж. 12, 32, 69, 70, 73, 74, 185–188
Вучинич С. 207, 208

Г

Гамперц Д. 232
Гарссен Б. 12, 31, 91, 92, 94, 118, 234
Гарссен Д. 234
Герритсен С. 12, 30, 31, 94, 95
Говье Т. 12, 47, 48, 65, 69, 72, 73, 77, 95, 137, 141, 142, 156, 185, 218, 220, 221, 233
Голден Д. 245
Голдинг М. 257
Грайс Х. 213, 202
Грейс П. 176, 193, 227
Гримальди В. М. А. 120
Гроарк Л. 72, 94, 95, 138, 141, 142, 151, 219, 220

Гроотендорст Р. 9, 11–13, 20, 39, 40, 42, 59, 60, 68, 72, 84, 91, 113, 114, 134, 142–144, 146, 149, 150, 153, 185, 189, 199, 211, 212, 226, 227, 231, 234

Гудвин П. 119
Гутенплан С. 180
Гэсс Р. 119
Гюнтер К. 252

Д

Д'Агостин Ж. 256
Данбар Н. 256
Дельгадо Р. 249
Джанас М. 249
Джейкобс С. 12, 59, 60, 75, 88, 199, 202, 226, 231, 232
Джексон С. 59, 60, 75, 199, 202, 226, 231, 232
Джонсон Р. 12, 17, 47, 48, 68, 73, 94, 139, 141, 142, 185
Джонсон-Лэрд Ф. 212, 213
Джонстон-мл. 173
Диккенс М. 256
Дикс В. 248
Дионисодор 165
Доннеллан Д. 94
Дэвис А. 248
Дэниелс С. 256
Дюкро О. 18, 60, 209, 211, 232

Е

Евтидем 165

Еемерен Ф. Х. ван 9, 11,
12–15, 20, 21, 38–40,
42, 59, 60, 68, 72, 84,
88, 91, 94, 113, 114,
134, 142–144, 146, 149,
150, 153, 185, 189, 199,
211, 212, 226, 227, 230,
231, 234, 294, 295

З

Завос Х. 133, 155

Заревски Д. 12

И

Илие С. 256

К

Кайнпойнтнер М. 115–
117, 224

Калиновский Д. 240

Каменка 246

Камла В. 38

Каптейн Х. 254, 255

Карни Дж. 180, 184

Кахейн Г. 180, 215

Квинтилиан 126, 127,
155

Келли Д. 156

Кеннеди Д. 125

Керд М. 257

Клайн С. 118, 224

Кларк 232

Клинггер Г. 249

Клиний 165

Клоостерхаус Х. 250,
251, 255

Клюг У. 243, 254

Кодилл С. 88

Коминар Р. 256

Конвэй Д. 156, 157

Кондит М. 88

Копи И. 66, 67, 86, 138,
139, 141, 142, 156,
180, 182–184, 215, 257

Коппершмидт Дж. 21,
51–53

Корнелл П. 249

Коултер Д. 205, 232

Кох Х. 253

Коэн К. 60, 66, 138, 139,
141, 142, 156, 215

Коэн М. 180

Краббе Э. С. У. 12, 19,
38, 185, 189, 192

Крикке С. А. 188

Критон 165

Кристи 245

Крошей-Уильямс Р. 19, 60

Ктесипп 165, 166

Купер М. 256

Кутсенруйтер У. 233

Ктесипп 165, 166

Кэмпбелл Д. 125, 128, 129

Л

Ламберт К. 184

Левинсон С. 201, 202

Лейкок К. 120

Лемперер А. 249

Лефф М. 12

Локк Дж. 162, 170–172

Лоренц К. 19, 38

Лоренцен П. 19, 38

Лоуренс 249

Лукайтс Д. 88

Лундквист Л. 232

Любке С. 257

М

Майерс Д. 257

Макау Д. 245, 246, 249,
253

Мак-Берни Д. 120, 132

Мак-Ивой С. 247

Мак-Кензи 193

Мак-Кормик Н. 250–254,
260

Манели М. 246

Мартенс Д. 189

Мейсси Дж. 184

Меффельс Б. 211, 212

Микалос А. 180

Миллс Г. 120, 131, 132

Миллс Д. 155

Милль Дж. С. 173, 181

Морган А. де 169, 184

Мунтигл П. 206

Н

Нагтегаал П. 12

Насс А. 19, 38

Нейгл Э. 180

Николь П. 170

Нойманн У. 256

Нолт Д. 152, 153, 156, 222

Нольке Х. 18, 232

Ноордман Л. 213, 214

Нукельманс Г. 215

Ньюэл С. 247

О

О'Киф Д. 42

О'Нил Д. 120, 132

Олсон и Олсон 248

Ольбрехтс-Титека Л. 16,
21, 31, 103–105, 117,
118, 121, 223, 224

Остин Дж. 241

П

Пайлотт Д. 245

Панетта Э. 249

Паскаль Б. 170

Перельман Х. 16, 21, 29,
31, 99, 103–105, 117,
118, 120, 121, 173,
223, 241, 244–246, 256

Пертилл 180

Петр Испанский 66, 94

Печеник А. 247, 250,
252, 254, 258

Пицца Ф. 76

Пинто Р. К. 136, 137,
140, 141, 157, 184

Плантин К. 12

Платон 164–166

Плюг Д. 250, 251, 255

Пламер Д. 257

Полкар Л. 12

Померанц А. 208

Поппер К. 20

Поснер Р. 249

Праккен 244

Протт Л. 252

Р

Райли П. 256

Раме П., де ла (Петрус
Рамус) 169

Ребуль О. 21
 Реес М. А., ван 12, 32,
 230, 233
 Рей Д. 133, 155
 Рейк Л. де 168
 Ребайн Д. 232
 Решер Н. 37, 66, 180,
 184, 193, 215
 Рики Р. 60, 241, 245–248,
 253, 257
 Рин М. 233
 Руссоу Л. 257

С

Саммерс Р. 252, 254, 260
 Сандерс О. 119
 Свитсер Э. 232
 Селмон У. 180
 Серль Дж. 202, 227
 Сигел Х. 185
 Скаллен Э. 248
 Скейлз 120
 Скривен М. 94, 220
 Слот П. 233
 Снедакер К. 247, 253, 256
 Сократ 165, 167
 Спербер Д. 232
 Старманс Р. 94
 Статман Р. 247
 Стивенсон 241
 Страк Д. 241
 Стрейдер 249
 Строусен П. 94
 Сотмен А. 243, 254
 Сэлмон У. 180

Т

Твайнинг У. 257
 Твигг Р. 249
 Тернбулл У. 206
 Террэ 246
 Тиндейл К. 138, 141,
 142, 151
 Томас С. 47, 48, 60, 131,
 135–137, 140, 142, 152,
 153, 155, 220
 Томсон Э. 75, 78–81
 Трейси К. 232
 Тулмин С. 15, 29, 32, 48,
 49, 56, 60, 61, 75, 94,

108, 241, 244, 246,
 247, 257
 Тэмни М. 180
У
 Уиндес Р. 111, 133, 134
 Ульрих В. 184
 Уолкер Д. 256
 Уолтон Д. 12, 32, 65, 69,
 70, 85, 86, 92, 120,
 144, 148–151, 158,
 159, 185–188, 192–
 194, 233

Уорник Б. 118, 224
 Уосби С. 256
 Уэйтли 31, 60, 102, 108,
 117, 120, 125, 129,
 130, 155, 158, 162, 173

Ф

Фернсайд У. 167, 180
 Фетерис Э. Т. 12, 32,
 250, 251, 254, 255
 Финокьяро М. 185
 Фиш С. 249
 Фишер Л. 60, 94, 138,
 141, 142, 151, 156
 Фосс Д. 222
 Франс Ж. 255, 256
 Фрили О. 56, 107, 108
 Фримен Д. 31, 32, 144–
 146, 157, 185, 233

Х

Хааршер Д. 245
 Хабермас Ю. 51, 52,
 241, 250, 252
 Хаге Д. 244
 Хаймс Д. 200
 Хансакер Д. 256
 Хансен Х. 12, 184
 Харман Дж. 44, 60
 Хастингс А. 31, 108–111,
 117, 118, 120, 121, 133,
 134
 Хафт Ф. 257
 Хейган М. 256
 Хейр 241
 Хейсиан М. 249
 Хемблин Р. 193

Хемблин Ч. 19, 32, 163,
 166, 171, 179–181,
 183–185, 188
 Хемпл Д. 94, 248
 Хенкеманс А. Ф. С. 12,
 31, 32, 144, 146–150,
 152, 157–159, 211,
 232–234
 Хенкет М. 255
 Хербек Д. 248, 249
 Хинтикка Я. 185, 193
 Хичкок Д. 68, 72, 185
 Холлихан Т. 253, 256
 Хольтер У. 167, 180
 Хорвиц Л. 89
 Хоровиц Д. 240
 Хоутлоссер П. 12, 21,
 30, 59, 233
 Хохманн Х. 247, 248, 252

Ц

Цицерон 65, 94, 100,
 101, 117, 119, 126, 155
 Цуй А. 208

Ш

Шварц Р. 256
 Шелленс П. 31, 111–113,
 117, 118, 121
 Шеппард А. 253
 Шеппард С. 247
 Шиппер Э. 180
 Шир Р. 180, 184
 Шифер С. 59
 Шиффрин Д. 45, 46, 55,
 60, 207–209, 232
 Шойтц Д. 246
 Шопенгауэр А. 173, 183
 Шутц Д. 246, 253, 256
 Шух Э. 180

Э

Эйнингер Д. 120
 Эннис Р. 71, 81, 85, 94
 Эр-Сун Тей 246
 Эстерли Д. 180
 Эхлих К. 232

Ю

Юнгслагер 212

Я

Янал Р. 156

Яник А. 60, 246, 257

А

Aarnio A. 250, 252, 254, 258, 260

Adler J. 217, 233

Alexy R. 241, 250, 252–254, 258, 260

Ankaku 245

Anscombe J.-C. 18, 60, 209, 211

Arnauld A. 170

Atelsek J. 60

Austin J. 241

В

Bacon F. 169, 170

Baier 241

Ballweg O. 260

Barth E. M. 19, 38, 39, 60, 185, 189

Beardsley M. C. 131, 180

Benoit W. L. 255, 256

Bentham J. van 216

Berg J. 94, 95, 217

Berkenbosch R. 87, 95

Billig M. 223

Bird O. 102

Biro J. 185

Bitzer L. F. 224

Black M. 180

Blair J. A. 12, 17, 47, 48, 56, 68, 92, 136, 137, 139–142, 157, 185, 221, 233

Boethius 65, 84, 101, 102

Braet A. C. 155

Brinton A. A. 185

Brockriede W. 120, 199

Brown P. 204, 256

Bruschke 249

Bueno A. A. 166

Burge T. 188

Burke K. 81, 94

Burnyeat M. F. 94

Burton S. J. 257

Bybee M. D. 94

С

Campbell G. 125, 128, 129

Carney J. D. 180, 184

Caudill S. 88, 89

Christie 245

Cicero 65, 94, 100–102

Clark H. H. 232

Cohen C. 60, 66, 138, 139, 141, 142, 156, 168, 169, 215

Cohen L. J. 66, 138, 139, 141, 142, 156, 168, 169, 215

Cohen M. R. 180

Condit M. C. 88, 89

Conway D. A. 156, 157

Cooper M. 256

Copi I. M. H. 66, 67, 86, 138, 139, 141, 142, 156, 167–169, 175, 180, 182, 184, 215, 257

Cornell P. 249

Coulter J. 205, 232

Crawshay-Williams R. 19, 60

Crutchfield R. S. 43, 55

Curd 257

Д

D'Agostine J. M. 256

Davidson D. 193

Davis A. 248

Daniels S. 256

Delgado R. 249

Dickens M. 256

Dicks V. J. 248

Dijk T. A. van 233

Donnellan K. 94

Ducrot O. 18, 60, 209, 211, 232

Dunbar N. 256

Е

Erh-Soon Tay 246

Eemeren F. H. van 9–12,

14, 18, 20, 21, 38–42, 59, 60, 68, 72, 73, 84, 88, 91, 94, 95, 99, 113, 114, 120, 121, 134, 142–144, 146, 149, 150, 153, 157, 158, 172, 182, 185, 192, 194, 199, 204, 211, 212, 215, 226, 227, 230–234, 260

Ehlich K. 232

Ehninger D. 120

Ennis R. H. 71, 78, 81, 84, 85

Essen 260

Ф

Fairclough N. 233

Fearnside W. W. 167, 180

Feteris E. T. 12, 32, 33, 87, 242, 250–255, 258, 260

Finocchiaro M. A. 171, 185

Fish S. 249

Fisher A. 60, 94

Fisher L. 94, 138, 139, 141, 142, 151, 156

Foss S. K. 222

France 255, 256

Freeley O. 50, 57, 107, 117, 120

Freeman J. B. 32, 144–146, 148, 157, 185, 221, 233

Г

Garssen B. J. 12, 31, 91, 94, 118, 234

Gass R. H. 119

Geest I. van der 87

Gerritsen S. 12, 31, 66, 67, 72, 74, 94, 95

Goffman E. 204

Golden J. L. 245

Golding M. P. 257

Goodwin P. D. 119

Govier T. 12, 17, 47, 48, 56, 65, 69, 71, 73, 77, 78, 84, 94, 95, 137, 138, 141, 142, 156, 185, 217–222, 233

Grice H. P. 157, 193, 202,
213, 227
Grimaldi W. M. A. 120
Groarke L. 72, 84, 94, 95,
138, 139, 141, 142,
151, 219, 220
Grootendorst R. 9–12, 20,
21, 39–42, 59, 60, 68,
72, 73, 84, 91, 94, 95,
113, 114, 121, 134,
142–144, 146, 149, 150,
153, 157, 158, 172, 182,
185, 192, 194, 199, 204,
211, 212, 226, 227,
231–234, 260
Gumperz J. J. 232
Günther K. 252
Gutenplan S. D. 180

H

Haack S. 94
Haarsher D. 245
Habermas J. 51, 52, 241,
252
Haft F. 257
Hagan M. R. 256
Hage J. C. 24, 244, 260
Hamblin C. L. 19, 27, 32,
59, 163, 166, 168, 171,
179–184, 193
Hample D. 94, 248
Hansen H. V. 12, 184
Hare 241
Harman G. 60
Hasian M. 249
Hassemer W. 260
Hastings A. C. 31, 108–
111, 117
Henkemans A. F. S. 11,
12, 230
Henket M. 255
Herbeck D. A. 248, 249
Hintikka J. 185, 193
Hitchcock D. 68, 71, 94,
185, 219
Hohmann H. 247, 248, 252
Hollihan T. A. 253, 256
Holther W. B. 167, 180
Horn 260

Horovitz J. 240
Horwitz L. 89
Houtlosser P. 12, 21, 30,
40, 57–59, 230, 233
Hunsaker D. M. 256
Hymes D. 200

I

Ilie C. 256

J

Jackson S. 12, 59, 75, 95,
199, 202, 204, 227,
231–233
Jacobs S. 12, 59, 75, 88,
94, 199, 202, 204, 227,
231–233
Janas M. 249
Janik A. 60, 246, 257
Johnson R. H. 12, 17, 47,
48, 56, 68, 73, 94, 139–
142, 185, 233
Johnson-Laird Ph. N. 212,
213
Johnstone Jr. H. 172
Jungslager F. S. 212

K

Kahane H. 180, 215
Kalinowski G. 240, 260
Kamenka 246
Kamlah W. 38
Kaptein H. 254
Keenan E. L. 94
Kelley D. 156
Kennedy G. A. 94, 125,
126
Kienpointner M. 115,
116, 117, 118, 224
Kitis E. 233
Kline S. L. 118, 224
Klinger G. 249
Kloosterhuis H. 250, 251,
255, 258
Klug U. 243, 254
Koch H. J. 253, 260
Koetsenruijter W. 233
Kominar R. A. 256
Kopperschmidt J. 21, 51–57

Krabbe E. C. W. 12, 19,
38, 39, 185, 189, 192
Krawietz 260
Krech D. 43
Kripke S. A. 188
Kruger A. N. 120

L

Lambert K. 184
Lawrence 249
Laycock C. 120
Leff Z. 12
Lemperer A. 249, 260
Levinson S. C. 201, 202,
204
Locke J. 162, 170–172
Lorenz K. 19, 38
Lorenzen P. 19, 38
Lucaites J. L. 88, 89
Luebke S. W. 257
Lundquist L. 232

M

MacCormick N. 252–254,
260
Mackenzie J. 193
Makau J. M. 245, 246,
249, 253
Maneli M. 246
Martens J. L. 189
Massey G. 184
Matlon 260
McBurney J. H. 120, 132
McEvoy S. T. 247
Meuffels B. 204, 211, 212
Michalos A. C. 180
Miers D. 257
Milapides M. 233
Mill J. S. 165, 173, 181
Mills G. E. 120, 131, 132
Morgan A. de 169, 184
Muntigl P. 206

N

Naess A. 19, 38
Nagel E. 168, 169, 180
Nagtegaal P. 12
Neumann U. 256
Newell S. E. 247

Nicole P. 170
 Nølke H. 232
 Nolt J. E. 152, 153, 156,
 221, 222
 Noordman L. G. M. 213,
 214, 233
 Nuchelmans G. 170, 215

O

Oesterlee J. A. 180
 O'Keefe D. 42, 43, 55
 Olbrechts-Tyteca L. 16,
 21, 61, 103–105, 117,
 118, 121, 223, 224
 O'Neil U. M. 120, 132

P

Panetta E. 249
 Pascal B. 170
 Peczenik A. 247, 250,
 252, 254, 258, 260
 Peirce C. S. 94
 Perelman Ch. 16, 21, 29,
 31, 61, 99, 103–105,
 117, 118, 121, 172,
 223, 244, 245, 256
 Peter of Spain 66, 94
 Piazza F. 76, 95
 Pilotte J. J. 245
 Pinto R. C. 136, 137,
 140–142, 157, 184, 221
 Plantin 12
 Plug J. 250, 251, 255, 258
 Plumer G. 257
 Polkar L. 12
 Pomerantz A. 208
 Popper K. 20
 Posner R. A. 249, 260
 Pörn 193
 Prakken H. 244, 260
 Prott L. V. 252
 Purtill R. L. 180

Q

Quintilian 126

R

Ramus P. 169
 Ray J. 133, 155

Reboul O. 21
 Rees M. A. van 12, 32,
 202, 230, 233, 234
 Rehbein J. 232
 Rescher N. 37, 38, 66, 73,
 157, 180, 184, 193, 215
 Rhodes J. 260
 Rieke R. D. 60, 241, 245–
 248, 253, 257
 Rijk L. M. de 168
 Riley P. 256
 Rödig J. 260
 Russow L. 257

S

Salmon W. C. 180
 Sanders J. A. 119
 Scales R. L. 120
 Scallen E. A. 248
 Scheer R. K. 180, 184
 Schellens P. J. 31, 111–
 113, 117, 118, 120, 121
 Schiffer S. 59, 60
 Schiffrin D. 45, 46, 55,
 60, 207–209
 Schipper E. W. 180
 Schopenhauer A. 172, 183
 Schuetz J. 246, 253, 256,
 260
 Schuh E. 180
 Schwartz R. 256
 Scriven M. 94, 219, 220
 Searle J. R. 202, 227
 Seibert T. M. 260
 Sheppard A. 247, 253
 Siegel H. 185
 Slot P. 233
 Snedaker K. 247, 254,
 256
 Snoeck-Henkemans A. F.
 144, 146–150, 152,
 157–159, 211, 230,
 232–234
 Socrates 165, 167
 Soeteman A. 243, 255, 260
 Solmsen F. 94
 Sperber D. 232
 Stalnaker R. C. 94
 Starmans R. 94

Stewenson 241
 Strader 249
 Strawson P. F. 94
 Struck G. 241, 260
 Stutman R. K. 247
 Summers R. S. 252, 254,
 260
 Sweetser E. 232

T

Tammelo I. 260
 Tamny M. 180
 Terre 246
 Thomas S. N. 47, 48, 56,
 60, 131, 135, 136, 139–
 142, 153, 155, 156,
 219–222
 Thomson A. 75, 78,
 80–82
 Tindale C. 132, 139, 141,
 142, 151
 Toulmin S. E. 15, 16, 29,
 32, 48, 49, 56, 60, 61,
 75, 94, 108, 120, 144,
 145, 241, 244, 257
 Tracy K. 232
 Tsui A. B. M. 208
 Turnbull W. 206
 Twigg R. 249
 Twining W. 257

U

Ulrich W. 184

V

Verbiest A. E. M. 232
 Viehweg Th. 244, 247,
 260
 Vorobej M. 156, 157–159
 Vuchinich S. 207, 208

W

Walker G. B. 256
 Walton D. N. 12, 32, 65,
 66, 69, 70, 84–86, 90,
 92–95, 120, 144, 148–
 152, 158–163, 185,
 188, 192–194, 233
 Warnick B. 118, 224

Wasby S. L. 256
 Weddle P. 60
 Weinberger O. 260
 Wenzel J. W. 21, 119,
 233, 260
 Whately R. 31, 60, 102,
 103, 108, 117, 120,
 125, 129, 130, 155,
 158, 162, 172, 173
 White 260
 Wiethoff W. E 246

Willard Ch. A. 12
 Wilson D. 232
 Windes R. R. 111, 133,
 134
 Wiseman R. L. 119
 Wittgenstain 241
 Woods J. 12, 32, 69, 70,
 73, 94, 163, 185–188,
 194
 Wreen M. 233
 Wróblewski J. 250, 252

Y

Yanal R. J. 156

Z

Zavos H. 133, 155
 Zarefsky 12, 260
 Ziegelmueeller 260

Указатель терминов

Русские термины

А

- абдукция 213
- абстрагирование от конкретных формулировок суждений 215
- авторитетность 120
- аксиомные схемы 187
- акциденция 101
- анализ аргументативного дискурса 35
- анализ аргументации в области права 32
- аналитическая реконструкция 39
- аналитическая философия морали 241
- аналитический обзор 225
- аналогичные понятия 35
- аналогия 103
- аналогия непрямая 107, 113
- аналогия прямая 107, 113
- антагонист 20, 39, 48, 143, 144, 147, 190, 192
- античная и формальная диалектика 35
- античная риторика 31, 125, 155, 247, 249
- античный топический подход 31
- априорный/апостериорный подход 231
- арбитр как участник формального диспута 37
- арбитраж 256
- аргументативизм радикальный 18
- аргументативная дискуссия 9, 13, 39, 189, 276
- аргументативная модель 244
- аргументативная направленность 18
- аргументативная ориентация 210
- аргументативная ошибка 22, 27, 28, 32, 119, 162–164, 167–170, 173–176, 178–180, 183–186, 188–190, 192–194, 233, 257
- аргументативная сила 18
- аргументативная состоятельность 30, 253
- аргументативная структура 29, 124, 125, 135, 145, 153, 200
- аргументативная схема 25, 31, 47, 85, 91, 93, 99, 100, 102, 111, 116–119, 224, 225, 277
- аргументативная теория 11
- аргументативное рассуждение 55
- аргументативность 232
- аргументативные операторы 18
- аргументативные связки 18
- аргументативные схемы, использующие основания 116
- аргументативный дискурс 11, 22, 24, 26, 28, 29, 31, 41, 45, 55, 99, 115, 199, 200, 204, 205, 211, 217, 223, 230, 231, 242, 247, 276, 278, 279
- аргументативный дискурсный анализ 30
- аргументация 11, 47–49, 64, 85
- аргументация в области права 22, 29, 240
- аргументация дивергентная 112
- аргументация для защиты объяснения 112
- аргументация для защиты предсказания 112
- аргументация единичная 26
- аргументация, защищающая объяснение 112

аргументация иллюстративная 116
 аргументация инструментальная 114
 аргументация квазилогическая 104
 аргументация конвергентная 137
 аргументация на основании знака 112
 аргументация на основании конкретного примера 119
 аргументация на основании образца для подражания 106
 аргументация на основании обстоятельств 133
 аргументация на основании примера 113, 120
 аргументация на основании причинно-следственных отношений 115
 аргументация на основании свидетельства 129
 аргументация на основании сравнения 103, 106, 119
 аргументация, накапливающая доказательства 159
 аргументация непрямая 106
 аргументация, основанная на авторитетном мнении 113, 116, 117
 аргументация, основанная на значении какого-либо термина 114
 аргументация, основанная на отношении «средства-цель» 115
 аргументация, основанная на отношении «часть-целое» 116
 аргументация, основанная на отношениях следования 105
 аргументация, основанная на отношениях сосуществования 105
 аргументация, основанная на оценочных правилах 112
 аргументация, основанная на правилах поведения 112
 аргументация, основанная на применении правил 112
 аргументация, основанная на принципе напрасных усилий 120
 аргументация, основанная на принципе регулярности 112
 аргументация, основанная на свидетельстве 102
 аргументация, основанная на сравнении 103, 114, 117

аргументация, основанная на структуре действительности 104
 аргументация от времени к причинно-следственной связи 112
 аргументация от следствия к причине 112
 аргументация по аналогии 113, 115, 116
 аргументация прагматическая 113, 115
 аргументация свободная 111, 113
 аргументация симптоматическая 114
 аргументация совокупная 147
 аргументация сравнительная 114, 117
 аргументация, устанавливающая структуру действительности 104, 105
 аргументы 14, 20, 26, 37, 45, 48–51, 53, 56, 67, 80, 81, 87, 89, 91, 101, 102, 126–128, 134, 136, 139, 141, 144, 147, 151, 154, 156–158, 165, 184, 218, 222, 232, 233, 239, 244, 256
 аргументы, связанные между собой и строящиеся один на другом 187
 аспекты мнения и веры 54
 аспекты приемлемости аргументов 244
 аспекты рассмотрения дела по существу 250
 ассертив 23, 40, 41, 42, 56, 58, 60
 ассиметричный диспут 37

Б

базовые диалектические доводы 145
 беспринципность 245
 беспристрастность 245
 бремя доказательства 46, 51, 127, 130, 141, 151, 155, 191, 194
 бремя ответственности 50

В

вариант «ты тоже»
 вера 44, 45, 49, 54, 58, 60, 120
 вербальное рассуждение 108, 109
 веские доводы 220
 виды аргументации 106
 виды доводов 106
 виртуализированная претензия 52
 внешнее обоснование 250
 внешние показатели 55
 внешняя структура 99

внутреннее обоснование 250
внутренние показатели 55
внутренняя позитивная оценка 42
внутренняя структура 99
вопросы для проверки соответствия 57
всеобщая аудитория 245
вступление как часть реконструкции 223
выведение заключения об общем из
недостаточно полных данных
о частном 170
вывод 77
выдвижение данных 49
выражение несогласия 205
выраженное мнение 38

Г

генерирующие доводы 145
герменевтика 241
гибридная аргументация 156
гипотетическое утверждение 79
грайсовский максим 58

Д

данные аргументации 15, 49, 56
двунаправленное отношение 233
двусмысленность грамматических
конструкций 164
двусмысленность слов 164
дебатируемая пропозиция 50, 51
дедуктивисты 219
дедуктивное умозаключение 70
дедуктивный подход 31, 65, 71, 72
дедуктивный шаг 103
действия, совершаемые в рамках
дискуссии 28
декларатив 40
декларативное утверждение 205
деонтическая логика 243
дескриптивное обобщение 113
детализация как тип высказывания 58
диалектика 20
диалектификация 39
диалектическая проблема 36
диалектическая реконструкция 225
диалектические показатели 151
диалектические положения 37
диалектические сдвиги 192
диалектические топосы 101

диалогическая игра 19
диалогическая логика 19, 38
диалогические показатели 150
диалогический подход 249
директив 40
дискурс 88
дискуссия 19, 20, 21, 24, 26, 28, 38, 39,
43, 44, 46, 51–53, 55, 69, 71, 73, 74,
94, 100, 101, 106, 113, 135, 147, 149,
151, 172, 190, 206, 207, 225, 230,
232, 234, 242, 249–251, 258, 259,
277–279
добавление как диалектическая
реконструкция 225
добавочная аргументация 147
добавочные и недобавочные посылки
156
добросовестность 245
довод 47, 48, 59, 75, 155
довод к авторитету 181
довод к жалости 177
довод к здравому смыслу 171
довод к незнанию 171
довод к нелепости 253
довод к палке 170, 177
довод к последствиям 178, 253
довод к публике 181
довод к скромности 171
довод к снобам 177
довод к человеку 170, 171, 181, 182,
189, 253
довод как тип высказывания 58
довод, не имеющий отношения к
предмету обсуждения 165
довод, обращенный к людям 177
довод, объявляющий спорный вопрос
решенным 176
доводы кондуктивные 138
доводы связанные и конвергентные
135, 136
доказательство 106, 223
доказательство от частного к частному
106
доказательство противного 245
допущение 19, 38
допущение или суппозиция 78
допущение как точка отсчета 19, 38
достаточность как критерий 17
достижение истины 36

Е

единичность аргументации 139

З

заключение 48, 60, 223

заключение аргументации 47

заключительная стадия 20

замена как диалектическая реконструкция 225

заполнение пробела 81

заполнитель пробела между посылкой и выводом 77

защита своего тезиса от критики оппонента 38

заявление 47

знаковая аргументация 102

И

игнорирование диалогического контекста 169

идеальная модель критической дискуссии 55, 226

идолы 32, 162, 170

идолы площади или рынка 170

иммунитет от критики 46

имплицитная типология схем рассуждения 119

имплицитная точка зрения 24

имплицитное умозаключение 78

имплицитные посылки 64

имплицитные элементы 77–79

имплицитный вывод 19

имплицитный довод 24, 79

индикативные выражения 56

индуктивная аргументация в ограниченном смысле слов 116

индуктивное обобщение 156

индуктивное рассуждение 213

индуктивные аргументативные ошибки 32

индуктивный и дедуктивный подходы 31

индуктивный шаг 103

индукция 103

институциональные процедуры 252

инструментальная аргументация 114

интерпретатор контекста 31

интерпретация и реконструкция аргументации 22, 28, 32

интерпретация косвенных речевых актов 203

интерпретация поведения 201

интерпретация/толкование 198

интерсубъективность 52

интуитивное истолкование умозаключений 29

исковое требование и заявление ответчика 260

искренность 46

искренность как нормативное требование 52

использование силы угрозы 170

использованная посылка 31, 84–86, 90

истинность 46, 52, 53, 58, 59, 78, 83, 85, 100, 102

истинность пропозиционального содержания 41

истинность утверждения 102

исходная точка зрения 51

К

категории внутреннего состояния 54

квазилогическая аргументация 104

квазипредсказание 121

кванторные выражения 216

кинетические средства 208

классификация 120

классификационные схемы 116

классификация типов оснований Хастингса 31

кластерный анализ 223

ключевые вопросы 50, 61

когнитивные исследования 30, 35

комиссии 40

конвенционально корректные правила 19

конвергентное рассуждение 123

конвергентные сближающиеся посылки 32

конкретная аудитория 16

контекст 18, 22–24, 27, 28, 31, 51, 55, 65, 72, 74, 76, 84, 86–91, 93, 94, 142, 149–151, 153, 154, 163, 164, 169, 174, 194, 202, 204, 211, 212, 215, 221, 224, 227, 229, 233, 240, 245, 247–249, 257

контекстуальная информация 24, 28, 87, 88

континентальное европейское право 246

Важнейшие концепции теории аргументации

контраргументы 38
контрарная оппозиция 116
контрольные или проверочные вопросы 26
контутверждение 205, 206
концепции диалектические 19
концепции риторические 21
концепция риторической инвенции 117
координационная и множественная аргументация 32
корневые метафоры 233
косвенная защита 147
косвенная точка зрения 24
косвенный довод 24, 198, 199, 204, 231
критерий бремени доказательства 134
критерий дедуктивной правильности аргументации 17, 70
критерий различных типов доводов 134
критическая дискуссия 19–21, 39, 43, 55, 113, 149, 151, 190, 225, 227, 234, 251, 278, 279
критический анализ дискурса 233
критический рационализм 20, 241
критически-рационалистская философия разумности 190
критическое мышление 75
критическое рассуждение 75
круг в рассуждении 176, 181
культура 88, 89

Л

линия рассуждения 140
логика отношений 213
логика предикатов 213, 243
логическая верность 162
логическое вытекание вывода из посылки 71
логическая правильность 31, 70, 243
логическая структура аргументации 47
логически корректная форма аргументации 16
логические константы 243
логические ошибки 173
логические элементы 216
логический минимум 70, 83, 95
логическое следование 119
логические структуры 56

логос 223
ложная аналогия 173
ложная посылка 173

М

максимальный диалектический анализ 227
марксизм 241
материальная импликация 216
материальные критерии приемлемости 250
материальные ошибки 173
металингвистические средства 57
метафорический анализ 223
метод графов 150, 158
методика квазинепопосредственного измерения 55
методика косвенного измерения 55
методика непосредственного измерения 55
методики отстаивания точки зрения и ведения дебатов 30
методы интерпретации и реконструкции аргументации 22
методы реконструкции аргументов 29
методы реконструкции рассуждений 29
мнение 26, 34, 36–38, 40, 42–47, 54, 55, 57, 59, 60, 141, 172, 179, 184, 185, 207, 208, 224
мнение, высказанное вслух 44
многосторонние переговоры 256
множественная аргументация 123
модальная связь 146
модели дебатов 50
модели дискурса 205
моделирование спора 32
мотивация как тип высказывания 58
мыслительная модель 212

Н

набор обязательств 188
набор посылок 139
намерения 90
направление аргументативного развития 19
нарративный анализ 223
невербальные контекстные показатели 23
невывраженная посылка 22, 24, 31, 32,

64–73, 75, 77–79, 81, 82, 84–86, 91–94, 157, 199, 218–222, 234, 277
 невыраженные точки зрения 24
 негативная оценка 42
 недостаточная поддержка вывода 146
 независимые приемы аргументации 16
 незнание сути опровержения 165, 176
 нелогические ошибки 173
 немонотонная логика 25
 неоаристотелевский анализ 222, 223
 необходимая посылка 31, 84–86, 90, 93
 необходимость вывода из посылок
 силлогизма 169
 необходимый минимум 233
 неправильное использование языковых
 средств 164
 непрямая или образная аналогия 106, 107
 нерелевантные суждения 173
 несовершенные действия в аргумента-
 тивном дискурсе 162
 неформальная логика 17, 47
 неформально-логическая альтернатив-
 ная концепция 17
 неформальные логики-структуралисты
 55
 ни плюрализм, ни дедуктивизм 69, 74
 новая риторика Х. Перельмана
 и Ольбрехтс-Титеки 31, 244
 нормативная прагматика 88
 нормативно-оценочные модели 241
 нормативные акты 239
 нормативные предикаты 243
 нормативные требования 52

О

обвинитель 145
 обвинение в голословности 206
 обобщение дескриптивное 113
 обобщение нормативное 113
 обоснование 45, 58
 обоснование того или иного толкова-
 ния юридической нормы 254
 обращение к толпе 177
 обстоятельства дела 243, 260
 общие термины 216
 общие точки отсчета 19
 общий топос 101, 120
 объявление точки зрения священной
 191

объяснение 58
 объяснительное высказывание 47
 объяснительное рассуждение 47
 обычная логика 244
 обязательства как объект анализа 90
 один(очный) довод 139
 онтологический статус содержания
 веры или убеждения 60
 операторы 243
 операторы аргументативные 18
 оппонент 20, 37, 38, 46, 101, 130, 133,
 141, 143, 145–147, 149, 153, 155,
 157, 164, 170–172, 174, 175, 177,
 182, 184, 191, 194
 определение 58, 101
 опровергающая сторона 50, 51, 61
 опровержение 164, 223
 основание правильности 52
 основание 75
 ответственность 39
 ответчик 145
 отказ от обязательств 188
 отношение 42, 54
 отношение интерпретатора к контексту
 31
 отношения эквивалентности 255
 отправные положения 20
 отрицание антецедента 181
 отрицательная точка зрения 40, 59,
 210
 отступление 223
 отступление от темы 225
 отсутствующая посылка 78, 79
 отсутствующее звено 81
 оценка аргументации 90
 оценка логического вывода 71
 ошибка апеллирования 32, 162, 170,
 173, 176
 ошибка «в определенном смысле» 169
 ошибка «довод к человеку» 43
 ошибка неправомерного представления
 привходящего свойства объекта как
 сущностно присущее объекту
 свойство 164
 ошибка объединения и разделения 188
 ошибка «после этого, следовательно, в
 результате этого» 164
 ошибка поспешного обобщения 164
 ошибка привходящего свойства 169

ошибка «признание того, что не есть причина, причиной» 164
ошибка сведения многих вопросов к одному 82, 165
ошибка «скользкий склон» 178
ошибка «учетверения терминов» 173
ошибка «фиктивный противник» 70
ошибки аргументативные 27–29
ошибки мышления 170
ошибки, основанные на неверно реконструированной посылке 173
ошибки, связанные с неправильным использованием силлогизмов 32
ошибочные (ложные) опровержения 164

П

паралогизм 164
пафос 223
переговорный диалог 192
перестановка 225, 227
плюрализм 31, 69
плюралистический взгляд 70, 71
плюралистический подход 31, 71
плюралисты 70
повествование 223
повторение 225
подготовительное условие 58
поддержка основания 15, 75
подкрепление 81
подход Вудса–Уолтона 32
подчинительная аргументация 123, 125, 126
политические суждения 50
полифония 210
положительная точка зрения 40
положительные ответы 50
понятие «закключение» 47
понятие «мнение» 45
понятность как нормативное требование 52
последовательное рассуждение 123
последовательностный/конвенциональный/рациональный подход 231
поспешное обобщение 164, 168
посредничество как система разрешения споров 256
постхемблиновские концепции 32
посылка 75

посылка-предположение 78, 79
посылки, относящиеся к действительному 120
посылки, относящиеся к предпочтительному 120
правила «конвенционально корректные» 19
правило аргументативной схемы 191
правило бремени доказательства 191
правило закрытия дискуссии 192
правило невыраженной посылки 191
правило релевантности 191
правило свободы 191
правильность суждения 50
право систематически критиковать тезис пропонента 38
правовая проблема 223
правовые нормы 240
правоприменители 246
правота (истинность) 52
прагма-диалектика 20, 39, 54, 73, 86, 224
прагма-диалектическая концепция 39, 146, 163, 189
прагма-диалектическая модель дискуссии 73
прагма-диалектическая теория 9, 12, 30, 32, 39, 60, 113, 117, 119, 121, 146, 149, 154, 190, 191, 224, 227, 250, 251, 277
прагма-диалектическая теория аргументации 30
прагма-диалектический подход 31, 32, 35, 41, 230, 233, 255, 278
прагма-диалектическое понятие «точка зрения» 35
прагма-лингвистический анализ 56
прагматическая аргументация 105, 112, 113, 115
прагматическая теория 20
прагматические показатели 150
прагматический подход Д. Уолтона 32, 163
практика правоприменения 241
предварительные условия 203
предвосхищение оснований 164, 173
предположительная проблема 223
представления или убеждения людей 44
пресуппозиция 77–80, 83

претензия 48
 приемлемое основание 116
 приемлемость 17, 46, 58, 83
 приемлемость действий 28
 приемы аргументации 16
 приемы «стратегического маневрирования» 22
 приемы отстаивания точки зрения
 и ведения дебатов 35
 признак (по Фрили) 108
 принцип аргументативный 18
 принцип доброжелательности 152,
 220
 принцип искренности 250
 принцип количества Х. Грайса 213
 принцип кооперации Х. Грайса 202
 принцип напрасных усилий 120
 принцип обобщаемости 250
 принцип объединения 104
 принцип последовательности 250
 принцип проверяемости 250
 принцип разъединения 104
 принцип справедливости 115
 принцип экстернализации 39
 принцип эффективности 250
 принцип ясности 250
 присоединенное условное предложение
 95
 причинно-следственная аргументация
 107, 119
 причинно-следственная связь 92
 причинно-следственное рассуждение
 107
 промежуточные выводы 81
 пропозициональная логика 213, 243
 пропозициональное содержание
 ассертива 58
 пропозициональные операторы 216
 пропозиция 50, 51, 54, 206
 пропонент 19, 37–39, 51, 123, 125, 126,
 130, 134
 пропущенные посылки 64
 простой, или «чистый», конфликт 38
 протагонист 20, 143, 144, 147, 190, 192
 противоположная точка зрения 51
 противопоставляющее действие 209
 процедурная неформальная логика 30,
 35, 48
 процесс аргументации 14

процесс принятия судебного решения
 241
 процессуальные критерии рациональ-
 ности 250
 прямая буквальная аналогия 107
 прямая защита 147
 прямое обоснование 50
 прямое опровержение 50
 пятичастная аргументация 125

Р

радикальный аргументативизм 18
 разграничение оснований 116
 разделение как аргументативная
 ошибка 178
 различия во мнениях 22, 39, 190, 225
 различия концептуальные 29
 разумная аргументация 14
 разумность 30
 разъединение как аргументативная
 ошибка 104
 разъяснение как элемент реконструк-
 ции 225
 рассуждение 21, 24, 26, 28, 29, 32, 41,
 45, 48, 54, 67, 77, 92, 100, 103, 106,
 108, 110, 117, 119–121, 126–129, 131,
 134–136, 138–141, 150–152,
 156–158, 169, 171, 173, 180, 200,
 208, 212–218, 220, 224–226, 230,
 233, 241, 252, 253, 255, 257, 259
 рассуждение вербальное 109
 рассуждение на основании авторитет-
 ного мнения 111
 рассуждение на основании аналогии
 110
 рассуждение на основании знака/
 признака 107, 108
 рассуждение на основании примера 107
 рассуждение-объяснение 47
 рассуждение, основанное на причинно-
 следственных отношениях 109
 рассуждение, основанное на сравнении
 103
 рассуждение от знака/признака
 к ненаблюдаемому событию 110
 рассуждение от косвенных свиде-
 тельств к гипотезе 110
 рассуждение от критериев к вербаль-
 ной классификации 109

Важнейшие концепции теории аргументации

рассуждение от определения к характеристикам 109
рассуждение от примера к описательному обобщению 109
рассуждение от причины к следствию 110
рассуждение от следствия к условию 102
рассуждение по аналогии 103, 107, 110
рассуждение по умолчанию 25
рассуждение причинно-следственное 110
рациональность 46, 242
результат спора 250
реконструирующий подход 95
реконструкция аргументации 199
релевантность 17, 175
речевое событие 23, 200, 201
речевой акт 20, 39, 40–42, 53, 54, 57, 58, 60, 90, 151, 190, 201–205, 225–229, 232, 278
речевой процесс 40
римская школа риторики 223
риторика эпохи Просвещения 32
риторическая концепция 89
риторическая концепция энтимемы 89
риторическая ситуация 224
риторические приемы 89
риторический анализ связи 89, 93
род как тип предикатов 101

С

сведение многих вопросов к одному 27, 174, 181
сведения в поддержку дебатированного суждения (пропозиции) 106
свидетельства, действующие совместно 129
свобода как юридический принцип 245
свободная аргументация 113
свободные формы рассуждения 109, 110
свойство как тип предиката 101
свойство совокупности 187
связанное рассуждение 123
сила логического следования 72
сила свидетельств, действующих совместно 129
силлогизм 169

силлогистические и индуктивные ошибки 162
симптоматическая аргументация («признакового» типа) 114
симптоматическое отношение 114
система достаточно серьезных доказательств проponenta 37
система общего права 246
следствие как имплицитный элемент 78
сложный аргумент 155
случайное свойство 101
смешанный конфликт 38
совещательные речи 223
совокупная сочинительная аргументация 159
совокупность как свойство аргумента 187
совокупный и добавочный (термин) 157
современные дедуктивисты 72
современный дедуктивизм 31, 69
соединение как аргументативная ошибка 178
сориты Аристотеля 155
состоятельность суждений 14
софизм 32, 162, 163
софизмы научного метода 170
софистические опровержения 164
социализация 39
социальная топика 241
социальное лицо 204
социально-организованные типы деятельности 201
социальные теории 241
социо-психологическое исследование убеждения 30, 35, 44
сочинительная аргументация 123
спорность 207
способ обоснования 16, 26
способ опровержения 26, 49, 101, 133, 151, 158, 163, 164, 171, 176, 193, 195
способы рассуждения в дискуссии 106
справедливость как критерий 52
справедливость как юридический принцип 245
сравнение отношений 103
сравнительная аргументация 114
стадия аргументации 20, 227

стадия конфронтации 20, 55
 стадия открытия дискуссии 20
 стандартная трактовка аргументативных ошибок 32, 163, 179
 степень сложности рассуждения 76
 стратегические средства 204
 стратегическое маневрирование 22
 стратегия максимально аргументативного анализа 153
 стратегия, позволяющая «сохранить лицо» 204
 структура аргументации 22, 32, 91, 123, 124, 131, 135, 142, 144, 145, 154, 159, 199, 218
 структура Крипке 187
 структуралистская неформальная логика 30, 35
 структурный показатель 55
 субстанция 108
 субъективная оценочная позиция 45
 суд малых тяжб 253
 судебный жанр речи 223
 суждение 50
 суждение вида «тем более что» 253
 суждение, которое защищается и оспаривается 50
 суждение, не имеющее отношения к предмету спора 173
 существующее или желательное положение дел 45
 сущностная импликация 216
 сущностные критерии приемлемости 250
 сущностные ошибки 173
 схемы аргументации 22, 31, 92, 99, 104, 105, 113, 114, 116, 117, 121, 245
 схемы, основанные на сравнении 116
 схемы противопоставления 116

Т

тавтологическое рассуждение 176
 тезис 35, 38, 51, 53, 54
 теоретики аргументации 29
 теория аргументации 9, 10–12, 14, 15, 21, 22, 28–30, 39, 60, 64, 65, 68, 69, 72, 73, 78, 82, 87, 93, 99, 100, 113, 119, 121, 125, 149, 190, 231, 239, 241, 258, 259, 276–279

теории ключевых вопросов 248
 теории коммуникативных действий 30, 35
 теории права 239
 тест на исключение 158
 тест на степень поддержки 158
 тесты на изолированность 158
 типология Кайнпойнтера 116
 типология разумных форм аргументации Шелленса 31
 типологический анализ 223
 типы деятельности 201
 типы умозаключений абдуктивные 70
 типы умозаключений дедуктивные 70
 типы умозаключений индуктивные 70
 типы умозаключений кондуктивные 70
 толкование индексов 215
 толкование умозаключения 85
 толковательный подход 95
 топ (топос) 100
 топический подход Вейвега 244
 топический потенциал говорящего 22
 топос 18, 19, 26, 92, 100
 точка зрения 14–17, 19, 20, 22–26, 29, 30, 34, 35, 39–41, 43–51, 53, 54, 56–61, 64, 66, 67, 70, 76, 80, 81, 83, 87, 88, 91–93, 99, 101, 107, 113–115, 118, 120, 121, 123–125, 133, 141–147, 149, 150, 152, 153, 155, 157, 159, 164, 172, 173, 177, 180, 181, 184, 186, 191, 201, 202, 204, 209–212, 218, 219, 221, 222, 224, 228, 229, 231, 232, 239, 242, 243, 250, 252, 255, 259, 277, 278
 традиционная логическая концепция 65
 традиционный логический подход 67–69
 традиционный риторический подход 66
 тщеславное мнение 170
 тяжущиеся 246

У

убеждающий диалог 192
 убеждение 16, 17, 45, 54, 222, 258
 удаление как диалектическая реконструкция 225
 ударение или произношение 164
 умеренная доброжелательность 221
 умозаключение, вывод или следование 78

Важнейшие концепции теории аргументации

умозаключения, основанные
на весомых причинах 138
универсальная аудитория 16
уровень убедительности аргументации
104
условие идентификации 41
условие искренности 54, 58, 203
условие правильности 41
условие успешности 40, 41, 59, 202,
229
условное предсказание 121
условное суждение 219
утвердительные (и косвенные) выска-
зывания 24
утверждающий речевой акт 58
утверждающая сторона 50
утверждение 39, 46, 47, 57
утверждение-ассертив 56, 60
утверждение категоричное 38
утверждение консеквента 164, 180
утверждение-претензия 15, 48, 49, 56,
60, 61
уточнение 49, 225
учение о статусах 126, 247

Ф

фактические суждения 50
фиктивный или воображаемый против-
ник 178
философия обыденного языка 20
форма выражения 164
форма повествования 233
формальная диалектика 19, 35, 59,
185
формальная логическая правильность
243
формально-диалектическая концепция
163
формально-диалектическая процедура
19
формально-диалектический подход 32
формальность 187
формальные, процессуальные аспекты
обоснования 250
формальный диспут 37
формирование моста 81
формы аргументации 106
формы доводов 106
функционализация как принцип 39

Х

характер говорящего 233

Ц

целенаправленная деятельность 202
цель аргументации 34, 35
ценностные суждения 50

Ч

частный топос 100, 101, 120

Э

эклeктическая компиляция элементов
116
эксплицитная посылка 25, 26, 78, 91, 157
эксплицитно (выражаться) 79–81, 112
эксплицитно сигнализировать 209
экспрессив 40
экспрессив, или акт, выражающий отно-
шение говорящего к чему-либо 40
элементы содержания 216
эллинистическая школа риторики 223
эмихейрема 125
эмпирико-описательные модели 241
эмпирическая реальность 90
энтимема 75, 88, 89
энтимематические аргументы 218
эпидейктический жанр 223
Эрлангенская программа 19, 241
этический/эмический подход 231
этос 223
эффективные средства аргументации 22

Ю

юридическая аргументация 239
юридическая норма 243
юридические принципы 240
юридическое рассуждение 257

Я

языковые средства 164, 205

Иностранные термины

А

a contrario 245
a fortiori 253
abduction 213

abductive 70
 abstraction steps 215
 accent 164
 acceptability 14, 17
 accidens 164
 accident 101
 activity types 201
 ad fallacies 32, 162, 170
 ad ignorantiam 171
 ad iudicium 171
 ad verecundiam 171
 addition 225
 advocacy and debate 30
 affirmative side 50
 affirming the consequent 164, 180
 amphiboly 164
 analogy 103
 analytic moral philosophy 241
 analytical overview 225
 antagonist 20, 190
 arbitration 256
 arguing from the particular to the particular 106
 argument 10, 232
 argument from an effect to a condition 102
 argument from circumstance 133
 argument from comparison 106
 argument from testimony 129
 argument generating questions 145
 argument interpretation 198
 argument interpretation and reconstruction 22, 28
 argument of waste 120
 argument scheme 22, 25, 85, 99, 245
 argument scheme rule 191
 argumentation based on authority 116
 argumentation based on comparison 103
 argumentation based on evaluative rules 112
 argumentation based on regularity 112
 argumentation based on rules 112
 argumentation based on rules of conduct 112
 argumentation based on the structure of reality 104
 argumentation defending a prediction 112
 argumentation defending an explanation 112
 argumentation establishing the structure of reality 104

argumentation from testimony 102
 argumentation from time to causality 112
 argumentation in the field of law 22
 argumentation schemes 85
 argumentation schemes that neither use nor establish warrants 116
 argumentation stage 20
 argumentation structure 22, 123
 argumentation techniques 16
 argumentation that is based on coexistential relations 105
 argumentative direction 18
 argumentative discourse analysis 30
 argumentative force 18
 argumentative orientation 210
 argumentativity 232
 argumentum ad absurdum 253
 argumentum ad baculum 170, 177
 argumentum ad consequentiam 253
 argumentum ad hominem 28, 170, 253
 argumentum ad misericordiam 177
 argumentum ad populum 28, 177
 argumentum ad verecundiam 28
 assertion 56
 assertive 40
 associated conditional 95, 219
 association 104
 assumption 78
 asymmetrical contradictory debate 37
 attitude 42
 attribute 108
 authority 120
 avowed opinion 38
 axiom schemata 187

B

back-up 81
 backing 15, 49
 basic dialectical 145
 belief 44
 biconditional 233
 burden of proof 46
 burden of proof criterion 134
 burden of proof rule 191

C

categorical assertion 38
 causal reasoning 107, 109
 challenger 145

challenges 206
claim 15, 48, 60, 206
clarification 225
classification 120
closure rule 192
cluster analysis 223
cognitive research 30
coherence 250
combination of words 164
commissive 40
commitment sets 188
commitments 39, 90
common law 246
common starting points 20
communicative action theory 30
comparison argumentation
  of the «resemblance» typ 114
comparison of ratios 103
complexity of the reasoning 76
composition 178
comprehensibility 52
concessions 19, 38
concluding stage 20
conclusion 47
concurrent testimonies 129
conditional prediction 121
conductive 70, 138
confirmatio 223
conflict of opinion 39
confrontation stage 20
conjectural 223
connectors 18
consistency 250
content elements 216
context of inquiry 45
context of justification 45
context-dependent aspects
  of acceptability 244
contextual clues 23
continental European law 246
contradictions 116, 206
contradistinction 116
contrary oppositions 116
contrasting action 209
conventionally valid 19
convergent reasoning 123
converse opposition 116
coordinate argumentation 123

coordinative and multiple argumentation 32
correctness condition 41
critical discourse analysis 233
critical discussion 39, 190
critical legal studies movement 248
critical questions 26, 114
critical rationalism 241
critical rationalists 20
critical reasoning 75
critical thinking 75
critical-rationalist philosophy
  of reasonableness 190
culture 88
cumulative 147
cumulative coordinative argumentation 159
cumulativity 187

D

data 15, 49
declarative 40
declaring a standpoint sacrosanct 191
deductive validity 17
deductivists 219
default logic 25
deficient moves in argumentative
  discourse 162
definition 58, 101
deletion 225
deliberative 223
denying the antecedent 180
deontic logic 243
determiner 37
dialectical clues 151
dialectical propositions 37
dialectical shifts 192
dialectical transformation reconstructions 225
dialogical approach 249
dialogical clues 150
dialogical logic 38
dialogue game 19
dialogue logic 19
different types of argument-criterion 134
digressio 223
digressions 225
direct defence 147
direct measurement technique 55

directive 40
disambiguation 215
discussion moves 28
dissociation 104
divergent argument 131
division 178
division of words 164
doxa 88, 89
drawing a general conclusion from
an incomplete induction 170

E

efficiency 250
elaboration 225
elimination test 158
empirical description models 241
enthymematic 218
epideictic 223
equity 245
equivalence 255
equivocation 164
Erlangen School 19, 38, 188, 241
errors of thought 170
ethos 223, 233
etic/emic 231
evidence 106
evidence-accumulating argument 159
ex concessis 20
exordium 223
explanations 58
explicitation of implicit elements 215
expressive 40
external justification 250
external markers 55
external structure 99
externalization 39
externally verifiable 45
extra dictionem 164

F

face-saving strategies 204
facts 243
fairness 245
fallacies 27
fallacy 22, 186
fallacy of the straw man 70
false analogy 173
false premise 173
fantasy-theme analysis 223

felicity condition 40, 202
field independent 16
figurative analogy 106, 107
filling a gap 81
five-part argumentation 125
form of expression 164
formal and procedural aspects 250
formal dialectics 19, 59
formal disputation 37
formal validity 243
«formal-dialectical» procedure 19
formality 187
forming a bridge 81
forms of argument 106
four terms 173
free floating forms of reasoning 109
freedom 245
freedom rule 191
Freeman's Toulminean approach 32
functionalization 39

G

gap filler 31, 77
Geltungsgrund 52
general terms 216
generalizability 250
generic analysis 223
genus 101
goal-defined activity 201
goal-oriented activity 202
good faith 245
good reasons 220
good reasons arguments 138
graph method 150
Grice's Cooperative Principle 202

H

Hasting's classification of types of
warrants 31
hasty generalization 164
hermeneutics 241
hybrid argument 156
hypothetical statement 79

I

ideal model of critical discussion 226
identity conditions 41
idia 100
idols 162

idols and sophisms 32
idols of the marketplace 170
ignoratio elenchi 176
ignoratio elenchi, или ignorance
of refutation 165
illustrative argumentation 116
implication 78
implicature 78
implicit premises 64
implicit reason 79
in dictione 164
incompatibilities 116
indexical interpretation 215
indirect defence 147
indirect measurement technique 55
indirect speech acts 203
individual, subjective and evaluative
position 45
inductive argumentation in the
restricted sense 116
inductive fallacies 32
inductive generalizing 156
inductive-deductive distinction 31
inference 71, 78
informal logic 17
institutional procedures 252
instrumental argumentation of the
«consequence» type 114
intentions 90
intermediate conclusions 81
internal justification 250
internal markers 55
internal structure 99
interpretative view 95
intersubjectively 52
irrelevancies, или ignoratio
elenchi 173
irrelevancy claims 206
isolation tests 158
issues as presented to the court 260

J

juridical 223
jurisprudence 239
justice 245
justification 26, 45, 59, 240
justification of interpretation of a legal
rule 254

K

kinds of argument 106
kinesic devices 208
Kripke-structure 187

L

legal 223
legal administrators 246
legal principles 240
legal process 241
legal reasoning 257
legal rule 240, 243
legal statutes 239
line of argument 140
linguistic devices 205
linked and convergent premises 32
linked reasoning 123
literal analogy 107
locations 100
logical constants 243
logical minimum 70
logical particles 216
logical self-defense 17, 33, 47, 62, 160,
236
logical validity 70, 243
logically valid argument form 16
logos 223

M

many questions 27, 82, 165
material aspects 250
material fallacies 173
material implication 216
material standards of acceptability 250
maximal dialectical analysis 227
means-end argumentation 115
mediation 256
mental model 212
methods of argument interpretation and
reconstruction 22
metaphoric analysis 223
missing premises 64
missing step 81
mixed conflict 38
mob appeal 177
modal linkage 146
moderate charity 221
modern deductivism 31, 69

modern deductivists 72
 modes of reasoning in discussion 106
 motivation 58
 multi-party facilitation 256
 multiple argumentation 32, 123
 Munich dialectica 169

N

narratio 223
 narrative analysis 223
 narrative form 233
 necessary premises 31
 negative 40
 negative side 50
 negatively committed 38
 negotiation dialogue 192
 neither pluralist nor deductivist 69
 Neo-Aristotelian analysis 223
 no-retraction rule 187
 non sequitur 176
 non-cause as cause 164
 non-monotonic logic 25
 nonlogical fallacies 173
 normative evaluative models 241
 normative pragmatics 88
 normative predicates 243
 not convertible 166

O

one premise set 139
 onus probandi 130
 opening stage 20
 operators 18, 216, 243
 opinion 38, 39, 45
 opponent 19, 37
 ordinary language philosophers 20

P

particular audience 16
 pathos 223
 patterning 32
 patterns 205
 Perelman's «new rhetoric» 244
 permutation 225
 peroratio 223
 persuasion dialogue 192
 petitio principii 27, 164
 pluralism 31, 69
 point of view 22, 34

points of departure relating to the
     preferable 120
 points of departure relating to the real
     120
 polyphony 210
 positive 40
 positively committed 38
 post ergo propter hoc 164
 post hoc (ergo propter hoc) 177
 pragma-dialectical 250
 pragma-dialectical approach 163
 pragma-dialectical argumentation theory 30
 pragma-dialectics 20
 pragmatic argumentation 112
 pragmatic clues 150
 predicate logic 243
 premis 75
 preparatory conditions 203
 presupposition 77
 prima facie case 37
 principle of charity 152, 220
 principle of justice 115
 procedural criteria of rationality 250
 procedural informal logic 30
 process of judicial decision-making 242
 product of an argument 250
 proof 106
 property 101
 proponent 19, 37
 proposition of fact 50
 propositional logic 243
 propositional reasoning 213
 propositions of policy 50
 propositions of value 50
 propositio 50
 protagonist 20, 190

Q

qualifier 49
 quantified reasoning 213
 quantifying expressions 216
 quasi prediction 121
 quasi-direct measurement technique 55
 quasi-logical argumentation 104

R

radical argumentativism 18
 rationality 242
 reason 75, 155

reasonableness 30, 111
reasoning by analogy 107
reasoning by example 107
reasoning from cause to effect 110
reasoning from criteria to a verbal
classification 109
reasoning from definition
to characteristics 109
reasoning from example to a description
109
reasoning from sign to an observed event
110
reasoning graphs 150
reasons 59
rekonstruktive view 95
refutatio 223
refutation 26
relational reasoning 213
relevance 17, 175
relevance rule 191
repetitions 225
respondent 145
responsibilities 39
retraction 188
rightness 52
root metaphors 233

S

satisficing minimum 233
Schellens' reasonable argument forms 31
scheme argumentatif 99
schemes of classification 116
secundum quid 169
serial reasoning 123
sign argumentation 102
sign reasoning 107
syllogistic (logical) fallacies 173
simple or pure conflict 38
sincerity 52, 250
sincerity conditions 203
single argument 26, 139
single argumentation 26
singleness of an argument 139
slippery slope fallacy 178
small claims court 253
snob appeal 177
social face 204
social topics 241
socialization 39

socially constituted 201
socio-psychological research
of persuasion 30
sophisms 162
sophisms of the scientific method 170
sorites 155
soundness 14
soundness of legal argumentation 239
specifications 58
speech act 40, 202, 278
speech event 23, 200
standard logic 244
standard treatment 163
standard treatment of fallacies 32
standpoint 14, 39, 232
starting points 19, 245
statement of claim and defense 260
status theory 247
stock issues 50
stock issues theory 248
strategic devices 204
strategic maneuvering 22
strategy of maximally argumentative
analysis 153
straw man 178
strength of inference 72
structural clue 55
structuralist informal logic 30
structure of argumentation 123
subordinate argumentation 123
substance 108
substitution 225
sufficiency 17
supposition 78
syllogistic fallacies 32
symptomatic argumentation of the
«token» type 114

T

testability 250
theory of law 239
theory of stasis 126
thesis 35, 51, 110
topics 100
topoi 18, 92, 247
topos 19, 26, 100
Toulmin's argumentation model 244
traditional logical approach 65
traditional rhetorical approach 66

truth 52, 241
tu quoque fallacy 43
unexpressed premise 22, 64, 218

U

unexpressed premise rule 191
universal audience 16, 245
using the force of threats 170
utilized premises 31

V

vain opinion 170
validity 17, 31, 162
validity claim 52

validity questions 57
verbal reasoning 109
Viehweg's topical approach 244
virtualized 52

W

Walton's pragmatic approach 32, 163
warrant-establishing argumentation
schemes 116
warrant-using argumentation schemes
116
warrants 116
wrongly-assumed premise 173

Авторы глав

Профессор Франс Х. ван Ееме́рен (Frans H. van Eemeren) является заведующим кафедрой речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета и директором исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» («Argumentation in Discourse») в Институте культурного анализа Амстердамского университета (Instituut voor Cultuur en Analyse (ASCA)). Совместно с Робом Гроотендорстом он разработал прагма-диалектическую теорию аргументации. В соавторстве с Робом Гроотендорстом проф. ван Ееме́рен опубликовал следующие труды: «Речевые акты в аргументативных дискуссиях» («Speech Acts in Argumentative Discussions», 1984), «Аргументация, коммуникация и ошибки» («Argumentation, Communication, and Fallacies», 1992), в соавторстве с Сэлли Джексо́н и Скоттом Джейко́бсом «Реконструирование аргументативного дискурса» («Reconstructing Argumentative Discourse», 1993). Проф. ван Ееме́рен был одним из редакторов сборника «Прагма-диалектические исследования» («Studies in Pragma-Dialectics»), вышедшем в 1994 г. В 1996 г. в соавторстве с А. Франциско́й Снук Хенкема́нс и целой группой исследователей аргументации из разных стран он опубликовал книгу «Основы теории аргументации» («Fundamentals of Argumentation Theory»), в 2001 г. в соавторстве с Франциско́й Снук Хенкема́нс проф. ван Ееме́рен опубликовал учебник «Аргументация» («Argumentation»), и в том же году вышла его монография под названием «Критическая дискуссия» («Critical Discussion»). Ван Ееме́рен является членом правления Международного общества изучения аргументации (International Society for the Study of Argumentation (ISSA)) и ответственным членом редколлегии журнала «Аргументация» («Argumentation»), а также книжной серии «Библиотека аргументации» («Argumentation Library»).

Эвелин Т. Фетерис (Eveline T. Feteris) является доцентом кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета. Она окончила Амстердамский университет по специальности голландский язык и литература со специализацией речевая коммуникация. В 1989 г. она получила докторскую степень (PhD) в Амстердамском университете. Ее диссертация (на голландском языке) была посвящена правилам дискуссии в области права. В ней доцент Фетерис представила прагма-диалектический анализ гражданского и уголовного судопроизводства. Эвелин Фетерис является координатором исследовательского проекта «Интуи-

тивная аргументация» («Intuitional Argumentation»), являющимся частью исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» в Институте культурного анализа Амстердамского университета. Ее научные интересы включают теорию аргументации, аргументацию в праве, а также юридическую коммуникацию. Среди ее последних публикаций монография «Основы юридической аргументации» («Fundamentals of Legal Argumentation»), изданная в 1999 г.

Барт Гарссен (Bart Garssen) окончил Амстердамский университет по специальности голландский язык и литература со специализацией речевая коммуникация. В 1997 г. он защитил докторскую диссертацию на голландском языке. Работа содержит теоретическое и эмпирическое исследование аргументативных схем с точки зрения прагма-диалектической теории. Гарссен является старшим преподавателем кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета, а также участвует в исследовательском проекте «Концепции рациональности» («Conceptions of Reasonableness»), представляющего собой часть исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» в Институте культурного анализа Амстердамского университета. Он является координатором программы обучения навыкам аргументирующего письма на факультете гуманитарных наук.

Сюзанн Герритсен (Susanne Gerritsen) окончила Амстердамский университет по специальности голландский язык и литература со специализацией речевая коммуникация. В 1999 г. она опубликовала свою докторскую диссертацию на голландском языке. В работе содержится анализ влияния невыраженных посылок на понимание текста. В настоящий момент Герритсен является старшим преподавателем экономического факультета Амстердамского университета, координатором программы обучения навыкам написания учебных и научных работ. Она также активно участвует в программе по обучению студентов навыкам коммуникации и публичной речи, в качестве как преподавателя, так и тренера.

Питер Хоутлоссер (Peter Houtlosser) защитил свою докторскую диссертацию в Амстердамском университете в 1995 г. Его диссертация, написанная на голландском языке, посвящена понятию точки зрения в критической дискуссии и содержит описание прагма-диалектического подхода к идентификации и реконструкции точек зрения. После завершения исследовательского проекта, касающегося показателей аргументативного использования языка, который Питер Хоутлоссер осуществлял, получив грант Национального научного фонда Нидерландов, он стал старшим преподавателем кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета. Он также участвует в исследовательском проекте «Риторический и диалектический анализ» («Rhetorical and Dialectical Analysis»), являющегося частью исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» в Институте культурного анализа Амстердамского университета. Свои исследования в области риторического и диалектического анализа Питер Хоутлоссер проводит в сотрудничестве с проф. Франсом ван Ееме-

реном. Ст. преп. Хоутлоссер также является редактором рубрики рецензий на книги в журнале «Аргументация».

М. Аньес ван Реес (M. Agnès van Rees) является доцентом кафедры речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета. Она окончила Амстердамский университет по специальностям общее языкознание и голландский язык и литература. В 1982 г. она получила докторскую степень в Лейденском университете. Ее диссертация (на голландском языке) была посвящена интерпретации иллокутивных актов. Она является координатором исследовательского проекта «Характеристики аргументативного дискурса» («Characteristics of Argumentative Discourse»), составляющего часть исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» в Институте культурного анализа Амстердамского университета. Ее научные интересы включают теорию речевых актов (speech act theory), теорию диалога (конверсационный анализ) (conversation analysis), а также анализ аргументации в повседневной коммуникации. В 1992 г. вышла написанная на английском языке монография Аньес ван Реес «Использование языка в диалоге: введение в теорию диалога (конверсационный анализ)» («The Use of Language in Conversation: An Introduction to Research in Conversational Analysis»).

А. Франциска Снук Хенкеманс (A. Francisca Snoeck Henkemans) работает старшим преподавателем на кафедре речевой коммуникации, теории аргументации и риторики Амстердамского университета и участвует в исследовательском проекте «Характеристики аргументативного дискурса» («Characteristics of Argumentative Discourse»), являющегося частью исследовательской программы «Аргументация в дискурсе» в Институте культурного анализа Амстердамского университета. В 1992 г. она получила докторскую степень в Амстердамском университете. Ее диссертация называется «Анализ сложной аргументации. Реконструкция множественной и сочинительной составной аргументации в критической дискуссии» («Analysing Complex Argumentation: The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion»). В 1996 г. она в соавторстве с Франсом ван Еемереном, Робом Гроотендорстом и группой теоретиков аргументации из разных стран опубликовала книгу «Основы теории аргументации» («Fundamentals of Argumentation Theory») — сравнительный анализ различных исследований в теории аргументации. Также в соавторстве с Франсом ван Еемереном и Робом Гроотендорстом в 2001 г. она издала вводный учебник по курсу «Аргументация» под одноименным названием. Последующие работы доцента Снук Хенкеманс были посвящены анализу сложной аргументации и прагма-лингвистическим аспектам аргументации.

ВАЖНЕЙШИЕ
КОНЦЕПЦИИ
ТЕОРИИ
АРГУМЕНТАЦИИ

CRUCIAL
CONCEPTS
IN
ARGUMENTATION
THEORY

ISBN 5-8465-0396-9

9 785846 503960